DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/obviniaiu01unse

31884/66

ОБВИНЯЮ!...

СОСТАВЛЕНО ГЕРМАНЦЕМЪ.

Да, жалокъ тотъ, кто, зная правду,
Не смѣетъ высказать ее.

(Изъ нѣмецкой студенческой пѣсни).

Переводъ съ новаго французскаго изданія, вполнѣ провѣреннаго и исправленнаго.

ПЕТРОГРАДЪ.
Изданіе Н. П. КАРБАСНИКОВА.

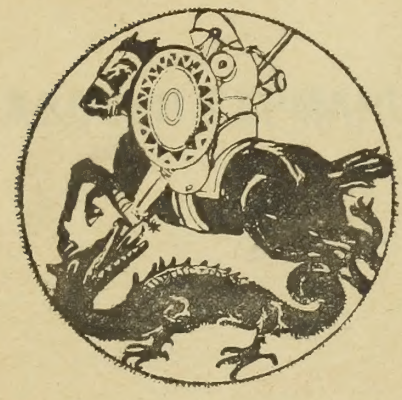
Obvinjaiu!..

ОБВИНЯЮ!...

СОСТАВЛЕНО ГЕРМАНЦЕМЪ.

Да, жалокъ тотъ, кто, зная правду,
Не смѣетъ высказать ее.

(Изъ нѣмецкой студенческой пѣсни).



13/II 43

Переводъ съ новаго французскаго изданія, вполнѣ провѣреннаго и исправленнаго.

ПЕТРОГРАДЪ.
Изданіе Н. П. КАРБАСНИКОВА.

ОБВИНЯЮ!...

СОСТАВЛЕНО ГЕРМАНЦЕМЪ.

„ОБВИНЯЮ!“.

I.

Пробудись, Германія!.

Истина грядетъ...

Существуй въ Германіи, какъ во всѣхъ истинно-конституціонныхъ государствахъ, законъ объ отвѣтственности министровъ—обѣщанный населенію Пруссіи, наравнѣ съ многими другими прекрасными вещами, 64 года тому назадъ,—д-ру Бетманъ-Гольвегу, имперскому канцлеру и предсѣдателю прусскаго совѣта министровъ, пришлось бы сѣсть на скамью подсудимыхъ и оказаться приговореннымъ

. . . . . .

. . . . . .

Въ качествѣ смягчающаго его вину обстоятельства можно было бы сказать, что, вѣдь, не онъ первоначально побуждалъ къ войнѣ, что давленіемъ, какъ сверху, такъ и снизу, его заставили довести дѣло до вооруженнаго столкновенія. Но министръ, являющійся орудіемъ воинствующей клики, который пользуется своею отвѣтственностью для покрытія ею безотвѣтственныхъ дѣятелей;—министръ, берущій на себя позорную задачу обманнымъ образомъ убѣдить не только свой народъ, но и все человѣчество, будто эта издавна подготовлявшаяся наступательная война ведется въ цѣляхъ обороны,—и подобной ложью вызывающій невиданную доселѣ міромъ катастрофу;—министръ, причиняющій своему отечеству,—чѣмъ бы ни кончилась эта война, побѣдою-ли или пораженіемъ Германіи—столь ужасныя раны, что ихъ не скоро залечить, предающій на смерть и увѣчья сотни тысячъ людей, составляющихъ цвѣтъ націи; однимъ ударомъ разрушающій труды цѣлаго полустолѣтія; разрывающій узы, связующія

другъ съ другомъ цивилизованные народы и обращающій въ развалины цвѣтущую часть Европы,—этотъ министръ долженъ подвергнуться наказанію, соотвѣтствующему его преступленію . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Я знаю, что, собираясь представить доказательства исключительной отвѣтственности Германіи и Австро-Венгріи за возникновеніе міровой войны, я обрекаю себя на критику той громадной массы германцевъ, которая считаетъ своимъ патріотическимъ долгомъ или вовсе отказываться выслушивать истину, или же, если они ее постигли, не дозволять ей открыто проявляться до окончанія войны.

Только этими двумя соображеніями и объясняется нынѣшнее состояніе умовъ въ Германіи, гдѣ народъ вообще отличается своею интеллигентностью. Дѣло въ томъ, что съ момента провозглашенія въ Германіи военнаго положенія, вся ея умственная жизнь оказалась подъ контролемъ генераловъ. Граница государства такъ хорошо охранялась, что въ теченіе болѣе 6-ти мѣсяцевъ въ него не могло проникнуть изъ-заграницы никакое вѣяніе, которое способно было-бы поколебать единство германскаго духа; ни одинъ документъ, ни одно доказательство, извлеченное изъ иностранныхъ источниковъ и способное раскрыть глаза народу, не могли попасть въ предѣлы страны. Въ результатѣ—девять десятыхъ германцевъ слѣпо принимаютъ на вѣру звонкія фразы о „необходимой защитѣ“, о „борьбѣ за нашу свободу и за нашу культуру противъ нападенія и угнетенія“; о томъ что „французы и русскіе вломились въ наши предѣлы“, что „отечество въ опасности“ и „насъ хотятъ унизить“; что „врагъ застигъ насъ въ эпоху глубокаго мира“, „дѣло идетъ о жизни или о смерти отечества“, будто „приходится выступить въ защиту всего, что у насъ имѣется святого,—отечества и семейнаго очага, противъ подлаго посягательства на нихъ“, „мы, дескать, сражаемся за сохраненіе

плодовъ нашихъ мирныхъ трудовъ, за наслѣдіе нашего великаго прошлаго и за наше будущее". При помощи подобныхъ фразъ (мы ихъ заимствуемъ исключительно изъ оффиціальныхъ документовъ), намѣренно ввели въ заблужденіе весь германскій народъ, зажгли его патріотизмъ и толкнули на неслыханныя, огромнѣйшія жертвы кровью и имуществомъ.

Тѣ люди—ихъ меньшинство,—которые понемногу пришли въ себя послѣ угара первыхъ дней войны, сумѣли раздобыть, въ обходъ военно-цензурныхъ правилъ, иностранные документы и отчеты изъ заграницы, при помощи которыхъ они выяснили истину; но, они вынуждены хранить ее про себя, такъ какъ считалось, да, и теперь еще считается, непатріотичнымъ высказывать ее открыто; да, къ тому же, военныя власти несомнѣнно подавили бы всякую подобную попытку, подвергнувъ виновныхъ наказанію.

Во избѣжаніе этого, люди, освѣдомленные объ истинномъ положеніи дѣлъ, молчали и продолжаютъ молчать. Наоборотъ, не знающіе истины, или не желающіе ея знать, тѣмъ громче кричатъ и наводняютъ весь свѣтъ своими глупѣйшими измышленіями. Никто имъ невѣритъ, хотя бы они милліоны разъ повторяли свою германскую ложь. Не знаешь, что и подумать о публичныхъ заявленіяхъ, подписанныхъ такими знаменитостями, какъ Боде, Дэмель [1]), Геккель, Гауптманъ, Листъ, Судерманъ, Лабандъ или Либерманъ,—всего около ста именъ?—Даже такіе люди обращаются къ заграницѣ съ возваніемъ, начинающимся словами: . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

„Съ германской стороны было сдѣлано все, что только возможно, для избѣжанія войны. Доказательство этому—на глазахъ у всего свѣта . . . . . Только въ послѣдній моментъ, когда вооруженное нападеніе, уже давно грозившее рубежамъ Германіи, обрушилось на насъ одновременно съ трехъ (sic!) сторонъ, нашъ народъ поднялся, какъ одинъ человѣкъ".

Всѣ эти дѣтскія сказки о козняхъ враговъ, притаившихся коварнымъ образомъ за угломъ, сильно напоминаютъ побасенки о

[1]) Награжденъ орденомъ IV ст. Краснаго Орла по случаю дня рожденія Императора въ 1915 г.

Синей Бородѣ и о Бабѣ Ягѣ. Тѣмъ не менѣе, ими стремятся одурачить, напримѣръ, столь развитой народъ, какъ итальянскій, гдѣ любой сапожникъ лучше знаетъ историческую правду о войнѣ, чѣмъ у насъ въ Германіи, такія свѣтила науки, какъ Гарнакъ. Вѣдь, въ Италіи правительство громогласно заявило, подъ громъ аплодисментовъ всего населенія страны, что Германіею и Австріею ведется наступательная война, а не оборонительная, и оно поступило совершенно правильно, ибо рисковало, въ противномъ случаѣ, подвергнуть себя осужденію за коварство и клятвонарушеніе.

Понятно, все это дѣлается въ убѣжденіи, что мы одни—„избранный народъ", и поэтому (это-ли не логика!) призваны навязать нашу цивилизацію низшимъ расамъ—включая въ ихъ число всѣ нейтральныя націи—при помощи бомбъ и гранатъ, пожарами и опустошеніями. Эта миссія намъ предназначена свыше; было время, когда подобная миссія свыше поручалась крестоносцамъ, считавшимъ себя призванными воевать съ Полумѣсяцемъ, въ союзѣ съ которымъ мы ополчились нынѣ на христіанскіе народы; позднѣе такого-же рода миссія свыше подвинула католиковъ, во время Тридцатилѣтней войны, огнемъ и мечемъ искоренять вѣрованія протестантовъ. И, вотъ, по убѣжденію нашихъ правящихъ сферъ, съ 1-го августа минувшаго года прежнія религіозныя войны внезапно смѣнились войной за культуру; въ настоящее время воюютъ, дескать, за равноправіе или за гегемонію одной культуры надъ другою, „вражескою" культурою. Можно ли себѣ представить нѣчто болѣе безсмысленное, чѣмъ подобное заявленіе? Развѣ ужасное пораженіе, испытанное Франціею въ 1870 году, умалило культуру этой страны? Развѣ эта культура была хоть сколько либо затронута? Развѣ, съ другой стороны, иго Наполеона разрушило хотя-бы одну единственную клѣточку нашего культурнаго организма, находившагося въ эту эпоху какъ разъ въ расцвѣтѣ своихъ силъ? Когда римляне покорили Грецію, развѣ имъ удалось покорить эллинскую культуру? Развѣ не случилось наоборотъ: побѣдитель, Римъ, въ концѣ концовъ, оказался побѣжденнымъ греческимъ умомъ, эллинскимъ искусствомъ. А христіанство?. Микроскопическая Галилея наложила отпечатокъ своего духовнаго превосходства на всю Римскую имперію . . . . . Да, и какъ можно говорить вообще о борьбѣ культуръ между собою, когда идетъ бой между проявленіями обоюдной „антикультурности" и обоюднаго варварства. Увы! Въ этой борьбѣ, съ часу на часъ становящейся болѣе ожесточенною, безжалостною и кровопролитною, принципы народныхъ правъ и гуманности все больше и больше

приходятъ въ забвеніе, если только можно еще вспоминать о гуманности при видѣ той человѣческой бойни, которой мы окружены. —И какое все это имѣетъ отношеніе къ культурѣ!?. Скажите на милость, развѣ мы, германцы, дѣйствительно намѣрены подавить культуру англичанъ, французовъ, русскихъ или бельгійцевъ?. Неужели мы такъ-таки хотимъ отказаться отъ Шекспира, отъ Дарвина, Ньютона и Спенсера, отъ Толстого и Достоевскаго, отъ Вольтера, Руссо, Зола и Гонкура, отъ Рубенса, Ванъ-Эйка, Мэнье и Метерлинка, или же хотимъ лишить человѣчество плодовъ ихъ труда?. По какому же праву приписываемъ мы противной сторонѣ намѣренія, которыхъ мы и не вздумали бы осуществить, если бы къ тому представилась какая-либо возможность?. Прямо глазамъ своимъ не вѣришь, читая изо дня въ день измышленія представителей германской интеллигенціи, старающихся увѣрить самихъ себя и всю націю, будто германская культура—въ опасности и ее нужно защищать при помощи цеппелиновъ и 42-сантиметровыхъ орудій.

Военная горячка превратилась въ эпидемію подобно тому, какъ въ средніе вѣка свирѣпствовала эпидемія флагеллантовъ или пляска святого Витта. Подобно дервишамъ, по цѣлымъ часамъ повторяющимъ молитвенныя изреченія, съ монотонными движеніями корпуса, рукъ и ногъ, и падающимъ, выбившись изъ силъ, съ пѣною у рта, наземь безъ чувствъ,—германскіе ученые вотъ уже цѣлые мѣсяцы долбятъ все тѣ-же патріотическія причитанія, тѣ-же тщетныя доказательства, уже давно опровергнутыя. Своими лишенными смысла жестами они какъ бы насилуютъ сознаніе германской націи, убѣждая ее въ превосходствѣ и чуть не божественности германцевъ, этого „избраннаго народа". Оглушая себя фразами, они, усиленно взмыливая свой патріотизмъ, доходятъ до самообожанія, начиная, въ результатѣ, искренно преклоняться передъ самими собою . . . . Настанетъ, однако, день, когда они очнутся отъ своего опьяненія, и тѣмъ ужаснѣе покажется имъ похмѣлье.

Цѣль настоящаго труда—ускорить пробужденіе Германіи: я полагаю, что сдѣлать это—мой патріотическій долгъ. Ибо, чѣмъ долѣе будетъ длиться опьяненіе, тѣмъ хуже окажутся для германской націи его послѣдствія, тѣмъ тягостнѣе и ужаснѣе будетъ пробужденіе. Только серьезное обслѣдованіе причинъ возникновенія и конечной цѣли нынѣшней войны, только сознаніе своихъ ошибокъ и своей отвѣтственности могутъ вызвать спасительный поворотъ.

Окажутся ли Германія и Австрія побѣдительницами?

Экономическое положеніе воюющихъ странъ.

Нынѣ уже не приходится болѣе надѣяться на побѣдоносный для Австріи и Германіи исходъ войны. Финансовое и экономическое превосходство коалиціи, воюющей противъ австро-германцевъ, настолько велико, что ни жертвы людьми и деньгами, ни военное могущество Германіи не могутъ уравнювѣсить его. Этого не въ силахъ измѣнить никакія риторическія фразы о борьбѣ «до послѣдняго издыханія», никакія лживыя оффиціальныя сообщенія объ устойчивости и силѣ сопротивленія экономической жизни Германіи. Наличность въ нашемъ государственномъ банкѣ золотыхъ запасовъ—отнюдь не доказательство, что наше общее экономическое положеніе мало-мальски сносно: вѣдь, почти все золото, находившееся въ обращеніи, возвратилось въ кассы банка, а 3 милліарда выпущенныхъ облигацій ссудо-сберегательныхъ кассъ отнюдь не имѣютъ золотого обезпеченія, являясь гарантированными исключительно товарами и движимостями, которыхъ нельзя реализовать.

Наша промышленность уже теперь работаетъ исключительно на нужды внутренняго рынка и арміи. Плата за военныя поставки берется съ того же населенія Германіи, т. е. съ плательщиковъ податей и налоговъ; это, въ смыслѣ производительнаго капитала,—потерянныя деньги. Только одинъ классъ населенія совершенно не затронутъ войной: это—аграріи, т. е. ея виновники, ея герольды, эти имперіалисты и шовинисты, которымъ германскій народъ обязанъ нынѣшнею катастрофою. Изъ ихъ рядовъ вышли генералы, въ родѣ Бернгарди и Фробеніуса, приписавшіе Германской Имперіи ея мнимую миссію—«всемірная гегемонія, или гибель»; это они намъ заявляютъ теперь, что «часъ пробилъ». Къ нимъ прислушиваются великіе міра сего, усваивающіе ихъ преисполненныя яда и эгоизма идеи. Эти же люди извлекаютъ изъ войны наибольшія выгоды. Конечно, и они вынуждены приносить на алтарь отечества нѣкоторыя жертвы, но то, что они жертвуютъ кровью, они получаютъ обратно золотомъ: золотыми галунами и звонкими червонцами. Они составляютъ себѣ карьеру на войнѣ, и, чѣмъ больше выбываетъ изъ строя офицеровъ, тѣмъ довольнѣе очередные замѣстители павшихъ. Ихъ дѣла въ военное время идутъ блестяще,—какое сравненіе съ мирнымъ временемъ! цѣны на сельскохозяйственные продукты изъ

ихъ имѣній, на зерно, на картофель, на скотъ дошли-бы до умопомрачительной высоты, если-бы правительство не увидѣло себя вынужденнымъ установить таксу. Но, все-же, установленныя цѣны куда выше тѣхъ, которыя были до войны *).

Рабочій классъ и буржуазія, наоборотъ, нищаютъ и тощаютъ. Чѣмъ долѣе тянется война, тѣмъ окончательнѣе теряетъ наша торговля свои связи съ заграницею; тоже самое замѣчается въ области промышленности и банковаго дѣла Германіи. Между тѣмъ, наши враги, англичане и французы, а также нейтральные народы продолжаютъ невозбранно пользоваться морскими путями сообщенія, и было бы удивительнымъ, еслибъ въ концѣ концовъ такое положеніе не привело къ постепенному вытѣсненію насъ съ заграничныхъ рынковъ. Германская торговля парализована, вслѣдствіе чего торговля Голландіи и Италіи растетъ. Чѣмъ долѣе затянется война, тѣмъ рѣшительнѣе окажутся успѣхи англичанъ, которые спѣшатъ замѣнить въ Америкѣ, Азіи и Африкѣ нашу коммерческую дѣятельность своею, и пройдутъ цѣлыя десятилѣтія раньше, чѣмъ намъ удастся обратно завоевать потерянные рынки. Постепенный упадокъ нашихъ экономическихъ силъ усугубляется тѣмъ, что намъ приходится изыскивать источники для содержанія милліоновъ нашихъ воиновъ и для покрытія военныхъ расходовъ. По приблизительному подсчету, одно только содержаніе 1 солдата обходится 10 марокъ въ сутки. Предположивъ, что у насъ подъ знаменами находится 5 милліоновъ человѣкъ, мы получимъ сумму въ 50,000,000 марокъ въ сутки, или 1½ милліарда въ мѣсяцъ, что составитъ въ годъ 18 милліардовъ, въ которые обходится намъ веденіе войны; но сюда нужно еще добавить стоимость снарядовъ—вѣдь 1 выстрѣлъ нашего 42-сантиметроваго орудія обходится въ нѣсколько тысячъ марокъ,—а также всего военнаго снаряженія, которое приходится возмѣщать заново или чинить; въ итогѣ годовой расходъ на войну составитъ 25 милліардовъ марокъ. Эта сумма уже превышаетъ на цѣлыхъ 5 милліардовъ общую сумму государственнаго долга, который въ 1912 году числился за Германской имперіею и за всѣми отдѣльными государствами, входящими въ ея составъ.

Нетрудно провѣрить правильность сдѣланныхъ мною выкладокъ: до настоящаго момента военные займы Германіи достигли суммы 10 милліардовъ марокъ, къ которымъ слѣдуетъ еще добавить военный налогъ 1913 г., давшій 1 милліардъ марокъ. Этой суммы должно

---

*) Порціи хлѣба, выдаваемаго населенію, становятся все меньше, и введена монополія хлѣбной торговли.

хватить приблизительно до конца бюджетнаго года, т. е. до 31 марта 1915 года; но, конечно, отсюда не предполагается покрывать расходы по изготовленію военныхъ припасовъ; да этой суммы и не хватило бы для указанной цѣли. Если же прибавить то, что израсходовано было на поименованную надобность, то получится приблизительно сумма въ 25 милліоновъ марокъ.

Убытки, которые мы понесли вслѣдствіе войны,—неисчислимы. Биржи закрыты, и никому не вѣдомо, богатъ-ли онъ, или бѣденъ; практически всѣ цѣнности перестали поддаваться реализаціи и учету. Если бы не наша искусственная, хотя и весьма ненадежная система ссудныхъ кассъ, а также не будь изданъ охранительный законъ отъ 4 августа и цѣлый рядъ другихъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью отдалить кризисъ или, хотя-бы отчасти, его замаскировать,—то полное крушеніе всей нашей экономической жизни нынѣ являлось бы только вопросомъ времени.

Мы всячески поносимъ Англію за то, что она извлекаетъ выгоды изъ своего привилегированнаго географическаго и экономическаго положенія. А развѣ мы, будучи на ея мѣстѣ, поступали бы сами иначе?—Коли воевать, такъ воевать. Всякъ сражается, какъ умѣетъ и чѣмъ можетъ, — и, если англичане, кромѣ своихъ арміи и флота хотятъ побѣдить насъ своимъ экономическимъ превосходствомъ, то, говоря по совѣсти, развѣ можно за это ихъ упрекнуть? Развѣ мы сами не спекулируемъ на тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя должны проистечь для англійскихъ колоній отъ провозглашенія, по нашему почину, панмусульманской «священной войны»? Развѣ мы сами не выжимаемъ изъ маленькой обнищавшей Бельгіи, разоренной и почти въ конецъ оголодавшей,—которая, вѣдь, въ сущности, только защищаетъ свою независимость и свободу,—развѣ мы не выжимаемъ цѣлыми сотнями милліоновъ, изъ ея почти въ конецъ разрушенныхъ городовъ, такъ называемыхъ военныхъ контрибуцій? Что касается меня лично, то я экономическую борьбу, которую ведетъ съ нами Англія, ставлю сто разъ выше той кровавой бойни, которую мы устроили: англичане щадятъ самое цѣнное достояніе человѣка,—его жизнь, стремясь нанести лишь имущественный ущербъ непріятелю. Такая борьба отчасти сходна съ тою, которая въ области экономической жизни ведется даже въ мирное время отдѣльными націями, коммерческія взаимоотношенія коихъ не урегулированы нормами договорно-правового характера: они экономически воюютъ другъ съ другомъ, обходясь безъ человѣческихъ жертвъ. Кто знаетъ,—можетъ быть, этотъ методъ борьбы приведетъ въ будущіе вѣка къ новому способу веденія войны,—безъ желѣза и

стали, лишь при помощи крѣпкихъ нервовъ и мозговъ, какъ подобаетъ истинно-цивилизованнымъ людямъ, сторонящимся отъ чисто-животной грызни и свалки варварскихъ народовъ,—въ числѣ которыхъ народы Европы занимаютъ теперь первое мѣсто.

Правда, не только Австрія и Германія, но и всѣ остальныя воюющія державы надрываютъ свои силы; но, это—слабое утѣшеніе! Чѣмъ интенсивнѣе вся экономическая жизнь данной страны, чѣмъ лучше развиты въ ней торговля и промышленность,—тѣмъ чувствительнѣе отзываются на ней удары войны. Оставимъ въ сторонѣ Россію,—вывозъ и ввозъ которой, при населеніи не менѣе 180 милліоновъ, въ 1912 году составлялъ всего 6 милліардовъ марокъ, и обратимся къ Англіи и Франціи. Эти страны значительно богаче Германіи. Послѣ истребленія нѣсколькихъ пиратствовавшихъ германскихъ крейсеровъ, всѣ моря открыты для этихъ странъ. Онѣ, такимъ образомъ, ввозятъ и вывозятъ всѣ предметы обычнаго товарообмѣна,—сбывая излишки произведеній страны и получая изъ за границы все, въ чемъ нуждаются. Въ этомъ ясномъ вопросѣ германская пресса, пытаясь обмануть и себя, и другихъ, ведетъ преступную и позорную игру. Затѣмъ, кредитъ Англіи и Франціи до сего времени пострадалъ лишь въ незначительной степени. Англійскія и французскія ассигнаціи сохранили заграницею почти неизмѣнно прежній свой курсъ, тогда какъ германскія падаютъ все ниже и ниже.

Кредитный билетъ въ 100 марокъ заграницею котировался въ 112 франковъ (вмѣсто 125), въ то самое время, когда англійская ассигнація въ 1 фунтъ стерлинговъ котировалась въ 26 франковъ (вмѣсто 25).

Пятипроцентный военный заемъ нашъ былъ реализованъ по $97^1/_2$ марокъ за 100 номинальныхъ, тогда какъ $3^1/_2$ процентный англійскій удалось реализовать по 95% номинальной суммы. Если бы въ дѣйствительности богатство и кредитъ Германіи равнялись англійскому, то 5-ти процентный заемъ Германіи долженъ былъ бы оцѣниваться приблизительно на 40% дороже, чѣмъ $3^1/_2$-ный заемъ Великобританіи; тогда нашъ заемъ долженъ былъ дать намъ 135% нарицательной суммы, вмѣсто $97^1/_2$%, нами полученныхъ.

Вышеприведенное сравненіе лучше всего доказываетъ, какъ различны экономическое положеніе и степень его устойчивости въ томъ и въ другомъ государствѣ. Нечего скрывать эту истину изъ какихъ либо патріотическихъ побужденій: факты говорятъ слишкомъ убѣдительно. Чѣмъ упорнѣе будутъ у насъ закрывать глаза на эту истину, тѣмъ больше вреда причинимъ мы самимъ себѣ. Намъ не только не

удастся пустить пыль въ глаза другимъ, но, убаюкивая себя обманчивыми перспективами, мы все глубже вязнемъ въ непосильной борьбѣ, идя навстрѣчу очевидному и окончательному нашему разоренію.

Политическое и стратегическое положеніе воюющихъ сторонъ.

Политическое и стратегическое положеніе воюющихъ представляется намъ въ томъ же видѣ, что и экономическое. Мы уже потеряли наши колоніальныя владѣнія, которыя намъ стоили сотни милліоновъ, и о которыхъ мы пеклись чисто по-отечески. Австрія была вынуждена уступить русскимъ Галицію и часть Буковины, а въ Венгріи съ часу на часъ ожидается нашествіе врага. Кромѣ того, французы уже находятся въ предѣлахъ Эльзаса, а русскіе—въ Восточной Пруссіи[1]). Съ другой стороны, наши войска оккупируютъ Бельгію и сѣверо-восточную часть Франціи; при содѣйствіи австрійцевъ намъ также удалось занять часть Царства Польскаго.

Такимъ образомъ, обѣ воюющія стороны находятся во владѣніи территорій, подлежащихъ обмѣну наравнѣ съ военноплѣнными. Чѣмъ долѣе затягивается война, чѣмъ болѣе широкіе захватываетъ она районы, чѣмъ бо́льшее число государствъ присоединяется къ воюющимъ державамъ, тѣмъ больше становится подобныхъ территорій. Въ то время какъ турки наступаютъ на Суэцкій каналъ, англичане продвигаются въ Персіи, въ Месопотаміи и въ Аравіи; слѣдуетъ предположить, что съ той и съ другой стороны тамъ повсюду произойдутъ территоріальные захваты, которые впослѣдствіи будутъ урегулированы путемъ обмѣна въ моментъ заключенія мира.

Такимъ образомъ, всемірная война, несмотря на происходящія изо дня въ день кровавыя столкновенія, ведется какъ-бы независимо отъ нихъ, и лучшимъ результатомъ борьбы, т. е. наиболѣе человѣчнымъ, было бы ограниченіе этихъ столкновеній и, взамѣнъ этого, увеличеніе взаимныхъ земельныхъ захватовъ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Было-бы проще обойтись совершенно безъ всякаго кровопролитія, ибо и безъ него можно достигнуть тѣхъ-же результатовъ. Въ настоящую минуту уже никто не вѣритъ, что война можетъ кончиться побѣдою Австріи и Германіи даже въ чисто стратегическомъ отношеніи, не говоря уже объ экономическомъ. Эту гипотезу приходится уже окончательно отбросить. Бои на восточномъ

---

[1]) Настоящій трудъ составленъ въ февралѣ 1915 г., и потому авторъ не принималъ въ расчетъ послѣдовавшихъ затѣмъ событій. Впрочемъ, они нисколько не измѣнятъ конечнаго результата войны.

фронтѣ уже приняли чисто-оборонительный характеръ. Эти бои имѣли неблагопріятный исходъ для Австріи, но, съ самаго начала, счастливый для насъ. Однако же, какое значеніе можетъ имѣть занятіе Лодзи и Варшавы для такого колосса, какъ Россія? Развѣ этотъ колоссъ окажется побѣжденнымъ нами даже въ томъ случаѣ, если бы намъ удалось завоевать половину, или даже всю Польшу цѣликомъ? Новая территорія для обмѣна оказалась бы въ нашихъ рукахъ. Вотъ, и все; но сама Россія ни въ коемъ случаѣ не окажется сломленною.

Что же сказать о положеніи Франціи? Какія громадныя затрудненія пришлось намъ преодолѣть только для того, чтобы овладѣть сѣверо-восточною частью Бельгіи! Какія громадныя жертвы пришлось намъ принести! Тысячи бѣдныхъ одураченныхъ солдатъ погибли смертью славныхъ въ траншеяхъ и въ каналахъ, въ снѣгахъ и болотахъ,—съ прощальнымъ привѣтомъ своимъ женамъ на устахъ, упоминая имена матери и дѣтей, съ послѣднею мыслью объ отечествѣ, о родномъ очагѣ и о желанномъ мирѣ. . . . . Ради чего погибли эти люди? Неужели для того, чтобы завоевать нѣсколько квадратныхъ метровъ лишней земли,—къ тому же опустошенной, залитой наводненіемъ, съ разрушенными городами,—и этимъ дать осуществленіе великолѣпному миражу похода на Кале и вторженія въ Англію?

Тридцать лѣтъ тому назадъ на берлинской художественной выставкѣ громаднымъ успѣхомъ пользовалась картина Штангенберга. Картина называлась «Погоня за счастьемъ». На сверкающемъ стекляномъ шарѣ несется обнаженная женщина, за которою гонится толпа обезумѣвшихъ юношей, съ жадными взорами, стремящихся схватить лавровый вѣнокъ, который женщина держитъ въ высоко поднятой правой рукѣ. Она влечетъ и манитъ своихъ преслѣдователей волшебнымъ взоромъ; ея золотистые волосы развиваются по вѣтру и уже почти касаются лица ближайшаго изъ нихъ. Но, желанный вѣнокъ, всетаки, никакъ не дается въ руки. . . . . Передъ жаждущею толпою раскрывается пропасть, черезъ которую ведетъ мостъ. Этотъ мостъ настолько широкъ, что дозволяетъ пронестись надъ бездной только самой богинѣ на ея «шарѣ счастья», но всякаго, гонящагося за нею, въ безднѣ этой ждетъ неизбѣжная смерть. Вотъ уже первый летитъ стремглавъ въ пропасть; черезъ мгновеніе и прочіе послѣдуютъ за нимъ, и призракъ счастья исчезнетъ навсегда . . . . .

Я опасаюсь, что наше вторженіе въ Англію, миражемъ котораго съ самаго начала войны ослѣпляютъ нашъ народъ, постигнетъ та-же судьба. Какъ ни близокъ противоположный берегъ, намъ не добраться до него: «слишкомъ глубокія воды отдѣляютъ насъ отъ него». Если-бы

попытаться привести въ исполненіе эту мечту, то это повело бы к гибели сотенъ тысячъ людей. И, если бы даже намъ удалось пере браться въ Англію, то весь народъ въ ней поднялъ бы противъ нас оружіе, а наши войска, отрѣзанныя отъ своей базы, были бы истре блены. Безразсудная мечта, лелѣемая втихомолку германцами, мнѣ кажется лишь пустою фантазіею, осуществленіе которой невозможно изъ-за могущества англичанъ на моряхъ.

Несмотря на все восхищеніе, которое намъ внушаютъ наш славные моряки, съ трудомъ вѣрится, чтобы мы, при наличности воздушнаго флота и подводныхъ лодокъ, которыхъ у нашихъ враговъ больше, чѣмъ у насъ (въ 1912 году въ Англіи—85; во Франціи—90) оказались въ состояніи помѣряться силами съ неизмѣримо превосхо дящимъ насъ англійскимъ флотомъ. Прежде всего, приходится принять во вниманіе то обстоятельство, что британскому флоту придется лишь нападать, тогда какъ нашъ флотъ, если вообще ему удастся дойти до Ламанша, — былъ бы вынужденъ не только защищаться противъ нападенія англійскаго флота, но и охранять отъ него безоружныя и безпомощныя транспортныя суда, везущія въ Англію десантныя войска со всѣми ихъ принадлежностями: тяжелою и легкою артиллеріею, кавалеріею, обозами, саперными парками, автомобилями, дирижаблями и аэропланами. Да, полноте, поддается-ли вообще подобный планъ исполненію? Допустимо ли предположить существованіе такихъ людей, которые рѣшились бы послать на вѣрную смерть сотни тысячъ своихъ ближнихъ? . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Довольно труповъ и калѣкъ уже покрываютъ собою поля битвъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ! Неужели требуется еще заполнить человѣческими тѣлами морскія глубины? Развѣ не довольно уже и того, что цѣлыя тысячи храбрыхъ моряковъ обрѣли для себя могилу въ волнахъ? Неужели необходимо, чтобы эти волны поглотили цѣликомъ цѣлые корпуса войскъ?

Но, если даже предположить, что намъ удастся высадиться въ Англіи,—неужели можно допустить, что мы побѣдимъ эту страну? Конечно, экзальтированнымъ вралямъ въ Германіи искренно кажется, что англійскій народъ можно принудить къ подписанію мирнаго договора въ Лондонѣ.—Но такъ-ли это? Да, и подчинились ли бы этому англійскія колоніи? Конечно,—нѣтъ! Хотѣлось бы мнѣ убѣдиться

воочію, съ какимъ восторгомъ Канада, Индія или Новая Зеландія привѣтствовали бы своихъ тевтонскихъ освободителей, которые, по словамъ нашего канцлера, сказаннымъ одному американскому журналисту, «призваны освободить вселенную»! Тому, кто у себя дома строитъ все на угнетеніи, никакъ не принести свободы другимъ. Имѣется-ли на всемъ свѣтѣ, если не считать Россіи и нашей великолѣпной союзницы Австріи,—хоть одна страна столь отсталая политически и столь безгласная, какъ Германія? Есть ли на свѣтѣ государство, болѣе безсильное въ дѣлѣ ассимиляціи инородныхъ элементовъ, болѣе неспособное щадить ихъ культуру, ихъ языкъ, создать для нихъ условія счастливаго существованія и тѣмъ снискать ихъ привязанность? Наша внутренняя политика по отношенію къ эльзасцамъ, лотарингцамъ и полякамъ является достаточнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Вѣдь, противъ нашей системы германизаціи не помогали никакіе протесты. Цабернское дѣло является самымъ яркимъ показателемъ нашей политики на западныхъ окраинахъ. На восточныхъ окраинахъ мы издавали законы, на основаніи которыхъ имѣли въ виду ограбить поляковъ, хотя и это не помогло намъ завладѣть ихъ наслѣдіемъ, а привело къ діаметрально противоположному результату,—къ безплодной затратѣ сотенъ милліоновъ марокъ. Совершенно такимъ же образомъ мы вели себя и на сѣверѣ, въ отношеніи датчанъ. О, конечно, война принудила насъ смягчить жестокость пріемовъ въ нашей внутренней политикѣ. Мы вдругъ стали крайне внимательными къ полякамъ; а, давно-ли на заявленія тѣхъ же поляковъ, что они отнюдь не питаютъ къ Пруссіи враждебныхъ чувствъ и что ихъ оппозиція вызывается исключительно необходимостью защиты родного языка и національнаго духа, мы отвѣчали все новыми угнетеніями, новыми «законами». Въ жалкомъ парламентѣ прусскихъ юнкеровъ не можетъ быть и рѣчи о серьезной оппозиціи, почему всѣ увѣщанія лѣвыхъ партій оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и самымъ рѣшительнымъ образомъ проводилась германизація, столь же безсмысленная, сколь дорого стоившая. Неужели подобная Германія, руководимая по прусскому образцу, органически способна занять мѣсто Великой Британіи, достигшей своего мірового могущества не столько настойчивымъ и хладнокровнымъ преслѣдованіемъ указываемыхъ ея интересами политическихъ цѣлей, сколько геніальнымъ умѣніемъ присоединять къ своей имперіи различные народы безъ всякаго для нихъ гнета, безъ малѣйшаго желанія ихъ обезличить и ассимилировать!

Въ англійскомъ языкѣ мы даже не найдемъ слова «англицизація», такъ какъ въ англійской политикѣ нѣтъ метода, опредѣляемаго та-

кимъ терминомъ. Въ области политики термины создаются по мѣрѣ того, какъ въ нихъ является потребность, параллельно зарожденію соотвѣтствующихъ идей. Такъ, напримѣръ, терминъ Kulturkampf является порожденіемъ того конфликта, который онъ характеризуетъ.

Итакъ, если бы намъ удалось высадиться въ Англіи, привѣтствовали-ли бы насъ ея колоніи, въ качествѣ своихъ освободителей? Что хотите,—только не это. Онѣ сами вступили бы съ нами въ борьбу, сражаясь до послѣдняго судна, до послѣдняго солдата, но не согласились бы замѣнить свою англійскую независимость и англійскую свободу германскимъ рабствомъ и угнетеніемъ.

Положеніе во Франціи.

Надлежитъ также предвидѣть, что борьба въ предѣлахъ Франціи не приведетъ къ такому результату, который можно было-бы назвать побѣдою Германіи. Наступательная война, которая заканчивается войною позиціонною, является уже въ силу одного этого неудавшимся предпріятіемъ. Вотъ уже болѣе пяти мѣсяцевъ наши храбрые воины имѣютъ возможность наслаждаться прелестями жизни въ траншеяхъ, дождями, вѣтромъ и снѣгомъ, унылымъ однообразіемъ, которое могло-бы быть названо убійственнымъ какъ для души, такъ и для тѣла, если-бы оно, отъ времени до времени, не оживлялось самымъ пріятнымъ образомъ разрывомъ бомбъ, гранатъ и т. п. Пограничная линія французскихъ крѣпостей Вердюнъ—Туль—Нанси—Эпиналь—Бельфоръ почти еще не тронута и въ столь малой степени подвергается опасности со стороны германскихъ армій, что французскіе министры—и, даже, самъ президентъ Французской Республики—то и дѣло совершаютъ въ цѣляхъ инспекціи поѣздки въ ту или иную изъ этихъ крѣпостей. Слава Богу, мы уже болѣе не завираемся попрежнему и не вспоминаемъ о «побѣдителѣ подъ Лонгви», о томъ самомъ, котораго Францъ-Іосифъ въ телеграммѣ, адресованной Вильгельму II, именуетъ «сыномъ героя» (Heldensohn). Мѣткое слово фельдмаршала графа фонъ Гезелера, въ одинъ мигъ облетѣвшее весь Берлинъ: «я намѣренъ позавтракать въ годовщину Седана въ Парижѣ, въ ресторанѣ «Миръ»,—оказалось преждевременнымъ предсказаніемъ. Графу, пожалуй, придется отложить свой завтракъ до слѣдующей годовщины Седана, а, вѣрнѣе всего, какъ мнѣ сдается, ему нужно отложить его ad calendas teutonicas. Французское правительство, а съ нимъ и весь дипломатическій корпусъ, уже преспокойно вернулись въ Парижъ, и совсѣмъ не похоже на то, что они намѣрены въ скоромъ времени вернуться въ Бордо. Всякій безпристрастный наблюдатель долженъ

сознаться, что въ нашей войнѣ съ Франціею происходитъ сильная заминка; а, въ данномъ случаѣ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, заминка равносильна отступленію.

Планы нашего генеральнаго штаба, столь тщательно и долго имъ разработанные, основаны были преимущественно на предположеніи, что Франція молніеноснымъ ударомъ будетъ нами сокрушена, а затѣмъ мы, имѣя руки развязанными, съ помощью Австріи приступимъ къ грандіозному нашествію на Россію. Вотъ когда невольно приходится прибѣгнуть къ жаргону германскихъ оффиціальныхъ депешъ и воскликнуть: Провидѣнію было угодно рѣшить иначе! Послѣ семи мѣсяцевъ ожесточеннѣйшей борьбы, Франція отнюдь не сломлена. Блестящая стратегія французскаго Мольтке, генерала Жоффра (просятъ не смѣшивать съ Мольтке, который въ настоящую минуту лѣчится въ Гомбургѣ отъ одной весьма досадной болѣзни, этотъ Мольтке приходится лишь племянникомъ славному Мольтке),—рѣзко оборвала наше побѣдное шествіе и заставила наши войска зарыться въ траншеи. Получилась осадная война, приведшая всѣхъ насъ къ тупику: изъ этого тупика намъ никакъ не выбраться, развѣ что наше начальство отрѣшится окончательно отъ всѣхъ гуманныхъ началъ и погонитъ нашихъ храбрыхъ воиновъ на штурмъ, подъ убійственный огонь вражескихъ пушекъ, пулеметовъ и винтовокъ. Ну, что-жъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ фронта это уже бывало *).

Этому не приходится удивляться, если вспомнить, что народъ германскій, народъ мыслителей и поэтовъ, усвоилъ себѣ, въ качествѣ военнаго клича, такъ и пышущее интеллигентностью изреченіе кронпринца, высказанное имъ въ его телеграммѣ на имя полковника фонъ Рейтера: «лупите покрѣпче, не стѣсняясь ничѣмъ». При такомъ настроеніи, господствующемъ въ нашихъ руководящихъ сферахъ, вполнѣ понятно, что они начинаютъ терять терпѣніе. . . . . .
. . . . . .

---

[1]) Незадолго до напечатанія настоящаго труда мнѣ пришлось ознакомиться съ сообщеніемъ нашего главнаго штаба отъ 15 января. Тамъ не безъ гордости провозглашается, что въ бояхъ у Суассонна отъ 4 до 5 тысячъ французскихъ труповъ усѣяло поле битвы. Ну, а сколько осталось на мѣстѣ труповъ германскихъ? И сколько оказалось раненыхъ съ обѣихъ сторонъ? Вѣдь германцы, въ качествѣ атакующей стороны, пострадали ни въ коемъ случаѣ не менѣе французовъ. Такимъ образомъ, общее число убитыхъ равно 10.000 ч. Руководствуясь статистикою, основанною на опытахъ прошлаго, мы должны исчислять количество раненыхъ цифрою втрое большею числа убитыхъ. Итого 40.000 человѣкъ, какъ результатъ только одного боя!

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Ну, а достигнемъ ли мы побѣды послѣ всѣхъ этихъ ужасныхъ гекатомбъ? Да, ни въ коемъ случаѣ! Если даже предположить, что цѣною такихъ жертвъ мы добьемся значительнаго продвиженія впередъ, то мы и окажемся всего на всего въ томъ положеніи, котораго достигли въ 1870 году послѣ четырехъ недѣль войны. Вѣдь, французы несомнѣнно воспользовались тѣми пятью мѣсяцами затишья, которые мы имъ предоставили, чтобы укрѣпить свои позиціи, а также пути своего возможнаго отступленія. Безпрерывная доставка во Францію французскихъ и англійскихъ колоніальныхъ войскъ даетъ возможность нашимъ врагамъ пополнять уронъ и еще болѣе усиливать боеспособность арміи. Такимъ образомъ, каждая истекшая недѣля этой затяжной позиціонной войны усугубляетъ трудность нашего будущаго побѣднаго продвиженія впередъ. Уже во время бурской войны англичане доказали, что, несмотря на сравнительную малочисленность постоянныхъ кадровъ своей арміи, они въ состояніи поставить подъ ружье громадное количество солдатъ. Тогда дѣло было, вдобавокъ, осложнено дальностью транспортировки войскъ въ Южную Африку. Въ настоящемъ же случаѣ ихъ отдѣляетъ отъ Франціи лишь узкій Ламаншъ. Силы непріятеля безпрерывно растутъ въ то время, какъ намъ приходится прибѣгать уже къ призыву ратниковъ ополченія 2-го разряда.

Игра въ ничью.

Чѣмъ все это кончится? Мнѣ думается, что, въ лучшемъ случаѣ, намъ удастся сыграть въ ничью. Подъ конецъ войны всѣ воюющія націи окажутся настолько истощенными, что уже не придется говорить о чьей либо побѣдѣ надъ противникомъ. И, по моему глубокому убѣжденію, такой исходъ настоящей войны—наилучшій изъ всѣхъ, на которые смѣетъ разсчитывать Германія. Приходится безусловно исключить такой исходъ, который можно было бы назвать побѣднымъ для нея. И, чѣмъ долѣе затянется война, тѣмъ менѣе у насъ шансовъ на подобный сравнительно счастливый исходъ войны; наоборотъ, тѣмъ правдоподобнѣе, что Германія, значительно болѣе,

чѣмъ ея враги, истощенная безконечными военными дѣйствіями, не будетъ уже въ состояніи добиться такого мира, который возможенъ въ настоящую минуту.

Австрія уже окончательно исчерпала весь запасъ своихъ силъ. Что же касается Германіи, то, дѣйствительно, пока еще нельзя утверждать, что она ослабѣла больше своихъ враговъ. Мы еще держимся на ногахъ и на всѣхъ фронтахъ боремся съ противниками. Наши запасы людей и денегъ пока еще не вполнѣ исчерпаны. Но, долго-ли будетъ продолжаться это «пока»? Развѣ не глупо поступать, подобно страусу, и закрывать глаза на приближеніе неизбѣжной катастрофы? Повинуясь приказамъ свыше, мы прячемъ свою голову въ песокъ и самообольщаемъ себя, такъ какъ намъ страшно взглянуть прямо въ глаза надвигающейся опасности,—а въ это самое время наши враги прекрасно отдаютъ себѣ отчетъ во всѣхъ слабыхъ сторонахъ нашей соціальной организаціи и зорко слѣдятъ за болѣзненными признаками нашей конечной гибели.

У насъ есть еще возможность добиться почетнаго мира. И если мы сдѣлаемъ для этого первый шагъ, мы хотя-бы отчасти искупимъ содѣянный нами грѣхъ; вѣдь не кто иной, какъ мы, виновникъ нынѣшней всемірной катастрофы и всего того горя, которое заставило возненавидѣть насъ и отшатнуться отъ насъ весь міръ, всѣ націи, не исключая нейтральныхъ.

Вопросъ о виновности.

Мы лишились повсюду былыхъ симпатій отнюдь не по чьей-либо зависти, ревности или клеветы,—а просто,—вызвавъ это своими поступками. Иностранцы, а особенно нейтральные, куда лучше насъ, германцевъ, освѣдомлены о томъ, какъ все это случилось и кто виновникъ случившейся катастрофы. Люди въ нейтральныхъ странахъ достаточно ознакомлены съ нашими внутренними распорядками и вполнѣ понимаютъ, что подъ маскою конституціонности нами управляютъ самодержавно. Они вѣдь видѣли, что канцлеръ, лишенный довѣрія трехъ пятыхъ состава парламента, оставался преспокойнѣйшимъ образомъ у кормила власти, такъ какъ за него стоялъ Дворъ и военные круги. Нейтральнымъ, кромѣ того, извѣстно, что прусскій народъ не обладаетъ ровно никакими политическими правами, ибо имъ управляетъ клика юнкеровъ, испоконъ вѣка захватывающая себѣ

всѣ руководящія мѣста въ командномъ составѣ арміи и въ кабинетѣ министровъ.

Нейтральнымъ, прежде всего, извѣстно нижеслѣдующее, составляющее главнѣйшіе тезисы настоящаго труда:

Что эта война задумана и подготовлена Германіею и Австріею издавна и, притомъ, не только въ военномъ, но также и въ политическомъ отношеніи;

что напередъ было рѣшено облыжно увѣрить германскую націю, будто эта война—въ дѣйствительности, наступательная,—есть война оборонительная, такъ какъ было учтено, что только этимъ путемъ можно будетъ возбудить въ народѣ нужный для борьбы энтузіазмъ;

что эта война имѣетъ цѣлью сначала добиться германской гегемоніи на материкѣ, а затѣмъ лишить Англію ея вліянія въ качествѣ первой морской державы міра, для того, чтобы занять ея мѣсто.

Сами же мы, германцы, во всемъ, что писалось у насъ на эту тему, нагляднѣйшимъ образомъ подтвердили неоспоримый фактъ именно такого направленія нашихъ завѣтныхъ чаяній,—и теперь смѣшны и тщетны наши попытки увѣрить человѣчество въ противномъ, путемъ печатанія всевозможныхъ «разъясненій» и «объясненій».

II.

Провозвѣстники готовившагося преступленія.

Наши имперіалисты: Бернгарди и К°.

Заграницей не менѣе, чѣмъ въ Германіи, извѣстны большею частью переведенныя на иностранные языки книги: Бернгарди «Deutschland und der nächste Krieg» («Германія и ближайшая война»), Фробеніуса—«Des deutschen Reiches Schicksalsstunde» («Роковой часъ германской имперіи») и Трейчке—«Deutsche Geschichte und Politik» («Германская исторія и политика»). Имперіалистскія тенденціи какой либо политической котеріи нигдѣ не были болѣе ясно, чѣмъ въ этихъ произведеніяхъ, формулированы и, какъ кажется самимъ авторамъ этихъ книгъ, лучше обоснованы.

Это можно вполнѣ доказать нѣсколькими цитатами изъ книги Бернгарди. Онъ—генералъ прусской кавалеріи, и, если я не ошибаюсь, командуетъ одной изъ армій на Востокѣ, уже получивъ орденъ «Желѣзнаго Креста» I-й степени. Нельзя, значитъ, отрицать, что генералъ вполнѣ компетентенъ въ своей области и является подходящимъ лицомъ для выраженія взглядовъ руководящихъ германскихъ круговъ.

На страницѣ 305-й его книги говорится:

«Если печать относится равнодушно къ систематическому подавленію въ ней проявленій воинскаго духа, къ проповѣди на ея столбцахъ разслабляющихъ мирныхъ тенденцій; если газеты, усвоивъ эту точку зрѣнія, станутъ повторять, что цѣлью всякой политики является сохраненіе мира,—то въ моментъ опасности нельзя будетъ разсчитывать на готовность населенія къ войнѣ и жертвамъ. Печать, напротивъ того, должна всѣми способами поддерживать воинскій духъ и выяснять населенію обязанности и цѣли міровой политики.

«Печать должна всегда обращать вниманіе читателей на значеніе и необходимость войны, этого необходимаго орудія политики и культуры, а также на долгъ самопожертвованія и преданности отечеству и государству, лежащихъ на каждомъ гражданинѣ».

На страницѣ 307-й:

«Не слѣдуетъ искать отраженія духа нашего народа на столбцахъ печати, прославляющей мирное направленіе политики и постоянно выдвигающей необходимость сохраненія мира, отговаривая отъ веденія энергичной и смѣлой политики, которая, дескать, «политика приключеній».

«Въ душѣ нашего народа, наоборотъ, глубоко заложено стремленіе играть подобающую ему роль во вселенной, стремленіе къ мужественнымъ выступленіямъ. Въ этой душѣ готовъ откликъ на всякое энергичное слово, на всякое рѣшительное дѣйствіе правительства, которые могли бы, такъ сказать, развязать путы, сковывающіе народныя силы. Значительная часть національно настроенной печати неоднократно давала прекрасное выраженіе этому чувству. Государственный дѣятель, который сумѣлъ бы удовлетворить скрытое въ сердцѣ нашего народа желаніе, не обращая вниманія на вопли нѣкоторыхъ партій и ихъ печати, увлекъ бы за собою всѣ умы».

На страницѣ 309-й:

«Эта (воинственная) политика — лучшая школа, воспитывающая способность народа къ крупнымъ военнымъ подвигамъ. Направляя умы къ великой цѣли, ихъ заставляютъ сродниться съ мыслью о войнѣ и морально подготовиться къ ней.

«Чѣмъ выше у человѣка цѣль, тѣмъ болѣе онъ самъ возвышается... У насъ, нѣмцевъ, несомнѣнно болѣе важныя и серьезныя обязанности по отношенію къ культурѣ, чѣмъ у японцевъ, но, какъ и они, мы можемъ выполнить этотъ свой долгъ только при помощи меча.

«Неужели мы должны отказаться отъ наиболѣе дѣйствительнаго способа подготовить нашъ народъ къ лежащимъ на немъ военнымъ обязанностямъ, къ отважной и дѣятельной политикѣ?»

На страницѣ 327-й:

«Нельзя безъ риска вести плодотворной политики. При веденіи ея нужно ясно сознавать свою цѣль, никогда не теряя ея изъ виду. Необходимо использовать всѣ перемѣны обстоятельствъ и всякія непредвидѣнныя событія, но еще болѣе требуется умѣніе воспользоваться благопріятнымъ моментомъ, не отступая передъ смѣлымъ выступленіемъ, когда общее положеніе указываетъ на возможность осуществить свои предначертанія или же начать необходимую войну при выгодныхъ условіяхъ».

На страницѣ 328-й:

«Пусть старый Фрицъ и въ этомъ отношеніи (вопросъ идетъ о томъ, можно ли не уважать историческія права?) послужитъ намъ примѣромъ и научитъ насъ вести политику съ безпощаднымъ реализмомъ, дабы приспособить общее положеніе къ нашимъ политическимъ цѣлямъ и не упускать благопріятнаго момента.

«Въ наше робкое время злоупотребляютъ словами, называя «политикой авантюръ» предпріимчивую политику, преслѣдующую реальныя цѣли».

На страницѣ 330-й авторъ доказываетъ, что политическая подготовка должна вестись параллельно съ военной подготовкой, дабы нападеніе состоялось въ наиболѣе благопріятный съ военной точки зрѣнія моментъ:

«Общеизвѣстно, что начальникъ арміи обязанъ, какъ въ мирное, такъ и военное время, держаться вдали отъ политики. Подобное

требованіе правильно лишь на-половину. Наоборотъ, военнаго министра и начальника главнаго штаба слѣдуетъ держать въ курсѣ всякихъ колебаній и случайностей политики. Имъ слѣдуетъ даже предоставить извѣстное вліяніе на ходъ политическихъ событій, давая возможность сообразовать свои мѣры съ требованіями момента, и, по меньшей мѣрѣ, уполномочивая потребовать отъ государственнаго дѣятеля выступленія тогда, когда военное положеніе особенно благопріятно».

На страницѣ 334-й:

«Неудобство борьбы на два фронта можетъ быть устранено лишь въ томъ случаѣ, если политика создастъ возможность дѣйствовать наступательно и, по возможности, раздавить одного противника прежде, чѣмъ другой будетъ въ состояніи напасть. Отъ этого, какъ и во времена Фридриха Великаго, зависитъ наше спасеніе. Мы должны считаться съ этой истиной безъ всякихъ колебаній и не имѣемъ права забывать о ней».

На той же страницѣ Бернгарди предписываетъ нашей дипломатіи подтасовать карты такимъ образомъ, чтобы нападеніе исходило отъ Франціи, и продолжаетъ:

«Слѣдуетъ считаться съ этой точкой зрѣнія, но нельзя надѣяться вызвать нападеніе лѣнивымъ выжиданіемъ. Ни Франціи, ни Англіи, ни Россіи нѣтъ надобности нападать на насъ для осуществленія своихъ интересовъ. Пока мы будемъ отступать передъ нападеніемъ, эти государства навяжутъ намъ свою волю дипломатическими мѣрами; исходъ марокканскаго вопроса уже это доказалъ, а конецъ балканскаго кризиса вѣроятно докажетъ то же самое. Если мы желаемъ заставить нашихъ враговъ перейти въ наступленіе, то мы должны начать такую политику, которая, не являясь нападеніемъ на Францію, такъ сильно задѣла бы интересы какъ ея, такъ и Англіи, что оба эти государства были бы вынуждены къ нападенію. Въ Европѣ или Африкѣ много вопросовъ, дающихъ случаи для веденія подобной политики».

Это ясно, неправда ли? Не только раскрыты стремленія германской политики, но даже даны подробныя указанія для осуществленія этихъ стремленій. Слѣдуетъ признать, что германскій канцлеръ былъ послушнымъ ученикомъ генерала Бернгарди. Канцлеръ блестяще выполнилъ свою задачу, подтасовавъ карты такимъ образомъ, что

наступательная война превратилась въ войну за независимость, по крайней мѣрѣ—въ глазахъ глупаго Михеля.

Посмотримъ, какія еще тайны разоблачаетъ г. Бернгарди.

На страницѣ 342-й:

«Несомнѣнно, самымъ грустнымъ послѣдствіемъ нашей политики въ Марокко является глубокій расколъ между правительствомъ и національными партіями. Многіе круги населенія, и даже извѣстные общественные слои, которые, несмотря на свою оппозицію правительству, благопріятно относились къ представительству имперіи заграницей, стали относиться недовѣрчиво».

«Этотъ сдвигъ общественнаго довѣрія, открыто проявившійся въ печати и въ рейхстагѣ, по моему мнѣнію, наиболѣе крупное неудобство, вызванное франко-германскимъ соглашеніемъ».

Бернгарди, конечно, предпочелъ бы, чтобы мы, германцы, начали европейскую войну изъ-за марокканскаго вопроса. Но онъ утѣшается при мысли, что случай снова представится.

На страницѣ 341-й:

«Поэтому намъ не слѣдуетъ считать этого соглашенія окончательнымъ. Соглашеніе можетъ быть пересмотрѣно, какъ то было съ Алжезирасскимъ и, въ этомъ отношеніи, имѣетъ то преимущество, что создаетъ много «точекъ тренія» съ Франціей».

Это—рекордъ! Бернгарди только потому условно присоединяется къ международному договору, помѣшавшему войнѣ, что въ немъ имѣются новыя «точки тренія», въ виду чего, какъ можно надѣяться, договоръ этотъ вскорѣ вызоветъ желаемый конфликтъ.

Особенно поучительны мѣста, относящіяся къ нашимъ сношеніямъ съ Англіей и къ переговорамъ, которые въ то время велъ въ Берлинѣ лордъ Хольдэнъ. Въ особой главѣ настоящей книги будутъ изложены предложенія Англіи, стремившейся заключить политическое и морское соглашеніе съ Германіей. Въ этой главѣ я докажу, что иниціатива достиженія подобнаго соглашенія всегда исходила отъ Англіи, Германія же всегда мѣшала соглашенію своимъ сопротивленіемъ и непріемлемыми условіями. Быть можетъ, и тутъ слѣдовали совѣту Бернгарди.

На страницѣ 343-й:

«Попытки, которыя могутъ быть сдѣланы Англіей для сближенія съ нами, не должны вводить насъ въ заблужденіе относительно дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Самое большее, мы должны использовать эти попытки съ цѣлью отсрочить необходимую и неизбѣжную войну до того момента, пока мы сможемъ ее начать съ извѣстными шансами на успѣхъ».

Въ концѣ своей книги (стр. 344) авторъ съ пафосомъ восклицаетъ:

«Если имперское правительство сочло необходимымъ до сихъ поръ избѣгать войны, то общее положеніе дѣлъ заставляетъ предвидѣть скорое наступленіе времени, когда намъ придется выбирать: начать ли борьбу за наше міровое положеніе, или же отказаться отъ послѣдняго? Ни въ коемъ случаѣ мы не должны ждать... Общее положеніе дѣлъ обнаруживаетъ достаточно точекъ опоры, къ которымъ мы могли бы приложить нашъ рычагъ.

«Англія—въ особо трудномъ положеніи. Кромѣ того, азіатская смута отвлечетъ, по всей вѣроятности, значительную часть русскихъ силъ, причемъ Англія также будетъ занята этой смутой. Дѣятельная и предусмотрительная германская политика можетъ использовать эти обстоятельства, чтобы воздѣйствовать на міровое положеніе въ интересахъ нашей родины.

«Если германскій народъ и правительство, тѣсно объединившись, рѣшатъ охранять германскую честь и принести всѣ жертвы жизнью и имуществомъ, необходимыя для обезпеченія будущности нашего народа и государства, то намъ нечего бояться борьбы за наше міровое положеніе, и мы можемъ, вмѣстѣ съ Морицомъ Арндтомъ, поднять руки къ небу и воскликнуть:

Lass hell die Waffen klirren
Von Deiner Sternenburg,
Hau von den wüsten Wirren
Den ganzen Jammer durch! *).

---

*) Пусть съ Твоей звѣздной твердыни
Звонко раздается лязгъ оружія,
Уничтоживъ этимъ всѣ бѣды,
Вызванныя дикой смутой.

Въ заключеніе я желалъ бы обратить вниманіе на заглавія отдѣльныхъ главъ книги Бернгарди. Заглавія эти столь ясно опредѣляютъ стремленія автора, что почти излишне читать самую книгу.

Глава I. Право вести войну.
» II. Обязанность вести войну.
» III. Краткій обзоръ историческаго развитія Германіи.
» IV. Историческая миссія Германіи.
» V. Міровое господство, или упадокъ.
» VI. Характеръ нашей будущей войны.
» VII. Будущая морская война.

Я еще разъ настаиваю на томъ, что Бернгарди совершенно исключаетъ возможность наступательной войны со стороны тройственнаго согласія и указываетъ на единственное, по его мнѣнію, средство добиться желанной войны—и, при ея посредствѣ, мірового господства—:Германія должна провоцировать войну и подтасовать карты такъ, чтобы другіе были вынуждены на нее напасть.

Это не мѣшаетъ Бернгарди и его ученикамъ, въ частности — Фробеніусу, говорить въ другомъ мѣстѣ своихъ произведеній объ агрессивныхъ планахъ тройственнаго согласія, рисуя опасности, которымъ подверглась бы Германія, не предупредивъ этихъ плановъ.

Напали-ли на насъ, германцевъ, или собирались-ли на насъ напасть?

Мы теперь укажемъ логическіе пріемы, къ которымъ нынѣ повсюду прибѣгаютъ въ Германіи,—если только можно еще назвать логичнымъ то, что нынѣ говорится въ Германіи. Согласно оффиціальной версіи: «Тройственное согласіе напало на насъ. Мы должны отстаивать наши самыя священныя блага, наше отечество и очаги защищаясь отъ преступнаго нападенія» (воззваніе кайзера къ германской арміи отъ 6 августа). «Вопросъ рѣшится мечемъ. Врагъ нападаетъ на насъ во время глубокаго мира, возьмемся же за оружіе. Всякая слабость, всякое колебаніе были бы измѣной отечеству. Для нашей имперіи, для нашего могущества, для нашей духовной жизни рѣшается вопросъ: быть, или не быть».

Таково оффиціальное толкованіе событій, которое всѣ, отъ германскаго канцлера до послѣдняго метельщика улицъ, повторяютъ на тысячу ладовъ.

Однако, многіе германцы въ частной бесѣдѣ скажутъ вамъ по секрету: «Правда, на насъ не напали, но это сдѣлали бы, не начни мы войны теперь, въ благопріятный для насъ моментъ».

Если ихъ просятъ доказать этотъ тезисъ, то большинство молчитъ или же заявляетъ, что предполагаемое нападеніе было столь очевидно, что не нуждается въ доказательствахъ.

Обычно отвѣчаютъ: «Зачѣмъ же тогда наши враги такъ усиленно вооружались?».

«А наши, германскія, вооруженія—возражалъ я—которыя были, болѣе значительны, чѣмъ вооруженія любой изъ другихъ странъ. Дѣйствительно, ни одно государство въ мирное время не усиливало внезапно своей арміи на 140.000 человѣкъ (съ 720.000 до 860.000), ни одно государство не устанавливало чрезвычайнаго военнаго налога въ 1.000.000.000 марокъ?».

— Къ чему же тогда тройственное согласіе и пресловутая «политика окруженія», если на насъ не думали нападать?—спрашиваютъ мои оппоненты.

— А къ чему тройственный союзъ, взаимныя обязательства котораго были гораздо серьезнѣе, чѣмъ таковыя у тройственнаго согласія, которое, какъ мы продолжаемъ утверждать, преслѣдовало только оборонительныя цѣли?

— А панслависты?

— А пангерманцы? Развѣ наши націоналисты, наши шовинисты, наши пангерманцы, въ родѣ Бернгарди и Трейчке, лучше или менѣе воинственны, чѣмъ панслависты? Подобныя движенія существуютъ во всякой странѣ. Они невинны, пока остаются въ области мысли, но наши пангерманцы перешли эту грань, вовлекая насъ въ эту ужасную войну, которой они хотѣли и которую открыто объявили.

Глава военной партіи.

У насъ, германцевъ, шовинисты имѣли и имѣютъ высокопоставленныхъ друзей и защитниковъ. Мало-по-малу шовинисты пріобрѣли въ германскихъ правящихъ кругахъ гораздо большее вліяніе, чѣмъ панслависты когда либо имѣли при русскомъ Дворѣ. Я не считаю нужнымъ называть человѣка, который въ теченіе многихъ лѣтъ былъ вліятельнымъ главою, тараномъ въ движеніи, направленномъ противъ воли кайзера, въ теченіе долгаго времени мира. Всѣ знаютъ, кого я подразумѣваю. Савернская телеграмма, прощальный привѣтъ

Данцигскимъ гусарамъ, открытое осужденіе съ высоты трибуны рейхстага миролюбивой еще въ то время марокканской политики, тысячи другихъ фактовъ и указаній не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно источника этихъ воинственныхъ манифестацій. Стоитъ лишь прогуляться по улицамъ Берлина, чтобы увидѣть на выставкахъ всѣхъ книжныхъ магазиновъ книгу Фробеніуса: «Des Deutschen Reiches Schicksalsstunde», съ рекомендующей ее телеграммой высокопоставленнаго покровителя. Послѣдній желаетъ «самаго широкаго распространенія среди германскаго населенія этому прекрасному сочиненію, которое онъ прочелъ съ величайшимъ интересомъ». Фробеніусъ вполнѣ раздѣляетъ чувства Бернгарди: въ книгѣ говорится, что нужно напасть, пока не поздно; такъ какъ другіе желаютъ напасть на насъ, то мы обязаны ихъ предупредить, напавъ на нихъ. Фробеніусъ не приводитъ никакихъ доказательствъ, даже тѣни доказательства въ подтвержденіе своего тезиса, который, въ сущности, лишь предлогъ, основательность котораго опровергается самимъ Бернгарди въ его книгѣ (стр. 334).

Но это не смущаетъ такіе великіе умы; они не видятъ отсутствія логики, не замѣчаютъ противорѣчія: либо на насъ напали, и тогда мы ведемъ оборонительную войну, либо на насъ могли напасть, и тогда война была бы предупредительной. Если второе предположеніе правильно, то первое должно быть ложнымъ; но въ такомъ случаѣ всѣ наши оффиціальныя заявленія, начиная рѣчью кайзера отъ 31 іюля 1914 года и кончая рѣчью канцлера отъ 2 декабря, слѣдуетъ признать лживыми.

Если война была оборонительной, то идея войны предупредительной отпадаетъ сама собой, и тогда не зачѣмъ ставить вопроса: имѣлись-ли данныя для предупредительной войны, и можетъ ли послѣднее быть оправдываемо съ политической и нравственной точекъ зрѣнія? Бисмаркъ, который, вѣроятно, кое-что понималъ въ политикѣ, отвѣтилъ отрицательно на послѣдній вопросъ *):

«Даже побѣдоносныя войны могутъ быть оправданы лишь въ томъ, случаѣ, если онѣ были навязаны», къ чему онъ присовокупляетъ: «Нельзя заниматься угадываніемъ намѣреній Провидѣнія, чтобы затѣмъ, на основаніи своихъ собственныхъ расчетовъ, предвосхищать событія, коими опредѣляется ходъ историческаго развитія».

---

*) Gedanken und Erinnerungen 1898 (Мысли и воспоминанія). Томъ II-й, стр. 93.

Повидимому, въ Германіи забыли объ этой фразѣ великаго усопшаго. Воздвигая ему памятникъ за памятникомъ, могли бы начертать эту фразу на мраморѣ или бронзѣ и помѣстить на видномъ мѣстѣ, на стѣнахъ королевскихъ дворцовъ и правительственныхъ зданій. Это предотвратило бы ужасное несчастье для германскаго народа и для всего міра. Послѣ 1870 года воинственные генералы и другіе дѣятели нѣсколько разъ уговаривали Бисмарка начать новую войну съ Франціей, дабы на вѣчныя времена раздавить страну, къ которой вновь возвращались силы, и сдѣлать ее безвредной. Бисмаркъ всегда съ желѣзнымъ упорствомъ противился подобнымъ интригамъ, называя «безумной» и «преступной» мысль вести войну только потому, что она когда нибудь должна возникнуть.

Это хорошо сказано, и приведенные выше эпитеты останутся навсегда связанными съ извѣстными именами.

Имперіалистская война.

Мѣсто подъ солнцемъ.

Какъ усматривается изъ предыдущаго, я не считаю нынѣшней войны ни оборонительной, ни предупредительной. Это—исключительно завоевательная война, вызванная идеями имперіализма и ведущаяся ради осуществленія имперіалистскихъ цѣлей. Это война за пресловутое «мѣсто подъ солнцемъ», которое якобы у насъ, германцевъ, оспариваютъ и которое приходится завоевывать оружіемъ.

Что значитъ «мѣсто подъ солнцемъ»? Никто этого ясно неопредѣляетъ, и каждый имѣетъ объ этомъ собственное представленіе. Народу это понятіе столь чуждо, что онъ не пошелъ бы на бойню, если бы ему сказали: «Вы должны завоевать намъ наше мѣсто подъ солнцемъ».

Но это—магическая формула для посвященныхъ, которые резюмируютъ ею свои имперіалистскія тенденціи. «Мы можемъ получить принадлежащее намъ по праву мѣсто подъ солнцемъ лишь при помощи добраго меча, такъ какъ добровольно намъ не уступятъ этого мѣста. Кронпринцъ Вильгельмъ». Съ этой надписью и девизомъ «pro patria et gloria» продается во всѣхъ нѣмецкихъ книжныхъ магазинахъ изображеніе кронпринца.

Избранный народъ.

«Мѣсто подъ солнцемъ» означаетъ міровое господство, которое принадлежитъ намъ, германцамъ, какъ «избранному Богомъ народу». Съ точки зрѣнія психологіи народовъ, любопытно отмѣтить, что эта древне-еврейская идея охватила христіанскую, протестанскую и антисемитскую имперію, изгнавъ истинное ученіе Христа, согласно которому всѣ люди—братья.

Наши религіозныя идеи, подобно мундирамъ, мѣняются смотря по требованіямъ и обстоятельствамъ. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . Богъ, Которому мы ежедневно молимся во время войны, Котораго мы просимъ дать намъ возможность уничтожить побольше враговъ и Котораго мы благодаримъ, когда Онъ насъ выслушалъ, это—древній Богъ евреевъ, Іегова, Богъ мстительный и воинственный, не отступающій ни передъ какими жертвами, которыя могли бы увеличить могущество избраннаго Имъ народа. Но христіанскій Богъ и Его Сынъ, проповѣдывавшій на землѣ любовь и самоотреченіе, и царствіе Котораго, не отъ міра сего, не имѣютъ ничего общаго съ бойнями, находящимися въ явномъ противорѣчіи съ Ихъ ученіемъ».

Въ своемъ «Трактатѣ о вѣчномъ мирѣ» Кантъ пишетъ, одушевленный истинно христіанскимъ духомъ:

«Было бы весьма хорошо, если бы, по окончаніи войны, населеніе, воздавъ благодареніе Богу, устроило покаянный день для испрошенія, отъ имени государства, прощенія у Бога: слѣдуетъ покаяться въ преступленіи, которое люди продолжаютъ совершать, отказываясь подчиниться общей правовой конституціи, для урегулированія международныхъ отношеній. Къ сожалѣнію, люди, въ своей гордой независимости, предпочитаютъ такой конституціи варварское средство, войну, не дающую никому того, что онъ ищетъ, а именно—охраны при пользованіи своимъ правомъ. Благодарственные молебны во время войны послѣ одержанной побѣды, гимны, которые поютъ (по примѣру истинныхъ евреевъ) Богу армій, находятся въ прямомъ противорѣчіи съ ученіемъ «Отца людей». Все это свидѣтельствуетъ о преступномъ равнодушіи къ принципамъ, коихъ народы должны были придерживаться въ цѣляхъ отстаиванія своихъ правъ; вѣдь радуются тому, что убили много людей, или уничтожили условія ихъ счастливаго существованія».

Вотъ проявленіе истиннаго христіанства и, въ то же время, дѣйствительный цвѣтокъ нѣмецкой культуры. Однако, лица, утверждающія, что обнажили мечъ для защиты этой культуры, топчутъ ея лучшіе цвѣты ногами или подъ колесами своихъ пушекъ.

Если бы только извѣстные германскіе круги знали, что думаютъ культурные, или просто набожные люди всего міра объ этихъ постоянныхъ и богохульственныхъ обращеніяхъ къ Богу . . . . . Луиджи Луццати, одинъ изъ наиболѣе видныхъ политиковъ и мыслителей Италіи, бывшій нѣсколько разъ предсѣдателемъ кабинета министровъ (и, замѣтьте, правовѣрный еврей: это говорится для вразумленія Германіи, «носительницы свободъ», которая не допускаетъ у себя производства еврея въ офицеры, даже въ мирное время), Луиджи Луццати недавно помѣстилъ въ «Corriere della Sera» чудную статью: «Злоупотребленіе Именемъ Бога», изъ которой я приведу лишь нѣсколько фразъ:

«Съ самаго возникновенія этой ужасной войны, повелители—не, говоря правду, не народы,—пользуются и злоупотребляютъ Именемъ Бога.

«Имя Всемогущаго появляется въ телеграммахъ, которыми недавно обмѣнялись императоръ австрійскій и султанъ. Не безъ ироніи узнаютъ объ этомъ на небесахъ—если только туда доходятъ подобныя вѣсти—побѣдители и побѣжденные при Лепанто и душа Ивана Собѣсскаго... Неужели, хотя бы только въ данномъ случаѣ, нельзя было, изъ чувства стыда, оставить въ покоѣ небеса... Къ счастью, имя Бога еще не упоминается въ телеграммахъ, которыми обмѣнялись повелители Англіи и Японіи. Въ сущности, было бы очень трудно примирить Іисуса и Будду, религію безъ Бога и религію, зиждущуюся на идеѣ личнаго Бога и Спасителя міра. По этому случаю умѣстно вспомнить рѣзко ироническое изреченіе Вольтера: «Если Богъ создалъ человѣка по своему подобію, то человѣкъ хорошо Ему отплатилъ». Не станемъ профанировать имя Бога! Оставимъ въ покоѣ Отца всѣхъ людей, карающаго ошибки и награждающаго добродѣтель, Который не предоставилъ никому права быть Его представителемъ на землѣ и пользоваться Его Всемогуществомъ во время нынѣшней военной трагедіи».

Такъ думаютъ выдающіеся иностранцы о нѣкоторыхъ германскихъ странностяхъ и о самомнѣніи Германіи, считающей, что ея народъ «избранный Богомъ»...

Итакъ, желаніе добыть себѣ «мѣсто подъ солнцемъ», принадлежащее намъ, избранному народу,—вотъ истинная причина нынѣшней войны, хотя объ этомъ и не говорятъ населенію.

Блестящее развитіе Германіи.

Если ищутъ своего мѣста подъ солнцемъ и даже пытаются добиться таковаго оружіемъ, то слѣдуетъ предположить, что ищущіе этого находились до сихъ поръ въ тѣни. Развѣ таково положеніе Германіи? Я утверждаю противное и сошлюсь на тѣхъ, кто вооружилъ насъ ради поисковъ мѣста подъ солнцемъ.

Въ книгѣ Бернгарди имѣется глава: «Финансовая и политическая подготовка войны» (стр. 310 и слѣдующія), гдѣ авторъ рисуетъ картину блестящаго, безпримѣрнаго развитія экономическихъ силъ Германіи послѣ 1871 года. Рядомъ цифръ онъ доказываетъ постоянное увеличеніе богатства и чрезвычайное развитіе торговли и промышленности со времени основанія имперіи. Онъ ссылается на лекцію профессора Даде, прочитанную на общемъ собраніи «Steuer — und Wirtschaftsreformer» 22 февраля 1910 года. По словамъ Даде, сумма германскаго ввоза и вывоза увеличилась въ послѣдніе два года, предшествовавшіе 1910 году, съ 6 милліардовъ марокъ до 14½ и 16 милліардовъ, достигнувъ въ 1912 году почти 20 милліардовъ. Для промышленности ввезено сырья въ 1879 году на 1½ милліарда марокъ, а въ 1908 г. на 4½ милліарда; мануфактурныхъ издѣлій ввезено въ 1879 г. на 600 милліоновъ, а въ 1908 г. на 1¼ милліарда; за то же время вывозъ мануфактурныхъ издѣлій возросъ съ 1 до 4 милліардовъ. Каменнаго угля добыто въ 1879 году 42 милліона тоннъ (на 100 милліоновъ марокъ), а въ 1908 году 148½ милліоновъ тоннъ (на 1½ милліарда марокъ). Добыча желѣзной руды возросла съ 6 милліоновъ тоннъ, стоимостью въ 27 милліоновъ марокъ, до 27 милліоновъ тоннъ, стоимостью въ 119 милліоновъ марокъ. Съ 1888 по 1908 годъ добыча желѣзной руды возросла въ Германіи на 127%, въ Англіи же всего на 59%. Въ тѣ же годы производство чугуна возросло въ Германіи на 172%, въ Англіи же только на 27%. По словамъ Даде и Бернгарди, можно было бы привести подобныя же цифры относительно другихъ отраслей промышленности.

Доходы и капиталы увеличились въ той же мѣрѣ. Съ 1892 по 1905 годъ народное богатство одной Пруссіи ежегодно увеличивалось на 2 милліарда марокъ. Въ спискахъ лицъ, платящихъ подоходный налогъ, число лицъ, получающихъ ежегоднаго дохода отъ 6.000 до

100.000 марокъ за послѣдніе 14 лѣтъ возросло на 29% (съ 1905 по 1908 годъ на 11%; слѣдовательно, въ первое время ежегодный приростъ равнялся 2%, а въ послѣдніе годы 3%).

Еще сильнѣе приростъ крупныхъ состояній. Въ томъ же спискѣ число лицъ, платящихъ налогъ съ ежегоднаго дохода въ 100.000—500.000 марокъ, увеличилось за тѣ же 14 лѣтъ на 44% (въ первые годы по 3%, а въ послѣдніе 3 года по 4, 6%).

Налогъ растетъ пропорціонально съ увеличеніемъ дохода. При доходѣ отъ 6.000 до 100.000 марокъ налогъ равняется 650 маркамъ въ годъ; при доходѣ отъ 100.000 до 500.000 марокъ—6.400 маркамъ. А при доходѣ свыше 500.000 марокъ—70.450 маркамъ *).

Въ подтвержденіе блестящаго въ экономическомъ отношеніи развитія Германіи, Бернгарди отмѣчаетъ, кромѣ того: увеличеніе заработной платы рабочимъ, уменьшеніе числа забастовокъ и эмиграціоннаго движенія. Въ 1908 году изъ Германіи выселилось 20.000 лицъ, а изъ Англіи эмигрировало 33.600. Въ Пруссіи капиталъ, помѣщенный въ казенныя желѣзныя дороги, равнялся къ концу марта 1908 года—9.888 милліонамъ, а къ концу 1911 года 11.050 милліонамъ марокъ.

Это блестящее описаніе нашего экономическаго роста предпринято Бернгарди съ исключительной цѣлью установить возможность усиленія обложенія на военныя нужды. Онъ забываетъ, что, приводя цифры постояннаго роста нашего народнаго богатства, особенно же настаивая на томъ, что приростъ таковаго значительно сильнѣе у насъ, чѣмъ въ Англіи, онъ самъ подкапываетъ фундаментъ, на которомъ собирается воздвигнуть монументъ имперіализма. Если мы, германцы, вступившіе послѣдними въ число государствъ съ развитой промышленностью, оттѣснили на второй планъ, въ теченіе жизни всего двухъ поколѣній, наиболѣе старое промышленное государство, Англію, то, конечно, мы не можемъ жаловаться, что намъ не предоставлено мѣста подъ солнцемъ. Если же таковое у насъ имѣется, и, при томъ, тепленькое, то чего же намъ не хватаетъ? Чего же мы еще хотимъ?

Расширенія нашихъ земельныхъ владѣній? Колоній? Развѣ счастье народа зависитъ отъ количества квадратныхъ верстъ, которыми онъ владѣетъ? Или отъ числа колоній? Если бы это было такъ, то маленькія государства: Голландія, Бельгія, Швейцарія, Данія, Швеція, Норвегія должны были бы быть бѣдными по сравненію съ крупными

*) Бернгарди, стр. 317.

государствами. Въ дѣйствительности же, наблюдается противное. Самыя крупныя цифры ввоза и вывоза на душу населенія приходятся на Голландію, за которой слѣдуютъ: Бельгія, Швейцарія и Данія. Крупныя государства идутъ лишь послѣ названныхъ странъ. 3% германская рента котировалась 83, а 3% бельгійская доходила до 96; русскій 3½% заемъ стоилъ 81, а 3½% норвежскій покупался по 102. Подобныя же цифры можно найти во всѣхъ областяхъ экономической жизни. Слѣдовательно, не наблюдается никакого соотношенія между пространствомъ, занимаемымъ страной—въ частности, ея колоніями—и благосостояніемъ страны.

Лучшимъ доказательствомъ этихъ словъ можетъ служить сама Германія. Самый ярый націоналистъ не можетъ оспаривать, что ея экономическій ростъ за послѣдніе сорокъ лѣтъ, въ особенности же за 26 лѣтъ царствованія Вильгельма II, не имѣетъ прецедента въ исторіи. По случаю 25-лѣтняго юбилея царствованія кайзера, появился подъ заглавіемъ «Soziale Kultur und Volkswohlfahrt während der ersten 25 Regierungsjahre Wilhelms II», сборникъ, въ которомъ говорится объ успѣхахъ, достигнутыхъ Германіею на всѣхъ поприщахъ. Я заимствую изъ него лишь нѣсколько цифръ. Населеніе Германіи возросло съ 48 милліоновъ (1888 г) до 67 милліоновъ (1914 г.). Ежегодное превышеніе рождаемости достигло въ 1911 г. 11,3% на 1,000 жителей и было превзойдено лишь Россіей, гдѣ оно равнялось 17%. Производство желѣза-сырца (въ тысячахъ тоннъ) возросло съ 4.024 (въ 1887 г.) до 17.853 (въ 1912 г.), т. е. на 343,6%, англійское же производство увеличилось только на 17,6% (съ 7.681 до 9.031). Въ этомъ отношеніи Германія уступаетъ первое мѣсто лишь Соединеннымъ Штатамъ, увеличившимъ производство на 363,2% (съ 6.520 до 30.203); сравнительно же съ Англіей Германія увеличила свое производство въ 20 разъ больше.

Производство стали возросло въ такихъ же размѣрахъ. Въ 1912 г. оно достигло (въ тысячахъ тоннъ) 17.302 противъ 1163,9 въ 1887 г. Здѣсь также Германія перешла съ третьяго на второе мѣсто, сильно опередивъ Англію, производство которой поднялось съ 3196,8 (въ 1887 г.) только до 6.565,3 (въ 1911 г.).

Въ отношеніи сравнительнаго усиленія промышленнаго производства Германія занимаетъ первое мѣсто, далеко оставивъ за собою своихъ соперницъ: Америку и Англію. Въ теченіе вышеозначенныхъ 25 лѣтъ, это производство увеличилось: въ Германіи на 1.377%, въ Америкѣ на 835%, а въ Англіи—только на 105%.

Общій тоннажъ германскаго торговаго флота, равнявшійся въ 1888 г. 1.240.182 тоннъ, достигъ въ 1913 г. 3.153.724 тоннъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что торговая цѣнность отдѣльныхъ кораблей сильно увеличилась, благодаря замѣнѣ парусовъ паровыми машинами. Тоннажъ пароходовъ почти ушестерился за 25 лѣтъ (470.364 тоннъ въ 1888 г. и 2.655.496 тоннъ въ 1913 г.).

Увеличеніе народнаго богатства и доходовъ соотвѣтствуетъ промышленному и торговому развитію Германіи. Директоръ «Deutsche Bank» (нынѣ министръ финансовъ Германіи), д-ръ Карлъ Гельферихъ, резюмируетъ свою статью въ упомянутомъ сборникѣ въ слѣдующихъ словахъ:

«Ежегодный доходъ германскаго народа нынѣ достигъ 43 милліардовъ марокъ (въ 1895 г. онъ равнялся 23—25 милліардамъ).

«Изъ этихъ 43 милліардовъ, 7, т. е. $^1/_6$ идетъ на общественныя нужды; 27—28 милліардовъ расходуется на личныя потребности, 8—8$^1/_2$ милліардовъ (15 лѣтъ тому назадъ всего 4$^1/_2$ до 5), которые, благодаря автоматическому росту наличнаго состоянія, доходятъ до 10 милліардовъ, идутъ на умноженіе народнаго богатства, которое теперь равняется 300 милліардамъ марокъ (противъ 200 милліардовъ въ 1895 г.).

«Эти цифры показываютъ, въ общихъ чертахъ, результаты мощной экономической работы, совершенной Германіей подъ управленіемъ кайзера».

Вотъ мѣсто подъ солнцемъ, занимаемое нами, германцами, котораго никто у насъ не оспаривалъ, не желаетъ и не можетъ оспаривать. Это мѣсто мы заняли благодаря духу предпріимчивости, упорству и умѣнью нашихъ промышленниковъ и купцовъ, но отнюдь не благодаря хвастовству нашихъ націоналистовъ, шпагамъ нашихъ генераловъ, или же планамъ кампаній, разработаннымъ начальниками нашего главнаго штаба.

Это мѣсто подъ солнцемъ создано исключительно германскимъ купцомъ, девизъ котораго: «Поле моей дѣятельности—вселенная». Много помогъ и длительный миръ: не начнись война, богатство германскаго народа—судя по прошлому—продолжало бы рости.

Приростъ населенія и колоніи.

Мнѣ возражаютъ: именно приростъ германскаго населенія, ежегодное превышеніе рождаемости (на 800.000 душъ), требуютъ расширенія территоріи. Гдѣ же станутъ жить и зарабатывать хлѣбъ вновь

народившіеся? Возраженіе это столь же мало обосновано, какъ и предыдущія. Если бы Германія, дѣйствительно была слишкомъ мала для прокормленія своего все возрастающаго населенія, то число эмигрантовъ должно было бы постоянно увеличиваться. Между тѣмъ число это, наоборотъ, уменьшается. Съ 1881 по 1890 г. г. ежегодно уѣзжало изъ Германіи 134.000 человѣкъ, съ 1891 по 1810—52.800 человѣкъ, а въ 1912 году всего лишь 18.500 человѣкъ.

Съ другой стороны, число иммигрантовъ все растетъ, превышая, въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ, число эмигрантовъ: Германія наканунѣ превращенія въ страну, вновь заселяемую [1]).

Изъ этихъ цифръ усматривается, что Германія можетъ не только предоставить работу своему населенію и прокормить его, но дать даже иммигрантамъ возможность заработать на хлѣбъ. Кромѣ того рабочая плата регулярно растетъ, хотя и въ недостаточной мѣрѣ.

Это поразительное развитіе совершилось въ то время, когда другія страны, особенно же Франція, значительно расширяли свои колоніальныя владѣнія, германскія же колоніи сводились къ нѣсколькимъ владѣніямъ въ Африкѣ, въ Азіи и на берегахъ Тихаго океана мы явились слишкомъ поздно для захвата другихъ территорій. Германскія колоніи не сыграли никакой роли въ экономическомъ развитіи Германіи (за послѣдніе 40 лѣтъ) Подсчитавъ суммы, израсходованныя на колоніи прямо или косвенно— не забывая расходовъ, вызванныхъ усиленіемъ флота для ихъ защиты,—и, съ другой стороны, финансовыя выгоды, полученныя нами отъ колоній, приходишь къ выводу, что дѣло оказалось убыточнымъ.

Въ этомъ отношеніи Бисмаркъ былъ прозорливѣе своихъ наслѣдниковъ. Онъ согласился начать колоніальную политику, лишь уступая давленію, такъ какъ видѣлъ оборотную сторону медали: колоніальная политика предоставляла нашимъ врагамъ «пункты для нападенія», но не давала намъ никакихъ осязательныхъ выгодъ.

Настоящія событія доказали правильность его предположеній. Наши противники отняли у насъ нѣкоторыя территоріи, не представляющія, правда, для насъ никакой реальной цѣнности, но имѣющіе для насъ извѣстную нравственную цѣнность, такъ какъ они составляли нашу собственность. Наши враги заставятъ насъ дорого заплатить за нихъ при заключеніи мира.

---

[1]) См. Гельферихъ, стр. 17.

Мы уже сказали, что наши колоніи не имѣли никакой реальной цѣнности. Дѣйствительно, кто посмѣлъ бы утверждать, что нашъ экономическій подъемъ былъ бы меньшимъ, если бы мы не имѣли владѣній на юго-востокѣ и въ западной части Африки, если бы мы не считали своими ни Кіаочоу, ни острова Самоа. Въ 1913 г. бѣлое населеніе нашихъ колоній только немного превышало цифру въ 27.000 человѣкъ. Эта цифра приблизительно равняется 3,5% ежегоднаго прироста германскаго населенія. Если бы эти 27.000 человѣкъ остались въ Германіи, то развѣ это вызвало-бы голодъ или избытокъ населенія? Оказали-ли бы они какое-либо вліяніе на нашу экономическую жизнь, на жизнь 67.000.000 душъ?

Торговый оборотъ Германіи со своими колоніями равнялся 100.000.000 марокъ, т. е. только 0,5% всего международнаго торговаго оборота Германіи. Исключеніе этихъ 0,5% не могло бы отразиться на экономической жизни страны. Кромѣ того, если бы мы даже не владѣли колоніями, то торговый оборотъ съ ними нисколько бы не уменьшился. Нуждаясь въ нашихъ продуктахъ, колоніи купили бы таковые у насъ, даже если бы были автономны или подчинены другому государству. Мы не ввели въ колоніяхъ торговой монополіи; онѣ входятъ въ составъ германской имперіи и связаны договорами, заключенными метрополіей. То, что мы владѣемъ колоніями, не защищаетъ насъ отъ конкуренціи другихъ странъ; слѣдовательно, если бы мы не были даже хозяевами колоній, послѣднія покупали бы у насъ товары, такъ какъ мы продаемъ ихъ дешевле, чѣмъ другія страны.

Наши дѣйствительныя колоніи.

Лучшими нашими кліентами являются именно тѣ страны, которыя никогда не были въ нашей власти, и которыми мы никогда владѣть не будемъ. Наши дѣйствительныя колоніи—Франція, Россія, Англія, Италія, Америка, Бразилія, Аргентинская республика. Эти страны обогащаютъ насъ, покупая наши издѣлія; мы же, съ своей стороны, получаемъ отъ нихъ сырье и тѣ иностранные продукты, въ которыхъ нуждаемся. Страны эти—широчайшее поле дѣятельности для германскаго купца. Тамъ, въ свободномъ соревнованіи со всѣми торговыми народами міра, онъ можетъ проявить свою энергію и ловкость.

Эти страны, однимъ словомъ, подобны гигантскимъ губкамъ, впитывающимъ милліарды германскихъ издѣлій, благодаря ревност-

нымъ трудамъ нѣмецкихъ торговцевъ, поселившихся за-границей. По всему міру основаны крупныя германскія торговыя фирмы, независимыя или же являющіяся отдѣленіями отечественнныхъ фирмъ, и ведущія упорную борьбу съ англійской и американской конкуренціей. Нынѣ правитъ міромъ не грубая борьба варварскихъ временъ, а біологическая борьба за существованіе, борьба таланта съ неспособностью, ума съ глупостью, упорнаго труда съ лѣнью. Та именно борьба, которая путемъ подбора выдвигаетъ современный человѣческій типъ, стоящій выше другихъ въ умственномъ отношеніи, и которая, прочно опираясь на благосостояніе всѣхъ общественныхъ слоевъ, можетъ довести этотъ типъ до высшихъ степеней нравственности и цивилизаціи.

Понятно, наши имперіалисты не освѣдомлены объ этой борьбѣ. Они всегда свысока смотрятъ на купца, хотя и не брезгаютъ жениться на дочеряхъ богатыхъ торговцевъ. Развѣ юнкеры и офицеры не являются господствующей кастой въ странѣ? Они — защитники престола и церкви, нравовъ и нравственности. Ихъ мало безпокоитъ, если отъ одного удара рушится зданіе, воздвигнутое упорнымъ и безпрерывнымъ трудомъ торговца. Экономическое процвѣтаніе страны интересуетъ ихъ лишь съ точки зрѣнія полученія средствъ на военныя предпріятія. Послѣднія—истинная цѣль существованія народа, а благосостояніе—лишь средство къ достиженію этой цѣли.

Какую пользу извлекла Франція изъ своихъ колоній?

Мы видѣли, что отсутствіе значительныхъ колоній не нанесло Германіи ущерба и не задержало ея мощнаго развитія. Посмотримъ, въ какомъ положеніи Франція? Получила-ли она, благодаря своимъ колоніямъ, какія-либо преимущества, какое-либо превосходство по сравненію съ Германіей? Совсѣмъ наоборотъ. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ Франція не сдѣлала никакихъ успѣховъ въ экономическомъ отношеніи, а въ другихъ—гораздо меньшіе успѣхи, чѣмъ Германія. Общая цифра французскаго вывоза достигла въ 1912 г. 11,6 милліардовъ марокъ, хотя площадь французкихъ колоній въ четыре раза больше, чѣмъ площадь германскихъ. Населеніе Франціи, около 40.000.000 ч., почти не увеличилось. Наши имперіалисты говорятъ, что колоніальныя владѣнія способствуютъ сильному развитію вывоза. Въ дѣйствительности же, подобный взглядъ невѣренъ. Общій тоннажъ

французскаго торговаго флота понизился съ 1.492.000 тоннъ (въ 1885 г.) до 1.462.000 (въ 1911 г.), между тѣмъ въ Германіи онъ поднялся съ 1.275.000 до 3.023.700 тоннъ.

За послѣднія 25 лѣтъ производство желѣза-сырца увеличилось въ Германіи на 343,6%, во Франціи же только на 210,7 %. Производство стали увеличилось въ Германіи на 1.377%, достигнувъ 17.302.000 тоннъ, во Франціи же только на 727%, достигнувъ 4.078.400 тоннъ.

Подобныя же цифры можно было бы привести относительно всѣхъ областей экономической жизни. Какое же преимущество получила Франція благодаря своимъ колоніямъ? Выгоднѣе было бы, вѣроятно, предоставить желтымъ, чернымъ и коричневымъ жителямъ колоніальныхъ владѣній самимъ заботиться о себѣ, и, такимъ путемъ, сберечь громадныя суммы, которыя необходимы для завоеванія и управленія этими далекими странами. Если бы Франція поступила подобнымъ образомъ, то не было бы ни марокканскаго конфликта, ни агадирскаго инцидента; слѣдовательно, не было бы ни возбужденія среди нашихъ имперіалистскихъ звѣрей (Imperialistische Bestie), ни, по всей вѣроятности, и войны. Вѣдь покойный австрійскій эрцгерцогъ поплатился, въ сущности, за агадирскій инцидентъ.

Слѣдуетъ признать, что французы вели колоніальную политику, не вызывая борьбы въ Европѣ (само собой понятно, что современный человѣкъ не считаетъ нужнымъ даже упоминать о жизни туземца); между тѣмъ мы, германцы, такъ высоко оцѣнили эти соблазнительныя территоріи, что пролили за нихъ океаны европейской крови и нагромоздили горы труповъ.

Германцы за-границей: во Франціи, Англіи, Америкѣ.

Остроумный парижанинъ на вопросъ: «Вы слыхали, что германцы въ Агадирѣ?»—отвѣтилъ: «Это меня не трогаетъ; они—въ сердцѣ Парижа, въ Елисейскихъ поляхъ, и лишь это для меня важно». Дѣйствительно, къ этому сводится весь вопросъ. До начала нынѣшней ужасной войны—до момента, именуемаго въ Германіи «зарею великой эпохи»—германцы обосновались не только за океанами, но еще болѣе въ европейскихъ странахъ, какъ нейтральныхъ, такъ и враждебныхъ намъ нынѣ, проникнувъ въ самый центръ мѣстныхъ торговыхъ и промышленныхъ круговъ. Вездѣ германцы были хозяевами крупныхъ предпріятій, представителями германскихъ фирмъ,

директорами банковъ, заводовъ и конторъ, принадлежащихъ иностранцамъ. Нѣмецкія фамиліи такъ и кишатъ на Парижской биржѣ и въ финансовыхъ кругахъ: Ротшильды, Гейне, Зелихманы, Поргесы, Шиклеры—короли французскаго денежнаго рынка. Нѣмецкія пивныя вызвали переворотъ въ кафе-ресторанномъ дѣлѣ Франціи: ихъ кричащіе «дворцы пива» все болѣе и болѣе вытѣсняютъ изящные французскіе рестораны, о которыхъ болѣе пожилое поколѣніе сохранило столько и веселыхъ, и, порой, грустныхъ воспоминаній. Подобныя же перемѣны произошли во многихъ другихъ областяхъ французской промышленной дѣятельности, въ которыхъ нынѣ нѣмцы играютъ преобладающую роль.

Въ Англіи явленіе это еще болѣе замѣтно. Извѣстно, что значительная часть торговли и промышленности Манчестера, Бирмингама и другихъ городовъ сосредоточена въ германскихъ рукахъ, и что германцы занимаютъ крупныя должности въ англійскихъ фирмахъ. Кто этого не знаетъ, пусть прочтетъ докладъ парламентскихъ комиссій, которымъ было поручено изыскать средство противъ нѣмецкаго засилья въ Англіи. Англичане не прибѣгли къ крутымъ мѣрамъ: они—опытные коммерсанты и знали, что подобныя мѣры могли бы отразиться на нихъ самихъ. Рѣшили обучить юныхъ англичанъ германскимъ пріемамъ, дисциплинѣ и умѣнью приспособляться. Надѣются, что тогда англійскимъ юношамъ, на ихъ родинѣ, удастся бороться съ германской конкуренціей.

* * *

Въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ большинство германцевъ натурализовалось, въ Южной же Америкѣ они, большею частью, не отказались отъ прежняго подданства. Какъ тѣ, такъ и другіе приносятъ пользу своей родинѣ. Часто говорятъ, что натурализовавшійся германецъ потерянъ для Германіи. Сказать по истинѣ это также одна изъ многочисленныхъ условныхъ неправдъ. Вѣрнѣе было бы обратное: нѣмецъ, ставъ американскимъ подданнымъ, не теряетъ своихъ природныхъ свойствъ; онъ остается нѣмцемъ по крови, по языку, по культурѣ и по чувствамъ. Кто станетъ это оспаривать? Нѣмецкіе ученые, артисты, писатели, посѣщающіе американскіе города, находятъ восторженный пріемъ со стороны многолюдныхъ колоній своихъ соотечественниковъ. Эти восторги можно признать скорѣе неосновательнымъ преувеличеніемъ, такъ какъ нѣкоторыя лица, слава которыхъ уже нѣсколько потускнѣла въ Германіи, стараются вернуть себѣ былую популярность при помощи этого наивнаго

мало разсуждающаго націонализма, воодушевляющаго нашихъ заморскихъ соотечественниковъ.

Въ Сѣверной Америкѣ германцы, какъ натурализованные, такъ и оставшіеся германскими подданными, приносятъ громадныя выгоды своей родинѣ, какъ въ политическомъ, такъ и экономическомъ отношеніяхъ. Политическая близость обѣихъ странъ въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что среди американскаго населенія очень много натурализованныхъ нѣмцевъ. Американская культура—смѣсь культуръ: англійской и нѣмецкой. Часть американскихъ газетъ, не лишенныхъ вліянія на общественное мнѣніе, выходитъ на нѣмецкомъ языкѣ. Въ Америку вывозятъ массу нѣмецкихъ книгъ. Въ этой демократической странѣ, гдѣ депутаты вынуждены въ бо́льшей степени, чѣмъ у насъ, считаться съ мнѣніемъ своихъ избирателей, анти-германская политика была бы немыслимой.

Это благопріятное къ намъ отношеніе американскаго населенія разрушено войной, за возникновеніе которой насъ обвиняютъ—и вполнѣ основательно—всѣ, безъ исключенія, американцы: отъ Рузвельта до послѣдняго журналиста.

Конечно, это наша вина, при томъ значительно отягчающая пассивъ нашего баланса.

Излишне настаивать на экономическихъ выгодахъ, которыя «Deutschtum» (нѣмечество) дало намъ въ Америкѣ; эти выгоды очевидны и общеизвѣстны. Какъ и въ Парижѣ, нѣмцы играютъ преобладающую роль на биржѣ и въ финансовомъ мірѣ. Достаточно привести фамиліи: Ладенбергъ, Тальманъ, Варбургъ, Шпейеръ, Эллиссенъ, Кунъ, Лэбъ и Ко, Шиффъ и т. п. Громадный товарообмѣнъ между двумя странами, идущими, наравнѣ съ Англіей, во главѣ міровой торговли, ведется преимущественно при посредствѣ нѣмецкихъ купцовъ, но по большей части натурализованныхъ—вѣроятно потому, что политическое устройство Штатовъ имъ нравилось лучше германскаго, чему не слѣдуетъ удивляться. Нѣмцамъ принадлежатъ: наиболѣе значительные пивоваренные заводы въ Америкѣ (Пабста въ Мильвоке, Петра Дельгера въ Нью-Іоркѣ), самыя большія лавки съ игрушками (Шварца въ Нью-Іоркѣ), самые крупные магазины (Альтмана, Штрауса, Гимбеля, Блюмендаля). Значительная часть американскихъ врачей—по происхожденію нѣмцы. Они не только распространяютъ въ Америкѣ культуру своей родины, но и выписываютъ изъ нея инструменты и медикаменты.

Всѣ эти «captains of industry» (удалые молодцы въ промышленности) сохраняютъ связь съ тѣми сферами въ Германіи, которыя

имъ извѣстны, съ цѣлью содѣйствовать германскому поставщику, пока тотъ можетъ бороться съ чужеземнымъ соперникомъ. Германскій поставщикъ знакомится этимъ путемъ съ требованіями рынка и можетъ къ нимъ приспособиться. Вслѣдствіе нѣмецкаго происхожденія американскаго торговца, устанавливаются прочныя сношенія между производителемъ въ Германіи и его германо-американскимъ кліентомъ.

Совершенно безразлично, остался ли послѣдній германцемъ, или же онъ превратился въ американца, хотя наши націоналисты по глупости утверждаютъ, что натурализованный нѣмецъ потерянъ для родины.

Можно даже утверждать и доказать противное, приведя въ примѣръ Южную Америку. Число натурализованныхъ германцевъ тамъ до чрезвычайности мало. Въ Бразиліи, Аргентинѣ и Чили германцы чрезвычайно рѣдко становятся подданными названныхъ странъ. Изъ этого проистекаетъ первое неудобство. Многіе состоятъ офицерами резерва или ландвера и должны, въ мирное время, возвращаться въ Германію на учебные сборы, прерывая вслѣдствіе этого свои занятія торговлею. Въ случаѣ войны они обязаны вернуться внезапно на родину и за привязанность къ ней платятся экономическимъ разореніемъ, если имъ даже удастся живыми и невредимыми вернуться вновь на свою вторую родину. Разореніе ускоряется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что народы Южной Америки, какъ и другія нейтральныя страны, вполнѣ основательно обвиняютъ насъ, германцевъ, за возникновеніе войны, возлагая на насъ отвѣтственность за тяжелый ударъ, нанесенный ихъ экономической жизни, а потому сочувствуютъ нашимъ врагамъ. Легко раздражающееся населеніе испанскаго происхожденія такъ озлоблено на насъ, что тамошніе германцы, даже не призванные въ войска, уложили вещи и вернулись въ Европу.

Я сужу не по статьямъ американскихъ газетъ, а по личнымъ наблюденіямъ. Въ концѣ августа минувшаго года, при посѣщеніи Германіи, мнѣ пришлось бесѣдовать со многими нѣмцами, возвратившимися изъ Южной Америки. Именно съ ихъ словъ описана мною картина положенія покинутыхъ ими странъ. Эти германцы, конечно, горѣли патріотизмомъ. Въ концѣ августа 1914 года они, прибывъ изъ Южной Америки, не могли даже подозрѣвать о наличности грандіознаго обмана (до сегодняшняго дня не обнаруженнаго германскими профессорами), но были вынуждены сознаться, что война сразу разрушила результаты ихъ долголѣтнихъ трудовъ. Молодые

люди, трудомъ и прилежаніемъ добившіеся хорошаго положенія, должны были бросить свои мѣста, чтобы защищать родину, которой «угрожали» русскіе и французы, а также «свободу и существованіе германскаго народа».

Даже не получи они приказа о выѣздѣ на родину, они, вѣроятно, лишились бы мѣста, такъ какъ война вызвала почти общее банкротство въ этихъ странахъ, а потому фирмы, въ которыхъ работали молодые люди, или вовсе закрылись или же свели свою дѣятельность къ минимуму.

Другіе, болѣе пожилые люди, которые, преодолѣвъ массу препятствій, сумѣли себѣ создать положеніе, были вынуждены, изъ-за недружелюбнаго отношенія населенія и вызванныхъ войною послѣдствій, бросить свои занятія и вернуться съ семьями въ Германію. Во время долгаго переѣзда (отъ Алы до Мюнхена—52 часа) меня глубоко тронули разсказы о столькихъ разбитыхъ жизняхъ и разрушенныхъ надеждахъ, а также спокойствіе, съ которымъ эти энергичные піонеры германства подчинялись неизбѣжному, принося родинѣ въ жертву свои надежды и счастье, завоеванныя съ такимъ трудомъ.

Неизбѣжному! Такъ вѣрили эти честные люди, эти довѣрчивыя сердца. Если бы они знали, сколь мало это было неизбѣжно, и что они—маріонетки, управляемыя невидимыми политиками, обязанныя заплатить кровью и имуществомъ за безумные сны о пангерманизмѣ и всемірномъ господствѣ; если бы они знали, что все это подготовили и осуществили невѣжественные преступники, желавшіе достигнуть огнемъ и мечемъ, убійствами и разрушеніемъ, того, что можетъ дать, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, медленный и мирный трудъ купца, промышленника, техника и ученаго,—если бы все это знали эти рѣшительные люди, не забывшіе, живя за Атлантическимъ океаномъ, о германскихъ мечтахъ и о германскомъ идеализмѣ, еще вѣрившіе въ то, что Германія можетъ обнажить мечъ лишь за правое дѣло,—если бы, словомъ, они знали истину, то, безъ сомнѣнія, не покинули бы страны, ставшей второй родиной для нихъ и ихъ семействъ.

Всѣ они единогласно признавали, что не смогутъ вновь создать себѣ положенія въ Южной Америкѣ, и что долгіе годы упорнаго труда погибли непроизводительно.

Который же германецъ полезнѣе своей родинѣ: тотъ, кто натурализовался (въ Сѣверной Америкѣ), или тотъ, кто остался германскимъ подданнымъ (Южная Америка)? Я полагаю, что первый.

Если подумать о разстройствѣ нашихъ коммерческихъ сношеній съ Южной Америкой и вообразить себѣ, что тоже самое—но только въ сильно увеличенномъ размѣрѣ—случилось и съ Сѣверной Америкой, то нельзя не порадоваться тому, что въ Соединенныхъ Штатахъ большинство нѣмцевъ отказалось отъ германскаго подданства и превратилось въ американцевъ. Если бы война такъ же сильно отразилась въ Сѣверной Америкѣ, какъ то произошло въ Южной, если бы почти всѣмъ нѣмцамъ, даже и не военнообязаннымъ, пришлось покинуть свою вторую родину, мѣста, предпріятія, то это было бы непоправимымъ бѣдствіемъ для Германіи. Насъ уже истощаетъ уничтоженіе—или, по меньшей мѣрѣ, перерывъ на все время войны—нашихъ коммерческихъ сношеній съ воюющими съ нами державами, но разрывъ этихъ сношеній съ нейтральными Соединенными Штатами нанесъ бы смертельный ударъ нашей экономической жизни. Слава Богу, германо-американцы оказались умнѣе и благоразумнѣе нашихъ пан-германистовъ: отказъ нашихъ заморскихъ сородичей отъ германскаго подданства принесъ большую пользу Германіи.

Такимъ образомъ потерпѣлъ крушеніе одинъ изъ самыхъ вѣскихъ доводовъ въ пользу колоніальнаго расширенія, вызывавшій постоянныя тренія между цивилизованными народами. **Наши дѣйствительныя колоніи находятся тамъ, гдѣ мы не имѣемъ вовсе территоріальныхъ владѣній:** въ Сѣверной и Южной Америкѣ, во Франціи, Англіи, Россіи, Италіи, Сѣверной и Южной Африкѣ, Канадѣ, Австраліи [1]).

Наши торговые обороты съ Англіей достигали до войны 3,7 милліарда марокъ, съ Франціей—1,55, въ итогѣ—5,25 милліарда марокъ, что составляетъ болѣе $^1/_4$ всей международной торговли Германіи. Въ эти страны мы вывозили товаровъ на 3,25 милліарда марокъ, а ввозили на 2 милліарда марокъ, т.-е. сумма вывоза была на 50% выше. Со всѣми воюющими съ нами державами торговые обороты Германіи достигали суммы 8,5 милліарда марокъ (44% всей германской торговли). По сравненію съ этими цифрами, ничтожна стоимость жалкихъ клочковъ территоріи, частью безплодныхъ и необитаемыхъ для европейца, изъ за которыхъ дипломатами ведутся споры, народы натравливаются другъ на друга, тратятся колоссальныя суммы на ска-

---

[1]) Эти мысли прекрасно изложены въ книгѣ Нормана Анджелля „La Grande Illusion“ (Парижъ, изданіе Hachette et Nelson).

зочныя вооруженія и, когда струна уже слишкомъ натянулась, вспыхнула кровопролитная война.

Когда же народы убѣдятся въ безсмысленности такого положенія? Когда же заявятъ они своимъ правителямъ,—первымъ долгомъ, нѣмцы своимъ государственнымъ дѣятелямъ: «Мы уже располагаемъ мѣстомъ подъ солнцемъ! Оставьте насъ въ покоѣ, дайте намъ возможность работать подъ лучами этого солнца! Не обременяйте насъ новыми чрезмѣрными тяготами. Исцѣлитесь отъ этой «географической» маніи, отъ процесса пожиранія квадратныхъ километровъ (Quadratkilometerfresserei), почти уже поглотившаго насъ, несчастные народы»!

Мѣсто подъ солнцемъ—для насъ, мѣсто въ тѣни—для другихъ.

На самомъ дѣлѣ наши имперіалисты преслѣдуютъ иную цѣль. Они прекрасно знаютъ, хотя и не говорятъ этого невѣжественному народу—объ этомъ свидѣтельствуетъ книга Бернгарди—что мы располагаемъ причитающимся намъ по праву мѣстомъ подъ солнцемъ, что никто его у насъ не оспариваетъ и что попытка лишить насъ его никогда не удастся. Они, имперіалисты, домогаются исключительнаго мѣста подъ солнцемъ, мірового господства Германіи. Другіе народы на это, конечно, не согласны.

Нѣмецкій Wehrverein весьма ясно высказался по этому поводу на собраніи, состоявшемся недавно въ зданіи рейхстага. Въ манифестѣ этого общества сказано:

«Намъ необходимы воздухъ и пространство для распространенія нѣмечества. Прошли времена, когда приходилось внимательно относиться къ чужимъ интересамъ. Безпощадно, заботясь лишь о собственныхъ интересахъ, должны мы диктовать условія мира: и мы ихъ продиктуемъ. Рѣчь идетъ лишь о мирѣ, который обезпечитъ Германіи прочное, руководящее положеніе въ мірѣ... Преступные зачинщики войны... Франція, Англія и Россія должны быть ослаблены настолько, чтобы не могли нарушить мира въ будущемъ».

Итакъ, съ одной стороны, «преступные зачинщики войны», съ другой—«прочное руководящее положеніе въ мірѣ». Поясни мнѣ это, графъ Эриндуръ! Истина здѣсь очень ловко смѣшана съ измышленіями. Съ одной стороны, открыто провозглашаются истинныя цѣли военной партіи; съ другой смѣло утверждается, что «другіе» нарушили миръ. Но логическое сальто-мортале тѣмъ не менѣе не удается этимъ господамъ: если мы, дѣйствительно, нуждаемся въ прочномъ

руководящемъ положеніи въ мірѣ для распространенія нашего нѣмечества, то это означаетъ: такъ какъ въ основѣ нашихъ отношеній къ другимъ народамъ лежитъ сейчасъ принципъ равноправія, и мы не въ состояніи управлять ими, намъ необходимо заставить ихъ подчиниться нашей власти. Но, поступая такъ, нарушаемъ миръ мы, германцы, а не наши противники.

Такъ дѣло и обстоитъ на самомъ дѣлѣ, что я докажу во второй части моего труда. Тѣмъ не менѣе, интересно отмѣтить, что эти люди, стремящіеся отрицать факты, невольно принуждены признавать ихъ.

Боязнь Германіи.

Мы желаемъ гегемоніи, не равноправія. Стремиться къ послѣднему было бы безуміемъ, разъ мы всецѣло обладаемъ имъ. Можетъ быть, нѣмецкій профессоръ заблуждается, утверждая, что «въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ мы несравненно выше всѣхъ другихъ народовъ»; но въ одномъ отношеніи весь міръ уже въ теченіе полутораста лѣтъ признаетъ наше превосходство,—въ военномъ. Въ то время какъ мы, нѣмцы, боимся лишь Бога и больше ничего въ мірѣ, всѣ остальные боятся насъ—пожалуй, даже больше, чѣмъ Самого Господа Бога. Уже старикъ Тацитъ отмѣтилъ, что страхъ, внушаемый германцами, отчасти компенсируетъ неудобства, вызванныя несовершенными границами Германіи. «A Sarmatio Dacisque mutuo metu aut montibus separatur» [1]).

Эта боязнь Германіи объясняетъ, почему наши слова, несмотря на всякія попытки «окруженія» и нашу жалкую дипломатію, имѣютъ большое значеніе въ совѣтѣ народовъ.

Недавно въ одномъ заграничномъ кафэ происходила оживленная бесѣда. Французы, нѣмцы и англичане обсуждали условія мира. Соглашеніе почти что было достигнуто, какъ вдругъ нѣмецъ заявилъ шутя: «Еще одно условіе. Вы, французы, обязаны цѣликомъ взять себѣ нѣмецкую дипломатію». Возмущенный французъ поднялся со своего мѣста, прервавъ переговоры словами: «Ну, нѣтъ, это ужъ слишкомъ. Мы будемъ продолжать войну», и покинулъ залу.

Дипломатическіе успѣхи тройственнаго союза.

Способности, недостающія нашей дипломатіи—откуда онѣ могли явиться у благородныхъ Боруссовъ и Саксо-Боруссовъ?—всегда ком-

---

[1]) «Отъ сарматовъ и даковъ ее отдѣляютъ или горы, или внушаемый ею страхъ».

пенсировались общепризнаннымъ значеніемъ нашей военной силы. Уже съ давнихъ поръ тройственный союзъ былъ лишь ловушкою для его участниковъ, но съ внѣшней стороны все было вполнѣ прилично, и онъ функціонировалъ, какъ живой организмъ. Германія въ союзѣ съ Австріей и Италіей успѣшно выступала во всѣхъ конфликтахъ послѣднихъ лѣтъ, и союзницы ея, опираясь на ея силу, смогли захватить добычу, которую нельзя и сравнивать съ завоеваніями тройственнаго согласія.

Развѣ Австрія въ 1908 году не захватила Боснію и Герцеговину, жирный кусокъ, достойный двадцати Марокко? Развѣ Италія не завладѣла, избѣгнувъ европейскаго конфликта, Триполитаніей и Эгейскими островами, которые она, несомнѣнно, никогда не возвратитъ? Не получили ли мы добрую часть французскаго Конго, одновременно съ «открытыми дверьми въ Марокко», которыя слѣдуетъ предпочесть всякому праву собственности, такъ какъ онѣ не требуютъ ни денежныхъ, ни человѣческихъ жертвъ? Изъ-за этого обмѣна Кайо лишился своего престижа и положенія; жена его чуть не поплатилась за это жизнью. Не удалось ли намъ, на пользу Австріи и съ ея помощью, изгнать черногорцевъ изъ Скутари, завоеваннаго ими цѣною кровавыхъ жертвъ, и назначить туда международный гарнизонъ? Развѣ учрежденіе мертворожденнаго Албанскаго королевства не состоялось исключительно въ интересахъ Австріи и Италіи? Развѣ не заключили мы превосходный трактатъ съ Англіей и Турціей относительно Азіи и Багдадской желѣзной дороги?

Легко было бы продолжить этотъ списокъ. Излишне прибавлять, что, по моему мнѣнію, многіе—пожалуй, даже всѣ—дипломатическіе происки, измѣненія границъ и аннексіи не имѣютъ никакого отношенія къ истиннымъ интересамъ народовъ. Если вспомнить, что въ 1912 году могла разразиться европейская война изъ за вопроса о предоставленіи Сербіи права на пресловутое «Адріатическое окно»; если вспомнить, что всѣ эти вопросы приближали Европу къ пропасти вооруженнаго конфликта, хотя такъ называемые «жизненные вопросы» часто не имѣли особаго значенія для непосредственно заинтересованныхъ, то придется удивляться ангельскому терпѣнію народовъ и тупоумной настойчивости дипломатовъ. Придется согласиться со словами, которыми милый Оксенстіерна успокоилъ сына, сомнѣвавшагося въ своихъ способностяхъ для занятія поста шведскаго посланника: «An nescis, mi fili, quantilla prudentia mundus regatur» [1]).

---

[1]) «Развѣ ты не знаешь, мой сынъ, сколь мало разума необходимо для управленія міромъ»?

Балканская политика Австріи.

Какую пользу извлекла Австрія изъ аннексіи Босніи и Герцоговины? На вшивой шкурѣ ея появилась новая вошь. Не лучше ли было бы для Австріи и для всего міра удовлетвориться оккупаціей страны, какъ она сдѣлала это въ 1878 году, согласно постановленію Берлинскаго конгресса? Формальная аннексія вызвала пансербское движеніе, интенсивность котораго удвоилась, несмотря на успокоительныя декларацiи Сербіи въ мартѣ 1909 года. Нельзя подавить національныя движенія. Реальный политикъ долженъ считаться съ ними. Если онъ хочетъ направить ихъ въ опредѣленное русло, онъ долженъ стараться удовлетворить ихъ требованія, здоровыя и законныя, разъ они основываются на общности расы, языка и религіи. Этимъ искусствомъ обладаютъ англичане, оно является истинной причиной колоніальнаго могущества этого народа. Они подчинили южно-африканскія республики, но немедленно послѣ подчиненія даровали имъ, въ предѣлахъ великой южно-африканской уніи, самоуправленіе и поставили во главѣ уніи ихъ лучшаго генерала, Боту. Они поступили также съ остальными колоніями, коль скоро онѣ оказались способными къ самоуправленію. Канада и Австралія являются, несмотря на англійское владычество, независимыми государствами. Изъ союза съ имперіей онѣ извлекаютъ только выгоды, не претерпѣвая никакихъ неудобствъ. Это объясняетъ привязанность колоній къ метрополіи, даже тѣхъ которыя недавно были завоеваны вооруженною силою. Это объясняетъ неудачу нѣмецкихъ расчетовъ на отпаденіе или возстаніе, которыя могли бы причинить затрудненія англичанамъ, бросивъ ихъ колоніи въ объятія нѣмцевъ, тѣхъ самыхъ нѣмцевъ, которые уже сегодня, до формальной аннексіи Бельгіи, считаютъ наиболѣе раціональнымъ изгнать, простымъ приказомъ военнаго начальства, французскій языкъ съ улицъ и изъ общественной жизни Брюсселя и Антверпена.

Если бы Австрія, вмѣсто того, чтобы аннексировать съ помощью меча своей союзницы Боснію и Герцеговину, признала естественность національнаго сербскаго движенія и пошла бы на разумныя уступки, памятую о принципѣ: «гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно», можно смѣло сказать, что нынѣшней войны не было бы. Но австрійцы придерживаются, повидимому, иного мнѣнія. Они считаютъ разумнымъ руководствоваться въ отношеніяхъ къ подчиненнымъ имъ народамъ — итальянцамъ, кроатамъ, словенцамъ,

румынамъ—принципомъ: «Если ты не хочешь быть моимъ братомъ, я раздроблю тебѣ черепъ».

Нынѣ мы видимъ, сколь далеко они зашли въ примѣненіи этого принципа, не только по отношенію къ сербамъ, но и по отношенію къ итальянцамъ; не скажутся ли вскорѣ результаты этой архи—реакціонной политики угнетенія и на румынской границѣ?

Но чѣмъ плачевнѣе была австрійская политика, тѣмъ поразительнѣе были дипломатическіе успѣхи, достигнутые ею въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, благодаря военной поддержкѣ Германіи. Австрія и Германія не имѣютъ никакого повода жаловаться, будто европейскіе дипломаты «постоянно наступали имъ на ногу». Всѣ вопросы, возникшіе за послѣднее время, были, за исключеніемъ марокскаго инцидента, лишь мнимыми «жизненными вопросами» для Габсбургской монархіи, если вообще возможно говорить о жизненныхъ вопросахъ, когда рѣчь идетъ о трупѣ. Здоровый и сильный организмъ нѣмецкаго народа ловкая нѣмецкая дипломатія сковала съ этимъ трупомъ, чтобы дѣлить съ нимъ счастье и невзгоды (боюсь, что оправдается лишь послѣднее), «ради интересовъ германской расы въ центральной Европѣ», какъ говорится въ нашей Бѣлой книгѣ. Зачѣмъ вы смѣетесь? Правда, лишь четвертая часть населенія Австріи принадлежитъ къ германской расѣ, но, изъ-за принципа «защиты расъ», восточные вопросы, по мнѣнію Бисмарка, не стоившіе костей одного померанскаго гренадера, обойдутся намъ въ сотни тысячъ жизней нашихъ молодыхъ соотечественниковъ, причемъ придется пожертвовать и трудомъ нѣсколькихъ поколѣній.

Это, несомнѣнно, невыгодная сдѣлка! Но она кончилась бы блестяще, завершись она, подобно всѣмъ предыдущимъ, въ дипломатической области, и не будь перенесена на поле брани. Отвѣтъ Сербіи на австрійскую ноту былъ тріумфомъ для двойственной монархіи, являясь однимъ изъ самыхъ блестящихъ успѣховъ, когда либо достигнутыхъ европейскою дипломатіею: Сербія пошла на уступки относительно всѣхъ существенныхъ требованій своего сосѣда. Ею были сдѣланы оговорки лишь относительно нѣсколькихъ пунктовъ, на дальнѣйшее обсужденіе которыхъ она выразила свое согласіе. Результатъ, достигнутый Австріей, превзошелъ все то, что одно государство, при помощи дипломатическихъ средствъ, можетъ достичь отъ другого независимаго государства. Къ тому же, униженіе Сербіи являлось одновременно униженіемъ Россіи. Въ тотъ моментъ, когда Австрія высокомѣрно и безпричинно отзывала своего посланника изъ Бѣлграда, престижъ ея на Балканахъ

достигъ такого блеска, каковымъ она никогда не пользовалась и какового, несомнѣнно, никогда не достигнетъ. Отмѣтимъ, что этимъ успѣхомъ Австрія была обязана сильной поддержкѣ нѣмецкаго союзника.

Если, тѣмъ не менѣе, дали вспыхнуть войнѣ, или, вѣрнѣе, сознательно вызвали ее, то это объясняется требованіями нѣмецкой политики и настроеніемъ берлинскаго общественнаго мнѣнія, какъ я это документально докажу во второй части моего труда. Сейчасъ достаточно выяснить ложь постоянныхъ утвержденій нѣмцевъ, будто интересы тройственнаго союза всегда игнорировались, и онъ постоянно бывалъ обманутъ тройственнымъ согласіемъ. Напротивъ того, во всѣхъ конфликтахъ союзъ одерживалъ блестящія побѣды,—напослѣдокъ еще въ іюлѣ 1914 года.

Кронпринцъ и военная партія.

Въ Германіи всѣ говорятъ «о политикѣ окруженія» и возлагаютъ на нее отвѣтственность за войну. Это—одно изъ утвержденій, постоянно встрѣчающихся въ той кампаніи оправданій, цѣль которой представить Германію невиннымъ ягненкомъ, а Англію хищнымъ волкомъ. Посвященнымъ хорошо извѣстно, въ чемъ дѣло. Если кронпринцъ встрѣтится во время войны съ г.г. фонъ-Бернгарди или Фробеніусомъ, эти три сотоварища смогутъ улыбнуться другъ другу, какъ римскіе авгуры. Они знаютъ, что мы, германцы, были вовлечены въ эту войну не происками чужеземной націи, а нашею собственною волею, или, вѣрнѣе, по ихъ желанію. Созерцая нынѣ ужасныя послѣдствія своей дѣятельности, они открещиваются отъ нея, но противъ нихъ выступаютъ ихъ собственныя писанія, въ качествѣ свидѣтелей, какъ бы залитыхъ кровью.

Въ вступительной части книги кронпринца «Deutschland in Waffen» говорится:

«Мы живемъ въ эпоху, когда съ особымъ самодовольствомъ подчеркивается блестящее развитіе культуры въ духѣ космополитизма, со склонностью къ грезамъ о вѣчномъ мирѣ. Такое міросозерцаніе отнюдь не нѣмецкое и для насъ неподходящее. Нѣмецъ, любящій свой народъ, вѣрящій въ величіе и будущность нашей родины и не желающій уменьшенія ея престижа, не долженъ обращать вниманія на эти грезы, не долженъ позволить убаюкать себя колыбельною пѣснью объ утопическомъ мирѣ... Со времени послѣдней великой войны Германія пережила періодъ эконо-

мическаго расцвѣта, вызывающаго нѣкоторую тревогу. Благосостояніе всѣхъ классовъ общества настолько увеличилось, что требованія, предъявляемыя въ отношеніи образа жизни и роскоши, значительно возросли. Мы не отрицаемъ, что этотъ расцвѣтъ породилъ много хорошаго, но отрицательныя стороны его прискорбны и угрожающи. Старые идеалы, даже достоинство и честь націи презираются, такъ какъ для зарабатыванія денегъ необходимъ миръ, миръ во что бы то ни стало. Однако, исторія учитъ, что государства, въ которыхъ преобладали коммерческіе интересы, погибли самымъ плачевнымъ образомъ. Симпатіи культурныхъ народовъ сегодня, какъ и въ эпоху битвъ древности, принадлежатъ *арміи, мужественно и смѣло сражающейся*, и отважнымъ воинамъ, которые, согласно словамъ, влагаемымъ Лессингомъ въ уста Телльгейма, борются ради своей страны изъ любви къ дѣлу, за которое сражаются...

«Несомнѣнно, искусство дипломатіи можетъ и должно на время отсрочить конфликтъ, иной разъ даже разрѣшить его. Конечно, всѣ занимающіе высокіе посты, будутъ всецѣло сознавать въ моментъ великихъ рѣшеній, огромную отвѣтственность, на нихъ лежащую Они поймутъ, что вспыхнувшій грандіозный пожаръ нельзя будетъ потушить быстро и легко. Какъ молнія приводитъ въ равновѣсіе два слоя воздуха, заряженныхъ электричествомъ различныхъ полюсовъ, такъ и мечъ останется до конца міра рѣшающимъ факторомъ во всѣхъ дѣлахъ... Поэтому всякій, любящій свое отечество и вѣрящій въ великое будущее нашего народа, долженъ по мѣрѣ силъ стараться, чтобы не исчезъ и не ослабъ старый воинскій духъ нашихъ отцовъ... Дѣйствуетъ, однако, не мечъ самъ по себѣ, а стальная рука, имъ владѣющая. Каждый изъ насъ долженъ поддерживать въ себѣ способность къ военному дѣлу и морально подготовиться къ тому великому часу, когда кайзеръ призоветъ насъ подъ знамена. Въ этотъ часъ всѣ наши физическія и моральныя силы будутъ принадлежать странѣ, и всѣ наши «способности» должны сосредоточиться на твердомъ желаніи побѣдить, которое никогда въ исторіи не оказывалось тщетнымъ».

Достаточно было бы и этой цитаты, но еще болѣе характерно описаніе ученія, которое производилось гвардейскимъ полкомъ въ Деберицкомъ лагерѣ.

«Блестятъ стальныя каски. Каждый всадникъ галопируя старается сохранить направленіе и равненіе, что, въ виду пыли и неровной

мѣстности, является отнюдь не легкою задачею. Многіе падаютъ, отрядъ скачетъ черезъ нихъ: лѣсъ рубятъ, щепки летятъ... Среди грохота, производимаго галопирующей массой, раздается ясная и звонкая команда: «фронтъ».

«Повода зашевелились. Линія магически перестроилась. Шумно продвигается впередъ фронтъ, образованный изъ пяти гвардейскихъ эскадроновъ. Раздается команда: «Маршъ!» Отъ лошадей требуется наивысшее напряженіе; всадники скачутъ съ крикомъ: «ура», нагнувшись впередъ, съ пиками наперевѣсъ... Не существуетъ ничего болѣе прекраснаго въ мірѣ для всякаго, участвовавшаго въ подобныхъ атакахъ... Впрочемъ, одна вещь кажется еще болѣе прекрасной для истиннаго кавалериста: чтобы все происходило такимъ же образомъ, но чтобы, къ концу этой быстрой скачки, навстрѣчу намъ скакалъ непріятель и затѣялъ съ нами бой, смертный бой, ради котораго насъ воспитываютъ и обучаютъ. Сколько разъ мнѣ приходилось слышать во время такихъ атакъ пламенное желаніе товарищей: «Чортъ возьми, если бы это было всерьёзъ!..» Reitergeist! [1]) Всякій истинный солдатъ почувствуетъ и пойметъ это: «Dulce et decorum est pro patria mori». [2])

Тѣмъ же самымъ «духомъ атаки» (Attakengeist) вѣетъ и въ прощальной рѣчи кронпринца къ данцигскимъ гусарамъ. Молодой, воинственно настроенный герой впадаетъ въ сентиментализмъ; вѣдь онъ не сможетъ болѣе скакать во главѣ своихъ гусаровъ. Онъ «хоронитъ свою юность», но его утѣшаетъ слѣдующая мысль:

«Насъ могутъ разлучить, но мое сердце и мой разумъ останутся съ вами. Когда король кликнетъ насъ, и раздастся команда: «Маршъ! маршъ!» — вспомните обо мнѣ, о моемъ всегдашнемъ пламенномъ желаніи пережить съ вами этотъ моментъ наивысшаго счастья для солдата».

Этотъ моментъ насталъ. Чортъ возьми! дѣло стало серьезнымъ! Гусары скакали въ объятія смерти — маршъ, маршъ, — и были скошены, какъ колосья! Гдѣ находился въ это время ихъ полковникъ? Почему его не было во главѣ ихъ? Вѣдь онъ все еще носитъ элегантную форму своего полка «гусаровъ смерти»,—почему же онъ не бросился на противника съ криками: «ура! ура!?» Почему онъ не поспѣшилъ насладиться этимъ моментомъ наивысшаго счастья?

---

[1]) Вотъ духъ истиннаго кавалериста!

[2]) Пріятна и почетна смерть за родину.

. . . . . .

. . . . . .

Можно было бы предоставить суду собственной совѣсти этого молодого господина («каковы заслуги этого молодого господина?» спросилъ однажды Бебель въ рейхстагѣ) — если бы, къ несчастью, многіе не видѣли въ немъ, не называли его національнымъ героемъ этой войны, отвѣтственность за которую падаетъ, главнымъ образомъ, на него и его приверженцевъ.

Онъ давно уже является безспорнымъ вождемъ шовинистовъ и нѣмецкихъ націоналистовъ и задаетъ тонъ «національному оркестру». Великъ кронпринцъ, и Лиманъ — пророкъ его [1]). Борьба съ нимъ означаетъ борьбу съ теченіемъ, вовлекшимъ Германію въ войну — не провоцированную, не навязанную, не имѣющую какой либо практической цѣли,—и которое погубитъ насъ, германцевъ, если мы его не остановимъ.

Несчастье королей въ томъ, что они не хотятъ слышать правды. Но правда сильнѣе ихъ. Она стучится въ дверь желѣзными перстами; она достигаетъ ихъ слуха, и, если Германія, по словамъ канцлера, не можетъ быть покорена, правда еще менѣе можетъ быть покорена. Она разрываетъ завѣсы, покрывающія ее, и, сіяющая и обнаженная, является при свѣтѣ дня.

Политика окруженія.

Политика окруженія есть, такъ сказать, одна изъ завѣсъ, при помощи которыхъ стараются скрыть истину. Что означаютъ эти слова: политика окруженія? Всякій повторяетъ ихъ, не отдавая себѣ отчета въ идеѣ, ими выражаемой. Если они дѣйствительно что-либо выражаютъ, то лишь политику, стремящуюся окружить Германію и Австрію, по периферіи, союзомъ враждебныхъ державъ. Слѣдовательно, это понятіе географическое.

Но какая же агрессивная тенденція проявляется въ случайномъ географическомъ положеніи державъ тройственнаго согласія? Могутъ ли агрессивные планы опредѣляться или обусловливаться географическимъ положеніемъ? Развѣ не угрожала бы Германіи и Австріи та же опасность, если бы въ согласіи, вмѣсто державъ, нынѣ его составляющихъ, участвовали бы Италія или даже Америка? Можно ли было бы въ такомъ случаѣ говоритъ объ окруженіи? Несомнѣнно, съ

[1]) Der Kronprinz, Gedanken uber Deutschlands Zukunft, сочиненіе Пауль Лимана.

такимъ же правомъ, съ какимъ стрѣлокъ Кучке утверждаетъ, что «онъ одинъ окружилъ цѣлый отрядъ враговъ».

Ясно, что нѣтъ ничего общаго между географіей и военной опасностью или воинственными намѣреніями. Если тройственное согласіе именуютъ «окруженіемъ», то тройственный союзъ можно было бы назвать «устраненіемъ» (Auskreisung), такъ какъ три центральныя державы образуютъ блокъ, изъ котораго исключены державы тройственнаго согласія. Обѣ группировки державъ въ одинаковой степени являются оборонительными и наступательными. Географическая констеллація является лишь случайнымъ слѣдствіемъ хронологической послѣдовательности заключенія союзовъ. Если бы Италія была свободна въ то время, когда Эдуардъ VII отказался отъ «блестящаго одиночества», весьма вѣроятно, что онъ включилъ бы ее, вмѣсто Россіи, въ свою союзническую систему. Онъ, навѣрно, предпочелъ бы демократическую Италію, съ которой его страна имѣетъ много общихъ интересовъ, союзнику, который въ виду своей политики и наличности интересовъ въ Азіи, не тождественныхъ съ англійскими, являлся мало желаннымъ «другомъ» для Англіи. Группировки европейскихъ державъ обусловливаются историческими событіями и сплетеніемъ интересовъ. Ихъ географическая конфигурація не имѣетъ никакого отношенія къ характеру и стремленіямъ обѣихъ группъ.

Ошибочно видѣть въ самомъ «эксцентрическомъ» положеніи державъ тройственнаго согласія угрозу союзнымъ имперіямъ. Говорящій объ агрессивныхъ планахъ обязанъ доказать наличность ихъ, доказать ихъ, притомъ, другими доводами, чѣмъ ссылкой на географическое положеніе. Такихъ другихъ доводовъ не оказывается. Въ Германіи утверждаютъ, что Англія ревновала и завидовала расцвѣту нашей торговли. Ревность и зависть—чувства, а не дѣйствія. Когда, гдѣ и какъ Англія стремилась претворить въ дѣло свою ревность по отношенію къ Германіи? иными словами: когда напала на нее? Никогда и нигдѣ. Никакое дѣйствіе Англіи не доказываетъ, чтобы она, въ соглашеніи съ союзниками, думала о вооруженномъ нападеніи на Германію. Правда, дипломатія ея поддержала Францію во время марокскаго конфликта. Но это было ея правомъ и даже обязанностью, вслѣдствіе договора 1904 года, и она вполнѣ была въ правѣ дѣйствовать, сообразуясь съ своими обязательствами и интересами. Развѣ Австрія не поддержала насъ, германцевъ, во время того же конфликта? Развѣ мы въ свою очередь не стояли всегда на сторонѣ Австріи въ восточныхъ вопросахъ?

Почему же считать дипломатическую поддержку, оказываемую союзной или дружественной страной, въ одномъ случаѣ — дѣйствіемъ оборонительнымъ, въ другомъ—наступательнымъ? Развѣ не въ правѣ Англія, при всѣхъ дипломатическихъ переговорахъ, оцѣнивать свои интересы и обязательства съ собственной точки зрѣнія, какъ мы это дѣлаемъ относительно своихъ обязательствъ и интересовъ? Повторяю: гдѣ доказательства агрессивныхъ плановъ Англіи противъ насъ?

Мнѣ укажутъ на морскія и военныя конвенціи, которыя Англія уже заключила съ Франціей и намѣревалась подписать съ Россіей. Но развѣ мы, германцы, не заключили военныхъ конвенцій съ Австріей, опредѣлявшихъ точнѣйшимъ образомъ — вплоть до числа пушекъ и ротъ — размѣры взаимной помощи, которую мы обязаны были оказать другъ другу въ случаѣ войны? Не обмѣнивались ли главные штабы обѣихъ странъ постоянными визитами? Не созывали ли они конференцій? Если нашъ — весьма тѣсный — военный союзъ съ Австріей не имѣлъ агрессивнаго характера, почему таковой присущъ значительно менѣе опредѣленному соглашенію французскихъ и англійскихъ офицеровъ, имѣвшему почти что характеръ простого совѣщанія [1])? Документально установлено, что эти совѣщанія абсолютно ни къ чему не обязывали. Они не содержали обязательства взаимной вооруженной помощи. Во франко-англійскомъ соглашеніи не имѣлось такого рода требованія; обоимъ государствамъ предоставлялась полная свобода рѣшать по собственному усмотрѣнію, оказать ли другому въ извѣстномъ случаѣ вооруженную поддержку [2]) Эта свобода сохранялась даже въ случаѣ нападенія третьей державы, даже ничѣмъ не провоцированнаго. Только если бы обѣ страны добровольно обязались къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ, лишь тогда совѣщанія офицеровъ имѣли бы практическіе результаты.

Въ области европейской политики англо-русскія отношенія были еще менѣе опредѣленными, чѣмъ англо-французскія. Конвенціи, заключенныя Англіей и Россіей, касались исключительно азіатскихъ интересовъ и не содержали никакихъ обязательствъ относительно Европы. Англія такъ мало участвовала во франко-русскомъ союзѣ, что даже не знала текста договора [3]).

---

[1]) См. рѣчь Грея въ палатѣ общинъ 3 августа 1914 г., англійская Синяя книга, стр. 89—96.

[2]) См. письмо Грея къ Камбону отъ 22 ноября 1912 г. Синяя книга стр. 90.

[3]) См. Синюю книгу, стр. 91.

Великобританія не только не намѣревалась и не была обязана напасть на насъ: она даже не имѣла ни малѣйшей причины для этого. Какой выгоды могла она ожидать отъ войны съ нами? Мы постоянно говоримъ о «торгашескомъ духѣ» Англіи и любимъ противопоставлять нашему патріотическому энтузіазму трезвый и разсудочный «коммерческій духъ» англичанина; намъ не слѣдовало бы приписывать этому народу торгашей безумное желаніе уничтожить своихъ лучшихъ кліентовъ для вящшаго процвѣтанія торговыхъ оборотовъ. На такой безумный поступокъ была бы способна страна, гдѣ вся власть сосредоточена въ рукахъ генераловъ, кавалерійскихъ полковниковъ и противниковъ коммерсантовъ, но ни въ коемъ случаѣ не народъ, руководящіе политики котораго вышли изъ торговаго сословія, или, по крайней мѣрѣ, поголовно прониклись современнымъ коммерческимъ духомъ.

На самомъ дѣлѣ Англія никогда не питала агрессивныхъ намѣреній противъ Германіи, никогда не заключала наступательнаго союза, направленнаго противъ насъ, германцевъ, и никогда ничего не предпринимала, чтобы побудить другихъ къ нападенію на насъ. Утверждающій противное обязанъ, согласно правиламъ судопроизводства, доказать это. До сихъ поръ я тщетно искалъ этого доказательства въ нѣмецкихъ рѣчахъ и писаніяхъ. Повсюду имѣется лишь простое утвержденіе безъ тѣни доказательства. А когда такое утвержденіе исходитъ изъ оффиціальнаго источника, т. е. отъ людей, знающихъ дипломатическую исторію послѣднихъ 15 лѣтъ, то это утвержденіе должно противорѣчить ихъ внутреннему убѣжденію,—является, слѣдовательно, ложью.

За послѣднія 15 лѣтъ, со времени перваго конгресса въ Гаагѣ въ 1899 году, Англія нѣсколько разъ пыталась заключить политическое соглашеніе съ Германіей, слѣдствіемъ котораго явилось бы взаимное ограниченіе морскихъ вооруженій; всѣ эти попытки не имѣли успѣха въ виду недомыслія Германіи, или отсутствія доброй воли съ ея стороны.

Извѣстно, что со времени Фашодскаго дѣла франко-англійскія отношенія были чрезвычайно натянуты и что между обѣими странами чуть было не вспыхнула война. Въ этотъ моментъ Англія рѣшилась отказаться отъ своего «блестящаго одиночества» и заключить соглашеніе съ нами. Наши проницательные политики не сумѣли воспользоваться случаемъ. Если бы они не упустили этого благопріятнаго момента, они, избѣгнувъ разорительныхъ вооруженій и не

ударивъ пальцемъ о палецъ, навсегда обезпечили бы дальнѣйшее развитіе нашей экономической жизни и нашей культуры и облагодѣтельствовали бы вселенную, гарантировавъ ей прочный миръ.

Англія и Германія.

Первый конгрессъ въ Гаагѣ.

28 августа 1898 года въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» былъ опубликованъ извѣстный манифестъ Царя въ пользу мира. Намѣренія Царя были лойяльны, и цѣли, поставленныя имъ европейскимъ народамъ,—прочный и искренній миръ, ограниченіе вооруженій, ведущихъ народы постепенно, даже въ мирное время, къ экономическому разоренію — навсегда останутся идеаломъ, къ достиженію котораго будутъ направлены усилія всѣхъ главъ государствъ. Даже нынѣшняя война не можетъ имѣть иныхъ цѣлей, кромѣ указанныхъ выше, если не желаютъ, чтобы она ограничилась безумнымъ и безплоднымъ кровопролитіемъ.

Какъ отнеслись къ этому манифесту Англія и Германія?

Въ то время, какъ англійское общественное мнѣніе и правительство привѣтствовали манифестъ отъ всей души, давая министру иностранныхъ дѣлъ возможность сообщить въ Петроградъ объ единодушномъ одобреніи этого акта всею англійскою націею, германское правительство отнеслось къ нему весьма сдержанно. Правда, въ Германіи возникло народное движеніе въ пользу идей, высказанныхъ Царемъ, но только соціалъ-демократія признала важное значеніе этихъ идей, за которыя она всегда боролась и которыя впервые были формулированы свыше. Конечно, вскорѣ послѣдовало выступленіе Kriegshetzer [1]). «Утопіи», «химеры»—были наиболѣе мягкими выраженіями, которыми характеризовалось дѣло Царя. Нѣкоторые—сообразно съ обычной тактикой, всегда соблюдавшейся съ тѣхъ поръ,—дошли даже до утвержденія, будто Россія хотѣла побудить другія государства ограничить вооруженія, чтобы тайно увеличивать свои собственныя и осуществить свои панславистскія вожделѣнія.

Рекордъ въ нападкахъ такого рода былъ, конечно, побитъ нѣмцемъ, мюнхенскимъ профессоромъ международнаго права, Штенгелемъ;

---

[1]) Агитаторовъ въ пользу войны.

еще до созыва конференціи онъ установилъ для нея весьма неблагопріятный прогнозъ. Въ награду за это министерство иностранныхъ дѣлъ немедленно отправило его въ качествѣ представителя Германіи на Гаагскій конгрессъ.

Созывъ послѣдняго состоялся вслѣдствіе усилій русскаго статскаго совѣтника фонъ-Блоха и благодаря англійскимъ вліяніямъ. Уже въ 1890 году англійскій премьеръ-министръ Солсбери составилъ смѣту расходовъ на военныя вооруженія Европы и конфиденціально сообщилъ объ этомъ кайзеру,—конечно, безъ всякаго результата. Старанія Солсбери увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ лишь послѣ того, какъ международная конференція 1896 года энергично поддержала ихъ, и послѣ его замѣчательной рѣчи въ Гильдхолѣ, съ указаніемъ на плачевный результатъ безпрерывно растущихъ вооруженій. Въ концѣ концовъ онъ, при посредствѣ графа Ламсдорфа, передалъ Царю всѣ документы, относящіеся къ этому вопросу [1]).

Поведеніе Англіи и Германіи во время конгресса было такимъ же, какъ и до конгресса. Несмотря на всѣ враждебныя манифестаціи, онъ былъ открытъ въ Гаагѣ 18 мая 1899 года. Въ немъ участвовали 26 государствъ. Во время всѣхъ переговоровъ наблюдалась та же картина: съ одной стороны—Англія, всѣми силами стремящаяся къ уменьшенію тяготъ вооруженій и къ мирному разрѣшенію международныхъ конфликтовъ, поддержанная Франціей, Россіей, Америкой и, конечно, всѣми мелкими государствами; съ другой стороны—Германія и ея вѣрная союзница Австрія. Оппозиція Германіи была иногда столь рѣзкой, что конгрессу пришлось бы разойтись безъ результатовъ, не умѣрь остальные участники своихъ требованій.

Въ качествѣ вступленія къ обсужденію вопроса о разоруженіи, кайзеръ произнесъ въ Висбаденѣ рѣчь, въ которой объявилъ «острый мечъ» наилучшей гарантіей мира. Какъ мы увидимъ въ настоящей главѣ, у насъ, германцевъ, вошло въ систему: мирной игрѣ свирѣли европейскаго концерта всегда предпосылать воинственную прусскую фанфару.

Русское предложеніе имѣло въ виду не увеличивать въ теченіе 5 лѣтъ состава арміи на мирномъ положеніи и военнаго бюджета, а также въ теченіе 3 лѣтъ состава флота. Это предложеніе, блестяще поддержанное русскимъ уполномоченнымъ — онъ, главнымъ образомъ, старался доказать, что соревнованіе въ области вооруженій тщетно, такъ какъ соотношеніе силъ

---

[1]) См. Fried, Handbuch der Friedensbewegung I, стр. 204.

различныхъ государствъ остается тѣмъ же—очень энергично оспаривалось нѣмецкимъ военнымъ делегатомъ, генераломъ Гроссъ-фонъ-Шварцгофомъ. Въ результатѣ, совѣщанія конгресса потерпѣли бы въ этомъ пунктѣ полнѣйшее фіаско, если бы Леону Буржуа, французскому уполномоченному, доказавшему, что ограниченіе вооруженій необходимо въ интересахъ культуры и является обязанностью каждаго государства, не удалось объединить голоса вокругъ резолюціи, имъ самимъ формулированной, но лишенной всякаго практическаго значенія.

Резолюція эта гласитъ: «Ограниченіе военныхъ тяготъ, нынѣ обременяющихъ человѣчество, въ высшей степени желательно въ интересахъ моральнаго и матеріальнаго благополучія человѣчества».

Это не помѣшало нѣмецкому кабинету—остальныя европейскія правительства пошли по его стопамъ—настолько усилить вооруженія, что переполненный шаръ, въ концѣ концовъ, лопнулъ и вызвалъ всемірный пожаръ.

Русское предложеніе относительно учрежденія международнаго третейскаго суда постигла еще болѣе печальная судьба. Оно было весьма скромнымъ: правда, оно имѣло въ виду ввести обязательное подчиненіе приговорамъ суда, но добавляло, что это обязательство отмѣняется въ вопросахъ, затрагивающихъ бытіе или честь государства. Такъ какъ всякое государство само рѣшало, что для него является вопросомъ бытія или чести, то слѣдуетъ признать, что это предложеніе ничуть не было проникнуто революціоннымъ духомъ. Къ предложенію примкнули почти всѣ делегаты; только Германія возражала противъ него; подчиненіе третейскому суду не соотвѣтствуетъ, по словамъ профессора Цорна, «традиціямъ бисмарковской политики».

Оппозиція Германіи была столь сильна, что обсужденіе этого пункта не могло продолжаться, и было прервано на 15 дней, въ теченіе которыхъ Цорнъ получилъ новыя предписанія изъ Берлина. Одно время казалось, что дальнѣйшее обсужденіе вопроса состоится безъ участія этой страны. Чтобы не погубить всего дѣла, рѣшились, наконецъ, уступить желаніямъ Берлина и замѣнить обязательное подчиненіе суду—добровольнымъ. Опять Германія могла гордиться, что оказала противодѣйствіе рѣшительному прогрессу на пути мирной организаціи народовъ. Учрежденію постояннаго третейскаго суда въ Гаагѣ Германія сначала тоже противилась. Она согласилась на это лишь послѣ того, какъ каждому государству было предоставлено, по собственному усмотрѣнію, обращаться къ третейскому суду. Во-

преки усиліямъ Германіи и Австріи и лишь благодаря стараніямъ Франціи и Англіи, энергично поддержавшихъ пацифистскія стремленія Россіи, Гаагскій конгрессъ все же оказался значительнымъ шагомъ впередъ по пути къ международной организаціи государствъ и постепенному сокращенію вооруженій, что должно было дать облегченіе стонущимъ подъ ихъ тяжестью народамъ.

Между первой и второй конференціями въ Гаагѣ. Англійское либеральное правительство.

Между обѣими Гаагскими конференціями—вторая засѣдала съ іюля по октябрь 1907 года—въ европейскихъ государствахъ произошли событія, очень характерныя для выясненія отношеній этихъ странъ и ихъ правительствъ къ проблемамъ, поднятымъ на первомъ Гаагскомъ конгрессѣ. Этими событіями наиболѣе ярко былъ подчеркнутъ контрастъ, существующій между Англіей и Германіей.

Еще до конгресса 1899 года первый лордъ адмиралтейства Гошенъ выступилъ 9 марта 1891 г., отъ имени консервативной партіи, съ опредѣленнымъ заявленіемъ въ пользу урегулированія системы вооруженій, основаннаго на договорахъ. Эта декларація была повторена министромъ Чемберлэномъ въ іюлѣ 1903 года, заявившемъ, что она является обязательной для всего британскаго кабинета [1]).

Въ 1905 г. власть перешла къ либеральной партіи, и убѣжденный пацифистъ Кампбелъ-Баннерманъ сталъ во главѣ министерства. Новое правительство немедленно начало дѣйствовать энергично, неутомимо въ томъ же направленіи, которое на Гаагской конференціи привело лишь къ очень скромному практическому результату, главнымъ образомъ вслѣдствіе оппозиціи Германіи.

Дѣятельность либеральнаго англійскаго правительства была такъ широко поставлена и разнообразна, что въ рамкахъ настоящаго труда невозможно отмѣтить всѣ ея проявленія. Въ парламентѣ, въ междупарламентскихъ конференціяхъ, на банкетахъ въ Гильдхолѣ и въ клубахъ, въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ другими державами, въ газетныхъ статьяхъ и въ журналахъ,—вездѣ англійскіе министры неутомимо и настоятельно указывали на роковыя послѣдствія маніи сухопутныхъ и морскихъ вооруженій, стараясь найти средства противъ такого, ведущаго къ разоренію, положенія дѣлъ. Тѣ же самые

---

[1]) См. Fried, Handbuch der Friedensbewegung II, стр. 767.

люди, которыхъ ослѣпленный нѣмецкій народъ считаетъ зачинщиками и коварными виновниками войны, и которымъ нѣкоторые германскіе историки смѣютъ отказывать даже въ личной чести—Греи, Холдэны, Ллойдъ-Джоржы, Кампбелъ-Банерманы, Асквиты и др.—со страстью отдались задачѣ, которая, какъ они ясно сознавали, затрагивала не только жизнь Англіи, но и жизнь всей Европы. Въ своей програмной рѣчи Кампбелъ воскликнулъ: «политика огромныхъ вооруженій поддерживаетъ и развиваетъ мнѣніе, что насиліе—главное, если не единственное, средство для разрѣшенія международныхъ конфликтовъ».

«Мнѣ хотѣлось бы»,—сказалъ въ палатѣ общинъ военный министръ Холдэнъ 8 мая 1908 г.—«чтобы мы дошли до того, чтобы народы могли сообща приступить къ рѣшенію вопроса объ ограниченіи вооруженій. Только общими усиліями мы можемъ освободиться отъ бремени вооруженій».

Въ томъ же году, 26 сентября, на банкетѣ, министръ-президентъ выразилъ надежду, что соглашеніе, достигнутое относительно Марокко (алжезирасскій договоръ былъ подписанъ 7 апрѣля) позволитъ уменьшить военные расходы, и заявилъ, что Англія пойдетъ впереди другихъ въ этомъ вопросѣ.

Англійское правительство, дѣйствительно, осуществило свое намѣреніе. Проектъ программы, составленный Россіей для второго Гаагскаго конгресса, весною 1906 г., не затрагивалъ вопроса о вооруженіяхъ. Поведеніе Германіи на первомъ конгрессѣ вѣроятно убѣдило русское правительство, что всякія пренія на эту тему ни къ чему не приведутъ. Однако, либеральный англійскій кабинетъ энергично настоялъ на томъ, чтобы вопросъ о вооруженіяхъ внесенъ былъ въ программу, на ряду съ вопросомъ о третейскомъ судѣ. Предложеніе въ этомъ смыслѣ, сдѣланное въ палатѣ общинъ соціалистскимъ депутатомъ Вивіаномъ, было принято единогласно, при громкихъ кликахъ «ура», и министръ иностранныхъ дѣлъ, сэръ Эдвардъ Грей, присоединился, отъ имени правительства, къ рѣшенію парламента. «Никогда еще общественное мнѣніе Европы не заботилось столько о мирѣ»,—сказалъ Грей,—«а, между тѣмъ, расходы на арміи и флоты безпрестанно растутъ. Гаагская конференція не можетъ оказать большей услуги миру, какъ сдѣлавъ его гарантіи менѣе обременительными. Говорятъ, что мы должны подождать такого хода со стороны другихъ державъ, но вѣдь, при нынѣшнихъ условіяхъ, всѣ державы ждутъ другъ друга, и когда нибудь одна изъ нихъ должна же сдѣлать пер-

вый шагъ... Отъ имени правительства я принимаю и привѣтствую это рѣшеніе, какъ отрадное проявленіе общественнаго мнѣнія» [1]).

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1906 г., когда междупарламентскій союзъ собрался въ Лондонѣ (620 депутатовъ отъ 23 странъ), премьеръ-министръ Кампбеллъ открылъ засѣданіе знаменательною рѣчью: «Во имя человѣчества»,—сказалъ онъ членамъ союза, — «настаивайте, чтобы правительства отправились на Гаагскую конференцію съ твердою рѣшимостью—съ которою и мы надѣемся ѣхать туда—облегчить тяжесть военнаго и морскаго бюджетовъ».

Американскій политическій дѣятель Брайанъ, нынѣ министръ иностранныхъ дѣлъ, высказался въ томъ же смыслѣ. Соотвѣтствующая резолюція была принята единогласно.

Еще яснѣе высказался Кампбеллъ въ пользу ограниченія вооруженій 5 марта 1907 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до открытія конференціи. Онъ заявилъ, что на обязанности Англіи лежитъ внести этотъ вопросъ на обсужденіе второй Гаагской конференціи, «ибо, по нашему мнѣнію, среди культурныхъ людей всѣхъ странъ Европы существуетъ сильное теченіе въ пользу окончательнаго ограниченія огромныхъ расходовъ, вызываемыхъ нынѣшнимъ положеніемъ вещей. Мы хотимъ быть въ первыхъ рядахъ тѣхъ, по мнѣнію которыхъ воинственное настроеніе державъ по отношенію другъ къ другу, проявляющееся въ необычайномъ ростѣ вооруженій, есть проклятіе, и, чѣмъ скорѣе мы ему положимъ предѣлъ, хотя бы въ скромной мѣрѣ, тѣмъ лучше [2]).

Государственные дѣятели другихъ европейскихъ и американскихъ странъ высказали такіе же взгляды, что и англійскіе министры. Леонъ Буржуа—въ Парижѣ, Титтони, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Италіи, въ Римѣ, Рузвельтъ въ своемъ посланіи къ конгрессу,—всѣ высказывались въ пользу конвенціи, которая урегулировала бы вооруженія, и въ пользу обсужденія этого вопроса Гаагскою конференціею.

Только Австрія и Германія опять явились блестящимъ исключеніемъ. Въ австрійскихъ делегаціяхъ графъ Голуховскій далъ на внесенный запросъ уклончивый отвѣтъ, а въ Германіи шовинисты закричали благимъ матомъ при одной мысли, что эти вопросы могутъ подвергнуться международному обсужденію. Тамъ, по обыкновенію, намекали, что всѣ усилія великихъ державъ,

---

[1]) Фридъ, Handbuch der Friedensbewegung, т. II, стр. 169.

[2]) Фридъ, Handbuch der Friedensbewegung, т. II, стр. 171.

въ сущности,—коварная хитрость, съ цѣлью лишить Германію средствъ защиты. Включеніе въ программу вопроса о вооруженіяхъ считали даже опаснымъ,—могущимъ вызвать войну. «Чѣмъ больше приближается время созыва мирной конференціи»,—говорится въ передовой статьѣ «Tägliche Rundschau» отъ 9 апрѣля 1907 г.,—«тѣмъ яснѣе становится, что она принимаетъ характеръ «нарушительницы мира» (trouble-paix).

Депутатъ Бассерманъ заявилъ, что въ общемъ положеніи вещей станутъ проявляться мирныя тенденціи лишь послѣ того, какъ Гаагская конференція закончится безъ инцидентовъ. Прусскій военный министръ демонстративно пояснилъ, что Германія вполнѣ готова. Депутатъ Либерманъ фонъ-Зонненбергъ закончилъ въ рейхстагѣ шовинистскую рѣчь смѣлымъ возгласомъ: «Пусть приходятъ!». Наконецъ, last not least, кн. Бюловъ, не возлагавшій никакихъ надеждъ на обсужденіе этого вопроса, объявилъ о своемъ намѣреніи «предоставить веденіе переговоровъ въ Гаагѣ тѣмъ державамъ, которыя разсчитываютъ на какіе-либо результаты отъ конференціи».

Вотъ каковъ былъ отвѣтъ Германіи на предложеніе Англіи заключить международное соглашеніе по вопросу о вооруженіяхъ.

Вторая Гаагская конференція. Англія и Германія.

Пренія на конференціи вполнѣ соотвѣтствовали этому многообѣщающему началу. Произошло приблизительно то же, что было на первой конференціи; Англія желала обсудить вопросъ о вооруженіяхъ, Германія отказалась. Во избѣжаніе конфликта, былъ найденъ слѣдующій исходъ: первый делегатъ Англіи, министръ юстиціи, сэръ Эдвардъ Фрай, произнесъ рѣчь, въ которой освѣтилъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и предложилъ резолюцію съ заявленіемъ, что болѣе серьезное разсмотрѣніе этого вопроса «въ высшей степени желательно». Согласно уговору, не предполагалось вести никакихъ преній. Предложеніе было принято единогласно [1]).

Такимъ образомъ, Германія снова имѣла блестящій успѣхъ, и одинъ изъ путей къ прогрессу оказался наглухо забитымъ.

Когда на засѣданіи рейхстага 21 ноября 1907 г. Бебель обратился къ кн. Бюлову съ запросомъ по поводу поведенія германскихъ делегатовъ на конференціи въ Гаагѣ, канцлеръ отвѣтилъ, не укло-

---

[1]) Фридъ, I, стр. 261.

няясь отъ истины, что германскіе делегаты не участвовали въ пр
ніяхъ по вопросу о вооруженіяхъ, потому что таковыхъ преній
было. Но онъ забылъ прибавить, что именно Германія не д
пустила преній.

Въ Англіи неудача благородныхъ усилій лидеровъ либеральных
партій, разумѣется, вызвала всеобщее разочарованіе. За нѣсколь
мѣсяцевъ до своей смерти Кампбелъ-Баннерманъ выразилъ это раз
чарованіе слѣдующими словами: «Мы надѣялись сдѣлать крупн
шагъ впередъ въ дѣлѣ обузданія все усиливающагося соперничест
въ области вооруженій. Мы ошиблись».

Въ Англіи ошиблись, но не упали духомъ. Послѣ неудачных
попытокъ добиться международнаго соглашенія, была сдѣлана п
пытка сговориться непосредственно съ Германіей. Дальше мы ув
димъ, чѣмъ это кончилось.

Кромѣ вопроса о вооруженіяхъ, на Гаагской конференціи
первомъ планѣ, естественно, былъ вопросъ о международном
трибуналѣ третейскаго суда. Необходимо было прида
набросанному въ 1899 г. плану болѣе прочную и гармоническу
форму. Въ сдѣланныя ранѣе постановленія предстояло включи
принципъ обязательности третейскаго разбирательства, котор
Германія провалила. Во избѣжаніе новаго сопротивленія со сторон
Германіи, былъ выработанъ очень сложный проектъ, которымъ, правд
подписавшія его державы обязывались подчиниться этому трибунал
но исключались вопросы, затрагивающіе существенные интересы и
независимость спорящихъ сторонъ.

Этотъ принципъ ограниченной обязательности также встрѣти
рѣшительное сопротивленіе со стороны Германіи. Была сдѣлана п
пытка придать ему иную форму, чтобы удовлетворить Германію,
и смягченный проектъ не былъ ею одобренъ. Она, вмѣстѣ съ Австрі
отвергла его, тогда какъ большинство державъ,—въ числѣ ихъ Фра
ція, Англія и Россія,—приняли его 32 голосами противъ 9.

Скорбный путь, которымъ медленно двигался вопросъ о
учрежденіи международнаго трибунала третейскаго суда не был
однако, еще весь пройденъ. Было предложено, чтобы принятое т
кимъ значительнымъ большинствомъ соглашеніе считалось обязате
нымъ, по крайней мѣрѣ, для принявшихъ его державъ. Но баро
фонъ-Маршалъ заявилъ, что это нарушитъ принципъ единогласны
рѣшеній, и конференція должна была удовлетвориться платоническ
декларацiей, въ которой указывалось, что державы принимаютъ при
ципъ обязательности третейскаго суда, но тѣмъ условіемъ, что

въ случаѣ конфликта, каждой державѣ «предоставлялось право отстаивать свою точку зрѣнія».

Итакъ, снова, какъ и всегда—успѣхъ на сторонѣ Германіи! Намъ, германцамъ, можно гордиться тѣмъ, что мы вездѣ играли роль тормаза, мѣшавшаго народамъ придти къ соглашенію между собою. Эта слава остается за нами въ полной неприкосновенности, не вызывая, однако, у другихъ народовъ чувства любви къ намъ.

Англія предлагаетъ Германіи политическое соглашеніе и морскую конвенцію.

Едва конгрессъ успѣлъ разъѣхаться, какъ англійскіе министры принялись изыскивать новыя средства для достиженія своей цѣли, обѣщавшей одинаковую пользу всѣмъ народамъ. Разрѣшивъ договоромъ 1904 года всѣ спорные вопросы между Франціей и Англіей, и устранивъ конвенціей 1907 г. всѣ англо-русскія разногласія, англійское министерство, во главѣ котораго, вмѣсто Кампбелля, сталъ Асквитъ, сочло главною своею задачею построить англо-германскія отношенія на основахъ, исключающихъ всякую возможность новыхъ конфликтовъ. Между интересами Германіи и Англіи почти не было противорѣчій и «плоскостей тренія», или ихъ было очень мало. Затрудненія, возникшія по поводу Восточной Африки, были устранены Каприви и Солсбери въ 1890 году: нѣмцы получили Гельголандъ, а англичане—концессіи въ Восточной Африкѣ. Малоазіатскіе вопросы не могли вызвать серьезныхъ конфликтовъ; кромѣ того, договоръ, заключенный въ началѣ лѣта 1914 г., несмотря на осложнившееся тогда политическое положеніе, доказываетъ, что, при желаніи съ обѣихъ сторонъ, не трудно было разграничить англійскія и германскія сферы интересовъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, у англійскаго общества и правительства не могъ не возникнуть вопросъ: чѣмъ же вызывается это, становящееся все болѣе и болѣе роковымъ, соперничество въ области морскихъ вооруженій? Почему обѣ страны, желая мира, разоряются на военные расходы? Если одна страна предлагаетъ ограничить вооруженія, какъ это сдѣлала Англія на обѣихъ конференціяхъ въ Гаагѣ, въ 1899 и 1907 г.г., а другая постоянно отвергаетъ всякое ограниченіе этихъ вооруженій, то не имѣется ли законное основаніе подозрѣвать, что послѣдняя питаетъ противъ идущей ей навстрѣчу страны замыслы, въ коихъ не можетъ признаться?

Англійскій народъ, естественно, долженъ былъ поставить себѣ этотъ вопросъ, а также и другой: что сказала бы Германія, да и вся Европа, если бы Англія, уже господствующая на моряхъ, вдругъ выставила бы сухопутную армію, которая, рано или поздно, могла бы сравниться, по силѣ, съ германскою арміею? Не могло ли это быть сочтено, совершенно основательно, угрозой соперницѣ, континентальной державѣ. Германскій морской законъ, настойчиво, въ теченіе короткаго срока, получавшій все большее развитіе и поставившій Германію, въ 20 лѣтъ, на второе мѣсто среди морскихъ державъ, создалъ для Англіи дилемму: или отвѣтить на германскія вооруженія соотвѣтствующимъ увеличеніемъ своихъ вооруженій, или попытаться замѣнить проектъ международной конвенціи, потерпѣвшій неудачу въ Гаагѣ, договоромъ между Англіей и Германіей. Министерство Асквита избрало сначала второй путь, правда, довольно тернистый, такъ какъ Германія постоянно принципіально отказывалась ограничить свои морскія вооруженія.

Для простого смертнаго этотъ отказъ, разумѣется, непонятенъ. Нужно, несомнѣнно, обладать высшею проницательностью государственныхъ дѣятелей, одаренныхъ Богомъ особыми способностями, чтобы оспаривать правильность слѣдующаго весьма простого расчета. Англичане говорятъ нѣмцамъ: «мы считаемъ настоящее соотношеніе силъ нашихъ флотовъ (16 : 10) вполнѣ правильнымъ и, во всякомъ случаѣ, не имѣя значительной сухопутной арміи, вынуждены сохранять это соотношеніе силъ, чтобы защитить свою торговлю, свои колоніи, и чтобы не лишиться занимаемаго нами положенія. Если ты, Германія, допускаешь такое соотношеніе силъ,—тѣмъ лучше для насъ обѣихъ. Въ такомъ случаѣ, соперничество въ вооруженіяхъ излишне, ибо соотношеніе нашихъ силъ всегда останется такимъ же. Если ты не допускаешь такого соотношенія силъ, то тѣмъ хуже для тебя. На каждое строющееся на твоихъ верфяхъ судно мы отвѣтимъ постройкой двухъ судовъ, и соотношеніе силъ измѣнится не въ твою пользу, — какъ въ относительномъ, такъ и въ абсолютномъ смыслѣ. Когда ты построишь десять судовъ, твой флотъ будетъ состоять изъ 20 судовъ, а мы, въ то же время, построимъ 20, и въ нашемъ флотѣ будетъ 36 судовъ и т. д. Абсолютная разница между нашими флотами будетъ постоянно расти, и соотношеніе ихъ силъ все болѣе и болѣе будетъ измѣняться не въ твою пользу. Въ концѣ концовъ, мы обѣ разоримся и уподобимся тѣмъ львамъ, которые съѣли другъ друга, такъ что остались лишь хвосты. Выбирай! Если ты примешь

мое первое предложеніе, ты будешь черезъ 10 лѣтъ въ такой же безопасности, какъ теперь, и сбережешь и людей, и деньги. Если же ты рѣшишься на второе, то твоя безопасность будетъ уменьшаться съ каждымъ годомъ, и ты постепенно разоришься. Ты, правда, и меня заставишь разориться, но это — жалкое утѣшеніе».

Мальчуганъ, только что выучившій таблицу умноженія, понялъ бы этотъ расчетъ и, не колеблясь, выбралъ бы первое предложеніе. Германское же императорское правительство не было въ силахъ подняться на такую высоту пониманія, и безконечные переговоры, постоянно возобновлявшіеся Англіей — я назвалъ бы ихъ «7-лѣтней войной вооруженій» (1907—1914 г.) — кончились неудачей. Можно даже положительно утверждать, что неудача переговоровъ, вызвавшая постоянный ростъ вооруженій и создавшая еще болѣе напряженное политическое положеніе, значительно способствовала тому, что «война вооруженій» вызвала нынѣшнюю войну.

Отвѣтственность за это падаетъ исключительно на Германію, что докажетъ краткій обзоръ событій.

На 17-мъ мирномъ конгрессѣ, засѣдавшемъ въ Лондонѣ, въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ 1908 г., министръ финансовъ Ллойдъ-Джоржъ горячо высказался за англо-германское соглашеніе и жалѣлъ, что «въ двадцатомъ вѣкѣ христіанской эры, въ цивилизованной странѣ, приходится устраивать собраніе для протеста противъ факта существованія христіанскихъ государствъ, тратящихъ ежегодно 400 милліоновъ фунт. стерл. (10 милліардовъ франковъ), чтобы подготовить одну націю къ истребленію другой». Въ 1908 г. премьеръ-министръ Асквитъ увѣрялъ на банкетѣ лордъ-мэра, что «Англія съ радостью приметъ лойяльно протянутую ей руку». 16 марта слѣдующаго года Асквитъ заявилъ въ палатѣ общинъ, что Англія неоднократно тщетно предлагала Германіи ограничить морскіе расходы. Въ концѣ марта мѣсяца, эти слова Асквита вызвали пренія въ рейхстагѣ. Нѣсколько ораторовъ умоляли правительство съ большей энергіей схватить протягиваемую Англіей руку. Но депутатъ Бассерманъ, конечно, высказалъ въ отвѣтной рѣчи всевозможныя опасенія, проявляя большую нерѣшительность; онъ подготовилъ почву для кн. Бюлова, который началъ съ заявленія, будто Англія не сдѣлала никакихъ опредѣленныхъ предложеній, и высказался въ томъ смыслѣ, что «не ожидаетъ никакого реальнаго успѣха отъ переговоровъ объ ограниченіи силы флота».

Объясненія кн. Бюлова вызвали новыя пренія въ палатѣ общинъ. Сэръ Эдвардъ Грей произнесъ знаменательную рѣчь о соперничествѣ англійскаго и германскаго флотовъ. Англія, говорилъ Грей, нуждается въ своемъ флотѣ, какъ Германія въ своей арміи; поэтому превосходство англійскаго флота должно быть сохранено. Но, допуская это, соглашеніе между обѣими странами всетаки вполнѣ возможно. Грей даже далъ понять, что Англія, можетъ быть, согласится нѣсколько измѣнить свое отношеніе къ вопросу о «нейтрализаціи частной собственности на морѣ», если это можетъ послужить исходной точкой для уменьшенія расходовъ на флотъ.

Первый лордъ адмиралтейства, Макъ-Кенна, защищая морскую программу на 1909 г., сказалъ, что правительство, въ теченіе 3-хъ лѣтъ, не только на словахъ, но и на дѣлѣ проявило твердое намѣреніе сговориться съ другими державами по вопросу объ ограниченіи вооруженій, такъ какъ это соперничество безполезно для всѣхъ. Асквитъ, перечисляя всѣ безплодныя попытки, сдѣланныя Англіею въ этихъ цѣляхъ, замѣтилъ, что для соглашенія между заинтересованными государствами—«дверь всегда открыта». Всякій признакъ готовности Германіи къ такому соглашенію найдетъ горячій откликъ со стороны англійскаго правительства. На вопросъ одного изъ депутатовъ, Асквитъ вновь сказалъ: «мы взяли на себя иниціативу въ этомъ вопросѣ».

Чѣмъ больше англійскіе министры старались добиться соглашенія по вопросу о морскихъ вооруженіяхъ, тѣмъ больше шовинистская германская печать нападала на нихъ и заподазривала ихъ. Но они не теряли надежды. 14 іюля 1910 г. Асквиту пришлось заявить въ палатѣ общинъ, что германское правительство отнеслось отрицательно къ новой попыткѣ Англіи въ томъ же направленіи, увѣряя, что оно, правительство, связано закономъ, измѣненіе котораго не встрѣтило бы поддержки со стороны общественнаго мнѣнія Германіи. На другой день послѣ этого, Ллойдъ-Джоржъ, на банкетѣ, въ горячихъ словахъ высказался противъ «эпидеміи расточительности, опустошающей и разоряющей міръ».

Въ декабрѣ 1910 г. канцлеръ фонъ Бетманъ-Гольвегъ отвѣтилъ на серьезныя и неутомимыя усилія англійскаго министра нѣсколькими замѣчаніями, которыя должны были подѣйствовать, какъ холодный душъ. Англія, дескать, дѣйствительно, пыталась пойти навстрѣчу Германіи, но не сдѣлала опредѣленныхъ предложеній; Германія же, во время переговоровъ, постоянно придерживалась, въ принципѣ, взгляда, что откровенное и дружественное обсужденіе вопроса, а затѣмъ соглашеніе относительно обоюдныхъ интересовъ—самое вѣрное средство устра-

нить недовѣріе, порождаемое обратно пропорціональнымъ отношеніемъ морскихъ и сухопутныхъ силъ. «Уже одна продолжительность свободнаго и лойяльнаго обмѣна взглядами по всѣмъ относящимся сюда вопросамъ является гарантіей дружественныхъ намѣреній и т. д.».

Ѳоасъ говоритъ въ «Ифигеніи» Гете:

Man spricht vergebens viel, um zu versagen,
Der andere hört in allem nur das Nein [1]).

Это «нѣтъ» отчетливо послышалось въ слѣдующемъ году. 12 декабря 1911 г. Грей снова настаивалъ въ палатѣ общинъ на необходимости прійти къ соглашенію съ Германіей, чтобы ограничить постоянный ростъ вооруженій; онъ предсказывалъ упадокъ культуры, если такое положеніе вещей продолжится. Бремя вооруженій,—говорилъ онъ,—бо̀льшая опасность, чѣмъ сама война, ибо оно равносильно истощенію силъ въ мирное время.

Эта рѣчь послужила 30 марта 1911 г. темою для сужденій въ рейхстагѣ. Канцлеръ заявилъ опредѣленно и безъ прикрасъ, что вопросъ о вооруженіяхъ не разрѣшимъ, пока люди будутъ людьми и государства—государствами.

Рѣшающее слово было произнесено. Пожеланіе же рейхстага, чтобы канцлеръ, въ случаѣ надобности, началъ переговоры по вопросу объ ограниченіи вооруженій и съ другими державами, не имѣло значенія, если принять во вниманіе германскую парламентскую систему. Согласно закону въ стилѣ à la Бисмаркъ, канцлеръ, какъ извѣстно, является слугою своего повелителя и не обязанъ считаться съ рѣшеніями парламента.

Однако, англичане и послѣ этого не сочли себя побѣжденными. Вслѣдствіе событій въ Марокко, въ Агадиръ было послано германское судно, и между заинтересованными державами начались переговоры, подвергшіе европейскій миръ тяжелому испытанію. Послѣ многихъ перипетій, эти переговоры окончились осенью 1911 г. Франко-германскій споръ изъ за Марокко былъ окончательно разрѣшенъ, и часть Конго была уступлена Германіи за свободу дѣйствій, предоставленную Франціи въ Марокко. Едва эта туча успѣла исчезнуть съ политическаго горизонта, какъ Грей снова заявилъ въ англійскомъ парламентѣ 27 ноября 1911 г., что Англія очень желаетъ добиться лучшихъ отношеній съ Германіей. «Дружбы, заключаемыя Англіей»,—говорилъ Грей,—«не служатъ препятствіемъ для заклю-

[1]) Напрасно тратить много словъ, чтобъ отказать собесѣднику; онъ во всемъ этомъ слышитъ только «нѣтъ».

ченія новыхъ дружбъ». Англія содѣйствовала мирному разрѣшенію марокскаго кризиса, а теперь, когда атмосфера очистилась, онъ, Грей, съ радостью откликнется, если Германія выразитъ желаніе установить лучшія отношенія между нею и Англіей.

Въ началѣ февраля 1912 г. англійское правительство послало въ Берлинъ лорда Холдэна, но не въ качествѣ оффиціальнаго уполномоченнаго, а съ миссіею позондировать почву въ бесѣдахъ съ канцлеромъ и императоромъ—у послѣдняго лордъ Холдэнъ является persona gratissima — и подготовить, если возможно, политическое соглашеніе и конвенцію по вопросу о вооруженіяхъ. Событія, предшествовавшія началу дѣятельности лорда Холдэна, не облегчали его миссіи. За два дня до его прибытія въ Берлинъ, кайзеръ объявилъ въ рейхстагѣ о значительномъ увеличеніи арміи и флота; послѣдній предполагалось увеличить тремя линейными кораблями, многочисленными подводными лодками и 1.500 чел. команды. Лордъ Холдэнъ обратился къ канцлеру и къ адмиралу фонъ-Тирпицу съ слѣдующимъ, вполнѣ понятнымъ, вопросомъ: «Какую пользу могутъ принести предполагающіеся переговоры объ улучшеніи отношеній между обѣими странами, если Германія, желая защититься отъ Англіи, увеличиваетъ свой флотъ и, дѣлая это, заставляетъ Англію принять аналогичныя мѣры? Дружественные переговоры, начинающіеся въ моментъ внесенія проекта объ увеличеніи флотовъ, будутъ посмѣшищемъ для всего міра». Канцлеръ и фонъ-Тирпицъ возразили, что морская конвенція не будетъ имѣть никакого значенія, если одновременно съ нею не будетъ подписано и политическое соглашеніе; оба поспѣшили прибавить, что, даже въ случаѣ заключенія политическаго соглашенія, не можетъ быть рѣчи объ ограниченіи морской программы; можно лишь отложить ея осуществленіе [1]). Это очень неопредѣленное обѣщаніе было ограничено еще тѣмъ, что являлось только «understanding and not a written agreement» (фактическое согласованіе взглядовъ, а не письменное соглашеніе).

Итакъ, либеральное англійское министерство, съ неутомимымъ рвеніемъ, семь лѣтъ напрасно работало чтобы добиться съ обѣихъ сторонъ прекращенія морскихъ вооруженій, (вѣдь, обѣщаніе «отсрочить осуществленіе программы» не связывало Германіи и не вызвало бы ни отмѣны вооруженій, ни экономіи въ рас-

---

[1]) Эти подробности заимствованы изъ сочиненія сэра Эдварда Кука: «How Britain strove for peace. A record of Anglo-German Negotiations 1898—1914. Told from authoritative Sources». (Macmillan & C-ie, 1914).

ходахъ на нихъ). Германія же, съ своей стороны, выставляла, въ видѣ компенсаціи за сдѣланныя, якобы, уступки, непріемлемыя для Англіи *политическія* условія. Удивительно уже одно то, что берлинскій кабинетъ, во время хода переговоровъ, счелъ себя въ правѣ потребовать компенсаціи за уступку, которая, въ сущности, не была жертвою одной изъ сторонъ, а служила интересамъ обѣихъ. Англія, которая была готова взять на себя извѣстныя обязательства, могла бы воспользоваться тѣмъ же, чтобы потребовать компенсацій.

Но оставимъ это. Въ чемъ же состояла компенсація, которую требовала Германія? Возобновляя требованіе, формулированное въ предшествующіе годы канцлеромъ фонъ Бетманомъ-Гольвегомъ, Германія требовала ни болѣе, ни менѣе, какъ обязательства Англіи остаться строго нейтральною въ случаѣ возникновенія обще-европейскаго конфликта, въ который оказалась бы втянутой и Германія. Значитъ, Англія должна была выйти изъ тройственнаго согласія и воздержаться отъ всякаго участія въ европейскихъ дѣлахъ. Въ виду тѣсной связи, существующей между Австріей и Германіей, трудно вообразить себѣ конфликтъ, въ которомъ Германія не участвовала бы ради защиты собственныхъ интересовъ, или интересовъ своей союзницы. Англія, во всякомъ случаѣ, должна была бы довольствоваться пассивной ролью зрительницы и предоставить Германіи дѣйствовать на континентѣ по своему усмотрѣнію. Если бы Англія приняла предложеніе Германіи, англичанамъ пришлось бы отказаться также отъ всѣхъ своихъ обязанностей по отношенію къ нейтральнымъ державамъ во всѣхъ конфликтахъ, въ коихъ будетъ заинтересована Германія.

Въ виду всего этого, неудивительно, что требованіе Германіи было отвергнуто въ 1912 г. такъ же, какъ и въ 1909, и въ 1911 г.г. Это требованіе сводилось къ желанію, чтобы Англія отказалась отъ роли великой европейской державы. Такое требованіе является чудовищнымъ, даже если бы существовала готовность дорого заплатить за него. Что же предлагалъ, взамѣнъ этого, г. Бетманъ? Лишь—«temporary retardation, no reduction» (временную отсрочку, но не ограниченіе) осуществленія морской программы, согласно съ предусмотрѣннымъ въ декретѣ 1912 г. увеличеніемъ флота, причемъ это обязательство давалось не въ письменной формѣ и ни къ чему не обязывало.

Такое требованіе, дѣйствительно, заходило слишкомъ далеко, показывая, что нѣмцы считали осторожныхъ англичанъ очень наивными. Что бы отвѣтили нѣмецкіе дипломаты, если бы имъ предложили про-

мѣнять положеніе Германіи, въ качествѣ первой континентальной державы на чечевичную похлебку въ видѣ отсрочки увеличенія англійскаго, флота?

Грею пришлось отклонить германское предложеніе, но онъ этимъ не ограничился. Онъ снова повторилъ то, что неоднократно объявлялъ въ предшествующіе годы какъ публично, такъ и во время дипломатическихъ переговоровъ, а именно:

1) что Англія не можетъ взять на себя обязательства оставаться нейтральной, что бы ни случилось, какъ того требуетъ Германія, но что англичане всегда готовы, какъ и прежде, работать вмѣстѣ съ Германіей въ интересахъ европейскаго мира;

2) что тройственное согласіе базируется не на формулахъ общей политики, а на урегулированіи вопросовъ, касающихся интересовъ входящихъ въ это соглашеніе державъ, а также на томъ, что послѣднія установили дружественныя отношенія другъ къ другу лишь косвеннымъ путемъ, разрѣшая упомянутые вопросы и устраняя всѣ возможныя тренія;

3) что эти отношенія не имѣютъ ни характера, исключающаго возможность такихъ же отношеній съ другими державами, ни агрессивныхъ тенденцій по адресу Германіи, и не могли бы помѣшать Германіи установить такія же отношенія съ Англіей.

Чтобы придать этой мысли возможно болѣе опредѣленную форму, правительство рѣшило выразить ее въ формулѣ, которую Грей сообщилъ германскому послу, графу Меттерниху, и которая должна была служить основой для новыхъ переговоровъ.

Формула эта слѣдующая: «The two Powers being naturally desirous of securing peace and friendship between them, England declares, that she will neither make nor join in any unprovoked attack upon Germany. Aggression upon Germany is not the subject and forms no part of any treaty, understanding, or combination to which England is now a party, nor will she become a party to anything that has such an object.» («Въ виду естественнаго желанія обѣихъ державъ обезпечить миръ и дружбу между обѣими сторонами, Англія заявляетъ, что она никогда сама не нападетъ на Германію и не будетъ участвовать въ ничѣмъ не вызванномъ нападеніи на нее. Ни въ одномъ изъ договоровъ, соглашеній или комбинацій, въ коихъ Англія нынѣ участвуетъ, не предусматривается, ни подъ какимъ видомъ, нападенія на

Германію, и Англія не будетъ участвовать въ какой либо комбинаціи, имѣющей подобную цѣль»).

Итакъ, Англія обѣщала не нападать на Германію безъ вызова со стороны послѣдней и не участвовать въ нападеніи на нее; кромѣ того, Англія заявила, что заключенные ею договоры не допускаютъ и не предусматриваютъ нападенія на Германію. Наконецъ, Англія обязалась никогда не подписывать договоровъ или конвенцій, имѣющихъ агрессивный характеръ. Такимъ образомъ, Англія дала форменнное обѣщаніе не быть никогда нападающей стороной. Могла ли Германія требовать еще большаго? Будучи увѣренной, что Англія на нее не нападетъ, Германія не имѣла ни малѣйшаго повода поддерживать и далѣе соперничество флотовъ, если бы только—и въ этомъ ключъ проблемы—она не питала агрессивныхъ намѣреній противъ своихъ сосѣдей, «друзей» Англіи и, слѣдовательно, косвенно и противъ послѣдней. Вотъ подводный камень, о который разбились и должны были разбиться всѣ переговоры между обѣими странами, продолжавшіеся нѣсколько лѣтъ.

Англія предлагала гарантіи, что она не нападетъ, а Германія требовала увѣренности, что можетъ напасть на другихъ безъ опасности для себя... Предложеніе Англіи не имѣло почти никакой цѣны для Германіи, ибо германское правительство отлично знало, въ виду поведенія либеральнаго англійскаго правительства съ 1905 г., что со стороны Англіи нечего бояться нападенія. Для Германіи важнѣе всего было слѣдующее: имѣть увѣренность, что Англія останется нейтральной во всѣхъ конфликтахъ на континентѣ, даже если бы они были вызваны Германіей или ея союзницей Австріей, даже если бы эти конфликты затрагивали независимость нейтральныхъ государствъ и, слѣдовательно, прямо или косвенно и интересы Англіи. Германія хотѣла, отстранивъ Англію, обезпечить себѣ путь къ гегемоніи въ Европѣ, чтобы впослѣдствіи, пользуясь этимъ трамплиномъ, установить прочную германскую гегемонію надъ всѣмъ міромъ, въ ущербъ Англіи. Какъ мы увидимъ далѣе, этою же мыслью проникнута также и дипломатическая дѣятельность, при помощи которой Германія подготовила войну въ концѣ іюля 1914 г.

Wär' der Gedank' nicht so verwünscht gescheit,
Man wär' versucht, ihn herzlich dumm zu nennen [1]).

---

[1]) Если бы идея не была такъ дьявольски умна,
Явился бы соблазнъ назвать ее ужасно глупой.

Англичане не попадались въ разставленныя ловушки. Въ 1912 г переговоры окончились такъ же неудачно, какъ и прежніе, и какъ послѣдовавшіе затѣмъ,—и все изъ за германскихъ претензій относительно нейтралитета Англіи.

Несмотря на это, Англія сдѣлала послѣднюю попытку къ соглашенію. Послѣ новаго увеличенія германскаго флота, послѣ безполезной поѣздки лорда Холдэна въ Берлинъ и послѣ неуспѣха послѣднихъ переговоровъ между Греемъ и Меттернихомъ, британское правительство снова прибѣгло къ пріему, которымъ оно уже пользовалось при Кампбель-Баннерманѣ: подавая первое примѣръ, не прибѣгая къ дипломатическимъ переговорамъ, англійское правительство старалось заставить противника измѣнить свой взглядъ на интересы обѣихъ сторонъ. Несмотря на то, что въ началѣ 1906 г. къ крупнымъ крейсерамъ, предусмотрѣннымъ нѣмецкой морской программой въ 1900 г., были прибавлены еще 6 большихъ крейсеровъ, англійское правительство объявило въ іюлѣ мѣсяцѣ, что осуществленіе морской программы, внесенной въ парламентъ въ мартѣ мѣсяцѣ, предположено ограничить на 25% для крупныхъ боевыхъ судовъ, на 60%—для миноносцевъ и на 33% —для подводныхъ лодокъ.

Это уменьшеніе морскихъ вооруженій, добровольно осуществленное лишь одной стороной, имѣло цѣлью, какъ заявилъ лондонскій кабинетъ, доказать всему міру на дѣлѣ, раньше созыва второго конгресса въ Гаагѣ, что Англія задается твердымъ намѣреніемъ сократить свои вооруженія и понудить другія державы пойти по тому же пути. Что касается Германіи, то эта цѣль, разумѣется, не была достигнута, скорѣе—напротивъ. Въ трехъ различныхъ случаяхъ, въ концѣ лѣта и осенью того же года, кайзеръ, въ присутствіи англійскаго посла сэра Ф. Ласселса, помощника статсъ-секретаря Англіи по иностраннымъ дѣламъ, сэра Чарльса Гардинга (сопровождавшаго Эдуарда VII во время его поѣздки въ Германію), и военнаго министра г. Холдэна, ясно высказалъ свое отрицательное отношеніе къ мысли внести вопросъ о вооруженіяхъ на обсужденіе Гаагской конференціи и отказалъ въ какомъ бы то ни было участіи германскихъ делегатовъ въ этихъ «лишнихъ и пустыхъ преніяхъ». Разумѣется, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы Германія послѣдовала примѣру Англіи.

Несмотря на эту неудачу, первый лордъ адмиралтейства, г. Черчиль, сдѣлалъ новую попытку въ 1912—1913 г. Такъ какъ опытъ послѣдняго времени показалъ, что новые переговоры съ Германіей не будутъ имѣть успѣха, г. Черчиль, внося морскую программу, заявилъ, что въ случаѣ отложенія Германіею постройки ея судовъ,

или уменьшенія ихъ числа, онъ обязуется послѣдовать ея примѣру, сохраняя при этомъ существующее соотношеніе силъ обоихъ флотовъ. Если же Германія рѣшится ввести naval holiday (свободу отъ работъ по морскимъ вооруженіямъ) и не строить судовъ въ теченіе какого-либо указаннаго ею года, то Англія сдѣлаетъ то же самое. Этимъ путемъ можно было достигнуть облегченія для обоихъ народовъ безъ переговоровъ и безъ всякаго ограниченія свободы дѣйствій обоихъ государствъ («without negotiations, bargaining or the slightest restriction upon the sovereign freedom of either power»).

Германія не отвѣтила на это заявленіе Черчиля, повторенное имъ два раза, и не послѣдовала его примѣру,—вѣроятно потому, что и тутъ ожидала «положительныхъ предложеній», на которыя она, разумѣется, не отвѣтила бы, какъ и на прежнія.

Вотъ какова исторія безконечныхъ англо-германскихъ переговоровъ и тщетныхъ попытокъ Англіи привлечь Германію къ англійской точкѣ зрѣнія въ этомъ вопросѣ. Эти попытки не имѣли успѣха, ибо «строптивая красавица» оцѣнивала свое расположеніе такъ высоко, что влюбленный не могъ заплатить, не жертвуя всецѣло собою. Казалось, что обстоятельства лишній разъ оказываются болѣе сильными, чѣмъ желанія людей. Общая работа въ пользу мира во время Балканскаго кризиса, охраненіе этого мира благодаря лишь совмѣстной работѣ двухъ державъ, все это, разумѣется, улучшило ихъ отношенія. Разграниченіе сферы ихъ интересовъ въ Малой Азіи позволяло надѣяться, что эти отношенія сдѣлаются еще болѣе близкими. Къ несчастью, оставалось еще рѣшить существенный вопросъ: все увеличивающееся и опасное соперничество въ области морскихъ вооруженій, причиною которыхъ былъ упрямый отказъ Германіи отъ какого либо соглашенія.

Каково было бы теперь міровое положеніе, если бы Германія приняла предложеніе Грея въ 1912 г.? Увѣренность, что она не подвергнется нападенію со стороны Англіи и другихъ державъ тройственнаго соглашенія, правда, не заставила бы Германію отказаться отъ своихъ имперіалистскихъ вожделѣній, которыя не могли не имѣть агрессивнаго характера. Но эта увѣренность лишила бы Германію возможности придавать нынѣшней войнѣ, предпринятой въ интересахъ престижа и съ экспансивными цѣлями, характеръ оборонительной войны. А безъ такого предлога къ войнѣ оказалось бы невозможнымъ увлечь германскій народъ, большинство котораго настроено миролюбиво, въ нынѣшнюю ужас-

ную борьбу. Кромѣ того, перерывъ въ морскихъ вооруженіхъ создалъ бы болѣе спокойную атмосферу въ отношеніяхъ между Англіей и Германіей, а, слѣдовательно, и между тройственнымъ союзомъ и тройственнымъ соглашеніемъ. Въ Германіи не приступили бы къ недавно проведенному значительному увеличенію арміи и не ассигновали бы новаго милліарда на военные расходы. Франція не ввела бы трехлѣтней военной службы, а австро-сербскій конфликтъ, разрѣшеніе котораго, какъ мы дальше увидимъ, не представляло ни малѣйшаго затрудненія, не привелъ бы къ всемірной войнѣ.

За что мы боремся.

Если, дѣйствительно, Германія не имѣла другихъ цѣлей, кромѣ тѣхъ, о которыхъ безпрестанно повторяли въ своихъ рѣчахъ кайзеръ, канцлеръ и принцы, а именно: обезпеченіе противъ агрессивныхъ стремленій, свободное развитіе своихъ силъ и своей культуры,—то развѣ могла она достигнуть этихъ цѣлей вѣрнѣе, чѣмъ принятіемъ англійскихъ предложеній?

«Мы будемъ держаться до тѣхъ поръ, пока не получимъ увѣренности, что никто не нарушитъ нашего мира, которымъ мы хотимъ воспользоваться для развитія силъ и духа нашего народа, въ качествѣ свободной нѣмецкой націи». Такъ закончилъ германскій канцлеръ свою рѣчь 2-го декабря. На слѣдующій день, кайзеръ, на поляхъ сраженія въ Австріи, обратился къ представителямъ германскихъ и австрійскихъ войскъ съ такимъ заявленіемъ: «Мы боремся—воскликнулъ онъ—за правое дѣло, за свободу, за право существованія націи, за длительный будущій миръ». При всемъ уваженіи къ его величеству, можно было бы ему отвѣтить: «Извините, ваше величество, то, за что мы боремся, мы уже имѣли до войны. Мы имѣли свободу, право національнаго существованія, котораго никто у насъ не оспаривалъ, и пользовались въ теченіе долгаго времени благами мира. Изъ за чего же мы боремся, ваше величество?» Можно было бы еще прибавить: если Германія чувствовала себя въ опасности,—что не доказано, да и не можетъ быть доказано,—то почему же она не согласилась на то серьезное обезпеченіе, которое предлагала ей Англія? Тѣхъ гарантій безопасности, которыя были предложены въ мирное время, никогда не добыть побѣдой на поляхъ сраженія. Эти гарантіи были бы достигнуты не только менѣе дорогой цѣною—ибо не требовали ни пролитія крови, ни матеріальныхъ жертвъ—онѣ, кромѣ того,

прочнѣе и долговѣчнѣе. Согласно извѣстному изреченію Саллюстія, государства могутъ быть поддержаны лишь тѣми средствами, которыя, послужили для ихъ созданія; точно также договоръ, регулирующій мирныя отношенія между націями, гораздо прочнѣе, если достигнутъ мирными средствами, а не является результатомъ войны. Мирные договоры, заключенные послѣ войны, всегда содержатъ въ себѣ молчаливо подразумѣваемый пунктъ: «rebus sic stantibus» [1]), который Кантъ въ первой вступительной статьѣ своего «Опыта о вѣчномъ мирѣ» считаетъ препятствіемъ къ установленію длительнаго мира. Но мирные договоры, заключенные въ мирное время, обусловленные общностью интересовъ, не оставляющіе послѣ себя воспоминаній объ опустошеніяхъ и убійствахъ, не дышащіе ненавистью и местью, эти договоры держатся вѣками (aere perennius) и, какъ всякое благо, содержатъ въ себѣ зародышъ будущихъ благъ.

Итакъ, еще разъ: тѣмъ, что мы называемъ цѣлью нашей борьбы, мы уже обладали, и притомъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ будемъ обладать въ грядущія столѣтія, даже послѣ побѣдоносной войны; то же, чего намъ не хватало, мы могли получить безъ войны, путемъ дружескаго соглашенія.

Свобода по «ихъ» толкованію.

Дѣло касалось, однако, какъ мы уже указывали, не безопасности, не свободы и не права на существованіе. Слово «свобода» часто повторяется въ настоящее время тѣми, кто прежде троекратно открещивался, слыша это слово изъ чужихъ устъ. Слово это, прежде запретное, сдѣлалось моднымъ. Мы всѣ, безъ исключенія, сразу оказались влюбленными въ свободу. Особенно тѣ, кто прежде превозносилъ ограниченіе свободы, въ качествѣ «Божественнаго установленія». Мы такъ очарованы свободой, что хотѣли ею одарить не только нашъ собственный народъ, но и другіе народы земного шара (вспомните заявленія канцлера американцамъ). Короче, мы не знали границъ въ нашемъ стремленіи къ свободѣ...

Seid umschlungen, Millionen!
Diesen Kuss der ganzen Welt [2]).

Прусскій юнкеръ прижимаетъ къ своему чувствительному сердцу всѣхъ прежнихъ враговъ Имперіи: соціалъ-демократовъ, клерикаловъ,

---

[1]) Пока не измѣнятся нынѣшнія обстоятельства.

[2]) Слейтесь, милліоны, въ этомъ поцѣлуѣ всего міра.

прогрессистовъ, поляковъ, датчанъ, эльзасцевъ... съ единственнымъ условіемъ, чтобы они соблюдали «Burgfrieden» [1]), который, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, чтобы думать, писать и говорить такъ, какъ думаютъ, пишутъ и говорятъ юнкеры. Кто позволяетъ себѣ думать, писать или говорить иначе, чѣмъ правящій классъ, того притѣсняютъ, наказываютъ и даже разстрѣливаютъ. Вотъ свобода, какъ ее понимаютъ «они».

Германскій народъ пойметъ когда-нибудь, къ какому рабству ведутъ его эти проповѣдники свободы. Всякій успѣхъ германскаго народа сопровождался періодомъ самаго тяжкаго рабства: такъ было послѣ 1813, послѣ 1848, послѣ 1870 гг., какъ только побѣдные восторги первыхъ лѣтъ проходили. Такъ будетъ и послѣ 1914 г. Солдаты и юнкеры, которые вмѣстѣ составляютъ одинъ классъ, чувствуютъ себя во время войны въ родной имъ средѣ. Ограниченіе свободы печати, свободы собраній, угнетеніе торговли и промышленности, представители которыхъ захватили слишкомъ много вліянія при дворѣ германскаго императора,—вотъ, что соотвѣтствуетъ ихъ желаніямъ. Лиманъ, апостолъ кронпринца, пишетъ:

«Извѣстныя преграды, создаваемыя придворнымъ этикетомъ, закрываютъ пока еще богатству дорогу ко Двору, открывая ее лишь людямъ знатнаго рода (которые были въ старину сродни королевскому дому) и офицерству. Но, наряду съ этимъ, милліонеръ празднуетъ побѣду: въ салонахъ счастливыхъ спекулянтовъ и ихъ наслѣдниковъ толпится придворное общество. Денежная аристократія поднимаетъ голову, являясь новымъ Junkertum, никогда не видѣвшимъ поля сраженія; она любитъ жить въ деревнѣ, и столицу окружаетъ уже золотое кольцо роскошныхъ виллъ. Въ списокъ лицъ, приглашаемыхъ сопровождать кайзера въ его путешествіяхъ на сѣверъ, попадаютъ въ большомъ числѣ финансовые магнаты. Эта новая аристократія владѣетъ, вмѣсто шпаги, ножницами для рѣзанія купоновъ, вмѣсто щита—проспектами промышленныхъ предпріятій, вмѣсто панцыря—биржевыми котировками [2]). Родовитое дворянство военнаго происхожденія отступаетъ на второй планъ; дѣти семействъ, сражавшихся за Гогенцоллерновъ, живутъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, въ унаслѣдованныхъ отъ предковъ помѣстьяхъ. Капиталы же, сосредоточенные въ однѣхъ рукахъ, превращаются въ огромныя суммы, и по-

---

[1]) Миръ въ области внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Не передаваемая игра словъ: «au lieu de la cote de mailles la cote de la bourse».

чтеніе передъ золотомъ увеличивается, независимо отъ того, получено ли послѣднее въ наслѣдство, или украдено».

Такъ думаютъ о торговлѣ и промышленности круги, дающіе тонъ въ Пруссіи. Ножницы для рѣзанія купоновъ и котировка являются для нихъ презрѣнными эмблемами тѣхъ народныхъ классовъ, на коихъ покоятся величіе и міровое значеніе Германіи, и которые, въ концѣ концовъ, должны доставлять всѣ средства для удовлетворенія безумныхъ потребностей представителей этого родовитаго дворянства. И такіе-то люди, съ подобными взглядами, хотятъ дать германскому народу свободу и равенство? Выжавъ изъ лимона всѣ соки, его обыкновенно бросаютъ. Когда народъ исполнитъ свою обязанность, ему предложатъ устраниться, подобно тому, какъ это было послѣ 1813, послѣ 1848 и послѣ 1870 годовъ. Уже теперь, еще въ разгарѣ войны, у насъ, въ Германіи, начинаютъ опасаться демагоговъ. Повсюду истинные пруссаки выслѣживаютъ все подозрительное, все то, что не проникнуто истинно прусскими, истинно германскими чувствами. Это происходитъ внутри страны, но еще больше замѣтно среди нѣмцевъ, живущихъ заграницей. Нынѣшнее поколѣніе будетъ послѣ войны свидѣтелемъ еще невиданной военной и юнкерской реакціи. И это называется «бороться за свободу и за германскую культуру»!

Цѣль мира — безопасность.

Тенденціи этой среды открыто проявятся и получатъ перевѣсъ въ пору заключенія мира. Германскіе профессора, сидя за своими столами и сосредоточивъ все вниманіе надъ картами, разрабатываютъ, на публично - правовыхъ основахъ, проекты переустройства Европы, — а указанные выше дѣятели смѣются надъ мечтаніями утопистовъ. Именно такъ были прозваны пренія на Гаагскомъ конгрессѣ («болтовня о вѣчномъ мирѣ», какъ выразился генералъ-маіоръ фонъ Деймлингъ), а въ англійскихъ предложеніяхъ соглашенія видѣли лишь ложь и обманъ. Для такихъ людей миръ имѣетъ одну только цѣль: притѣсненіе и обезпеченіе безопасности. Послѣднее будетъ, понятно, достигнуто съ тѣмъ же блестящимъ успѣхомъ, какимъ оказалось присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи. Вѣдь ихъ присоединеніе принесло намъ до сихъ поръ лишь затрудненія, не давъ никакихъ выгодъ, ни политическихъ, ни экономическихъ: съ военной же точки зрѣнія оно сопровождалось прямымъ вредомъ, такъ

какъ вызвало постройку во Франціи новой линіи крѣпостей, повидимому недоступныхъ, передъ которыми мы стоимъ уже пять мѣсяцевъ. Идеи нашихъ правящихъ круговъ не идутъ дальше обезпеченія безопасности нашихъ границъ. Но для послѣдней, по ихъ мнѣнію, нужно территоріальное расширеніе въ Европѣ и внѣ Европы, причемъ такая безопасность должна быть установлена во что бы то ни стало, безъ вниманія къ правамъ національностей, къ свободѣ самоопредѣленія народовъ, къ той свободѣ, которую мы будто бы защищаемъ, и не взирая на указаніе опыта, что политика грубой силы всегда носитъ въ себѣ зародыши новыхъ вооруженныхъ столкновеній.

Можно было бы гораздо дешевле и съ большими шансами на ея длительность добиться безопасности, заключивъ соглашеніе съ Англіей. Тѣмъ болѣе, что ни Франція, ни Россія не задавались агрессивными планами противъ Германіи. Кто настаиваетъ на существованіи такихъ стремленій, долженъ это доказать; отъ отрицающихъ же ихъ существованіе нельзя требовать представленія доказательствъ.

Хотѣла-ли Франція напасть на насъ?

Мнѣ удалось, кажется, показать весьма наглядно, что у Англіи не имѣлось противъ насъ никакихъ агрессивныхъ намѣреній. Что касается Франціи, то я могу быть кратокъ, ибо никто въ Германіи—за исключеніемъ, разумѣется, ея правительства—и не предполагаетъ, чтобы это государство намѣревалось напасть на насъ. Францію не обвиняютъ, а высказываютъ сожалѣніе, что она была вовлечена въ войну, отвѣтственность за которую поэтому должна быть снята съ нея. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ одной изъ рѣдкихъ симпатичныхъ чертъ общественной жизни Германіи. Дѣйствительно, надо не знать современной Франціи, ея исторіи, и господствующихъ нынѣ въ странѣ идей, чтобы рѣшиться утверждать, будто въ 1914 году она имѣла хотя бы самое отдаленное намѣреніе возвратить Эльзасъ-Лотарингію оружіемъ. Утверждать это было возможно 44 года тому назадъ, быть можетъ 34 или даже 24, но въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ идея реванша совершенно исчезла съ горизонта.

Я сужу не по газетнымъ статьямъ, а на основаніи впечатлѣній, полученныхъ мною во время моихъ многократныхъ посѣщеній Франціи. До 1895 года, рана, причиненная потерей двухъ провинцій, была еще болѣзненной, затѣмъ она стала мало по малу затягиваться, къ концу же столѣтія отъ нея почти не осталось слѣдовъ. Ликвидація буланжизма положила конецъ идеѣ реванша. Опаснѣйшіе изъ шовинистовъ, въ частности Деруледъ, были осуждены или же подверглись изгнанію.

Побѣда партіи, стоявшей за торжество права, коей закончилось дѣло Дрейфуса, нанесла послѣдній ударъ политической и клерикальной реакціи съ ея проповѣдью политики милитаризма, подобною той, которая въ настоящее время ведется въ Германіи. Вліяніе убѣжденныхъ пацифистовъ, какъ Жюль Симонъ, Фредерикъ Пасси, д'Эстурнель де Констанъ и, особенно, Жоресъ, значительно возрасло, и настроенные воинственно бульварные крикуны были отодвинуты на задній планъ. Умственное общеніе между Франціей и Германіей усилилось. Политики, писатели, актеры и актрисы явились посредниками при обмѣнѣ идеями, и послѣ ряда взаимныхъ посѣщеній научились понимать другъ друга. Кокленъ и Сара Бернаръ были чествуемы въ Германіи и милостиво приняты Вильгельмомъ II. Въ 1901 году два высшихъ французскихъ офицера оффиціально посѣтили Берлинъ. Кайзеръ пригласилъ ихъ на военный банкетъ, во время котораго одинъ изъ французовъ, ген. Боннайль, провозгласилъ тостъ за германскую армію и за ея императора—воина. Можно было бы привести много случаевъ, свидѣтельствующихъ, что доброе согласіе съ Франціей налаживалось, и что дружба между двумя странами все усиливалась. Припомнимъ памятную рѣчь Жореса въ 1902 году въ палатѣ депутатовъ. Въ первый разъ вождь соціализма заявилъ съ высоты парламентской трибуны, что настало время позабыть идею реванша, примириться съ историческимъ фактомъ и освободить европейскіе народы отъ невыносимыхъ тягостей вооруженій. Рѣчь Жореса вызвала апплодисменты большинства депутатовъ и заслужила похвалы во всей серьезной прессѣ. Только нѣкоторые шовинистскіе и бульварные листки, поддерживающіе свое существованіе, подобно нашимъ органамъ печати того же оттѣнка, науськиваніемъ народа, выразили свое неудовольствіе рѣчью Жореса; но они не могли ничего измѣнить въ томъ фактѣ, что лидеръ соціализма оказался выразителемъ желаній большинства французскаго народа, какъ разъ той его части, которая трудится и накапливаетъ сбереженія. Въ ноябрѣ 1904 года, Жоресъ вновь высказалъ и развилъ свою идею, при чемъ, въ качествѣ подлежащей достиженію цѣли, выставилъ союзъ съ Германіей и отказъ отъ всякихъ репрессалій по отношенію къ ней.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ мартѣ 1905 года, кайзеръ посѣтилъ Танжеръ и обратился къ представителямъ султана съ рѣчью, въ которой старался подорвать марокскую политику Франціи. Развѣ Франція отвѣтственна за послѣдовавшее за-

тѣмъ обостреніе отношеній? Вина ли Франціи, что этотъ актъ провокаціи со стороны Германіи имѣлъ результаты совершенно противоположные ожидаемому, какъ это случилось до того съ депешей Крюгеру, президенту Трансвааля, а позднѣе съ посылкой канонерки Пантеры въ Агадиръ? Театральными выпадами подобнаго рода нельзя достигнуть цѣли въ международной политикѣ. Они раздражаютъ, но не импонируютъ. Труднѣе установить соглашеніе между возбужденными людьми, чѣмъ между спокойными, поэтому слѣдуетъ предпочесть, чтобы наши пожеланія сообщались иностраннымъ правительствамъ нормальнымъ, дипломатическимъ путемъ. Если, съ этого момента, у насъ установились почти безъ перерыва натянутыя отношенія съ Франціей, вина за это падаетъ исключительно на насъ.

Тѣмъ не менѣе, марокккскій конфликтъ былъ урегулированъ полюбовно тремя договорами въ 1905, въ 1909 и въ 1911 гг. Если и справедливо, что мы при этомъ добились меньшихъ выгодъ, чѣмъ Франція, то виноваты въ этомъ мы сами. Успѣхъ дипломатическихъ переговоровъ зависитъ въ меньшей мѣрѣ отъ военнаго могущества государства, чѣмъ отъ ловкости дипломатовъ. Съ военной точки зрѣнія мы, несомнѣнно, сильнѣе Франціи, но въ области дипломатіи мы, столь же несомнѣнно, гораздо слабѣе французовъ. Этому не слѣдуетъ удивляться, особенно при нашемъ способѣ назначенія и подготовки молодыхъ дипломатовъ. Въ спискѣ чиновъ французскихъ представителей при иностранныхъ дворахъ встрѣчаются лишь имена людей, принадлежащихъ къ среднему сословію; въ спискахъ же германскихъ посольствъ фигурируютъ лишь имена принцевъ, князей, бароновъ и графовъ. Само собою разумѣется, я не утверждаю, что родовитый человѣкъ менѣе пригоденъ для дипломатическаго поприща, чѣмъ мѣщанинъ. Но если 100% германскихъ дипломатическихъ должностей занято дворянами, несмотря на весьма незначительный общій процентъ дворянъ въ населеніи Германіи, то это даетъ право предположить, что при выборѣ дипломатовъ принимали во вниманіе не ихъ заслуги, а происхожденіе и титулъ. Дипломатія такое же ремесло, какъ и прочія, съ той только разницей, что на дипломатахъ лежитъ исключительная отвѣтственность, и ихъ ошибки могутъ имѣть опасныя послѣдствія.

Коммерсантъ, нанимая довѣренное лицо, не считаетъ нужнымъ интересоваться: принадлежитъ ли его новый представитель къ старинному роду, или состоитъ-ли запаснымъ офицеромъ въ одномъ изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ? Тѣмъ менѣе слѣдуетъ государству обращать вниманіе на эти декоративныя, но практически не имѣющія цѣны преимущества при замѣщеніи столь отвѣтственныхъ

постовъ. Если бы въ германской имперіи слѣдовали этому правилу, то весьма вѣроятно, что марокккскій конфликтъ — исходъ котораго, впрочемъ, нельзя назвать неблагопріятнымъ—закончился бы для насъ съ большими выгодами. Лица, недовольныя достигнутыми тогда результатами, должны искать причины своего недовольства тамъ, гдѣ она дѣйствительно находится, но ни въ коемъ случаѣ не въ Англіи, Франціи, или гдѣ либо внѣ германскихъ границъ. Пусть они ударятъ себя въ грудь, воскликнувъ: mea culpa, mea maxima culpa! [1]).

По моему мнѣнію, однако, народъ не обязанъ своею кровью и своимъ достояніемъ искупать ошибокъ своихъ дипломатовъ. Слишкомъ велико, по моему, несоотвѣтствіе между ошибкой и ея искупленіемъ, особенно, если принять во вниманіе, что наказаніе налагается на невиннаго. Намъ нужно обзавестись лучшими дипломатами, вотъ и все! Это единственный выводъ, который можетъ сдѣлать разсудительная нація, обсуждая неудачи своихъ дипломатовъ. Ей нѣтъ ни малѣйшей причины чувствовать себя задѣтой въ своемъ патріотизмѣ, или разражаться криками ненависти.

Гдѣ же доказательства, что Франція желала намъ зла? Гдѣ доказательства, что, нанеся намъ дипломатическое пораженіе, она хотѣла добиться того же на полѣ сраженія? Этого доказательства я нигдѣ не нахожу.

Желала-ли Россія совершить на насъ нападеніе?

То же самое слѣдуетъ сказать и относительно Россіи. Уже въ теченіе полутора столѣтія между Россіей и Германіей не происходило столкновенія интересовъ. Впрочемъ, этого и не можетъ случиться, такъ какъ сферы дѣятельности той и другой страны совершенно различны, и пути обѣихъ не сходятся. Мы никогда не имѣли видовъ на русскія прибалтійскія провинціи—прусскаго ирредентизма, къ счастью, не существуетъ—, и Россія тоже никогда не мечтала присоединить къ своимъ владѣніямъ Восточную Пруссію или Польшу. Россія слишкомъ велика и можетъ вполнѣ обойтись безъ нашихъ областей. Ея потребность расширенія проявляется въ направленіи, отнюдь не затрагивающемъ ни нашихъ владѣній, ни нашихъ интересовъ.

Я намѣренно оставляю здѣсь въ сторонѣ обостреніе австро-русскихъ отношеній. Мы объявили войну Россіи въ тотъ моментъ, когда ея мирныя отношенія съ Австріей еще не были нарушены, и когда

---

[1]) Моя вина, моя великая вина!

русскіе вели съ двойственной монархіею переговоры, обѣщавшіе успѣхъ. Вооруженное столкновеніе между этими двумя державами началось лишь 6-го августа, мы же 1-го августа передали въ Петроградѣ объ-явленіе войны. Мы начали военныя дѣйствія, увѣряя, что Россія готовилась сдѣлать на насъ нападеніе, и мы увѣрили германскій народъ, что Россія дѣйствительно уже на насъ напала. Я, значитъ, имѣю право поставить вопросъ: почему Россія напала на насъ? Какую цѣль она при этомъ преслѣдовала? Чего она отъ насъ хотѣла? Недостаточно ссылаться на интриги панславистовъ для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ. Быть можетъ, Россія хотѣла насъ ославянить? или же заглушить развитіе германской культуры съ цѣлью доставить торжество культурѣ славянской? Ни одинъ разумный человѣкъ не рѣшится поддерживать подобныхъ нелѣпостей. Къ тому же, русская культура, въ концѣ прошлаго столѣтія, оказала сильное вліяніе на нашу умственную жизнь. Я не думаю, чтобы за послѣдніе 50 лѣтъ нашелся германскій писатель, имѣвшій для литературы и направленія умовъ въ нашей странѣ бо́льшее значеніе, чѣмъ Толстой. Съ другой стороны, не только въ умственной жизни Россіи, но также въ ея политической и военной жизни германскій элементъ игралъ видную роль. Много высшихъ должностей въ Россіи занято людьми нѣмецкаго происхожденія. Это и неудивительно: въ крови представителей Дома Романовыхъ имѣется нѣкоторая доля германской крови; ихъ супруги принадлежатъ большей частью къ германскимъ фамиліямъ. Трудно найти двѣ страны, которыя были бы столь интимно, какъ Германія и Россія, связаны между собою процессомъ мирнаго проникновенія; эта связь увѣнчана традиціонной дружбою правящихъ Домовъ и укрѣплена, сто лѣтъ тому назадъ, братствомъ по оружію.

Откуда же произошла эта «ненависть противъ нѣмцевъ, поддерживаемая панславистскими вожделѣніями», о которой германскій канцлеръ говорилъ 2-го декабря? Развѣ мы ненавидимъ русскихъ? Не была ли выдумана эта ненависть, объектомъ которой мы будто бы являемся, именно для того, чтобы дать психологическое обоснованіе такъ называемому «русскому нападенію» на насъ? Если вы можете сослаться на противное, выступайте смѣло, покажите, что у васъ есть. Я боюсь, однако, что придется долго ждать фактовъ, на которые вы могли бы при этомъ опереться.

Во всякомъ случаѣ, ненависть противъ нѣмцевъ не кажется непреодолимой въ Россіи. Уже теперь имѣются люди «вполнѣ благона-

мѣренные», которые разсуждаютъ о будущемъ мирѣ съ Россіей, желая направить всѣ силы противъ главнаго врага, Англіи. Другіе, напротивъ, видятъ въ «московизмѣ» наиболѣе существенную опасность и придаютъ большое значеніе общности нашей культуры съ таковой западныхъ народовъ. Гдѣ же правда? Чего же мы, однако, хотимъ? Противъ кого и за что мы боремся? Все это вопросы, на которые разные люди отвѣчаютъ разно: это какая-то неописуемая смута въ умахъ, невообразимое смѣшеніе понятій, океанъ лжи и фальсификаціи, который, окрашенный въ цвѣтъ крови, угрожаетъ совершенно затопить наше счастье и благополучіе.

Эта смута въ умахъ объясняется просто: среди посвященныхъ существуетъ молчаливое соглашеніе скрывать истину, но забыли одновременно договориться о томъ, чѣмъ замѣнить истину? Каждый лжетъ по своему, лживыя утвержденія противорѣчатъ другъ другу, подобно извѣстіямъ двухъ несогласованныхъ между собою телеграфныхъ станцій: одно извѣстіе исключаетъ другое, одна ложь уничтожаетъ другую. Свифтъ былъ правъ сказавъ: As universal a practice as lying is and as easy a one as it seems, it is astonishing, that it has been brought to so little perfection, even by those who are most celebrated in that faculty [1]).

Тройственное согласіе—оборонительный союзъ.

Нѣтъ никакихъ доказательствъ, что тройственное согласіе замышляло нападеніе на Германію; наоборотъ, все изложенное выше доказываетъ діаметрально противоположное.

Руководящей участницей тройственнаго согласія была, безспорно, Англія. Это внушаютъ намъ со всѣхъ сторонъ, и самъ канцлеръ подтвердилъ это съ особой силой на засѣданіи рейхстага 2-го декабря. Но, разъ Англія безъ малаго десять лѣтъ стремилась къ миру и соглашенію съ Германіей, разъ двѣ другія державы согласія не стремились, даже не обнаруживали желанія создавать помѣхи мирной политикѣ ихъ политическаго союзника, разъ онѣ, напротивъ, подтвердили свое желаніе мира примирительнымъ образомъ дѣйствій во время крупныхъ и мелкихъ дипломатическихъ столкновеній (Марокко, Бал-

---

[1]) Какъ ни распространена привычка ко лжи, и сколь легкой она ни кажется, удивительно, что она такъ мало усовершенствована даже тѣми, кто наиболѣе отличился въ этой области.

канская война, Потсдамскій договоръ 1911 года), -то мы въ прав вывести только одно заключеніе: тройственное согласі представляло собою оборонительный союзъ и н имѣло никакихъ агрессивныхъ стремленій. Пуст тотъ, кто утверждаетъ противное, представитъ доказательства этому но ихъ, этихъ доказательствъ, не былъ въ состояніи привести сам германскій канцлеръ въ своихъ двухъ рѣчахъ въ рейхстагѣ. Трой ственное согласіе упрекаютъ за всякаго рода недоброжелательны чувства по отношенію къ Германіи, но не указывается ни одного факта вызваннаго проявленіемъ этихъ чувствъ. Зависть, ненависть, расовы антипатіи, желаніе мести, все это приписываютъ нашимъ врагамъ; н никто не можетъ упрекнуть ихъ ни въ одномъ дѣйствіи, которо оказалось бы проявленіемъ такого настроенія. За Германіей пока еще не признается права руководить воспитаніемъ во всемъ мірѣ,— по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ Рембрандтъ былъ учи телемъ нѣмцевъ. Поэтому предоставимъ другимъ имѣть тѣ чувства которыя имъ нравятся, какъ другіе не намѣрены и не могутъ помѣ шать намъ имѣть собственныя чувства.

Достаточно, если мы вступимъ въ борьбу съ ихъ чувствами только тогда, когда послѣднія превратятся въ дѣла. Мы совсѣмъ н призваны быть ректорами, руководителями другихъ народовъ, подобн тому, какъ Альвардъ былъ ректоромъ всѣхъ нѣмцевъ. Да и зачѣм возлагать на себя обязанность давать добрые уроки другимъ, раз мы сами больше другихъ нуждаемся въ такихъ урокахъ. То, чт происходитъ у насъ, всѣ эти проявленія ненависти, зависти, стремле ніе къ мести—въ прежнее время замѣчавшееся лишь въ незначитель ной части нашего народа, наименѣе образованной, а съ возникнове ніемъ войны проявившееся въ его наилучшей и наибольшей части,— все это, по силѣ и по размѣрамъ, превосходитъ всѣ подобныя про явленія въ трехъ борющихся съ нами странахъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Что же, однако, если не агрессивныя намѣренія, вызвало к жизни тройственное согласіе и постоянно дѣлало его все болѣе крѣп кимъ? Конечно, боязнь Германіи, недовѣріе, вызываемое интригам имперіалистовъ. Эта боязнь сблизила нашихъ противниковъ и вс болѣе тѣсно ихъ объединяла. Чѣмъ яснѣе становился им ростъ Германіи—не развитіе ея торговли и благосостоянія, что был только выгодно для ихъ собственной торговли и благосостоянія, н ростъ военнаго могущества и воинственныхъ замысловъ Германіи— чѣмъ болѣе поднималась, внушая общее опасеніе, волна германскаг національизма, затопляя уже ступени трона, тѣмъ болѣе подо

ительными и боязливыми становились державы тройственнаго со-
асія и тѣмъ болѣе скрѣплялся ихъ оборонительный союзъ.

Все, въ послѣдніе годы, способствовало усиленію ихъ боязни:
омадныя морскія вооруженія, которыя, несмотря на англійскія пред-
оженія соглашенія, возрастали со все увеличивающейся быстротою,
езапное и безпримѣрное въ исторіи усиленіе германской континен-
льной арміи, политика бронированнаго кулака, стуча которымъ по
олу, Германія во всѣхъ международныхъ вопросахъ, затрагиваю-
ихъ германскіе или австрійскіе интересы, принуждала другихъ къ
тупкамъ. Однако, были еще другіе факты, хотя не предававшіеся глас-
сти, но, тѣмъ не менѣе, хорошо извѣстные европейскимъ прави-
льствамъ. Эти факты обнаружились лишь впослѣдствіи, но державы
гласія, безъ сомнѣнія, еще ранѣе удѣлили имъ должное вниманіе.

Разоблаченія Джіолитти.

Какъ извѣстно, вскорѣ послѣ аннексіи Босніи и Герцеговины,
стрійское правительство рѣшило подавить оружіемъ все увеличи-
вшуюся пансербскую агитацію, вызванную аннексіей. Это, со
ороны Австріи, было преступное безуміе: преступное, потому
о угнетатель хотѣлъ наказать угнетеннаго, сопротивлявшагося на-
лію; безуміе — потому что національныя движенія не могутъ быть
давлены оружіемъ. Но австрійскіе мудрецы думали иначе. Они стали
рожать Сербіи войной, и лишь уступчивость Россіи и вмѣшательство
рманіи и Англіи предотвратили неминуемую европейскую войну:
нфликтъ закончился успокоительными заявленіями сербскаго прави-
льства. Эти факты, которыми отмѣченъ былъ мартъ 1909 года, извѣстны
ему міру; не извѣстно, однако, то, что было разоблачено Джіолитти
декабря 1914 года въ итальянской палатѣ депутатовъ, а именно,
о Австрія въ августѣ 1913 года задавалась
ми же намѣреніями, какъ и въ 1909 году, и что
инственно вмѣшательство Италіи не дало привести эти намѣренія
исполненіе.

Вся заграничная печать признала громадную важность заявленій
іолитти: они, самымъ безспорнымъ образомъ, разоблачали агрес-
ныя намѣренія Австріи. Вотъ почему австрійское и германское
авительства постарались затушевать эти разоблаченія. Это даетъ
ъ поводъ возстановить то, что въ Германіи и въ Австріи постара-
ись замолчать.

Положеніе на Балканахъ было урегулировано, въ теченіе лѣт 1913 года, между непосредственно заинтересованными державам подписавшими Бухарестскій договоръ. Австрія не была имъ довольн ибо, по ея мнѣнію, Сербія получила слишкомъ много, Болгарія ж была обижена. Австрія поэтому старалась добиться пересмотра до говора, и такъ какъ Сербія этому противилась, то Австрія рѣшил прибѣгнуть къ силѣ. Но необходима была поддержка державъ трой ственнаго союза, особенно же Италіи, которая все время не опредѣлял своего отношенія къ тѣмъ пріемамъ, которыми предполагалось урегу лировать балканскія дѣла. Австрія считала необходимымъ присоединен союзныхъ державъ къ вооруженному выступленію противъ Сербі главнымъ образомъ, въ предвидѣніи того, что война с Сербіей неизбѣжно вызоветъ обще-европейскі конфликтъ. Поэтому Австрія запросила Италію: какое, въ вид обязательствъ союзнаго договора, займетъ она положеніе въ случа столкновенія съ Сербіей и, предположительно, въ случаѣ возникно венія обще-европейской войны? Австрійскій запросъ вызвалъ обмѣн телеграммами между министромъ иностранныхъ дѣлъ, Санъ-Джуліан и президентомъ совѣта министровъ, Джіолитти, бывшимъ въ отсутств изъ Рима. Санъ-Джуліано телеграфировалъ Джіолитти: «Австрія увѣ домила насъ, какъ и Германію, о своемъ намѣреніи выступить про тивъ Сербіи, причемъ это свое выступленіе опредѣляетъ, какъ оборо нительное, въ надеждѣ создать casus foederis (случай примѣ ненія) тройственнаго союза; по моему мнѣнію, такого casu foederis въ настоящемъ случаѣ не существует Я стремлюсь, заодно съ Германіей, изыскать способъ помѣшать на мѣренію Австріи. Можетъ, однако, понадобиться категорическо заявленіе, что мы не считаемъ выступленія Австріи оборонительным и, слѣдовательно, не признаемъ наличности casus foederi Телеграфируй мнѣ въ Римъ, одобряешь-ли ты мои взгляды».

Джіолитти отвѣчалъ; «Если Австрія нападаетъ на Сербію, то очевидно, casus foederis не существуетъ. Въ данномъ случа Австрія должна дѣйствовать на свой рискъ, такъ какъ о защит здѣсь не можетъ быть и рѣчи, ибо никто и не ду маетъ нападать на Австрію. Полагаю, что необходим формально увѣдомить ее объ этомъ. Будемъ надѣяться, чт Германіи удастся отговорить Австрію отъ подобной опасной авантюр (pericolosissima avventura»).

Дѣйствительно, тогда удалось помѣшать Австріи затѣять войн однако, неизвѣстно, слѣдуетъ ли этотъ счастливый результатъ при

сать стараніямъ Германіи, или же отказу Италіи. Насъ, прежде его, интересуетъ тотъ фактъ, что Австрія, уже загодъ о настоящей войны, намѣревалась, безъ достаточ-ыхъ основаній, воспользоваться ничтожнымъ по-одомъ для вызова конфликта съ Сербіей. Дѣйстви-льно, тогда не было еще убійства эрцгерцога, да и сербская австро-бская пропаганда не была особенно опасна, такъ какъ Сербія была нята войной съ турками, а позднѣе со своимъ прежнимъ союзни-мъ, Болгаріей.

Этотъ фактъ весьма важенъ для выясненія: на комъ лежитъ вѣтственность за настоящую войну? Изъ событій 1913 года жно сдѣлать еще слѣдующіе выводы: 1) политическіе дѣятели трой-веннаго союза уже тогда знали, что австро-сербская война вызо-тъ обще-европейскій конфликтъ; 2) имѣлась возможность избѣжать ой опасности, отговоривъ Австрію отъ задуманной авантюры и от-завъ ей въ поддержкѣ. Если бы, годомъ позднѣе, руководствовались ытомъ прошлаго, то войны не было бы. Италія воспользовалась ими указаніями, и ея образъ дѣйствій безупреченъ съ нравственной юридической точекъ зрѣнія, но Германія не пожелала этого сдѣ-ть, и ей нужно примириться съ тѣмъ, что ей выносится совсѣмъ ратный приговоръ. Почему Германія въ іюлѣ 1914 года не оказала Австрію умѣряющаго вліянія, какъ это удалось съ такимъ успѣ-мъ сдѣлать годомъ раньше? Потому, что тогда она не хотѣла йны, или, лучше сказать, не хотѣла еще пока войны; въ 1914 году война абсолютно совпадала съ ея желаніями.

Перемѣна настроенія въ Берлинѣ. Военная партія.

Подъ чьимъ вліяніемъ столь радикально перемѣнилось настроеніе Берлинѣ, выяснено въ наиболѣе интересномъ изложеніи во француз-ой Желтой книгѣ [1]).

Если бы этотъ періодъ современной исторіи выяснялся един-енно на основаніи французскихъ донесеній, можно было бы отне-ись къ нимъ съ недовѣріемъ. Но они находятъ подтвержденіе въ

[1]) Донесеніе французскаго посланника Камбона отъ 17-го марта 1913 года, приложеніемъ двухъ рапортовъ военнаго и морского атташе. Кромѣ того, бщеніе военнаго министра Этьэна министру иностранныхъ дѣлъ Жоннару 2-го апрѣля 1913 года (съ приложеніемъ). Донесеніе Камбона министру Пи-ну отъ 6-го мая 1913 г. Докладъ тому же министру отъ 30 іюля и донесеніе бона отъ 22-го ноября 1913 г.

фактахъ, во всемъ томъ, что мы знаемъ о политической жизни, военной и политической литературѣ Германіи [1]). Поэтому эти донес нія слѣдуетъ считать достовѣрными, и можно даже изумляться то какой точный даютъ они анализъ положенія дѣлъ въ Германіи.

Я уже упоминалъ объ опасныхъ интригахъ военной партіи, котор ареной для своей дѣятельности избрала исключительно сѣверную Ге манію, съ главной квартирой при Берлинскомъ дворѣ. Вождя этой партіи были большей частью генералы, которые, нах дясь въ отставкѣ, пользовались досугомъ для своего рода военн организаціи своихъ сторонниковъ, перомъ и словомъ подготовля Германію къ войнѣ: они ея хотѣли, поэтому и провозгласили неизбѣжность. Наряду съ военно-морскими лигами, уже существова шими, была организована въ 1912 году лига обороны «Wehrverei Эта лига имѣла своею задачею бороться съ мирными теченіями германскомъ народѣ, настроить общественное мнѣніе въ пользу ул личенія арміи и мало-по-малу пріучить народъ къ мысли объ евр пейской войнѣ. Естественными помощниками этихъ организаторо были ихъ коллеги и равные имъ по чину изъ рядовъ военнаго и м мѣстнаго дворянства, которое всегда управляло прусскимъ госуда ствомъ и считало прусскаго короля своимъ главой. Прусскіе юнке съ омерзѣніемъ взирали на симптомы назрѣвающихъ перемѣнъ. Увел чивающаяся демократизація Германіи, вслѣдствіе чего рейхста позволилъ себѣ вотировать недовѣріе канцлеру, взявъ на себя з щиту гражданской власти Эльзаса противъ военныхъ властей, безпр станное усиленіе вліянія соціализма, увеличеніе числа соціалистовъ ихъ представителей въ парламентѣ (вслѣдствіе развитія германск промышленности, отодвинувшей на второй планъ экономическое соціальное значеніе помѣстнаго дворянства), все это создало въ сре юнкеровъ настроеніе, которое можно формулировать слѣдующи образомъ: «такъ въ Германіи не можетъ продолжаться! Но улучше положенія нельзя ожидать во время мира; значитъ, желательна вой война, оздоровляющая и приносящая съ собою радость, способн исцѣлить насъ отъ всѣхъ нашихъ болѣзней»!

Юнкеры уже давно составляли ядро прусской военной партіи. послѣднее время, однако, у нихъ появилось много другихъ сторонн ковъ: яростные адепты колоніальной политики, увлекавшіеся призр комъ возможныхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, которыя открыли

---

[1]) Смотри любопытную брошюру проф. О. Ниппольда «Der deuts Chauvinismus».

ходъ для избытковъ производства и населенія; ограниченные натики-идеологи, считавшіе, что Германія стоитъ во главѣ ей цивилизаціи, а германская культура призвана играть первенствую-ую роль въ мірѣ; дипломаты, не примирившіеся съ своими неудачами и елавшіе реванша за Агадиръ и Алжезирасъ; на первомъ же планѣ— шечные короли и фабриканты стальной брони, которые, благодаря оему богатству, могли субсидировать не только мѣстную печать, но заграничную. Всѣ эти увлекающіеся и увлеченные, отчасти изъ лич-го интереса, отчасти отъ избытка довѣрія, образовали компактную ссу, которая, съ свойственной пруссакамъ дисциплиной, выступила въ ходъ по командѣ, направляясь прямо къ цѣли. Военная партія пред-авляетъ собою лишь меньшинство германскаго народа. Громадное большинство послѣдняго рѣшительно настроено въ пользу мира. асса рабочаго населенія, ремесленная буржуазія, финансовые и про-шленные круги, національныя группы поляковъ, эльзасцевъ и т. д., кная Германія, еще не вполнѣ опрусаченная,—всѣ эти слои герман-аго народа несомнѣнно хотѣли мира, желая спокойно слѣдовать мъ историческимъ путемъ, который привелъ Германію къ ея ны-шнему величію. Однако, эти настроенныя въ пользу ира общественныя силы не были организованы. о все были отдѣльныя лица, а не войско съ его сплоченными рядами. ганизоваться въ партію мира, чтобы бороться съ военной партіей, считалось необходимымъ потому, что до іюля минувшаго года въ Гер-ии не признавали военную партію заслуживающею вниманія. Кромѣ го, европейскую войну, со всѣми ея ужасами, считали невозможной и имѣли никакого представленія о той работѣ, которую, при могуще-венной поддержкѣ, уже закончили зачинщики войны. Кто, даже въ единѣ іюля прошлаго года, сталъ бы въ Германіи утверждать, что о августа грянетъ европейская война, подвергся бы опасности ть заключеннымъ въ домъ умалишенныхъ. Правда, знали о суще-вованіи крикуновъ, но ихъ выкрики не считались опасными, и орга-зація для охраны мира казалось излишней.

Несомнѣнно, что договоръ, регулирующій марокскій вопросъ, обма-ъ ожиданія во многихъ кружкахъ. Сожалѣли о нашемъ кажущемся ди-оматическомъ пораженіи; однако, не считали нужнымъ требовать за кровавой мести. Критиковали дипломатовъ, но не видѣли спасенія генералахъ. Критика была направлена, прежде всего, противъ канц-а Бетмана-Гольвега, не останавливаясь, однако, на немъ, а затрагивая ке кайзера. Мирная политика, окончательно усвоенная имъ послѣ выхъ проявленій юношескаго пыла, въ нѣкоторыхъ кругахъ уже

не встрѣчала одобренія: его не только критиковали, но старались, и безъ успѣха, сдѣлать его непопулярнымъ.

. . . . . .

. . . . . Услужливая и хорошо организованна печать начала превозносить сына за счетъ отца и обострила непрія ненныя между ними отношенія, что проявилось въ рядѣ общеизвѣс ныхъ серьезныхъ столкновеній.

Пуская въ ходъ діавольски коварные пріемы, играли на наиболѣ чувствительныхъ струнахъ души кайзера: на его самолюбіи, на жажд популярности, на его честолюбивомъ желаніи быть среди своего н рода первымъ и никѣмъ не затемненнымъ, на сознаніи имъ значен своей власти, что заставило его принять девизомъ фразу: «suprem lex regis voluntas» [1]).

Какъ отцу Гамлета, въ уши кайзера вливали ядъ, ему нашепты вали, что въ настоящія времена требуются дѣла, а не слова, чт только война, очистивъ атмосферу и разрядивъ нависшія грозовы тучи, могла бы вернуть имперіи и ея главѣ престижъ, какъ внѣ, так и внутри страны.

И капля долбитъ камень... Интересно прослѣдить совершившій въ періодъ 1911 — 1914 г.г. постепенный поворотъ во взглядах кайзера. Еще въ 1910 году Вильгельмъ II въ бесѣдѣ съ французским министромъ Пишономъ выразилъ свое сочувствіе дѣлу организац лиги изъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ. За годъ до этого, в Куксгафенѣ, кайзеръ настаивалъ на необходимости мира для всѣх цивилизованныхъ народовъ, «чтобы они могли безъ помѣхи выполни великія задачи, налагаемыя на нихъ ходомъ экономическаго и ком мерческаго развитія» [2]). При наступленіи новаго 1911 года, кайзер въ рѣчи, обращенной къ дипломатамъ, восхвалялъ миролюбивыя от ношенія между народами «болѣе, нежели опасныя войны, соотвѣтствуют щія ихъ интересамъ»... Въ 1911 году въ рѣчи, сказанной въ Гамбург онъ высказалъ мнѣніе, что вооруженное столкновеніе не останови конкурренціи народовъ въ области экономическихъ отношеній, чт могло бы быть устранено лишь наивысшимъ развитіемъ трудовы способностей народовъ. Но уже въ рѣчи, сказанной кайзеромъ в Гамбургѣ 18-го іюня 1912 года, звучитъ другой тонъ. «Не слѣдует легкомысленно водружать свое знамя тамъ, гдѣ нельзя быть увѣренны въ успѣшной его защитѣ». Это было сказано черезъ шесть мѣсяцев

---

[1]) Высшій законъ—воля монарха.

[2]) См. Фридъ, Кайзеръ и всесвѣтный миръ, 1910 г.

ослѣ подписанія марокккской конвенціи. Умѣющій читать между строкъ же замѣтитъ здѣсь, какъ критическое отношеніе къ миролюбивой олитикѣ кайзера начинаетъ оказывать вліяніе на ходъ его мыслей. айзеръ уже не отвергаетъ безусловно мысли о войнѣ. Когда это ужно—говоритъ онъ—надо проводить свою политику и другими спосо-ами, согласно съ завѣтами Клаузевитца, при условіи, что удастся щитить свое знамя; другими словами, при условіи перевѣса собствен-ыхъ силъ надъ силами противника. Въ слѣдующемъ 1913 году, эта инственная нотка, послѣ шумнаго празднованія столѣтія освобо-денія Германіи, постепенно заглушаетъ миролюбивое настроеніе. акое то опьяненіе охватываетъ всю Германію, нѣчто вродѣ новаго енароднаго освободительнаго движенія, направленнаго къ сверженію кому неизвѣстнаго ига. Этотъ угаръ былъ искусственно вызванъ жигательными статьями, коими, въ теченіе ряда лѣтъ, неразборчивая средствахъ печать лжепатріотовъ старательно обслуживала герман-ій народъ. Даже высшіе государственные дѣятели не могли устоять отивъ охватившаго всѣхъ настроенія. Разразилась настоящая эпи-мія патріотизма, лихорадочный экстазъ охватилъ старыхъ и моло-хъ, великихъ и малыхъ. Никто уже не спрашивалъ о мотивахъ и ляхъ этого народнаго движенія, задолго подготовленнаго націона-стскими «режиссерами» и ловко ими инсценированнаго. Въ это дви-ніе кайзеръ и канцлеръ были сначала вовлечены противъ своей ли, но затѣмъ уже добровольно приняли въ немъ участіе и, нако-ецъ, стали во главѣ движенія.

Несомнѣнно, г. фонъ Бетманъ-Гольвегъ долго боролся противъ енной партіи раньше, чѣмъ сдаться ей на капитуляцію. Но онъ дол-жнъ былъ уступить, чтобы не сдѣлаться жертвою генераловъ и ка-рильи кронпринца. Еще въ 1910 и 1911 г.г. канцлеръ энергично ротивлялся своимъ противникамъ, дѣятельно минировавшимъ почву ъ его ногами. На брошенный ему, по поводу дѣла Маннесмана, екъ въ чрезмѣрной уступчивости въ отношеніи иностранцевъ, онъ ѣтилъ шовинистамъ рейхстага: «Я никогда не буду сторонникомъ итики, пренебрегающей трактатами». 30-го марта 1911 г. проис-ли знаменательныя пренія по вопросу о вооруженіи. Канцлеръ ь ли не умолялъ народныхъ представителей защитить народъ «отъ отвѣтственныхъ интригановъ печати, которымъ послѣдній слишкомъ то пассивно поддается». «Желательно создать противовѣсъ этимъ одобнымъ имъ вліяніямъ,—добавилъ г. фонъ Бетманъ—и я первый ъ бы признателенъ, если бы путемъ международныхъ усилій удалось дать такой противовѣсъ.» Но, какъ мы уже говорили, послѣдній

оказался недостаточнымъ, чтобы подавить воинственное движен
Сопротивленіе канцлера было сломлено, какъ это раньше случило
и съ кайзеромъ, и великій военный законопроектъ 1913 г. бы
первой фанфарой воинствующей партіи, съ провозглашеніемъ г
бѣды по всей линіи.

Если мы, германцы, не вызвали войны въ 1913 году, какъ то
желала тогда Австрія, то мы руководствовались не принципіальны
соображеніями, а сознаніемъ несвоевременности такого выступлен
Выставленный Австріей предлогъ—урегулированіе сербско-болгарск
границы—былъ слишкомъ мелочнымъ, чтобы оправдать европейску
бойню въ глазахъ германскаго народа и задѣть его за живое, ра
жегши въ немъ патріотическій энтузіазмъ. Война, не отвѣчающ
народнымъ чувствамъ,—въ настоящее время немыслима. Вопросъ
томъ, состоитъ ли та или другая область, съ трудно произносимы
именемъ, подъ сербскимъ или болгарскимъ управленіемъ, былъ сли
комъ безразличенъ для германскаго народа, чтобы послужить по
домъ къ войнѣ за самыя священныя блага страны. Вотъ почему и
Берлина послѣдовало предостереженіе Вѣнѣ: «рано еще!»

Безъ сомнѣнія, это «рано еще» было въ немалой мѣрѣ вызва
соображеніями военнаго характера. Мы не были еще достаточно пр
готовлены. Правда, мы имѣли значительный перевѣсъ надъ другим
но необходимо было еще усилить этотъ перевѣсъ: выждать вступле
въ силу новыхъ военныхъ законовъ, получившихъ лишь предвар
тельную санкцію рейхстага. Не были еще закончены работы по р
ширенію канала императора Вильгельма для свободнаго пропуска
мыхъ крупныхъ боевыхъ судовъ изъ Сѣвернаго моря въ Балтійск
Смертоносныя орудія, отвѣчавшія послѣднему слову военной техни
находились, вѣроятно, еще въ проектѣ. Необходимо было постро
еще нѣсколько цеппелиновъ и подводныхъ лодокъ и усовершенст
вать наше вооруженіе. Однимъ словомъ, мы не были еще готовы
нападенію, которое уже тогда было въ принци
рѣшено.

Мы ждали лишь перваго благопріятнаго случая и момента ок
чательнаго завершенія нашихъ приготовленій, чтобы съ успѣхо
воспользоваться этимъ случаемъ. Тѣмъ временемъ, поворотъ во взг
дахъ кайзера становился все замѣтнѣе. Окружавшія его лица,
главѣ съ начальникомъ главнаго штаба, фонъ-Мольтке, военнымъ м
нистромъ, кронпринцемъ и его вліятельной кликой (наперекоръ во
канцлера, который, правда, участвовалъ во всей этой эволю
покрывая ее своею отвѣтственностью, но все еще страшился рѣш

ельнаго шага), всѣ эти лица стремились къ одной цѣли: по возможности ускорить «неизбѣжную войну» и окончательно привлечь на свою сторону кайзера. «Избитыя разсужденія на тему объ отвѣтственности нападающаго слѣдуетъ оставить въ сторонѣ,—сказалъ какъ-то фонъ Мольтке—если война оказалась необходимой, нужно не начать, какъ только всѣ шансы на нашей стороне: лишь успѣхъ долженъ опредѣлять конечное рѣшеніе.» [1])

Въ донесеніи отъ 22-го ноября 1913 года, на имя министра Пишона, г. Камбонъ указываетъ на успѣхи, достигнутые военной партіею. Онъ сообщаетъ о бесѣдѣ Вильгельма II съ бельгійскимъ королемъ Альбертомъ [2]), въ ноябрѣ 1913 года, въ присутствіи начальника генеральнаго штаба. О содержаніи этой бесѣды г. Камбонъ узналъ «изъ самаго вѣрнаго источника». Король Альбертъ нашелъ, что кайзеръ, котораго онъ считалъ искреннимъ сторонникомъ мира, совершенно измѣнился; онъ окончательно распростился со своими миролюбивыми стремленіями усвоивъ идеи военной партіи. Война съ Франціей тоже казалась теперь кайзеру неизбѣжной. Онъ вполнѣ раздѣлялъ взглядъ начальника главнаго штаба, заявившаго, что нынѣшнему положенію вещей слѣдуетъ положить конецъ, и что кайзеръ можетъ быть увѣренъ въ пламенномъ энтузіазмѣ, съ которымъ народъ послѣдуетъ за нимъ. Кайзеръ былъ, главнымъ образомъ, настроенъ противъ Франціи, и король Альбертъ тщетно старался его убѣдить въ миролюбивомъ настроеніи французскаго народа и правительства. Съ своей стороны, г. Камбонъ, на основаніи собственныхъ наблюденій, подтверждаетъ сообщеніе о перемѣнѣ въ настроеніи императора. Французскій посланникъ объясняетъ это все увеличивающимся нетерпѣніемъ, которое начали проявлять военныя элементы, вліяніемъ пангерманистовъ и, отчасти, нѣкоторой завистью Вильгельма II къ популярности его сына въ этихъ кругахъ. Г. Камбонъ заканчиваетъ свое донесеніе словами: «Кайзеръ постепенно осваивается съ такого рода идеями, къ которымъ онъ раньше относился отрицательно». Нельзя не признать вѣрности наблюденій г. Камбона: не прошло и 8 мѣсяцевъ, какъ обнаружились послѣдствія поворота въ идеяхъ кайзера. Но даже въ дни, предшествовавшіе самому возникновенію войны, въ душѣ Вильгельма II происходила борьба добрыхъ и злыхъ началъ, борьба Ормузда съ Ариманомъ. Въ моментъ принятія безповоротнаго

---

[1]) Донесеніе г. Камбона на имя министра г. Пишона, отъ 6-го мая 1913 г. (французская «Желтая» книга).

[2]) Желтая книга, № 20.

рѣшенія, которое должно было зажечь весь міръ яркимъ пламенем и навлечь на человѣчество невиданную доселѣ катастрофу, въ момент осуществленія на дѣлѣ давно подготовленнаго проекта,—рука кайзер передъ послѣднимъ росчеркомъ пера, застыла въ нерѣшительност Въ душѣ Вильгельма воскресли еще разъ, какъ бы подернутые дымк тумана, старые идеалы мира и общаго благополучія народовъ. Этимъ об ясняются проволочки послѣднихъ дней и несвойственный натурѣ ка зера образъ дѣйствій: отъ колебался между желаніемъ сохранит миръ и угрозою войною, между политикой застращиванія и послѣ нимъ серьезнымъ актомъ рокового значенія. Вильгельмъ II такъ дол проводилъ политику желѣзнаго кулака, что, мало-по-малу, всяка политика пришла къ своему естественному концу, и—ее замѣнил одинъ лишь желѣзный кулакъ.

III.

Преступленіе.

Подробное изложеніе исторіи возникновенія кризиса было нео ходимо, чтобы стала понятна та быстрота, съ которой развернулис въ теченіе 10 дней (съ 23 іюля по 1 августа), событія, непосредствен предшествовавшія величайшей въ исторіи войнѣ.

Положеніе, занятое Германіей послѣ первой Гаагской конф ренціи, неоднократные отказы ограничить свои военныя и морск вооруженія, помѣхи, создаваемыя учрежденію международнаго трете скаго суда, повторныя попытки добиться нейтралитета Англіи, п нежеланіи, со стороны самой Германіи, поступиться въ чемъ-ли своей свободой дѣйствій, снисходительное отношеніе къ преступно шовинистскому движенію и оказанное впослѣдствіи этому движен покровительство, — все это, въ совокупности, указываетъ, что Ге манія давно уже лелѣяла мысль о войнѣ и рѣшила вызвать э «неизбѣжную» войну въ наиболѣе благопріятный для себя моментъ

Событія, происшедшія до 1914 года, оправдываютъ понево подозрѣніе, что Германія, вмѣстѣ со своей союзницей Австріей, ж лала войны: первая—для осуществленія своей мечты о міровомъ го подствѣ, а вторая—для упроченія своего положенія на Балканахъ.

Но подозрѣніе не есть увѣренность. Выводы, котор можно сдѣлать на основаніи предшествовавшихъ событій, еще

доказательства. Послѣднія можно найти только въ тѣхъ условіяхъ, которыми сопровождалось само событіе, т.-е., въ данномъ случаѣ, въ дипломатическихъ документахъ, освѣщающихъ исторію возникновенія войны.

Союзныя имперіи обвиняются въ томъ, что онѣ, лѣтомъ 1914 года, преднамѣренно вызвали войну (къ которой давно стремились и готовились), такъ какъ считали наступившій тогда моментъ особенно для себя благопріятнымъ. Поводомъ послужилъ не мелкій вопросъ о какомъ-то портѣ, побережьѣ, или территоріи на Балканахъ. Такой вопросъ не могъ ни интересовать общественное мнѣніе, ни вызвать подъемъ въ народѣ. Предлогомъ явилось убійство эрцгерцога и его супруги, трагическое событіе, которое должно было вызвать негодованіе во всемъ мірѣ и обратить общія симпатіи (какъ, по крайней мѣрѣ, разсчитывали) на сторону тѣхъ державъ, которыя возьмутся за оружіе съ цѣлью покарать виновниковъ такого вопіющаго злодѣянія.

Нравственный успѣхъ былъ, такимъ образомъ, обезпеченъ, а въ военномъ успѣхѣ не сомнѣвались. Именно въ этотъ моментъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, предполагали, что французская армія разорганизована, и что въ подготовкѣ русской арміи имѣются серьезные недостатки. Сенаторъ Гумберъ, въ рѣчи, сказанной во французскомъ сенатѣ, сдѣлалъ разоблаченія о крупныхъ пробѣлахъ во французской арміи; русская же армія, помимо недочетовъ въ подготовкѣ, считалась ослабленной и, по большей части, неспособной къ мобилизаціи вслѣдствіе внутреннихъ безпорядковъ. Кромѣ того, все еще надѣялись, что Англія сохранитъ нейтралитетъ, несмотря на рядъ прежнихъ неудачныхъ попытокъ этого достигнуть. Италію же считали достаточно безумной, чтобы оказать ненавистной ей Австріи услугу привлеченіемъ для послѣдней «каштановъ изъ огня» на Балканахъ, и чтобы, «въ угоду прусскому королю», поставить на карту національное существованіе Италіи. Сколько расчетовъ, столько и ошибокъ! Но и въ Берлинѣ, и въ Вѣнѣ, не сумѣвъ сдѣлать расчета, признали моментъ особенно выгоднымъ для громового удара, и.... ударили.

Таково обвиненіе, которое надлежитъ доказать.

* * *

Событія, стоящія въ связи съ убійствомъ эрцгерцога и его супруги, въ общихъ чертахъ извѣстны и не нуждаются въ подробномъ изложеніи. Для той задачи, которую я себѣ поставилъ, достаточно

критически разобраться въ фактахъ, установленныхъ дипломатическими переговорами, и выдвинуть то, что имѣетъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о виновности. Я буду основываться въ своихъ разсужденіяхъ исключительно на оффиціальныхъ документахъ, главнымъ образомъ, на 5 дипломатическихъ книгахъ (Бѣлой, Синей, Желтой, Оранжевой и Сѣрой), опубликованныхъ Германіей, Англіей, Франціей, Россіей и Бельгіей. Красной книги пока еще не появилось: народамъ предоставляется написать ее собственною кровью.

Мы воспользуемся также другими дипломатическими документами, опубликованными помимо этихъ книгъ.

Поражаетъ, прежде всего, скудость содержанія германской Бѣлой книги и то обстоятельство, что Австрія не сочла нужнымъ опубликовать, по примѣру прочихъ воюющихъ странъ, свои дипломатическіе документы. Бѣлая книга почти не касается исторіи взаимоотношеній Вѣны и Берлина, тогда какъ въ изданіяхъ державъ тройственнаго согласія сношенія между его участниками изложены самымъ подробнымъ образомъ. Въ германской Бѣлой книгѣ всего только 36 документовъ; англійская же Синяя книга насчитываетъ ихъ 161, русская Оранжевая—79, французская Желтая—161 и бельгійская Сѣрая—79. Слѣдовательно, дипломатическіе матеріалы опубликованы противниками Германіи съ бо́льшей подробностью, нежели это сдѣлали центральныя державы, изъ которыхъ одна сохраняетъ до сихъ поръ полное молчаніе. «Это наводитъ на размышленія» [1]).

Историку зачастую приходится пополнять недочеты Бѣлой книги, черпая изъ богатаго матеріала, опубликованнаго правительствами тройственнаго согласія. Сообщенія, относящіяся къ фактамъ, переданы во всѣхъ книгахъ большею частью безъ противорѣчій; разница же въ освѣщеніи фактовъ объясняется различіемъ въ настроеніи составителей этихъ отчетовъ. Въ своемъ критическомъ очеркѣ я оставлю совершенно въ сторонѣ освѣщеніе событій, ограничиваясь передачей голыхъ фактовъ, по которымъ не существуетъ разногласія: они одни—достаточно краснорѣчивы. Я, конечно, не буду входить въ разсмотрѣніе вопроса, къ которымъ изъ этихъ книгъ надлежитъ относиться съ большимъ довѣріемъ. Дипломатическіе документы—равноцѣнные документы, заслуживающіе всѣ одинаковой степени довѣрія. Наконецъ, одинъ документъ находитъ подтвержденіе

---

[1]) Въ первыхъ числахъ февраля, т. е. черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ начала войны, когда настоящій трудъ находился уже въ печати, появилась австрійская книга. Я займусь ею въ особомъ приложеніи къ настоящему труду.

въ другомъ, и всѣ они, въ совокупности, составляютъ замкнутую цѣпь, звенья которой такъ плотно пригнаны другъ къ другу, что въ результатѣ получается полное обнаруженіе ясной и непреложной истины.

Я послѣдовательно выясню, переходя отъ одной державы къ другой, наиболѣе существенныя данныя, устанавливающія виновность каждой въ отдѣльности. Каждому государству я отведу свой счетъ кредита и дебета, подъ которымъ будетъ подведено сальдо. Послѣднее и выяснитъ виновность, или невиновность того или другого государства.

А.

Австрія.

23 іюля, въ 6 часовъ вечера, отъ имени австро-венгерскаго правительства была вручена въ Бѣлградѣ нота съ рядомъ требованій по поводу пансербской пропаганды, достигшей убійствомъ эрцгерцогской супружеской четы своей кульминаціонной точки. Нота имѣла цѣлью настоять на подавленіи этихъ происковъ, къ которымъ сербское правительство якобы относилось снисходительно. Среди предъявленныхъ Австріей 10 требованій, имѣются и такія (таковыхъ, впрочемъ, большинство), съ какими никогда еще не обращались къ независимому государству и которыя было принято предъявлять до сихъ поръ лишь подвластнымъ народамъ. Сербскому правительству вмѣнялось въ обязанность опубликовать, на первой страницѣ своего оффиціальнаго органа, заявленіе въ точно указанной редакціи, съ осужденіемъ всякой пропаганды противъ Австріи и съ ясно выраженнымъ обѣщаніемъ строго наказывать всякаго (особенно же, офицеровъ и должностныхъ лицъ), кто приметъ впредь участіе въ этомъ движеніи. Одновременно, объ этой угрозѣ должно было быть доведено до свѣдѣнія арміи королевскимъ указомъ, опубликованнымъ въ оффиціальномъ военномъ бюллетенѣ. Сербское правительство, между прочимъ, обязывалось: не допускать къ опубликованію чего либо, направленнаго противъ Австріи; упразднить всѣ общества, агитирующія противъ нея, и препятствовать организаціи подобныхъ союзовъ въ будущемъ; изъять изъ школьнаго употребленія учебники съ австрофобскимъ направленіемъ; удалить всѣхъ офицеровъ и должностныхъ лицъ, виновныхъ въ пропагандѣ противъ двойственной монархіи; заключить въ тюрьму всѣхъ тѣхъ, кто, по указанію австро-венгерскаго правительства, скомпрометтированъ въ этомъ заговорѣ; принять мѣры къ прекращенію контрабанднаго провоза оружія черезъ гра-

ницу; представить объясненія по поводу враждебныхъ Австрі заявленій, сдѣланныхъ видными должностными лицами Сербіи, т. д. Въ ст. 5 ноты предъявляется Сербіи требованіе: «допустит сотрудничество органовъ австро-венгерскаго правительства для пода вленія движенія, направленнаго противъ территоріальной неприкосно венности монархіи», а въ ст. 6: «начать предварительное слѣдствіе про тивъ лицъ, замѣшанныхъ въ заговорѣ отъ 28 іюня и находящихс въ предѣлахъ Сербіи; въ розыскѣ и слѣдствіи по этому дѣлу примут участіе особые представители австро-венгерскаго правительства.»

Къ нотѣ былъ приложенъ, въ дополненіе къ п. п. 7 и 8, мемо рандумъ о результатахъ, достигнутыхъ розысками по Сараевском дѣлу. Отвѣтъ на ноту долженъ былъ послѣдовать въ теченіе 48 ча совъ, т. е. до 6 часовъ вечера 25-го іюля.

24 іюля нота, безъ приложенія къ ней доказательствъ предъ явленнаго Сербіи обвиненія, была сообщена державамъ, а 25-го іюл была опубликована въ европейской печати. Всѣмъ извѣстно, каку сенсацію вызвали въ дипломатическихъ канцеляріяхъ и въ общест венныхъ кругахъ необычайное содержаніе и рѣзкая форма ультима тума. Всѣ насторожились, ожидая категорическаго отказа со сторон Сербіи, возникновенія войны между Австріей и маленькимъ королев ствомъ, вмѣшательства Россіи и, наконецъ, обще-европейскаго кон фликта. Всѣмъ были извѣстны тѣсныя отношенія между Сербіею и Ро сіею, завязавшіяся между ними еще въ то отдаленное время, когда тольк что зародился балканскій вопросъ. Общность расы и религіи, политиче скія традиціи и совпаденіе интересовъ давно связали оба государств такъ тѣсно, что близость между ними заходила далеко за предѣлы про явленія обычной «сферы интересовъ». Во время балканской войн Россія оффиціально заявила, что всякое нападеніе со стороны Австрі на Сербію вызоветъ вмѣшательство Россіи [1]). И на этотъ разъ в петроградскомъ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появилось пред стереженіе, что къ военному выступленію Австріи Россія не отн сется равнодушно [2]).

Россія, по соглашенію съ Франціей и Англіей, употребил все свое вліяніе, чтобы:

1) побудить Сербію удовлетворить по мѣрѣ возможности ав стрійскія требованія [3]) и

---

[1]) Синяя книга, стр. IV и № 139.

[2]) Желтая книга, № 10.

[3]) Синяя книга, №№ 12, 15, 22, 30. Оранжевая книга, №№ 4, 25, 40, 4 Желтая книга, № 26.

2) добиться отъ Австріи продленія срока ультиматума, дабы державы имѣли возможность ознакомиться съ матеріаломъ предварительнаго слѣдствія (который имъ обѣщали предъявить), и, затѣмъ, выступить въ Бѣлградѣ съ совѣтами о возможной сдержанности [1]).

Со стороны Австріи послѣдовалъ рѣзкій отказъ въ продленіи срока ультиматума [2]), несмотря на вполнѣ основательныя заявленія Россіи и Англіи, что одно сообщеніе державамъ содержанія ноты не имѣло никакого смысла: отказъ въ предоставленіи державамъ необходимаго времени для ознакомленія съ матеріаломъ и принятія нужныхъ мѣръ въ Бѣлградѣ противорѣчилъ бы установленнымъ международнымъ обычаямъ. Г. фонъ Яговъ выразилъ заранѣе «сомнѣніе», чтобы Австрія могла согласиться на просимую отсрочку [3]). Графъ Берхтольдъ находился въ Ишлѣ. Мотивы отказа не были сообщены.

Тѣмъ временемъ, сербское правительство, по настоянію Англіи и Россіи, вручило Австріи отвѣтъ, который поразилъ Европу еще больше, нежели сама австрійская нота. Сербія подчинялась почти всѣмъ требованіямъ двойственной монархіи. Она заявляла о своей готовности передать въ руки правосудія всѣхъ участниковъ убійства, безъ различія ихъ положенія и званія. Она обязывалась: опубликовать въ оффиціальномъ органѣ всѣ требуемыя заявленія и довести о таковыхъ до свѣдѣнія арміи; ввести въ свои основные законы и въ законы о печати новыя статьи, предусматривающія право судебнаго преслѣдованія, конфискаціи и кары за помѣщеніе въ печати статей съ нападками на иностранныя державы; упразднить враждебныя Австріи общества; подвергнуть, въ желательномъ для Австріи смыслѣ, пересмотру учебное дѣло; наказать виновныхъ офицеровъ и должностныхъ лицъ; принять мѣры къ прекращенію контрабанды оружія и т. д.

Лишь въ отношеніи двухъ статей (5 и 6) сербское правительство позволило себѣ, въ самой скромной формѣ, нѣсколько оговорокъ (нота была, по правдѣ сказать, составлена въ тонѣ, въ которомъ могло говорить только подчиненное лицо со своимъ начальствомъ, а отнюдь не равноправное и независимое государство съ другимъ подобнымъ же). По поводу ст. 5 сербское правительство заявило:

«Королевское правительство принуждено признаться, что оно не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ смыслѣ и значеніи

---

[1]) Синяя книга, №№ 13, 17, 26. Оранжевая книга, №№ 4, 16.
[2]) Оранжевая книга, № 12.
[3]) Оранжевая книга, № 14. Синяя книга, № 18.

просьбы императорскаго и королевскаго правительства, чтобы Сербія обязалась допустить къ сотрудничеству на сербской территоріи органы императорскаго и королевскаго правительства. Тѣмъ не менѣе, королевское правительство заявляетъ, что оно допуститъ всякое сотрудничество, которое согласуется съ основами международнаго права и съ положеніями уголовнаго судопроизводства, а равно и съ добрососѣдскими отношеніями».

По поводу ст. 6 сербское правительство заявило:

«Королевское правительство, разумѣется, считаетъ своимъ долгомъ произвести разслѣдованіе въ отношеніи всѣхъ находящихся въ предѣлахъ королевства лицъ, причастность которыхъ къ заговору 15 (28) іюня доказана или будетъ обнаружена впослѣдствіи. Что же касается участія въ этомъ слѣдствіи агентовъ австро-венгерскихъ властей, командируемыхъ для этой цѣли императорскимъ и королевскимъ правительствомъ, то на это условіе королевское правительство согласиться не можетъ, такъ какъ это было бы нарушеніемъ конституціи и закона объ уголовномъ судопроизводствѣ. Но, въ конкретныхъ случаяхъ сообщенія о результатахъ упомянутаго слѣдствія могли бы быть дѣлаемы австро-венгерскимъ органамъ».

Сербская нота заканчивается такъ:

«Королевское сербское правительство, признавая отвѣчающимъ общимъ интересамъ не спѣшить съ разрѣшеніемъ настоящаго вопроса, готово, какъ всегда, пойти на мирное соглашеніе путемъ передачи этого вопроса на рѣшеніе, или Гаагскаго международнаго трибунала, или великихъ державъ, участвовавшихъ въ выработкѣ декларацiи, сдѣланной сербскимъ правительствомъ 18/31 марта 1909 г.».

25-го іюля пополудни сербская нота была въ Бѣлградѣ вручена австрійскому посланнику. Два часа спустя послѣдній, со всѣмъ составомъ посольства, покинулъ сербскую столицу. Отвѣтъ Сербіи показался вѣнскому правительству неудовлетворительнымъ, и Австрія прервала дипломатическія сношенія со своей южной сосѣдкой. Спрашивается: почему? Европейская дипломатія, за исключеніемъ одной лишь германской дипломатіи, оказалась передъ загадкою, которая могла имѣть только одно рѣшеніе: Австрія, во что бы то ни стало, добивалась конфликта съ Сербіей. Насколько австрійская нота являлась необычайной по чрезмѣрности своихъ требованій и по формѣ, въ которую она была облечена, настолько же необычайной была и

ербская нота, какъ по степени проявленной покорности, такъ и по тону, оторымъ послѣдняя выражалась. Никогда еще ни одному независимому государству не приходилось въ ирное время получать подобныя предписанія и спытать такое вмѣшательство въ свои внутренія дѣла. Школа, армія, администрація, судопроизводство, печать, вобода союзовъ и собраній,—все это должно было регламентироваться сообразно желаніямъ Австріи. Даже на такія требованія, ко-орыя Сербія не могла удовлетворить въ полномъ объемѣ, не ри-куя превратиться въ вассальное государство, она не отвѣтила кате-орическимъ отказомъ, а скромно просила лишь объясненій. Сербія зъявляла готовность уступить до крайнихъ предѣловъ, допускае-ыхъ международнымъ правомъ, и предлагала передать рѣшеніе не-ногихъ еще остающихся спорныхъ пунктовъ на третейскій удъ въ Гаагѣ, или великимъ державамъ.

Чего-же больше могла требовать Австрія? Почему она не дала росимыхъ объясненій? Почему она не соглашалась представить на ѣшеніе третейскаго суда вопросы международнаго права и ихъ олкованіе, которые, согласно постановленіямъ и резолюціямъ Гааг-кихъ конгрессовъ, входили именно въ сферу компетенціи третей-каго суда?

27-го іюля австрійское правительство опубликовало сербскую оту съ комментаріями, причемъ послѣдними былъ испещренъ весь рбскій текстъ. «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» напечатала текстъ оты только въ этомъ искаженномъ видѣ. Такой поступокъ Австріи но указываетъ на намѣреніе ея лишить ноту того эффекта, кото-ый она должна была произвести по своей формѣ и по своему при-ирительному содержанію. Маркизъ ди-Санъ Джуліано квалифициро-алъ такое кромсаніе фразъ, какъ ребяческую выходку [1]). Но одобная квалификація представляется черезчуръ мягкой, если принять ъ вниманіе, что отъ этихъ объясненій зависѣла судьба Европы и, ожно смѣло сказать, даже всего міра. Какой-нибудь подпольный авокатишка устыдился бы прибѣгнуть, въ мелкомъ судебномъ про-ессѣ, къ такимъ ухищреніямъ, какими не побрезговала Австрія для обоснованія своего недовольства сербскимъ отвѣтомъ. Не стоитъ уда подробно входить въ разсмотрѣніе этого поступка, одинаково одлаго, какъ по существу, такъ и по формѣ. Сербіи вмѣняются въ вину

1) Синяя книга, № 64.

недоразумѣнія, которыя, повидимому, намѣренно созданы Австріею. Въ австрійскихъ комментаріяхъ къ сербской нотѣ говорится, между прочимъ, что ст. 5 ничего общаго не имѣетъ съ международнымъ правомъ или уголовнымъ судопроизводствомъ; это—дѣло чисто полицейскаго характера, которое можетъ быть рѣшено путемъ частнаго соглашенія. А ст. 6 вовсе не имѣетъ въ виду сотрудничества австрійскихъ должностныхъ лицъ въ производствѣ предварительнаго судебнаго слѣдствія, а лишь ихъ участіе въ полицейскихъ розыскахъ. Значитъ, только по поводу этихъ двухъ статей, единственныхъ, вызвавшихъ нѣкоторыя возраженія со стороны Сербіи (во всемъ остальномъ она уступала), по утвержденію Австріи, возникли недоразумѣнія (вызванныя неясностью ультиматума). Эти недоразумѣнія компетентнымъ лицамъ нетрудно было бы устранить въ получасовой бесѣдѣ или, въ худшемъ случаѣ, рѣшеніемъ третейскаго суда. Почему же Австрія не потребовала такой бесѣды или такого рѣшенія? Почему она немедленно же прибѣгла къ крайнему средству, которое не могло быть рѣзче даже въ случаѣ, если бы Сербія категорически отвергла всѣ требованія: къ разрыву дипломатическихъ сношеній?

Это было, въ теченіе 3-хъ дней, третьимъ непостижимымъ для ума событіемъ, непостижимымъ, если допустить, что Австрія не имѣла въ виду добиться во что бы то ни стало войны съ Сербіей, съ рискомъ вызвать европейскій конфликтъ. Самая нота является лишь замаскированнымъ объявленіемъ войны. Никто, а меньше всѣхъ Австрія, не могъ ожидать, чтобы Сербія уступила столь унизительнымъ требованіямъ. Однимъ фактомъ принятія австрійскихъ требованій къ разсмотрѣнію и уступкой большинству изъ нихъ эта маленькая страна, истощенная двумя войнами, явила рѣдкій примѣръ миролюбія. Достиженію такого результата способствовало отчасти вліяніе державъ тройственнаго согласія, въ частности—Россіи, заставившихъ Сербію быть податливой. Въ обращеніи сербскаго принца — регента Александра, отъ 24-го іюля на имя Русскаго Императора, подтверждалась готовность Сербіи принять всѣ условія, совмѣстимыя съ достоинствомъ независимаго государства, и испрашивался совѣтъ Россіи [1]). Согласно этимъ совѣтамъ была составлена сербская нота отъ 25-го іюля, являющаяся образчикомъ неслыханнаго доселѣ въ исторіи дипломатіи самоуни-

---

[1]) Оранжевая книга, № 6.

женія. Уже одинъ этотъ фактъ доказываетъ безспорно миролюбивыя тенденціи Сербіи и Россіи. Съ другой стороны, пренебрежительное отношеніе Австріи къ сербской нотѣ, которую она даже не признала достойной быть основой для дальнѣйшихъ переговоровъ, и рѣзкій разрывъ дипломатическихъ сношеній—являются доказательствами, что въ Вѣнѣ желали войны во что бы то ни стало. Воинственные планы Австріи выясняются изъ трехъ первыхъ актовъ нынѣшней трагедіи: изъ ноты Австріи, изъ ея отказа продлить назначенный для отвѣта срокъ и изъ отозванія ея посланника.

Податливость Сербіи, предметъ горячихъ пожеланій всего міра, и которой европейскіе дипломаты (конечно, за исключеніемъ германскихъ) старались добиться всѣми способами, явилась непріятнѣйшей неожиданностью для Австріи. Въ Вѣнѣ разсчитывали на рѣзкій отказъ, который оправдалъ бы разрывъ дипломатическихъ сношеній и послѣдующую затѣмъ войну. Съ этою цѣлью нота и была составлена въ такой формѣ, что отказъ казался неизбѣжнымъ. Но миролюбіе Россіи и Сербіи оказалось сильнѣе воинственнаго пыла Австріи, — и надежды послѣдней не оправдались. Она очутилась въ ложномъ положеніи; ожидавшагося ею мотива для войны она не добилась, почему и пришлось прибѣгнуть къ выдумкѣ такого предлога, путемъ извращенія смысла нотъ, чтобы увѣрить весь міръ, будто Сербія отказываетъ сопротивленіе вмѣсто того, чтобы подчиниться.

Пока сербская нота не была предана гласности, всѣ были увѣрены въ отказѣ Сербіи, который считался вообще единственно возможнымъ отвѣтомъ на замаскированное объявленіе Австріею войны. Но, когда 26 и 27 іюля европейскимъ кабинетамъ и всей Европѣ стало извѣстно содержаніе сербской ноты, всѣ были ошеломлены поведеніемъ Австріи, объяснимымъ лишь твердымъ рѣшеніемъ ея вызвать войну, — и передъ всѣми всталъ грозный призракъ европейскаго столкновенія!

Сэръ Эдуардъ Грей сталъ первый искать средствъ предотвратить опасность. Онъ предложилъ созвать въ Лондонѣ, подъ его предсѣдательствомъ, конференцію изъ пословъ Германіи, Франціи и Италіи, которая изыскала бы способы къ устраненію разногласій между Австріей и Сербіей по остающимся еще спорными пунктамъ ультиматума. На эту идею поспѣшили откликнуться Франція и Италія. Россія не замедлила заявить, что она считаетъ созывъ конференціи пословъ четырехъ не заинтересованныхъ державъ наилучшимъ спо-

собомъ къ сохраненію мира и что она подчинится рѣшеніямъ это конференціи [1]).

Эта конференція, составленная изъ двухъ представителей трой ственнаго союза и изъ двухъ делегатовъ тройственнаго согласія, дѣй ствительно гарантировала безпристрастность разсмотрѣнія предло женныхъ на ея обсужденіе вопросовъ; они, впрочемъ, были, благодар сербскому отвѣту, очень малочисленны и могли быть легко рѣ шены въ самое непродолжительное время. Если вспомнить, что Лон донская конференція пословъ, созванная во время Балканскаго кри зиса, удачно рѣшила гораздо болѣе трудные вопросы, то придется сказать: «согласовать въ 1914 г. австрійскія требованія съ сербским уступками было бы дѣтской игрой для конференціи, такъ какъ е не пришлось бы рѣшать ни территоріальныхъ, ни морскихъ, ни рас выхъ или національныхъ вопросовъ; ей не пришлось бы также со давать цѣлаго новаго государства».

Но именно потому, что конференція пословъ легко разрѣ шила бы всѣ вопросы, Германія и Австрія воспротивились созыв этой конференціи. Если бы представители четырехъ незаинтересова ныхъ державъ собрались въ Лондонѣ вокругъ зеленаго стола, съ цѣль сгладить разногласія чисто словеснаго характера между двумя нотами разсѣять всякія недоразумѣнія, то успѣхъ конференціи былъ заранѣ совершенно обезпеченъ. Въ результатѣ Австрія не смогла бы укло ниться отъ принятія исходящихъ отъ конференціи пословъ пре ложеній, такъ какъ Россія заранѣе объявила, что она, равно какъ Сербія, согласна имъ подчиниться. Это сдѣлало бы войну невозможно и потому не устраивало Австрію. Вотъ почему Германія сдѣлала слѣдуй щее первое возраженіе: «нельзя заставить Австрію предстать передъ евро пейскимъ трибуналомъ [2])». Когда же Грей доказалъ всю нелѣпост этого возраженія и замѣтилъ: «это былъ бы не третейскій суд а частное и неоффиціальное обсужденіе, съ цѣлью выяснить, чт можетъ быть сдѣлано для установленія соглашенія» [3]), то Австр открыто объявила, что считаетъ нужнымъ отклонить англійское пре ложеніе [4]).

---

[1]) Синяя книга, №№ 17, 24, 35, 36, 42, 51, 53. Russia would be quite rea to stand aside and leave the question in the hands of England, France, Germa and Italy (Россія готова остаться въ сторонѣ, предоставляя рѣшеніе вопро Англіи, Франціи, Германіи и Италіи).

[2]) Бѣлая книга, стр. 9.

[3]) Синяя книга, № 67.

[4]) Бѣлая книга, стр. 9.

Въ теченіе пяти дней это былъ четвертый изъ поступковъ, при помощи которыхъ Австрія, съ поддержкой Германіи, парализовала усилія другихъ державъ, направленныя къ сохраненію мира. Австрійскій отказъ былъ тѣмъ менѣе понятенъ, что конференція, какъ это было условлено, должна была обсудить исключительно вопросы, касающіеся суверенитета и независимости Сербіи; Австрія же увѣряла, съ самаго начала, что не посягаетъ ни на суверенитетъ, ни на независимость Сербіи. Итакъ, дѣло шло лишь о разслѣдованіи, на основѣ принциповъ государственнаго права, вопроса: въ какой степени австрійскія требованія, въ особенности 5 и 6 пункты ноты, могутъ быть согласованы съ суверенитетомъ сосѣдняго государства? Добровольное принятіе выводовъ такого изслѣдованія (которое не было даже рѣшеніемъ третейскаго суда) такъ же мало повредило бы престижу Австріи, какъ въ гражданскомъ спорѣ не вредитъ чести любого частнаго лица согласіе на компромиссъ, предложенный компетентнымъ человѣкомъ. Но Австрія именно и не отѣла никакого соглашенія, и вотъ почему идея конференціи не получила осуществленія.

Одновременно съ возраженіями противъ созыва конференціи, Германія предложила, чтобы между Австріей и Россіей велись непосредственные переговоры. По ея мнѣнію, это былъ наилучшій способъ помѣшать австро-сербскому конфликту перейти въ обще-европейскій. Это предложеніе встрѣтило одобреніе со стороны Англіи, Россіи и Франціи. Грей объявилъ, что онъ согласенъ отложить осуществленіе своей идеи о конференціи четырехъ пословъ до того момента, когда переговоры между Вѣной и Петроградомъ приведутъ къ какому нибудь результату [2]). Если бы результатъ переговоровъ былъ удовлетворителенъ, то конференція оказалась бы излишней; если же неудовлетворителенъ, то конференція всегда могла бы постараться достичь того, къ чему не привели прямые переговоры.

Итакъ, блеснулъ новый лучъ надежды! Но при этомъ забыли объ Австріи. Трудно повѣрить тому, что неопровержимо доказываютъ документы: Австрія отвергла предложеніе союзной съ ней Германіи вступить въ непосредственные переговоры съ Россіей. Графъ Берхтольдъ заявилъ оффиціально русскому послу Шебеко, предложившему ему въ дружественномъ тонѣ свободный обмѣнъ мнѣній съ Петроградомъ, что Австрія

---

[1]) Синяя книга, № 43. Бѣлая книга, стр. 9.

[2]) Синяя книга, № 45.

не уступитъ и что она не можетъ заняться обсу жденіемъ сербской ноты [1]).

Итакъ, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ, или разногласіе межд Вѣной и Берлиномъ, или заранѣе условленную двойную игру. Н нѣтъ никакихъ данныхъ, позволяющихъ предполагать разногласіе значитъ, остается только послѣдняя гипотеза, а именно—о двойно игрѣ. Это подозрѣніе тѣмъ болѣе допустимо, что переговоры межд Вѣной и Берлиномъ до сихъ поръ еще не опубликованы, и въ нихъ по всей вѣроятности, содержатся данныя, которыя нужно скрыть Бетманъ-Гольвегъ, публикующій ежедневно, съ цѣлью самооправданія всевозможныя статьи (документы, извлеченные изъ Брюссельскихъ архивовъ, перехваченныя письма и пр.), давнымъ давно опубликовалъ бы свою переписку съ Вѣной, если бы она могла подтвердить справедливость его утвержденій, постоянно повторяемыхъ безъ всякаг признака доказательства, что онъ серьезно совѣтовалъ Австріи быт умѣреннѣе и «что, въ этомъ отношеніи, онъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ возможнаго».

Какъ бы то ни было, фактъ заключается въ томъ, что непо средственное соглашеніе между Австріей и Россіей, предложенно Германіей, потерпѣло фіаско, вслѣдствіе отказа Австріи. 28-го іюля въ день рѣшительнаго разговора между Шебеко и Берхтольдомъ Австрія объявила войну Сербіи и начала, на слѣдующій день, бомбар дировку Бѣлграда.

Объявленіе войны сдѣлало почти безнадеж нымъ европейское положеніе. Австрія перешла къ осуще ствленію своего желанія раздавить во что бы то ни стало неудобнаг сосѣда, не желая принимать во вниманіе, что ея поступки вызывают общеевропейскій пожаръ; поэтому всякія попытки потушить пожар или помѣшать его распространенію казались безнадежными. Австрі мобилизовалась не только противъ Сербіи, но и противъ Россіи Извѣстія не сходятся между собою относительно размѣровъ мобили заціи, произведенной монархіею на своемъ сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Русскія сообщенія удостовѣряютъ, что болѣе половины австрійско арміи было мобилизовано [2]); Бетманъ-Гольвегъ заявляетъ въ свое рѣчи отъ 4-го августа, что только два корпуса австрій

---

[1]) Синяя книга, №№ 61, 74, 75, 78, 81, 93. Оранжевая книга, №№ 45, 50 Бѣлая книга, стр. 9.

[2]) Оранжевая книга, № 49.

кой арміи были мобилизованы на сѣверѣ [1]). Во всякомъ лучаѣ, установлено, что 28-го іюля изъ всѣхъ великихъ державъ мобилизовалась только Австрія, причемъ ея мобилизація была направлена не только противъ маленькой сосѣдки, но и противъ великой Русской Имперіи.

Такъ какъ Австрія систематически пресѣкала въ корнѣ всѣ попытки къ соглашенію и приняла военныя мѣры, то Россія должна была отвѣтить тѣмъ же. 29-го іюля Россія сообщила иностраннымъ правительствамъ, что она объявила мобилизацію въ Одесскомъ, Кіевскомъ, Московскомъ и Казанскомъ округахъ, и что эти мѣры были приняты только въ отвѣтъ на австрійскія приготовленія, не свидѣтельствуя ни о какихъ враждебныхъ намѣреніяхъ противъ Австріи или Германіи [2]).

Въ то же время Англія и Россія продолжали поиски примирительной формулы для ликвидаціи конфликта между русскими и австрійскими интересами. Война была уже начата. Дѣло, значитъ, шло не о томъ, чтобы заставить Австрію уступить, а чтобы добиться пріостановки военныхъ дѣйствій. Австріи оставили бы въ видѣ залога оккупированную ею часть сербской территоріи, и, исходя изъ этихъ соображеній, была бы сдѣлана попытка удовлетворить, насколько возможно, австрійскія требованія.

Грей и Сазоновъ, энергично поддержанные Вивіани, неутомимо работали въ этомъ направленіи. Первая примирительная формула была передана 29-го іюля Греемъ германскому послу Лихновскому. Въ ней Австріи предлагалось ограничиться оккупаціей Бѣлграда и прилегающей сербской территоріи, въ качествѣ залога того, что австрійскія требованія будутъ удовлетворены, и дать время державамъ выступить посредниками между ней и Россіей [3]).

Король Георгъ телеграммой, датированной 30 іюля, сообщилъ принцу Генриху Прусскому о предложеніи Грея. Онъ настоятельно рекомендовалъ это предложеніе кайзеру и выражалъ надежду:

«что Вильгельмъ употребитъ все свое большое вліяніе съ цѣлью склонить Австрію принять предложеніе. Этимъ самымъ онъ докажетъ, что Германія и Англія работаютъ совмѣстно для предотвращенія

---

1) Текстъ этой рѣчи помѣщенъ въ сочиненіи: «О возникновеніи войны 1914 г.» (книгоиздательство К. Геймана), стр. 9. См. прилож. въ концѣ книги.

2) Бѣлая книга, стр. 10, Оранжевая книга, № 51, Синяя книга, № 78.

3) Синяя книга, №№ 76, 88, 90, 98; Бѣлая книга, стр. 11.

международной катастрофы. Пожалуйста, увѣрь Вильгельма, что дѣлаю сейчасъ все и сдѣлаю въ будущемъ все, находящееся въ мо власти, чтобы сохранить европейскій миръ».

Грей, съ тѣмъ же самымъ рвеніемъ, что и король, старал склонить державы къ принятію своего предложенія, которое, сказа по правдѣ, удовлетворяло всѣхъ и позволяло найти исходъ для ко фликта.

Въ то же время русскій министръ Сазоновъ продиктовалъ своей стороны германскому послу, графу Пурталесу, слѣдующу примирительную формулу:

«Если Австрія, признавая, что австро-сербскій вопросъ приня характеръ обще-европейскаго вопроса, объявитъ о своей готовнос исключить изъ ультиматума пункты, посягающіе на суверенныя пра Сербіи, то Россія прекратитъ свои военныя приг товленія» [1]).

Сазоновъ формулировалъ это предложеніе 30 іюля, т. е. два д спустя послѣ объявленія Австріей войны Сербіи, послѣ начала бомба дировки Бѣлграда, въ то время, когда австрійскія войска двигали по сербской территоріи. Предложеніе Сазонова не возлагало Австрію обязательства прекратить военныя дѣйствія; Австр только просили не посягать на суверенныя права Сербіи. На э обязательство Австрія могла вполнѣ согласиться, если она дѣйств тельно хотѣла выполнить заявленія, сдѣланныя ею въ началѣ войн

Но что же произошло? Русскій посолъ въ Берлинѣ, Свербеев передалъ предложеніе Сазонова 30-го іюля министру иностранны дѣлъ, фонъ-Ягову, и въ то же время послѣдній получилъ такое сообщеніе по телеграфу отъ графа Пурталеса. Яговъ отклонил предложеніе безъ объясненія причинъ, заявивъ, ч оно «не пріемлемо для Австріи» [2]). Этотъ отвѣтъ былъ данъ (и э слѣдуетъ хорошо отмѣтить) безъ того, чтобы Австрія была запр шена; очевидно, Яговъ считалъ себя опекуномъ или повѣренны австрійскаго правительства, которое не находилось болѣе въ неп средственныхъ сношеніяхъ съ Петроградомъ, послѣ объявленія войн Сербіи и отказа отъ всякаго обсужденія сербской ноты.

Итакъ, снова неудача! Но она не помѣшала Англіи и Росс предпринять новыя попытки соглашенія. Были предложены двѣ формул формула Грея 29-го іюля и формула Сазонова 30-го іюля. Послѣдн

---

[1]) Оранжевая книга, № 60.

[2]) Оранжевая книга, № 63.

была отклонена Яговымъ безъ объясненія причинъ; относительно же первой ожидался еще отвѣтъ. Англійскій посолъ въ Берлинѣ неустанно настаивалъ на томъ, чтобы былъ данъ отвѣтъ, но отъ этого постоянно отдѣлывались пустыми фразами. Такъ какъ Австрія отказалась отъ всякихъ непосредственныхъ переговоровъ, то дипломатическія сношенія были въ высшей степени запутаны: всѣ запросы должны были проходить черезъ Берлинъ, и Берлинъ никогда не могъ сказать ничего положительнаго, заявляя, что изъ Вѣны не получено отвѣта. Трудно сказать съ полной увѣренностью, былъ ли маклеръ честенъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Но можно въ этомъ сильно сомнѣваться. Мы вернемся къ этому вопросу впослѣдствіи, когда будемъ обосновывать наше обвиненіе противъ Германіи. Одинъ разъ было заявлено, что Яговъ еще не получилъ никакого отвѣта; другой разъ, что, по увѣренію Бетманъ-Гольвега, онъ «нажалъ слишкомъ сильно на кнопку въ Вѣнѣ» и зашелъ, быть можетъ, слишкомъ далеко, вызвавъ противоположное ожидаемому. Наконецъ, въ третій разъ, когда Гошенъ настаивалъ на томъ, чтобы ему дали отвѣтъ, и просилъ нажать еще болѣе энергично на кнопку, Бетманъ отвѣтилъ ему, что завтра утромъ графъ Берхтольдъ сдѣлаетъ императору Францу Іосифу докладъ о создавшемся положеніи [1]).

Прошло три дня, съ 29 по 31 іюля, а Австрія еще не дала никакого отвѣта на предложеніе Грея, столь горячо рекомендованное англійскимъ королемъ императору Вильгельму, и въ теченіе этихъ дней Европа въ томительномъ ожиданіи видѣла, какъ надвигались самыя страшныя событія. Но германскіе и австрійскіе дипломаты не торопились. Они знали, чего хотѣли, и въ полномъ спокойствіи духа готовили за кулисами постановку драмы въ то время, какъ весь міръ, волнуясь въ партерѣ передъ сценой, изнывалъ отъ ужаса и взывалъ о помощи.

Несмотря на неудачи, Грей, Сазоновъ и Вивіани старались помѣшать возникновенію общаго пожара. Депеши между Лондономъ, Парижемъ и Петроградомъ обмѣнивались цѣлыми дюжинами. Въ канцеляріяхъ тройственнаго согласія день и ночь кипѣла работа въ цѣляхъ поддержанія мира. Такъ какъ предложеніе Сазонова было отклонено, а предложеніе Грея осталось безъ отвѣта (отвѣтъ не полученъ даже и до сихъ поръ), то стали отыскивать третью формулу, представляющую нѣчто среднее между двумя предыдущими. Эта формула, резуль-

---

[1]) Синяя книга, №№ 98, 103, 107, 112.

татъ энергичной работы и дипломатическихъ переговоровъ Вивіани [1]), шла на еще болѣе широкія, чѣмъ первое предложеніе Сазонова, уступки австрійскимъ требованіямъ; казалось, что новое предложеніе имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ. Сазоновъ сообщилъ его 31-го іюля державамъ въ слѣдующей формѣ:

«Если Австрія согласна пріостановить движеніе своихъ войскъ по сербской территоріи и если, признавая, что австро-сербскій конфликтъ принялъ характеръ вопроса, затрагивающаго общеевропейскіе интересы, Австрія согласится на разсмотрѣніе великими державами удовлетворенія, которое Сербія могла бы дать австро-венгерскому правительству, не причиняя ущерба своимъ правамъ суверенного государства и своей независимости,—то Россія обязуется сохранить свое выжидающее положеніе [2]).

На эту формулу, представляющую максимумъ удовлетворенія, могущаго быть даннымъ Австріи, и свидѣтельствующую о твердомъ желаніи Россіи сохранить миръ, Австрія и Германія совсѣмъ не отвѣтили. Въ то время, какъ Сазоновъ въ депешѣ, посланной въ Лондонъ, выражалъ надежду найти способъ мирно ликвидировать создавшееся сложное положеніе, въ то время какъ Грей непрестанно рекомендовалъ Берлину принять вторую формулу Сазонова [3]), Австрія и Германія оставались безмолвными. Къ сербскому вопросу, который грозилъ возможностью мирнаго разрѣшенія, пристегнули другой, который долженъ былъ неизбѣжно привести къ войнѣ: а именно, вопросъ о русской мобилизаціи. Германія не довольствовалась болѣе ролью «повѣреннаго Австріи», она отъ своего собственнаго имени заняла опредѣленную позицію въ дѣлѣ. Статистъ сталъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Книга австрійскихъ счетовъ была закончена; и началась новая книга счетовъ, открытая для Германіи.

Безъ сомнѣнія, общая русская мобилизація началась 31-го іюля. Всѣ дипломатическія сообщенія согласны на этотъ счетъ [5]). Но русская мобилизація была вызвана предшествующей ей австрійской общей мобилизаціей. На этомъ фактѣ надо настаивать, такъ какъ оффиціальные и другіе германскіе источники тщательно обходятъ его молчаніемъ. Это вполнѣ естественно: вѣдь, все нагроможденіе словъ о русской виновности рушится, какъ только

---

[1]) Желтая книга, № 112.
[2]) Оранжевая книга, № 67.
[3]) Оранжевая книга, № 69, 71.
[4]) Синяя книга, №№ 111, 120, 121, 131, 132.
[5]) Бѣлая книга, стр. 13.

будетъ доказано, что русская мобилизація—первое слѣдствіе австрійской мобилизаціи. И не только ея, но и всего дипломатическаго положенія, занятаго Австріею и Германіею за время съ 23 по 31 іюля.

Мною уже установлено, что первой изъ мобилизацій была частичная мобилизація Австріи противъ Сербіи и на русской границѣ. По русскимъ и французскимъ сообщеніямъ, эта мобилизація захватила собою половину австрійской арміи; по признанію Бетмана, по крайней мѣрѣ, два армейскихъ корпуса были мобилизованы противъ Россіи. Точная дата общей мобилизаціи указывается различно. Согласно донесенію русскаго посла въ Вѣнѣ, она произошла уже 28-го іюля [1]), согласно же французскимъ и англійскимъ донесеніямъ—31-го іюля въ часъ ночи [2]). Желая быть осторожнымъ, я придерживаюсь послѣдняго указанія. Нельзя сомнѣваться въ его точности, такъ какъ оно дѣлается Дюменомъ и Бунзеномъ, французскимъ и англійскимъ послами въ Вѣнѣ, и Берти, англійскимъ посломъ въ Парижѣ.

Общая русская мобилизація была объявлена, самое раннее, 31-го іюля около полудня, т. е. послѣ австрійской мобилизаціи. Въ тотъ же самый день—часъ неизвѣстенъ—въ Германіи была провозглашена опасность неминуемой войны (drohende Kriegsgefahr). Вечеромъ, въ 7 часовъ, былъ переданъ въ Парижѣ ультиматумъ, предъявленный Франціи, а около полуночи былъ переданъ въ Петроградѣ ультиматумъ, предъявленный Россіи.

Это день, обильный событіями! Но самое изумительное изъ всего происшедшаго это—поведеніе Австріи. Она, въ тотъ же самый день, не обращая вниманія на общія мобилизаціи, на провозглашеніе военнаго положенія и на ультиматумы, объявила внезапно Парижу и Петрограду, что готова обсудить съ Россіей и другими державами содержаніе своей ноты, посланной Сербіи. Въ послѣднюю минуту, Австрія объявила, такимъ образомъ, что она готова сдѣлать то, въ чемъ она до сихъ поръ упорно отказывала: «обсудить съ другими державами сущность ея конфликта съ Сербіей» [3]). Это кажущееся измѣненіе позиціи Австріи вызвало самое пріятное изумленіе въ Парижѣ, въ Петроградѣ и Лондонѣ. Всѣ увидали, что блеснулъ новый лучъ надежды. Грей и Сазоновъ постарались не-

---

[1]) Оранжевая книга, №№ 44, 47.

[2]) Желтая книга, № 115. Синяя книга, № 113, 118, 126, 134.

[3]) Желтая книга, № 120. Оранжевая книга № 73.

медленно извлечь пользу изъ кажущейся доброй воли Австріи, что обѣщало счастливый исходъ конфликта.

Купецъ раскладываетъ передъ капризной покупательницей всевозможныя матеріи, надѣясь, что она найдетъ, наконецъ, матерію по своему вкусу; такимъ же образомъ Грей и Сазоновъ сдѣлали Австріи, въ послѣднюю минуту, всевозможныя предложенія въ надеждѣ, что, «по крайней мѣрѣ, одно изъ нихъ встрѣтитъ одобреніе этой капризной особы». Грей обѣщалъ поддержать передъ другими державами всѣ серьезныя предложенія мира со стороны Германіи или Австріи (any reasonable proposal of peace); онъ обязался поддержать въ Петроградѣ предложеніе, удовлетворяющее всѣмъ безъ исключенія австрійскимъ требованіямъ, лишь бы только они не посягали на суверенитетъ и независимость Сербіи [1]). Сазоновъ объявилъ, что онъ не только готовъ обсудить съ Австріей сущность австрійскаго ультиматума, но— съ цѣлью сдѣлать успѣхъ обсужденія возможно болѣе вѣроятнымъ— предложилъ, чтобы это обсужденіе произошло въ Лондонѣ съ участіемъ представителей другихъ великихъ державъ. Онъ прибавилъ, что было бы очень важно (very important), чтобы Австрія впредь до дальнѣйшаго (provisoirement) прекратила на время этихъ переговоровъ свои военныя дѣйствія (stop provisionally her military action on Serbian territory) [2]). Слѣдуетъ хорошенько замѣтить: Сазоновъ говоритъ, что это было бы очень важно, но онъ не дѣлаетъ изъ прекращенія боевыхъ дѣйствій условія sine qua non. Это было еще одной уступкой, и притомъ немаловажной, которую сдѣлали Австріи въ прежнихъ требовалось прекращенія боевыхъ дѣйствій.

Но всѣ эти предложенія, сдѣланныя въ послѣднюю минуту, остались безъ успѣха. Они и не могли увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ послужившая для нихъ исходнымъ пунктомъ, предполагавшаяся искренняя добрая воля Австріи была только притворствомъ. Почему это государство отказывалось, въ теченіе критическаго періода, съ 23 до 31 іюля, отъ всякаго обсужденія сербскаго конфликта? Почему Австрія съ непреодолимымъ упрямствомъ всегда говорила лишь то, чего она не намѣрена сдѣлать Сербіи, но никогда не сказала того, что намѣрена предпринять? Австрія не хотѣла посягнуть на цѣлость и независимость Сербіи, и постоянно повторяла это отрицательное заявленіе. Но чего же положительнаго хотѣла она? Мы не знаем

---

[1]) Синяя книга, № 111.

[2]) Синяя книга, № 133. Оранжевая книга, № 69.

этого даже до сего дня. Даже кайзеръ не зналъ этого 29 іюля, когда онъ телеграфировалъ Царю:

«По моему мнѣнію, поведеніе Австро-Венгріи должно разсматривать, какъ попытку получить всѣ гарантіи того, что сербскія обѣщанія будутъ дѣйствительно выполнены».

Германскій посолъ въ Парижѣ, фонъ-Шенъ, зналъ такъ же мало, какъ и его царственный повелитель, о томъ, чего хочетъ Австрія: онъ не могъ дать по этому поводу никакого объясненія г. Вивіани [1]).

Эти гарантіи, о которыхъ упоминаетъ кайзеръ и о которыхъ постоянно говоритъ Бѣлая книга, въ чемъ же онѣ заключались? Вошли-ли онѣ въ содержаніе австрійской ноты, или же требовались помимо ея, сверхъ ея требованій? Если онѣ заключались въ нотѣ, то онѣ всѣ были даны, за исключеніемъ пунктовъ 5 и 6, относительно которыхъ Сербія выразила готовность начать обсужденіе. Если же онѣ выходили за предѣлы ноты, то, значитъ, расширяли объемъ австрійскихъ требованій, которыя и безъ того шли уже довольно далеко. Во всякомъ случаѣ, если это расширеніе требованій должно было составить предметъ переговоровъ, его надлежало точно опредѣлить, что до вечера 31 іюля никогда и нигдѣ не было сдѣлано, какъ не сдѣлано и до настоящаго времени.

Я спрашиваю еще разъ: какъ же объяснить это внезапное измѣненіе позиціи Австріи? Я не могу найти никакого другого объясненія, кромѣ слѣдующаго: проявленіе со стороны Австріи доброй воли, формулированное раньше, несомнѣнно привело бы къ благопріятному исходу кризиса, но въ тотъ моментъ, когда эта добрая воля была выражена, это не представляло никакой опасности: можно было болѣе не бояться мирнаго разрѣшенія вопроса. Берлинскій кабинетъ, вслѣдствіе самостоятельно занятаго имъ положенія, вполнѣ обезпечивалъ продолженіе войны.

По этому поводу можно снова спросить: идетъ-ли здѣсь дѣло о разногласіи, или о заранѣе условленной игрѣ между Вѣной и Берлиномъ? Повидимому, 31 іюля эти два кабинета слѣдуютъ совершенно противоположными путями; Австрія, объявляющая о готовности вести переговоры, повидимому, хочетъ мира; Германія же, выступившая съ заявленіемъ объ «опасности неминуемой войны», съ рѣчами кайзера и канцлера къ населенію Берлина, съ ультиматумами Франціи и Россіи, завѣдомо и сознательно хочетъ войны. Невозможно, однако, вѣрить въ разногласіе между указанными двумя кабинетами. Если бы оно, дѣйствительно,

---

[1]) Оранжевая книга, № 55.

существовало, то оно проявилось бы до 31 іюля. Съ другой стороны, одновременность двухъ дѣйствій, повидимому противоположныхъ, внезапное измѣненіе занятой Австріей позиціи, совершившееся въ одну ночь и какъ будто по какому-то наитію (эти внезапныя наитія въ высшей степени подозрительны, какъ у отдѣльныхъ лицъ, такъ и у государствъ, ибо только медленно происходящія перемѣны внушаютъ довѣріе), измѣненіе позиціи Австріи, происшедшее въ тотъ моментъ, когда оно не могло имѣть никакого значенія для оздоровленія атмосферы,—все это превращаетъ подозрѣніе въ увѣренность: два правительства играли въ заранѣе условленную игру, цѣль которой возложить на Россію отвѣтственность за войну.

Война должна была разразиться. Мы докажемъ это впослѣдствіи и сдѣлаемъ это очевиднымъ для всѣхъ, кто могъ бы еще сомнѣваться. Всѣ дипломатическіе переговоры должны были остаться безуспѣшными, даже если бы вся Европа стала на колѣни передъ Германіей и Австріей. Имъ мало было дипломатической побѣды; нужна была побѣда на полѣ брани для обезпеченія гегемоніи Австріи на Балканахъ и для того, чтобы Германія могла вступить на свой тріумфальный путь, предуказанный ей, какъ она въ это вѣрила, самой судьбой.

Я слѣдующимъ образомъ резюмирую обвиненіе противъ Австріи:

1. Послѣ того, какъ въ августѣ 1912 года Австрія предполагала напасть на Сербію, она передала въ іюлѣ 1914 года этому государству ноту, содержащую столь чрезмѣрныя требованія, что слѣдовало ожидать возникновенія австро-сербской войны и, какъ слѣдствіе ея, обще-европейской войны.

2. Австрія, несмотря на просьбы державъ, отказалась продолжить данный ею Сербіи 48-часовой срокъ для отвѣта.

3. Австрія отозвала своего посланника изъ Бѣлграда и объявила войну Сербіи, несмотря на то, что сербское правительство, въ почтительной формѣ, удовлетворило почти всѣ австрійскія требованія и согласилось или подвергнуть обсужденію нѣкоторыя другія требованія, или подчиниться въ этихъ вопросахъ рѣшенію третейскаго суда.

4. Австрія отказалась отъ всякаго обсужденія, совмѣстно съ Россіей и другими державами, сущности сербской ноты и объявила, что готова вступить въ переговоры только тогда, когда было слишкомъ поздно, а именно 31-го іюля.

5. Она отклонила предложеніе Грея, сводящееся къ тому, чтобы четыре незаинтересованныя державы выступили въ качествѣ посред-

никовъ или, по крайней мѣрѣ, дали бы совѣты; Россія же приняла это предложеніе.

6. Несмотря на настоятельныя побужденія къ этому со стороны Англіи, Австрія не отвѣтила на примирительную формулу, предложенную Греемъ.

7. Австрія, устами Ягова, отклонила первую примирительную формулу, предложенную Сазоновымъ.

8. Она не отвѣтила на вторую примирительную формулу, предложенную Сазоновымъ.

9. Она не соблаговолила отвѣтить на послѣднія примирительныя предложенія, сдѣланныя Греемъ и Сазоновымъ.

10. Въ данныхъ ею разъясненіяхъ Австрія постоянно ограничивалась сообщеніемъ того, чего она не желала, но никогда не сообщала того, чего она хотѣла.

11. Австрія первая начала мобилизацію и военныя дѣйствія: она опередила всѣ другія державы сперва своей частичной, а затѣмъ и общей мобилизаціей.

Эти обвинительные пункты доказаны и оправдываютъ приговоръ:

«Австрія виновна въ томъ, что она, одна или заодно съ другими, вызвала европейскую войну».

Мы увидимъ далѣе, кто эти другіе.

В.

Германія.

Виновность Германіи еще легче установить, чѣмъ таковую Австріи: Германія сама составила свой обвинительный актъ. Бѣлая книга, если ее прочитать умѣло, содержитъ почти всѣ обвиненія, которыя можно предъявить Германіи. Я ручаюсь, что дамъ неопровержимое доказательство виновности Германіи, перепечатывая просто текстъ документовъ и объясненій, содержащихся въ Бѣлой книгѣ, и воспроизводя курсивомъ мѣста, содержащія признанія. Конечно, эти признанія не добровольны: у виновнаго нѣтъ въ данномъ случаѣ намѣренія, обвиняя себя самого, тѣмъ самымъ оправдаться, какъ этому учитъ христіанство, и какъ изобразилъ это въ своей драмѣ христіаннѣйшій изъ всѣхъ современныхъ писателей, Толстой. Нѣтъ, эти признанія Германіи—невольныя: высказывающій ихъ, желая оправдаться, въ дѣйствительности обвиняетъ себя; онъ хочетъ защититься

и, противъ своей воли, даетъ обвинителю неоцѣнимо важный матеріалъ для своего осужденія.

Начнемъ изучать Бѣлую книгу съ самаго ея начала. Она выясняетъ положеніе, занятое австрійскимъ правительствомъ по отношенію къ сербской агитаціи, и невозможность для Австріи остаться пассивной зрительницей этихъ происковъ. Затѣмъ въ книгѣ говорится:

«Мы могли, отъ всего сердца, сказать нашей союзницѣ, что мы раздѣляемъ ея точку зрѣнія, и увѣрить ее, что всѣ наши симпатіи будутъ на сторонѣ любого дѣйствія, которое она сочтетъ нужнымъ предпринять, чтобы положить въ Сербіи предѣлъ агитаціи, направленной противъ существованія монархіи. Мы сознавали, что возможныя непріязненныя дѣйствія Австріи, предпринятыя противъ Сербіи, могли вызвать соотвѣтствующія дѣйствія Россіи и вовлечь насъ въ войну, заодно съ нашей союзницей; но мы не могли ни посовѣтовать нашей союзницѣ проявить снисходительность, несовмѣстную съ ея достоинствомъ, ни отказать ей въ поддержкѣ въ этотъ критическій моментъ, такъ какъ мы знали, что затронуты жизненные интересы Австро-Венгріи... Итакъ, мы предоставили Австріи полную свободу дѣйствовать по отношенію къ Сербіи по своему усмотрѣнію. Поэтому мы не приняли никакого участія въ предварительныхъ переговорахъ».

Это означаетъ иными словами:

1. Что Германія развязала Австріи руки и предоставила ей предпринять противъ Сербіи, путемъ дипломатическаго воздѣйствія или военными мѣрами, все то, что она найдетъ нужнымъ.

2. Что Германія намѣренно не приняла никакого участія въ подготовкѣ того или другого воздѣйствія, т. е. она была готова слѣпо послѣдовать за Австріей, въ силу союзныхъ обязательствъ.

3. Что Германія вполнѣ сознавала, что военныя дѣйствія Австріи противъ Сербіи заставятъ Россію вмѣшаться въ дѣло и вовлекутъ самую Германію въ войну, которая, благодаря союзнымъ договорамъ, неизбѣжно приняла бы характеръ обще-европейской войны.

Итакъ, германское правительство признаетъ, что у него было злостное намѣреніе вызвать европейскую войну, а замышленное преступленіе вполнѣ отожествимо, какъ съ точки зрѣнія юридической, такъ и съ точки зрѣнія моральной, съ настоящимъ преступленіемъ.

Кромѣ того, германское правительство этимъ самымъ признаетъ, что его усилія локализировать конфликтъ между Австріей и Сербіей были совершенно тщетны, и что оно, съ самаго начала, и считало ихъ таковыми. Между тѣмъ, германское правительство, отвергши предложенія, обѣщавшія успѣхъ, предложило, вмѣсто нихъ, локализацію конфликта, т. е. то самое, что, по его свѣдѣніямъ, не могло удасться. Другими словами, германское правительство хотѣло сдѣлать видъ, что препятствуетъ конфликту, но отклонило всѣ способы, которые дѣйствительно могли помѣшать его возникновенію, и предложило такой способъ, который, по собственному признанію Германіи, не могъ помѣшать возникновенію конфликта.

Мнѣніе, открыто высказанное въ Бѣлой книгѣ, что Россія, въ случаѣ австро-сербской войны, будетъ вовлечена въ борьбу, не могло не оправдаться. Можно только изумиться, что Германія не ожидала такого же предвидѣнія и отъ другихъ державъ. Не было ли общеизвѣстно, какъ дипломатамъ, такъ и каждому европейцу, занимающемуся политикой, что Россія, связанная съ Сербіей самыми тѣсными, кровными узами религіи и двухвѣковой исторіи, никогда не могла бы отнестись безучастно къ австрійской гегемоніи надъ этой страной? Россія не могла бы, тѣмъ болѣе, допустить угнетенія Сербіи при помощи оружія, не могла бы не придти на помощь своей болѣе слабой сестрѣ [1]). Русскіе интересы на Балканахъ извѣстны всѣмъ: они были подтверждены безчисленными деклараціями и безчисленными нотами русскаго правительства. Послѣ первой и второй балканскихъ войнъ, противоположность между австрійскими и русскими интересами обнаружилась самымъ нагляднымъ образомъ. Интересы Россіи, побуждавшіе къ дѣйствіямъ въ пользу Сербіи, и интересы Австріи—противъ нея, столкнулись такъ сильно, что обще-европейская война чуть не возникла уже тогда. Та же опасность существовала и въ августѣ 1913 г., когда предполагалось совершеніе разоблаченнаго Джіолитти нападенія Австріи на Сербію. Вмѣшательство Россіи уже тогда разсматривалось, какъ имѣющее послѣдовать вполнѣ автоматически; иначе вопросъ, предложенный Италіи, не имѣлъ бы никакого смысла. Наконецъ, въ маѣ 1914 г. русскій министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ, въ одной изъ своихъ рѣчей въ Г. Думѣ, заявилъ себя сторонникомъ политики «Балканы для балканскихъ народовъ», т. е. политики, идущей противъ

---

[1]) См. Синюю книгу, стр. IV. Въ парламентской рѣчи, произнесенной въ мартѣ 1913 г., Грей назвалъ это «труизмомъ (a common place) европейской дипломатіи».

всякаго проекта австрійской гегемоніи и обѣщающей покровительство Россіи въ цѣляхъ сохраненія независимости балканскихъ народовъ. Здѣсь дѣло шло не о чисто политическомъ вопросѣ, но о вопросѣ народнаго чувства и кровнаго родства. Эти родственныя узы между Россіей и Сербіей были издавна извѣстнымъ историческимъ фактомъ, съ которымъ европейская дипломатія должна была считаться и всегда считалась [1]). Германія и Австрія тоже считались съ нимъ, какъ признается въ Бѣлой книгѣ.

И эти-то узы предполагалось внезапно разорвать? Россія должна была безучастно присутствовать при уничтоженіи маленькаго государства, которое—«плоть отъ ея плоти»? Отказаться совершенно отъ своихъ балканскихъ интересовъ, отъ своего престижа среди балканскихъ народовъ, и это—въ пользу Австріи? Дѣйствительно, огромное притязаніе, если оно принималось всерьёзъ тѣми, кто его придумалъ. Но, именно, оно было такъ велико, что его нельзя было принимать всерьёзъ.

Никогда сама Германія не вѣрила и не могла вѣрить въ возможность локализировать конфликтъ, если онъ приметъ характеръ вооруженной борьбы. Мой маленькій братъ раздражаетъ сильнаго человѣка. Тотъ намѣренъ убить его. Я выступаю, чтобы защитить маленькаго противъ большого. Третій человѣкъ, еще большій, преграждаетъ мнѣ дорогу и говоритъ, что конфликтъ между маленькимъ и большимъ долженъ быть локализированъ. Неужели я позволю удержать себя и не окажу защиты моему брату? Таково было положеніе Россіи.

Конечно, было бы хорошо, если бы конфликтъ остался локализированнымъ. Это было возможно, если бы онъ остался на дипломатической почвѣ, на которой «большой» уже одержалъ полную побѣду надъ «маленькимъ». Но невозможно было позволить раздавить «маленькаго», коль скоро онъ попросилъ прощенія и смиренно обѣщалъ вести себя лучше въ будущемъ. Этого нельзя было требовать отъ Россіи, а, требуя этого, надо было знать заранѣе, что согласія получено не будетъ.

Такимъ образомъ, единственный поводъ для собственнаго прославленія, который въ этой дипломатической трагикомедіи придумала для себя Германія, исчезаетъ. Локализація была ударомъ шпаги по воздуху. Никто,—и Германія меньше вся-

---

[1]) См. Синюю книгу, стр. IV.

каго другого,—не вѣрилъ въ возможность локализаціи.

Послѣ неизбѣжной неудачи этого единственнаго предложенія, Германія, въ теченіе всего критическаго періода, держалась пассивно. Когда же она вышла изъ такого положенія, то дѣлала это съ цѣлью помѣшать удачѣ какой-либо попытки къ соглашенію. Чѣмъ болѣе германское правительство увѣряетъ, что въ попыткѣ посредничества приняло участіе «плечомъ къ плечу» съ Англіей, тѣмъ менѣе факты оправдываютъ это утвержденіе. Безпристрастный историкъ видитъ, что только одно плечо толкало по направленію къ миру, и это было—англійское плечо; германское же толкало въ противоположномъ направленіи и боролось съ англійскимъ.

Почему германское правительство допустило передачу австрійской ноты, не ознакомившись съ ней, не изучивъ предварительно ея содержанія? У европейскихъ канцелярій явилось подозрѣніе, что Германія знала содержаніе ноты, еще до ея отсылки. Въ частности, итальянское правительство обосновывало свою декларацію о нейтралитетѣ тѣмъ, что оно не знало о намѣреніяхъ и нотѣ Австріи, въ то время какъ третій союзникъ, Германія, былъ посвященъ въ дѣло. Берлинъ, конечно, поспѣшилъ опровергнуть это. Наоборотъ,—увѣряли тамъ,—нота до ея передачи оставалась Германіи неизвѣстной, и это увѣреніе повторяется и въ Бѣлой книгѣ [1]). Этому утвержденію можно вѣрить, а можно и не вѣрить.

Если это утвержденіе справедливо, то оно обнаруживаетъ столь неслыханное легкомысліе, что, для опредѣленія его, въ нѣмецкомъ языкѣ даже не найти достаточно сильныхъ словъ. Нельзя допустить, чтобы германское правительство, въ цѣляхъ ознакомиться съ этимъ документомъ и смягчить, быть можетъ, его излишнюю рѣзкость, не потребовало представленія этой ноты, которая была почти равносильна объявленію войны и должна была неминуемо создать конфликтъ съ Сербіей, а, слѣдовательно, вызвать общеевропейскую войну. Если же г. Бетманъ зналъ содержаніе ноты и, тѣмъ не менѣе, допустилъ вручить ее, ничего въ ней не смягчивъ, то это—ясное доказательство, что онъ предвидѣлъ возможность войны и преднамѣренно не сдѣлалъ ничего для ея предотвращенія. Итакъ, это—легкомысліе, и притомъ непростительное, или же преступленіе. Вотъ альтернатива, стоящая передъ г. Бетманомъ. Ему самому предоставляется сдѣлать выборъ.

---

[1]) Бѣлая книга, стр. 6.

Почему германское правительство не поддержало Англіи и Россіи въ ихъ требованіи отсрочки для сербскаго отвѣта? Почему г. Яговъ и на этотъ разъ,—какъ во многихъ другихъ случаяхъ,—удовольствовался обѣщаніемъ передать въ Вѣну эту ноту, не поддерживая, однако, ея со своей стороны? Почему онъ съ самаго начала сомнѣвался въ томъ, что Австрія согласится на эту просьбу? [1]) Не было ли вполнѣ законно желаніе державъ, проникнутыхъ стремленіемъ къ миру и получившихъ австрійскую ноту лишь 24 іюля, чтобы имъ дана была болѣе длительная отсрочка въ цѣляхъ оказать умѣряющее воздѣйствіе на Сербію? Развѣ не было вполнѣ обосновано желаніе державъ раньше всего разсмотрѣть матеріалъ съ доводами Австріи, который не былъ представленъ вмѣстѣ съ нотою, и который Англія получила лишь 7 августа, т. е. значительно позже открытія военныхъ дѣйствій? [2]) Если бы Германія, какъ и всѣ остальныя державы, стремилась къ миру, что могла бы она возразить противъ этой отсрочки, которая только облегчила бы мирный исходъ столкновенія?

Если бы отвѣтъ Сербіи былъ отрицательный, какъ этого можно было ожидать вплоть до вечера 25 іюля, то часть вины за это легла бы и на Германію, которая отказалась поддержать требованіе державъ. Отвѣтъ Сербіи заставилъ всѣхъ облегченно вздохнуть. Такой покорности отъ Сербіи никто не могъ ожидать. Въ англійской Синей книгѣ говорится по поводу австрійской ноты: «никогда еще ни одному независимому государству не предъявлялось болѣе унизительнаго требованія» [3]). Сербіи же въ англійской книгѣ воздается должное: «отвѣтъ Сербіи превзошелъ все, что могла бы ожидать какая-либо изъ державъ, не исключая и Германіи». [4]). Россія и Франція также были вполнѣ удовлетворены позиціей, занятой Сербіею. Сазоновъ въ циркулярѣ отъ 27 іюля такъ характеризуетъ сербскій отвѣтъ: «Сербская нота превосходитъ всѣ наши ожиданія своей умѣренностью и желаніемъ дать Австріи самое полное удовлетвореніе. Мы не представляемъ себѣ, какія еще требованія могли бы быть предъявлены Австріею, если только Вѣнское правительство не ищетъ предлога для объявленія Сербіи войны» [5]).

По всеобщему признанію, австрійская нота перешла всѣ границы допустимаго и является безпримѣрною въ исторіи международныхъ

---

[1]) Синяя книга, № 18.
[2]) Синяя книга, стр. IV.
[3]) Синяя книга, стр. V.
[4]) Синяя книга, стр. VI.
[5]) Оранжевая книга, № 33.

отношеній, между тѣмъ какъ сербскій отвѣтъ поразилъ своей уступчивостью и готовностью подчиниться предъявленнымъ требованіямъ.

Одна только Германія держалась иного мнѣнія, находя, что требованія Австріи вполнѣ справедливы и умѣренны, а отвѣтъ Сербіи неудовлетворителенъ: по мнѣнію Германіи, «Бѣлградскій кабинетъ ясно обнаруживалъ желаніе уклониться отъ исполненія требованій двуединой монархіи, задерживая окончательный отвѣтъ и стараясь вступить въ новые переговоры». [1]) Германское правительство согласилось сообщить Вѣнскому кабинету, что сэръ Эдуардъ Грей просилъ германской помощи въ цѣляхъ обезпечить благосклонное принятіе ноты Австріею, но само отъ себя германское правительство не присоединилось къ этой просьбѣ. [2])

Почему германское правительство не нашло возможнымъ присоединиться къ просьбѣ сэра Грея? Почему оно не употребило все свое вліяніе, чтобы заставить Австрію хотя бы только вступить въ переговоры, принявъ въ основу ихъ сербскій отвѣтъ? Развѣ тѣ немногія оговорки, которыя сдѣлала Сербія въ своемъ отвѣтѣ, и притомъ въ очень сдержанной формѣ, могли вызвать непринятіе всей ноты въ ея цѣломъ, могли повести къ разрыву дипломатическихъ сношеній и къ объявленію войны, всѣ тяжкія послѣдствія которой Германія отлично предвидѣла? Развѣ сербская нота давала поводъ заподозрить Сербію въ неискренности и въ желаніи преднамѣренно задерживать отвѣтъ? Развѣ эта нота не содержала положительныхъ обѣщаній, и не слѣдовало ли, по крайней мѣрѣ, убѣдиться въ нежеланіи ихъ исполнить, раньше отклоненія всей ноты, какъ не удовлетворяющей требованіямъ? Что больше могла Сербія сдѣлать, въ короткій 48-часовой срокъ, какъ только обѣщать исполнить почти всѣ предъявленныя ей требованія? Только впослѣдствіи, если бы Сербія стала медлить въ исполненіи данныхъ ею обѣщаній, можно было бы предъявить ей обвиненіе въ желаніи уклониться отъ исполненія предъявленныхъ требованій. Почему же Германія допустила Австрію отозвать своего посланника изъ Бѣлграда и объявить Сербіи войну?

Мнѣ могутъ возразить, что Германія была безсильна помѣшать этому. Но я отвѣчу: она была въ силахъ, но не захотѣла. Всѣ факты, какъ ранѣе приведенные, такъ и тѣ, которые будутъ указаны при дальнѣйшемъ изложеніи, доказываютъ, что она этого не хо-

---

[1]) Бѣлая книга, стр. 7.

[2] Синяя книга, стр. IV и № 34.

тѣла, какъ, впрочемъ, не хотѣла всего, что могло способствовать сохраненію мира. Утвержденіе, будто Германія не могла оказать рѣшительнаго давленія на Австрію, прямо смѣхотворно: Германія могла достигнуть въ Австріи всего, что хотѣла. Австрія была полнѣйшимъ нулемъ въ томъ европейскомъ концертѣ, въ которомъ ея союзница играла первую скрипку. Австрія никогда бы не рѣшилась на открытый разрывъ съ Россіей—что было неизбѣжно въ случаѣ конфликта съ Сербіею—не чувствуй Австрія за собою могущественной поддержки Германіи. Достаточно было одного слова, одного движенія со стороны послѣдней, и Австрія не отозвала бы своего посланника изъ Бѣлграда и вступила бы въ переговоры по поводу сербской ноты. Г. Бетману было бы достаточно недовольно повести бровью, даже не произнося ни единаго слова, чтобы въ Вѣнѣ тотчасъ же отказались отъ всякихъ агрессивныхъ дѣйствій: ни одинъ государственный дѣятель Австріи не посмѣлъ бы объявить войны, не заручившись предварительно согласіемъ на то со стороны Германіи.

Нѣмецкая печать, а также и германскій имперскій канцлеръ въ рѣчи, произнесенной имъ 2 декабря, стремились доказать, что Англія могла бы предотвратить войну, объявивъ своевременно въ Парижѣ и въ Петроградѣ о своемъ нейтралитетѣ. (Въ дальнѣйшемъ я подвергну этотъ вопросъ подробному разсмотрѣнію, когда коснусь позиціи, занятой Англіей). Но никогда нѣмецкая печать не ставила себѣ вопроса: каковы были бы результаты, достигнутые Германіей, если бы она своевременно повліяла на Австрію, если бы смягчила рѣзкость предъявляемой ноты, если бы потребовала переговоровъ на основѣ сербскаго отвѣта и предотвратила этимъ сербо-австрійскую войну? Въ этомъ то и заключается суть дѣла, здѣсь-то и надо искать причины всей катастрофы. Австрія слѣпо и безпрекословно исполняла все то, чего желала Германія. Всѣ притворныя заявленія фонъ-Бетмана и фонъ-Ягова о томъ, что они не могутъ требовать отъ Австріи того или другого, что они боятся зайти слишкомъ далеко въ своихъ требованіяхъ и насиловать волю Австріи, что въ своихъ представленіяхъ въ Вѣнѣ они дошли уже до предѣловъ допустимаго, что слишкомъ сильное давленіе со стороны Германіи можетъ повести къ противоположнымъ результатамъ и т. д.,—все это ложь и обманъ. Я повторяю, что достаточно было одного недовольнаго движенія бровью германскаго имперскаго канцлера, чтобы удержать Вѣнское правительство отъ шаговъ, неугодныхъ Берлину. Слѣдовательно, суть вопроса въ одномъ: чего

желали и чего не желали въ Берлинѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ я уже далъ выше.

Такимъ образомъ, хотя во всѣхъ предшествовавшихъ войнѣ фактахъ нельзя было найти повода къ такому выступленію, тѣмъ не менѣе, съ согласія Берлина, была объявлена война со всѣми ея послѣдствіями. Поведеніе Германіи съ 28 іюля по 1 августа вполнѣ соотвѣтствуетъ всему тому, что происходило въ предыдущіе дни. Германія отвергла предложеніе Англіи о созывѣ конференціи изъ пословъ четырехъ державъ, не запросивъ даже мнѣнія Австріи по этому поводу. [1]) Австрія же, со своей стороны, отказалась вступить въ непосредственные переговоры съ Россіей, какъ это предлагала Германія и на что соглашался Сазоновъ. Австрія заявила, что, разъ Сербія начала военныя дѣйствія и война объявлена, переговоры съ Россіею запоздали. [2]) Опять великолѣпное выраженіе! Сербія начала военныя дѣйствія! Объявленіе войны, которое было сдѣлано Австріей по своей собственной волѣ, препятствуетъ, дескать, Австріи вступить въ переговоры съ Россіей въ интересахъ сохраненія европейскаго мира. Германія съ величайшею снисходительностью смотритъ на все это, и, когда, наконецъ, рѣшается выступить, то лишь для того, чтобы окончательно разрушить всѣ усилія въ пользу мира. Вообще же она довольствуется скромною ролью почтальона и только передаетъ въ Вѣну, сохраняя полнѣйшее молчаніе, какъ и подобаетъ почтальону, предложенія Великобританіи, даже не интересуясь ихъ судьбою. «Мы такимъ образомъ согласились . . . . . передать въ Вѣну новое предложеніе сэра Эдуарда Грея». [3]) «Мы передали въ Вѣну предложеніе Англіи». [4]) Вотъ фразы, которыми изобилуетъ Бѣлая книга. Въ общемъ заявляется, будто Германія поддерживала эти предложенія, но не предъявляютъ въ пользу этого никакихъ доказательствъ. Такія доказательства можно было бы найти только въ перепискѣ между Вѣною и Берлиномъ, но она не опубликована. Замѣчанія, которыми фонъ-Бетманъ и фонъ-Яговъ равнодушно встрѣчаютъ всѣ новыя предложенія сэра Гошена, не свидѣтельствуютъ объ избыткѣ интереса къ этимъ представленіямъ. Неуспѣхъ же этихъ предложеній въ Вѣнѣ неопровержимо доказываетъ, что Германія не только не поддерживала ихъ, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, проваливала ихъ: если

---

[1]) Бѣлая книга, стр. 9.
[2]) Бѣлая книга, стр. 9 и 41 (прил. 16).
[3]) Бѣлая книга, стр. 9.
[4]) Бѣлая книга, стр. 11.

бы Германія настаивала на этихъ предложеніяхъ, они неминуемо были бы приняты.

Слѣдующій фактъ ярко характеризуетъ злую волю Берлинскаго кабинета. 27 іюля сэръ Эдуардъ Гошенъ передалъ г. Ягову предложеніе сэра Эдуарда Грея о созывѣ конференціи изъ пословъ четырехъ державъ. Яговъ категорически отказался отъ такого «третейскаго суда» и настаивалъ на своемъ отказѣ даже и тогда, когда Гошенъ объяснилъ ему, что дѣло идетъ не о третейскомъ судѣ, а только «объ обсужденіи спорнаго вопроса и объ изысканіи средствъ избѣгнуть крайне опаснаго положенія». [1]) Но Грей всетаки не падалъ духомъ. Изъ отвѣта Ягова и декларацiи Лихновскаго онъ выводитъ заключеніе, что Германія «въ принципѣ» не отвергаетъ его проекта и что только форма этой конференціи не одобряется. Тогда онъ поручаетъ англійскому послу въ Берлинѣ просить г. Ягова указать ту пріемлемую для Германіи форму, которую нужно придать этому дипломатическому выступленію. [2]) Въ томъ же духѣ вели переговоры Вивіани съ барономъ Шеномъ и Сазоновъ съ графомъ Пурталесомъ. Всѣ три правительства соглашались на любую форму посредничества, которую предложила бы Германія. Грей и Вивіани прибавили къ этому, что положеніе дѣлъ въ Европѣ слишкомъ серьезно, чтобы изъ-за формальностей и словопреній обрекать на неудачу мирныя предложенія. [3])

Но еще и по сей день Европа тщетно ожидаетъ отвѣта г. Ягова. Сэръ Эдуардъ Грей неоднократно настаивалъ на своемъ предложеніи; онъ просилъ Ягова указать наиболѣе угодную ему форму, которую заранѣе принимали всѣ державы. Но все было тщетно: отвѣта съ Вильгельмштрассе не послѣдовало. Въ Бѣлой книгѣ утверждается, что въ Берлинѣ одобряли въ принципѣ предложеніе Грея. [4]) Но мы не находимъ въ этой книгѣ указаній на то, что идея сэра Эдуарда Грея могла быть осуществлена въ любой формѣ, по указанію Германіи, если бы только послѣдняя сдѣлала предложеніе въ этомъ смыслѣ. Но такого предложенія со стороны Германіи не послѣдовало. Развѣ это не самое неопровержимое доказательство виновности Германіи? Германскіе дипломаты отказались пойти въ Лондонъ на совѣщаніе со своими иностранными коллегами. Они прекрасно знали,

---

[1]) Синяя книга, № 43.

[2]) Синяя книга, № 46, 60, 68. Желтая книга, № 81. Оранжевая книга, № 54.

[3]) Синяя книга, № 78. Оранжевая книга № 55.

[4]) Бѣлая книга, стр. 9.

что сербскій конфликтъ не что иное, какъ дѣтская игра, по сравненію съ тѣми огромными проблемами, которыя Лондонская конференція разрѣшила въ 1912 и 1913 г.г. Германскіе дипломаты боялись, что такая конференція приведетъ къ мирному исходу конфликта. Вотъ почему имъ нужно было, во что бы то ни стало, избѣжать конференціи.

Затѣмъ Грей и Сазоновъ сдѣлали цѣлый рядъ предложеній, которыя, при участіи другихъ державъ, или безъ него, могли бы привести къ мирному соглашенію между Австріей и Россіей. Въ главѣ, посвященной Австріи, я уже указалъ, какая участь постигла эти предложенія, причемъ была указана и роль, сыгранная Германіею во всѣхъ этихъ переговорахъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Бѣлой книгѣ упоминается только о предложеніи сэра Эдуарда Грея и, притомъ, столь бѣгло и неясно, что, не будь телеграммы короля Георга V къ принцу Генриху Прусскому, нельзя было бы судить о важности этого предложенія. И въ этомъ случаѣ Германія ограничилась простой передачей телеграммы въ Вѣну, и въ Бѣлой книгѣ мы не находимъ ни одного довода ни за, ни противъ этой телеграммы [1]), кромѣ слѣдующаго замѣчанія: «Мы предполагали, что переговоры на этой основѣ пріемлемы для Россіи», а затѣмъ, въ другомъ мѣстѣ, говорится о «предложеніи посредничества, цѣли и основа котораго должны быть извѣстны въ Петроградѣ» [2]). Вотъ и все, и далѣе не дается даже никакихъ свѣдѣній о судьбѣ этого предложенія. Лишь въ Синей книгѣ встрѣчается указаніе на то, что предложеніе сэра Эдуарда Грея, подобно многимъ другимъ, имѣвшимъ цѣлью сохраненіе мира, было похоронено безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Произошло, въ точности, то же самое, что и съ вопросомъ о конференціи четырехъ державъ; разница лишь въ томъ, что тогда не дала отвѣта Германія, на этотъ же разъ вся отвѣтственность за молчаніе падаетъ всецѣло на Австрію. «До сихъ поръ не получено отвѣта», «они еще не успѣли прислать отвѣтъ», «отвѣта до сихъ поръ не послѣдовало» [3])—таковы были отвѣты, данные Яговымъ сэру Гошену въ тѣ знаменательные дни, когда каждый часъ и даже каждая минута могли оказать вліяніе на судьбу Европы.

Сдѣланныя вскользь замѣчанія въ Бѣлой книгѣ, дающія понять, будто согласіе Россіи на предложеніе сэра Грея — лишь туманное

---

[1]) Бѣлая книга, стр. 11.
[2]) Бѣлая книга, стр. 12.
[3]) Синяя книга, № 98, 107, 112.

предположеніе и что принятіе этой англійской ноты Россіей слѣдуетъ считать сомнительнымъ, завѣдомо недобросовѣстны. Германское правительство прекрасно знало, что Сазоновъ такъ же, какъ и Грей, старался найти примирительныя формулы, одна изъ которыхъ и была предложена 30 іюля графу Пурталесу [1]). Но Германія отвергла ее, какъ «непріемлемую для Австріи» [2]). Тогда Сазоновъ, по настоянію сэра Грея, представилъ въ Берлинъ новую ноту, еще болѣе примирительнаго характера [3]). Все это германское правительство знало и знаетъ, но скрываетъ отъ германскаго народа. Оно сознательно и преднамѣренно замалчиваетъ всѣ усилія Франціи и Россіи придти къ мирному разрѣшенію вопроса, ибо, если бы это стало извѣстно, то рушилось бы съ такимъ трудомъ возведенное зданіе лжи о франко-русскомъ нападеніи на центральныя державы. — Вторую формулу, предложенную Сазоновымъ, постигла та же участь, какъ и предложеніе Грея: она осталась безъ отвѣта. Также неуспѣшны были и послѣдніе, почти безнадежные шаги, предпринятые Россіей и Англіей 31 іюля и 1 августа [4]).

Германія дѣйствовала по принципу: «довольно словъ, — теперь нужны дѣйствія». Это рѣшеніе она приняла еще 29 іюля, три дня спустя послѣ возвращенія кайзера изъ его поѣздки на сѣверъ. Справедливость, однако, требуетъ признать, что кайзеръ, въ моментъ своего возвращенія изъ путешествія, еще не принялъ окончательнаго рѣшенія начать войну, какъ это доказываютъ его телеграммы къ Императору Николаю II. Первыя телеграммы Вильгельма, отъ 28 и 29 іюля [5]),—особенно же телеграмма отъ 28 іюля—ясно доказываютъ его дружескія чувства и желаніе сохранить миръ. Выше мною было уже сказано, что вліятельная придворная партія и партія нѣмецкихъ юнкеровъ уже давно усиленно пропагандировали идею войны, и что кайзеръ въ принципѣ раздѣлялъ эту идею. Но отъ признанія идеи въ принципѣ до ея осуществленія на дѣлѣ — еще очень далеко, особенно же въ тѣхъ случаяхъ, когда это влечетъ за собою такія грозныя послѣдствія.

Неудивительно поэтому, что Вильгельмъ II долго колебался и только послѣ многихъ дней борьбы съ самимъ собою и съ окру-

---

[1]) Оранжевая книга, № 60.

[2]) Оранжевая книга, № 36.

[3]) Оранжевая книга, № 67.

[4]) Синяя книга, № 111, 120, 121, 131, 132, 135, 137, 138, 139; Оранжевая книга, № 69, 71, 73.

[5]) Бѣлая книга, стр. 42, 43.

жающими пришелъ, наконецъ, къ окончательному рѣшенію. Слѣды этой внутренней борьбы мы находимъ въ телеграммахъ, посланныхъ кайзеромъ 28 іюля и 1 августа королю Георгу V и Императору Николаю II [1]).

Сначала кайзеръ признаетъ, насколько трудно Царю и русскому правительству оказывать противодѣйствіе «ярко выраженному общественному мнѣнію»; но, съ другой стороны, онъ защищаетъ позицію, занятую Австріей, оправдываетъ поведеніе этой послѣдней и обѣщаетъ приложить всѣ старанія, чтобы добиться соглашенія между Петроградомъ и Вѣною. Однако, въ дальнѣйшихъ телеграммахъ, первоначальная тема — разногласія между Австріей и Россіей — постепенно исчезаетъ, и на первый планъ выступаетъ угроза приступить къ вооруженіямъ. Эта угроза звучитъ уже въ телеграммѣ кайзера отъ 29 іюля [2]). Тонъ телеграммъ становится все болѣе и болѣе рѣзкимъ,

---

[1]) Бѣлая книга, стр. 12, 14, 43, 44. Книга Карла Геймана «Начало войны 1914 г.» (Берлинъ).

[2]) Къ глубокому нашему изумленію, мы не находимъ въ Бѣлой книгѣ отвѣта Царя на эту телеграмму. Въ Бѣлой книгѣ за телеграммой кайзера отъ 29 іюля (приложеніе 22) слѣдуетъ его же телеграмма отъ 30 іюля (приложеніе 23). Этотъ пробѣлъ въ германскихъ документахъ восполняется оффиціальными документами, опубликованными русскимъ правительствомъ. На телеграмму Вильгельма отъ 29 іюля Царь отвѣтилъ слѣдующее: «Благодарю тебя за выраженіе дружескихъ и миролюбивыхъ чувствъ. Но, такъ какъ отвѣтъ, сообщенный твоимъ посломъ моему министру, редактированъ въ совершенно иномъ тонѣ, то прошу тебя объяснить это противорѣчіе. Желательно было бы передать австро-сербскій конфликтъ на обсужденіе Гаагскаго третейскаго суда. Вѣрю въ твою мудрость и дружбу». Германское правительство сознательно скрыло эту телеграмму Царя, несомнѣнно вслѣдствіе того, что въ ней заключалось самое простое и естественное предложеніе, — которое сдѣлала и Сербія въ своей отвѣтной нотѣ, — передать возникшій конфликтъ на разсмотрѣніе Гаагскаго третейскаго суда. Попытка оправданія, которую дѣлаетъ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», заявляя, что эта телеграмма не опубликована, какъ не имѣющая серьезнаго значенія, ясно показываетъ, какъ невысокъ умственный уровень большинства читателей нѣмецкихъ газетъ.

Эту телеграмму замолчали именно потому, что она имѣетъ громадное значеніе, вполнѣ опредѣленно выясняя намѣренія Царя. Если бы этотъ проектъ Царя былъ принятъ, миръ, несомнѣнно, былъ бы сохраненъ. Вотъ потому-то предложеніе и было отвергнуто. Но мотивировать отказъ было трудно; поэтому кайзера убѣдили просто оставить предложеніе Царя безъ вниманія и, вмѣсто сербо-австрійскаго конфликта, выдвинуть вопросъ о вооруженіяхъ. Только недобросовѣстностью германскаго правительства можно объяснить тотъ фактъ, что въ Бѣлой книгѣ не помѣщена телеграмма Царя отъ 29 іюля. Это еще разъ наглядно доказываетъ, что Россія желала мира, а Германія стремилась къ войнѣ.

и, наконецъ, рѣчь идетъ въ нихъ уже исключительно о вооруженіяхъ. 30 іюля всякое обсужденіе спорныхъ вопросовъ оставлено, и рѣчь идетъ только о томъ, который изъ трехъ императоровъ былъ вынужденъ первый приступить къ мобилизаціи. 30 іюля кайзеръ увѣряетъ, что «мобилизація Австріи была направлена только противъ Сербіи». Канцлеръ же, напротивъ того, признаетъ, что мобилизація эта была направлена отчасти и противъ Россіи. Съ другой стороны Императоръ Николай II утверждаетъ, что частичная мобилизація, объявленная въ Россіи 29 іюля, была предпринята лишь «въ цѣляхъ защиты противъ военныхъ приготовленій Австріи». Царь обѣщаетъ въ тотъ же день «отправить Татищева въ Берлинъ съ инструкціями» [1]). Въ телеграммѣ своей отъ 31 іюля Русскій Царь заявляетъ, что «технически немыслимо» пріостановить военныя приготовленія, «вызванныя мобилизаціей Австро-Венгріи», но Онъ даетъ честное слово въ томъ, что русскія войска не предпримутъ никакихъ агрессивныхъ дѣйствій, пока идутъ переговоры. Однако, кайзеръ требуетъ полнаго прекращенія всѣхъ военныхъ приготовленій Россіи. На это Царь Николай II отвѣтилъ, что признаетъ вполнѣ допустимымъ принятіе и Германіей соотвѣтствующихъ мѣръ, что, однако, еще не должно вызвать войны. Но Вильгельмъ продолжаетъ мобилизацію и объявляетъ войну.

Столь быстрое развитіе событій объясняется полнымъ поворотомъ въ мнѣніяхъ правящихъ круговъ Германіи: послѣ нѣсколькихъ дней колебаній, вопросъ былъ рѣшенъ окончательно въ пользу войны. По всей вѣроятности, этотъ поворотъ произошелъ вечеромъ 29 іюля, послѣ свиданія Вильгельма съ имперскимъ канцлеромъ въ Потсдамѣ. Каковы были причины, повліявшія на рѣшеніе дотолѣ колебавшагося кайзера? Конечно, это съ достовѣрностью не извѣстно, но можно до нѣкоторой степени угадать ихъ. По словамъ лицъ, хорошо освѣдомленныхъ, высшіе военные чины Германіи, поддержанные кронпринцемъ и его приверженцами, пригрозили кайзеру выйти, въ полномъ составѣ, въ отставку, если онъ не рѣшится объявить войну [2]).

---

[1]) Каковъ былъ результатъ этой поѣздки Татищева? Прибылъ ли онъ въ Берлинъ? Какія порученія были ему даны? Почему въ Берлинѣ, раньше отсылки ультиматума, не подождали пріѣзда этого Царскаго посла, который долженъ былъ прибыть туда не позднѣе 1-го августа.

[2]) Слѣдующее замѣчаніе, сдѣланное графомъ Пурталесомъ во время бесѣды съ г. Сазоновымъ, уясняетъ намъ до нѣкоторой степени событія, происходившія тогда въ Берлинѣ. «Принятіе мѣръ для проведенія мобилизаціи — сказалъ посолъ — очень опасно, ибо въ такомъ случаѣ соображенія генеральнаго штаба получаютъ рѣшающее значеніе. Раз

Какъ бы тамъ ни было, въ день своего возвращенія въ Берлинъ, вечеромъ, имперскій канцлеръ пригласилъ къ себѣ англійскаго посла и потребовалъ, чтобы Англія, въ случаѣ европейской войны, обязалась, на извѣстныхъ условіяхъ, сохранить нейтралитетъ [1]). Условія, предложенныя г. Бетманомъ, были слѣдующія:

1) Въ случаѣ, если разразится европейская война и она окончится благопріятно для Германіи, имперское правительство обязуется не дѣлать никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній во Франціи (имперскій канцлеръ не соглашался, однако, дать такія же завѣренія относительно французскихъ колоній).

2) Германія обязуется уважать нейтралитетъ Голландіи до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ нарушенъ кѣмъ-либо изъ воюющихъ сторонъ.

3) Мѣропріятія, къ которымъ Германія можетъ оказаться вынужденной въ Бельгіи, будутъ зависѣть отъ того, что предприметъ Франція. Послѣ войны неприкосновенность Бельгіи будетъ признана, если бельгійцы не станутъ на сторону враговъ Германіи.

Эта попытка обезпечить нейтралитетъ Англіи, сдѣланная Германіей 29 іюля вечеромъ, была въ высшей степени неожиданной и, по своему, очень знаменательна.

Что же произошло за это время, заставивъ г. Бетмана столь опасаться обще-европейской войны? Австрія открыла военныя дѣйствія противъ Сербіи и произвела частичную мобилизацію, направленную противъ Россіи, которая, со своей стороны, отвѣтила на это мобилизаціей 4 южныхъ округовъ. О мобилизаціи Россіи противъ Германіи въ то время еще и рѣчи не было. Это было произведено лишь 31 іюля, что признается и въ самой Бѣлой книгѣ. Вся европейская дипломатія, — за исключеніемъ, понятно, германской и австрійской,—искренно стремилась уладить австро-русскій конфликтъ. Проектъ конференціи четырехъ державъ еще не былъ окончательно отвергнутъ. Грей только что передалъ свою примирительную формулу германскому послу Лихновскому. Россія была готова вступить въ

въ Германіи нажали эту кнопку, рѣшеніе уже безповоротно». Германское правительство, конечно, не помѣстило въ своей Бѣлой книгѣ этого признанія своего посла, которое проливаетъ яркій свѣтъ на событія, происходившія въ Берлинѣ за нѣсколько дней до объявленія войны. Австрійское же правительство, напротивъ того, упоминаетъ объ этихъ словахъ Пурталеса въ своей Красной книгѣ (№ 28).

[1]) Бѣлая книга, № 85.

новые переговоры съ Австріей и ожидала лишь согласія послѣдней. Франція горячо поддерживала выступленія Грея и Сазонова. Словомъ, всѣ были одушевлены однимъ стремленіемъ — сохранить европейскій миръ. Нужно было только энергичное выступленіе Германіи, чтобы заставить Австрію обнаружить большую уступчивость, и европейскій миръ былъ бы обезпеченъ. Въ этотъ моментъ все зависѣло отъ миролюбиваго настроенія Германіи, а, между тѣмъ, имперскій канцлеръ думалъ лишь о томъ, какъ бы обезпечить тылъ Германіи въ случаѣ европейской войны. Предложеніе относительно нейтралитета, сдѣланное Германіей именно въ это время, имѣетъ лишь одно объясненіе. Имперскій канцлеръ ясно сознавалъ, какая опасность угрожаетъ европейскому миру. Одному канцлеру было извѣстно то, что было скрыто отъ другихъ правительствъ: онъ зналъ, что въ Берлинѣ война была уже рѣшена. Эта война была неизбѣжна, такъ какъ Германія ея хотѣла. Поэтому понятно горячее желаніе г. Бетмана обезпечить Германіи наилучшіе шансы: нужно было, прежде всего, отдѣлить отъ враговъ Германіи Англію, чтобы, изолировавъ ее, напасть на нее въ будущемъ, при первомъ удобномъ случаѣ, и тѣмъ вѣрнѣе нанести ей пораженіе. Эта «политика развязанныхъ рукъ на континентѣ»,—которую имперскій канцлеръ, хотя и безуспѣшно, проводилъ противъ Англіи еще въ 1912 году, и обусловила предложеніе о нейтралитетѣ, сдѣланное Германіей уже самой Англіи 29 іюля 1914 года.

Англія, какъ и два года тому назадъ, отвергла это предложеніе. Въ Лондонѣ по достоинству оцѣнили эти выступленія г. Бетмана. Тамъ не хотѣли, цѣною будущаго договора о нейтралитетѣ, заключеннаго между Англіей и Германіей, устранить самихъ себя отъ обще-европейской политики и играть роль простого свидѣтеля при разгромѣ Франціи и при посягательствѣ на Бельгію. Подобная сдѣлка, по мнѣнію Грея, повредила бы дружественнымъ отношеніямъ Англіи и Франціи, нарушила бы обязательство защищать бельгійскій нейтралитетъ, подписанное Англіей въ 1839 году, и, кромѣ того, поставила бы на карту интересы Великобританіи и ея доброе имя. Отказываясь принять это предложеніе Германіи, Грей поручилъ сэръ Гошену завѣрить германское правительство самымъ торжественнымъ образомъ, что добрыя отношенія между Германіей и Англіей возможны только въ томъ случаѣ, если оба государства будутъ дѣйствовать совмѣстно въ цѣляхъ поддержанія европейскаго мира. Если эта цѣль будетъ достигнута, дружественныя отношенія между обоими государствами тѣмъ самымъ еще болѣе укрѣпятся. Англійское пра

зительство одушевлено самымъ искреннимъ желаніемъ работать въ этомъ направленіи. Грей закончилъ свое сообщеніе заявленіемъ, имѣющимъ громадное значеніе для уясненія позиціи, занятой Англіей. Онъ просилъ германскаго посла въ Лондонѣ передать имперскому канцлеру слѣдующее:

«Если возможно сохранить въ Европѣ миръ и придти къ благополучному разрѣшенію настоящаго конфликта, то всѣ мои личныя усилія будутъ направлены къ тому, чтобы выработать соглашеніе, которое являлось бы пріемлемымъ для Германіи и которое обезпечивало бы ее въ томъ, что ни ей, ни ея союзникамъ не будетъ угрожать никакая агрессивная или вообще враждебная политика со стороны Франціи, Россіи и Англіи, какъ въ отдѣльности, такъ и въ ихъ совокупности. Я всегда стремился къ этому и, насколько это было въ моихъ силахъ, дѣйствовалъ въ этомъ направленіи во время послѣдняго балканскаго кризиса, и, такъ какъ въ то время Германія преслѣдовала тѣ же цѣли, то наши взаимоотношенія значительно улучшились. Эта идея до настоящаго времени являлась слишкомъ утопичной, чтобы сдѣлаться предметомъ опредѣленныхъ дипломатическихъ переговоровъ. Если же настоящій кризисъ, значительно болѣе острый, чѣмъ всѣ, когда-либо пережитые Европою, будетъ разрѣшенъ удовлетворительнымъ образомъ, то я твердо надѣюсь, что наступившее послѣ этого успокоеніе и реакція дадутъ возможность установить болѣе тѣсное сближеніе между державами, чѣмъ это было возможно до сихъ поръ» [1]).

Значеніе этой декларацiи очевидно: это былъ горячій призывъ къ общей работѣ въ пользу мира, во имя блага всего человѣчества и ради пользы обоихъ государствъ, которыя, преслѣдуя общую цѣль, сблизились между собою и сдѣлали свои взаимоотношенія болѣе тѣсными. Но завѣренія, данныя англійскимъ министромъ, превосходили все, что было до сихъ поръ сдѣлано въ этомъ направленіи: онъ предлагалъ договоръ, заключенный при участіи Германіи, который являлся бы гарантіей для нея въ томъ, что политика державъ тройственнаго согласія не будетъ носить ни враждебнаго, ни агрессивнаго характера въ отношеніи Германіи или Австріи. Иначе говоря, этотъ договоръ обезпечилъ бы прочный миръ въ Европѣ, сблизивъ тройственный союзъ съ тройственнымъ согласіемъ и замѣнивъ систему политическаго равновѣсія всеобщею лигою мира.

Но какъ отнесся канцлеръ къ этому предложенію? Онъ молча

---

[1]) Синяя книга, № 101.

выслушалъ его, не высказавъ ни единаго замѣчанія, и только выразилъ желаніе получить копію этого меморандума, чтобы имѣть возможность обдумать его на досугѣ. Эта копія была ему вручена, но со стороны г. Бетмана не послѣдовало никакого отвѣта.

Каково было бы въ настоящее время положеніе Европы, если бы имперскій канцлеръ принялъ предложеніе сэра Эдуарда Грея? Говорить объ этомъ въ настоящее время слишкомъ тяжело и совершенно излишне. Все, что Германія выставляетъ нынѣ, какъ цѣли теперешней войны—обезпеченіе ея національнаго существованія, свободное развитіе ея культуры и благосостоянія—все это было ей предложено. Въ дѣйствительности никакая опасность никогда этому и не угрожала. Но проектъ сэра Грея устранялъ даже самую возможность вѣрить въ такую опасность, или заставить другихъ въ нее повѣрить. Мирное соглашеніе, предложенное Греемъ, было первымъ шагомъ къ замѣнѣ политики злобы, вражды и подозрительности политикою дружбы и довѣрія. Дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи не заставили бы себя ждать. Это довѣріе, установившееся между державами, дало бы возможность постепенно уменьшать дорого стоящія вооруженія, которыя являлись слѣдствіемъ взаимнаго недовѣрія. Благодаря этому соглашенію, открывалась возможность новыхъ дружественныхъ соглашеній. Словомъ, передъ Европою открывался новый, лучшій путь, пойди Германія навстрѣчу дружественному предложенію Англіи.

Но г. Бетманъ былъ иного мнѣнія. Онъ положилъ подъ сукно англійскій меморандумъ и втихомолку подсмѣивался надъ англичаниномъ, который, со свойственной всѣмъ островитянамъ узостью мысли, вѣрилъ еще въ миролюбивыя намѣренія Германіи. Комедія 1912 года разыгрывается сызнова: Англія стремится къ европейскому миру, Германія—къ нейтралитету Англіи, чтобы имѣть возможность, по своему усмотрѣнію, нарушить этотъ миръ. А между тѣмъ, имперскій канцлеръ, которому прекрасно извѣстенъ этотъ фактъ, какъ и многіе другіе изъ близкаго и далекаго прошлаго, осмѣливается взваливать на Англію отвѣтственность за разразившуюся общеевропейскую войну! Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что это утвержденіе противорѣчитъ не только фактамъ, но и всему тому, что оффиціально писалъ самъ имперскій канцлеръ. Теперь же достаточно указать, что война была рѣшена въ Берлинѣ 29 іюля вечеромъ. Этимъ и объясняется выступленіе г. Бетмана и его равнодушное отношеніе къ предложенію сэра Грея.

Въ тотъ самый день, когда Бетманъ молча выслушалъ предло-

женіе Грея, имѣвшее цѣлью упрочить европейскій миръ, въ Германіи было оффиціально провозглашено положеніе, устанавливаемое въ случаѣ «опасности неминуемой войны», и посламъ въ Парижѣ и Петроградѣ было поручено передать правительствамъ, при которыхъ они аккредитованы, ультиматумы Германіи. Россіи было предложено, въ теченіе 12 часовъ, «прекратить военныя приготовленія, направленныя противъ Германіи и Австріи, и представить объясненія по этому поводу». Франціи было предъявлено требованіе въ теченіе 18 часовъ дать отвѣтъ, сохранитъ ли она нейтралитетъ въ случаѣ войны Россіи съ Германіей. Въ Петроградѣ ультиматумъ былъ врученъ въ 12 часовъ ночи, въ Парижѣ—въ 7 часовъ вечера.

Когда вѣсть о посылкѣ ультиматумовъ стала извѣстна въ Германіи и за границей, всѣ отказывались этому вѣрить, такъ какъ нельзя было найти оправданія для такого рѣзкаго и грубаго выступленія. Дипломаты были удивлены не менѣе широкой публики. Что толкнуло Германію на эту крайнюю мѣру, которая неминуемо должна была привести къ войнѣ? Дипломатическіе переговоры оказались къ 31 іюля настолько успѣшными, что снова появилась надежда на мирный исходъ конфликта. 30 іюля графъ Берхтольдъ въ дружескомъ тонѣ завѣрилъ русскаго посла въ Вѣнѣ, что уполномочилъ своего представителя въ Петроградѣ возобновить прерванные переговоры [1]). Казалось, эти переговоры между Сазоновымъ и Сапари, возобновленные 31 іюля, должны были имѣть успѣхъ, такъ какъ Австрія впервые изъявила согласіе обсудить свою ноту Сербіи. Сазоновъ телеграфировалъ въ Лондонъ, что онъ надѣется на мирное разрѣшеніе конфликта. Перемѣна взглядовъ въ Австріи была встрѣчена съ радостью въ Парижѣ и Лондонѣ. Грей, въ телеграммѣ сэру Гошену, выражаетъ свою искреннюю радость по поводу этой перемѣны тона Австріи, что, по мнѣнію англійскаго министра, даетъ возможность надѣяться на благопріятные результаты. Онъ удваиваетъ свои старанія, чтобы извлечь изъ этого возможную пользу: Австрія получитъ отъ Сербіи «полное удовлетвореніе своихъ требованій»; всѣ державы должны будутъ прекратить свои военныя приготовленія; Германіи и ея союзницѣ достаточно сдѣлать какое-либо «благоразумное предложеніе» (any reasonable proposal), и онъ его поддержитъ. Если же Франція и Россія оказались бы настолько неблагоразумными, чтобы отклонить пріемлемое предложеніе Германіи, Великобританія сложила бы съ себя всякую отвѣтственность за могущія произойти послѣдствія. Сазоновъ немедленно

---

[1]) Желтая книга, № 104, Синяя книга, № 36.

составляетъ новую примирительную формулу, въ которой требованія Австріи принимаются еще больше во вниманіе, чѣмъ раньше [1]): онъ предлагаетъ созвать конференцію въ Лондонѣ при участіи всѣхъ великихъ державъ и заявляетъ при этомъ, что было бы крайне желательно, чтобы Австрія пріостановила свои военныя приготовленія [2]) на время этой конференціи. Однако, это прекращеніе военныхъ приготовленій Австріи не ставится непремѣннымъ условіемъ. Словомъ, всѣ работаютъ, хлопочутъ, надѣются, и вдругъ вѣсть о предъявленіи ультиматумовъ однимъ ударомъ разрушаетъ всѣ надежды.

Что побудило Германію предъявить эти ультиматумы? Германія ссылается на русскую мобилизацію. Но выше уже было указано, что эта мобилизація явилась слѣдствіемъ двухъ причинъ: 1) предшествовавшей ей австрійской мобилизаціи и 2) двусмысленнаго поведенія Германіи и Австріи во время конфликта. Мнѣ кажется, основательность этихъ двухъ причинъ была уже достаточно ясно доказана. Русская мобилизація не происходила тайно, а, наоборотъ, совершенно открыто: 29 іюля была произведена частичная мобилизація 4 южныхъ округовъ, а 31 іюля утромъ была объявлена общая мобилизація [3]). Въ Австріи частичная мобилизація была произведена до объявленія войны Сербіи, т. е. до 28 іюля; приказъ объ общей мобилизаціи послѣдовалъ, самое позднее, 31 іюля въ 1 часъ утра, а, если вѣрить донесеніямъ русскаго посла въ Вѣнѣ, то уже 28 іюля [4]). Оффиціальное сообщеніе о частичной русской мобилизаціи было сдѣлано въ Берлинѣ 29 іюля, а всеобщая мобилизація была объявлена въ Петроградѣ 31 іюля.

Разсказы о томъ, что русскіе не сдержали своего слова, лживы. Согласно Бѣлой книгѣ, русскій военный министръ и начальникъ Главнаго Штаба, оба не сдержали своихъ обѣщаній, а Царь, «искренно преданный кузенъ и другъ», тоже не сдержалъ слова, даннаго кайзеру. Эти инсинуаціи и многія другія выходки рѣзко выдѣляютъ Бѣлую книгу изъ ряда другихъ подобныхъ изданій и служатъ для заграничной публики показателемъ германской культуры. Надо признаться, что уровень ея кажется не особенно высокимъ.

Если бы эти утвержденія были, по крайней мѣрѣ, справедливы! Но это далеко не такъ. 27 іюля русскій военный министръ заявилъ гер-

---

[1]) Оранжевая книга, № 67; Синяя книга, № 120; Желтая книга, № 113, 120.

[2]) Желтая книга, № 120; Синяя книга, № 123.

[3]) Бѣлая книга, стр. 10, 13.

[4]) Желтая книга, № 115; Оранжевая книга, № 47, 49.

манскому военному агенту, что приказъ о мобилизаціи еще не опубликованъ и что приняты только приготовительныя мѣры. Если Австрія перейдетъ границу Сербіи, то 14 армейскихъ корпусовъ (4 военныхъ округа), предназначенныхъ для дѣйствія противъ двуединой монархіи, будутъ тотчасъ же мобилизованы; но эта мобилизація не распространяется на войска, расположенныя на германской границѣ, въ виду горячаго желанія сохранить миръ съ Германіей [1]). Это заявленіе совершенно соотвѣтствуетъ истинѣ. Объявленіе Ковны на военномъ положеніи [2]) (телеграмма отъ 24 іюля управляющаго императорскимъ консульствомъ) не можетъ почитаться мобилизаціей: Германіи, которая строго разграничиваетъ понятіе «военное положеніе» и «мобилизація», слѣдовало бы это знать.

Предположеніе о состоявшейся 26 іюля мобилизаціи въ Кіевѣ и Одессѣ, о чемъ германскій военный агентъ доноситъ въ крайне неопредѣленныхъ выраженіяхъ, нельзя считать безусловно вѣрнымъ. Германскій военный агентъ увѣренно высказывается лишь о мобилизаціи 2 округовъ [3]). Но эти свѣдѣнія могутъ быть ошибочны или сходить изъ недостовѣрнаго источника, въ виду отдаленности отъ Петрограда этихъ двухъ округовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Возможно, однако, что, въ виду разрыва Австріи съ Сербіей, Россія съ полнымъ правомъ на то начала приготовленія къ мобилизаціи, о чемъ предѣленно заявилъ и военный министръ.

На основаніи такихъ доказательствъ столь же рискованно, какъ и несправедливо, упрекать русскаго министра въ нарушеніи даннаго слова.

Вторымъ обвиняемымъ является начальникъ главнаго штаба, а обвинителемъ—снова военный агентъ. Первый якобы заявилъ 29 іюля во время бесѣды, что «все дѣйствительно такъ, какъ онъ говорилъ два дня тому назадъ», что «нигдѣ мобилизаціи не производилось». Онъ торжественно подтвердилъ это своимъ честнымъ словомъ, но не могъ дать никакихъ гарантій относительно будущаго [4]).

Начальникъ главнаго штаба подобнаго заявленія не дѣлалъ, и не могъ его сдѣлать, такъ какъ въ тотъ же самый день, 29 іюля, русское правительство оффиціально сообщило Берлину о мобилизаціи 4 округовъ. Изъ этого усматривается, съ какой любовью къ истинѣ составлена Бѣлая книга:

---

[1]) Бѣлая книга, стр. 8, прил. II.
[2]) Бѣлая книга, прил. 8.
[3]) Бѣлая книга, прил. 7.
[4]) Бѣлая книга, стр. 10.

въ началѣ 10-й страницы упоминается, что оффиціально сдѣлано был сообщеніе о мобилизаціи, а внизу той же страницы, что это был оффиціально опровергнуто. Какою цѣлью могъ задаваться русск начальникъ главнаго штаба, прибѣгая ко лжи въ то время, когда ру скій посолъ въ Берлинѣ говорилъ истину? Что слѣдуетъ подумать правительствѣ, которое, въ вопросѣ жизни или смерти, такъ легк мысленно подбираетъ документы для своей оффиціальной книги?

Русскій начальникъ главнаго штаба, въ сущности, подтвердил что мобилизація производится противъ Австріи, но отрицалъ мобилиз цію противъ Германіи. Это совпадаетъ съ оффиціальнымъ заявленіем сдѣланнымъ въ Берлинѣ, а также съ донесеніемъ отъ 30 іюля фра цузскаго посла Палеолога. [1]) Германскій военный агентъ, или не по нялъ своего собесѣдника, или же поступился истиной.

Несмотря на подробное изученіе документовъ, мнѣ не удало обнаружить, въ чемъ именно слова Царя оказались невѣрными. Во вопросы, касающіеся мобилизаціи, и вызванные ими упреки сто щекотливы, что было бы слишкомъ смѣло строго ихъ судить. Так напримѣръ, 30 іюля императоръ Вильгельмъ телеграфируетъ Цар «Австро-Венгрія мобилизовалась только противъ Сербіи». Съ друг стороны, въ рѣчи отъ 4 августа, германскій канцлеръ признаетъ, чт Австрія мобилизовалась также и противъ Россіи. Невозможно выясни истины о производствѣ той или иной мобилизаціи, такъ какъ в каждой странѣ свои правила о мобилизаціи, и, кромѣ того, можн мобилизировать тайно, не объявляя объ этомъ оффиціально. Такъ, н примѣръ, во французскихъ донесеніяхъ утверждаютъ, съ приведеніем доказательствъ, что Германія начала мобилизацію съ того момент когда австрійскій посланникъ былъ отозванъ изъ Бѣлграда. [2]) Объявлен объ «опасности неминуемой войны»—особенная мѣра въ Германіи, в дѣйствительности прикрывающая самыя серьезныя мобилизаціонны мѣры.

Но гдѣ и когда слова Царя о мобилизаціи оказались невѣр ными? Въ телеграммѣ отъ 30 іюля Русскій Императоръ признает что «принимаемыя нынѣ военныя мѣры были уже рѣшены 5 дне тому назадъ, съ цѣлью самозащиты противъ приготовленій Австрії 31 іюля Царь заявляетъ, что эти мѣры, по техническимъ причинам

---

[1]) Желтая книга, № 102: «lui a donné sa parole d'honneur que la mobilis tion ordonnée ce matin vise exclusivement l'Autriche» (далъ ему честное сло что объявленная утромъ мобилизація имѣетъ въ виду исключительно Австрі

[2]) Синяя книга, № 105 (приложеніе 3).

е могутъ быть пріостановлены. [1]) Въ послѣдней депешѣ, отъ 1 августа, отнюдь не отрицается мобилизація на германской границѣ, и признается, что кайзеръ въ правѣ принять подобныя же мѣры. Но русскій Царь желалъ бы получить отъ кайзера только что данную послѣднему гарантію, что эти мѣры не означаютъ войны, и что переговоры въ цѣляхъ поддержанія мира будутъ продолжаться.

Въ этихъ телеграммахъ я не нашелъ ничего, что давало бы поводъ упрекать Царя. Наоборотъ, во всѣхъ этихъ телеграммахъ— въ особенности въ таковой отъ 29-го августа, которая была скрыта Германіею — Царь обнаруживаетъ честное стремленіе къ миру, и это стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ германской политикой ультиматумовъ, которая, несмотря на расточаемыя императоромъ Вильгельмомъ мирныя заявленія, должна была неизбѣжно вызвать войну.

Вотъ результатъ моихъ изслѣдованій: русская мобилизація вполнѣ оправдывается, такъ какъ она была вызвана австрійской. Она не была тайною: о ней сообщили державамъ и объявили ее оффиціально въ Россіи. Ничто не доказываетъ вызывающаго характера русской мобилизаціи. Скорѣе подобный характеръ можно было бы приписать австрійской мобилизаціи, которая была произведена раньше русской и германской мобилизаціи, скрывавшейся подъ наименованіемъ «военнаго положенія» (Kriegszustand). Кромѣ того, поведеніе Австріи и Германіи до и послѣ мобилизаціи выясняетъ истинное значеніе этихъ военныхъ мѣропріятій. Съ этой точки зрѣнія, австро-германскія мобилизаціи имѣли гораздо болѣе вызывающій характеръ, чѣмъ подобная же мѣра Россіи, такъ какъ первыя служили цѣлямъ наступательной политики, вторая же вызывалась политикой защиты.

Нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ подтверждаютъ вызывающій характеръ дѣйствій Германіи. Событія эти произошли на французской границѣ до отправки двухъ ультиматумовъ. Уже 30 іюля происходило сосредоточеніе германскихъ войскъ близъ Тіонвилля и Меца. Гарнизонныя войска были перевезены на границу и усилены контингентами изъ Трира и Кельна. Важные стратегическіе пункты были

---

[1]) Удивительно, что кайзеръ употребилъ тѣ же слова въ своей телеграммѣ, посланной 1 августа англійскому королю: «Pour des raisons techniques, la mobilisation, ordonnée déjà aujourd'hui sur deux fronts, à l'est et à l'ouest, doit suivre sa marche régulière». (По техническимъ причинамъ мобилизація, назначенная мною уже сегодня на двухъ фронтахъ, западномъ и восточномъ, должна итти своимъ обычнымъ ходомъ).

укрѣплены и вооружены. Станціи желѣзныхъ дорогъ были занять военными властями съ 25 іюля; резервисты (1903—1911 г.г.) были призваны личными повѣстками; дороги на границѣ были забарикадированы и закрыты для проѣзда автомобилей. Болѣе того: 29 іюля германскіе патрули проникли въ двухъ мѣстахъ на французскую территорію. Франція оффиціально заявила, что, во избѣжаніе стычекъ, она очиститъ пространство въ 10 километровъ между границей и расположеніемъ своихъ войскъ. Германія подобнаго заявленія не дѣлала, германскіе посты, наоборотъ, были выдвинуты до самой границы [1]). Мы впослѣдствіи разсмотримъ другіе, еще болѣе серьезные инциденты, происшедшіе за время съ 1 до 3 августа.

Политическія и военныя событія, предшествовавшія посылкѣ ультиматумовъ, приводятъ къ несомнѣнному выводу, что за приготовленіями Франціи и Россіи не скрывалось никакихъ агрессивныхъ намѣреній; если же съ чьей-либо стороны и было желаніе напасть, то такой стороной могла быть только Германія.

По какому праву Германія потребовала демобилизаціи Россіи? Это требованіе, ничѣмъ не оправдываемое и, при сношеніяхъ съ великой державой, противорѣчащее всѣмъ международнымъ обычаямъ, было еще усугублено условіями, поставленными Берлиномъ. Россія должна была отмѣнить принятыя ею военныя мѣры:

1) въ продолженіе 12 часовъ,

2) не только противъ Германіи, но и противъ Австріи.

Первое требованіе было даже технически неисполнимо: большое государство, съ громадными протяженіями, не можетъ въ продолженіе 12 часовъ остановить начатую мобилизацію (см. телеграммы Русскаго Императора отъ 31 іюля и императора Вильгельма къ королю Георгу отъ 1 августа).

Второе же требованіе столь неслыханное, что возникаетъ вопросъ, не сошли ли съ ума лица, рѣшившіяся предъявить подобное требованіе? Россіи было предложено прекратить мобилизацію противъ Австріи, между тѣмъ послѣдняя мобилизовала часть своихъ вооруженныхъ силъ недѣлею раньше, а съ утра 31-го (быть можетъ, даже 28) іюля поставила на военную ногу всѣ свои войска, угрожая Сербіи и Россіи. Значитъ, послѣдняя должна была сложить оружіе передъ своимъ врагомъ? Подобное притязаніе тѣмъ болѣе поразительно, что сама Вѣна не предъявляла Петрограду

---

[1]) Желтая книга, № 106.

ничего подобнаго; наоборотъ, въ день, когда двѣ великія державы приступили къ мобилизаціи, Австрія начала новые переговоры съ Россіей.

Германія, слѣдовательно, стала «болѣе австрійской, чѣмъ сама Австрія». Кромѣ того, имѣла-ли Германія право ставить требованія отъ имени Австріи? Въ качествѣ кого: попечительницы, уполномоченной, или по какимъ либо инымъ основаніямъ? Какъ бы то ни было, положеніе, создавшееся благодаря такой самовольной опекѣ, оказалось въ высшей степени безсмысленнымъ.

Австрія, несмотря на происходящія вооруженія, не считала ни неудобнымъ, ни опаснымъ вести переговоры съ Россіей. Названныя державы неоднократно уже вели ихъ въ подобныхъ же условіяхъ. Во время Балканской войны оба государства были мобилизированы въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и, тѣмъ не менѣе, начали переговоры, увѣнчавшіеся успѣхомъ. Но Германія, жизненные интересы которой не были затронуты, а участіе въ конфликтѣ ограничивалось роллю союзницы, сочла своимъ долгомъ защищать Австрію въ большей даже мѣрѣ, чѣмъ та считала необходимымъ, и потребовала демобилизаціи, о чемъ двуединая монархія и не помышляла.

Требованіе Германіи не лишено извѣстнаго комизма. Предположимъ, что Россія—въ теоріи это допустимо—согласилась бы прекратить мобилизацію противъ Германіи, отказавшись, однако, прекратить таковую противъ Австріи. Тогда, въ виду отклоненія части германскихъ требованій, Германія объявила бы Россіи войну за то, что послѣдняя отказалась прекратить мобилизацію противъ союзницы Германіи. Однако, чертъ возьми, сама Австрія этого не требовала!

Вотъ какія лица правятъ нами, германцами! Долго-ли германскій народъ будетъ терпѣть подобное положеніе вещей?

Затѣмъ, является ли мобилизація, сама по себѣ, такимъ угрожающимъ или враждебнымъ дѣйствіемъ, которое сосѣднее государство имѣло-бы право остановить посылкой ультиматума? Нисколько. Мобилизація—только подготовка военныхъ силъ на случай конфликта съ другимъ государствомъ. Это—мѣра предосторожности и благоразумія, которой могутъ придать характеръ угрозы только одновременныя, или предшествовавшія ей политическія мѣры мобилизованнаго государства. Какія же политическія мѣры, принятыя въ Россіи, позволяли подозрѣвать, что ея мобилизація преслѣдуетъ агрессивныя цѣли? Такихъ мѣръ не было. Нападала и начала конфликтъ Австрія, при поддержкѣ и съ

одобренія Германіи. Возвысивъ голосъ для защиты своихъ законных интересовъ на Балканахъ, Россія была въ положеніи обороны. Напа дающая сторона была вооружена, а потому Россія была вынужден подкрѣпить свою оборонительную политику мѣрами предосторож ности.

Таково было положеніе съ точки зрѣнія международнаго права Мы видѣли, что Россія, вмѣстѣ съ Франціей и Англіей, до дня обще мобилизаціи — и даже послѣ — всѣми силами старалась сохранит миръ, Германія же и Австрія сдѣлали все, чтобы его нарушить. Факт доказываютъ также, что русская мобилизація не являлась угрозо для Германіи ни въ теоріи, ни на практикѣ. Кромѣ того, какъ м уже видѣли, не было цѣли или интереса, изъ-за которыхъ Росс могла-бы желать войны съ Германіей или Австріей. Россія не могл только допустить, чтобы ея роль на Балканахъ была сведена н «нѣтъ» усиліями Австріи (Schutz, а не Trutz).

Что мобилизація сама по себѣ не является враждебнымъ актомъ было подтверждено даже однимъ изъ австрійскихъ дипломатовъ Помощникъ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графъ Форгачъ заявилъ 31 іюля англійскому послу Бунзену, «что мобилизацію н слѣдуетъ считать безусловно враждебнымъ актомъ какой-либо из сторонъ» (that mobilisation was not to be regarded as a necessaril hostile act on either side). [1])

Тѣмъ не менѣе, Германіи желательно было убѣдить всѣхъ, чт русская мобилизація—угроза какъ для Австріи, такъ и для Германіи Чѣмъ грозили Россіи, въ случаѣ отклоненія ею германскаго ульти матума? Мобилизаціей Германіи. 31 іюля канцлеръ телеграфировалъ графу Пурталесу: «Мѣры, принятыя Россіей, заставляютъ насъ, ради безопасности государства, заявить о возможности войны, что не означаетъ, однако, мобилизаціи. Но таковая послѣдуетъ, если... и т. д.». [2]) Пока это все еще логично, если допустить, что предъявленіе ультиматума было обосновано или необходимо (чего, въ сущности не было).

Сумасшествіе, если хотите, но не лишенное системы. Германія говоритъ Россіи: «Ты мобилизовалась. Если ты не прекратишь мобилизаціи, то я, въ свою очередь, приступлю къ таковой». Это именно то, что Царь предлагаетъ императору Вильгельму: обоюдная мобилизація, но безъ войны или желанія войны, и продолженіе переговоровъ для достиженія мирнаго соглашенія. Что это возможно,—не требуетъ

[1]) Синяя книга, № 118.

[2]) Бѣлая книга, прилож. 24.

доказательствъ: въ исторіи имѣются этому безчисленные примѣры. И въ данномъ случаѣ переговоры могли окончиться удачно, тѣмъ болѣе что никогда еще ставка не была такъ значительна, а потому заинтересованныя стороны должны были бы соблюдать крайнюю осторожность и спокойствіе.

Если бы Германія, въ соотвѣтствіи со сдѣланной Россіи угрозой, ограничилась мобилизаціей и предоставила Вѣнѣ и Петрограду продолжать переговоры, сулившіе удачный исходъ, если бы она выждала два дня—хотя бы и мобилизовавшись,—то Европа, несомнѣнно, не подверглась бы ужаснѣйшей катастрофѣ. Посолъ Бунзенъ писалъ англійскому правительству: «A few days delay might in all probability have saved Europe from one of the greatest calamities in history.» (Нѣсколько дней отсрочки могли бы, по всей вѣроятности, спасти Европу отъ одного изъ величайшихъ историческихъ бѣдствій). [1])

Мобилизація Германіи именно дала бы новый толчокъ переговорамъ, такъ какъ всѣ насъ, германцевъ, боялись. Никто еще не видалъ насъ во всеоружіи и никто не посмѣлъ бы помѣряться силами съ Германіей, готовой къ бою.

Возможность вести переговоры при наличности мобилизаціи подтверждается, независимо отъ многочисленныхъ историческихъ прецедентовъ, событіями первыхъ чиселъ августа 1914 г. Германія и Франція мобилизовались 1 августа; тѣмъ не менѣе, кайзеръ и канцлеръ, въ депешахъ, отправленныхъ въ Лондонъ 1 августа, изъявляютъ согласіе ждать до 7 ч. вечера 3 августа, не переходя французской границы. [2]) Фактически война была объявлена Франціи лишь съ этого момента, и обѣ державы были мобилизованы въ теченіе трехъ дней, не будучи въ положеніи воюющихъ.

Примѣръ подобнаго же рода, болѣе яркій, почти комическій, мы находимъ въ австро-русскихъ отношеніяхъ. Обѣ наиболѣе заинтересованныя державы мобилизовались 31 іюля,—войну же Австрія объявила только 6 августа. Послѣ начала русско-германской войны русскій и австрійскій послы еще долго оставались въ непріятельскихъ столицахъ и, быть можетъ, даже обсуждали различные вопросы. Во всякомъ случаѣ, мобилизація ихъ нисколько не стѣсняла. Подобнаго сумасшествія—тутъ я снова не нахожу иного выраженія и не вижу причинъ не называть вещей ихъ именемъ—вѣроятно еще не встрѣчалось въ исторіи дипломатіи. Дуэлянты еще не скрестили шпагъ, но

---

[1]) Синяя книга, стр. 83.

[2]) Der Kriegsausbruch 1914 (Начало войны 1914 года), стр. 59.

одинъ изъ секундантовъ уже напалъ на секунданта противника. Слѣдовательно, если бы Австрія и Россія успѣли столковаться между 1 и 6 августа—на это надѣялась вся Европа и это было бы вполнѣ возможно безъ провокаторскаго вмѣшательства Берлина,—то что подѣлала бы Германія, объявившая войну Россіи? Война эта напоминала бы борьбу Донъ-Кихота съ вѣтряными мельницами, была бы войной безъ всякаго реальнаго повода...

Отвѣтъ на ультиматумъ былъ данъ, повидимому, не русскимъ правительствомъ, а самимъ Царемъ въ телеграммѣ, посланной 1-го августа въ полдень и полученной въ Берлинѣ въ 2 часа дня [1]). Объ этой телеграммѣ уже упоминалось; въ ней Царь признаетъ законность германской мобилизаціи, но высказываетъ пожеланіе и надежду что войны не будетъ: «наша долголѣтняя испытанная дружба должна, съ Божьей помощью, предотвратить пролитіе крови».

Три часа спустя, германскій посолъ графъ Пурталесъ вручилъ въ Петроградѣ объявленіе войны.

Никогда еще въ исторіи міра не было совершено большаго преступленія, и никогда еще совершеніе его не отрицалось съ такимъ хладнокровіемъ и лицемѣріемъ.

«Русское правительство своею мобилизаціею, которая угрожала безопасности германской имперіи, вызвало провалъ обѣщавшихъ еще наканунѣ успѣхъ трудныхъ переговоровъ европейскихъ канцелярій Мобилизаціонныя мѣры, важность которыхъ вполнѣ сознавалась въ русскихъ дипломатическихъ кругахъ, а также повторныя отрицанія такой мобилизаціи, несомнѣнно доказываютъ, что Россія желала войны» (см. Бѣлую книгу, стр. 13).

Все это—неправда.

Своею мобилизаціею русское правительство не угрожало безопасности Германіи. Оно не помѣшало труднымъ дипломатическимъ переговорамъ.

Оно не отрицало принятыхъ мѣръ мобилизаціи.

Оно не хотѣло войны.

Германія сама виновна во всемъ, въ чемъ она упрекаетъ русское правительство.

Германія хотѣла войны и вызвала таковую своимъ ультиматумомъ и объявленіемъ войны.

---

[1]) Бѣлая книга, стр. 13.

Это объявленіе войны—курьезный документъ, какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Мы уже видѣли, что слѣдуетъ думать о «посредничествѣ» Германіи, о «большой и серьезной опасности» со стороны Россіи. Содержаніе документа не заслуживало бы особаго изученія, если бы не слѣдовало отмѣтить факта, еще совершенно неизвѣстнаго въ Германіи. Основная часть документа была составлена (прямо невѣроятный фактъ!) въ двухъ разныхъ редакціяхъ, точно Германія желала предоставить выборъ между ними самой Россіи, недвусмысленно признаваясь въ то же время, что Германія, въ сущности, не знаетъ, почему именно объявляетъ войну. Въ Бѣлой книгѣ объявленіе войны изложено въ такой редакціи: «Россія, отказавшись исполнить это требованіе и проявивъ этимъ отказомъ и т. д.». Между тѣмъ, текстъ объявленія, посланнаго въ Петроградъ, былъ редактированъ слѣдующимъ образомъ: «Россія, отказавшись исполнить (не считая себя обязанной отвѣтить на это требованіе и проявивъ своимъ отказомъ, своимъ поведеніемъ), что ея дѣйствія и т. п.». Изъ этого усматривается, съ какимъ трудомъ, въ лѣтнее время, приходится работать на Вильгельмштрассе, чтобы редактировать объявленіе войны въ благозвучной формѣ. Не знали, упрекать-ли Россію въ томъ, что она просто отвергла ультиматумъ, или же въ томъ, что она игнорировала таковой. Сомнѣвались, какъ назвать чудище, производимое на свѣтъ. Поэтому предоставили самому получателю дать чудищу наименованіе.

Почему объявили войну Россіи? Согласно тексту декларацiи—потому, что она отклонила или игнорировала требованія ультиматума. Согласно же Бѣлой книгѣ, выходитъ иначе: Россія будто бы начала противъ насъ враждебныя дѣйствія[1]). Эти слова слѣдуетъ запомнить, такъ какъ утверждали, что Россія и Франція на насъ напали, и на этомъ былъ построенъ весь карточный замокъ германскаго энтузіазма. «Господа,—воскликнулъ канцлеръ 4 августа,—теперь мы вынуждены защищаться, а нужда не знаетъ законовъ». Ссылкой на «нужду» канцлеръ оправдываетъ не только войну съ нашими противниками, но и нарушеніе нейтралитета Бельгіи и Люксембурга. «Когда находишься въ такой опасности, какой подвергаемся мы, когда сражаешься за свои самыя драгоцѣнныя блага, думаешь только, какъ проложить себѣ дорогу мечомъ» [2]).

---

[1]) Бѣлая книга, стр. 14.

[2]) См. книгу «Der Kriegsausbruch 1914» (Начало войны въ 1914 году), стр. 11.

Итакъ, данъ лозунгъ: опасность и оборона. Конечно, разбойникъ на большой дорогѣ также въ нѣкоторомъ смыслѣ находится въ опасности и въ положеніи обороны, когда, напавъ на одинокаго путешественника, видитъ, что хорошо вооруженные люди спѣшатъ послѣднему на помощь. Разбойникъ также борется за свою свободу и существованіе, на жизнь и на смерть. Въ этомъ именно смыслѣ и Германія находилась въ положеніи обороны. Но она не попала бы въ это критическое положеніе, если бы не напала первой. Чтобы отдѣлаться отъ этого неудобнаго факта и создать «ad usum populi» (въ представленіи простонародья) видимость дѣйствительной самообороны, Германія ссылается, кромѣ угрозы ей русской мобилизаціей—которую она сама считаетъ недостаточной причиной,—еще на нѣсколько подходящихъ для такой цѣли обстоятельствъ.

Германія утверждаетъ, что, какъ Россія, такъ и Франція, обѣ начали враждебныя дѣйствія. [1])

Какимъ же образомъ начала Россія враждебныя дѣйствія? Въ Бѣлой книгѣ упоминается лишь объ одномъ фактѣ: «русскія войска уже въ полуденные часы 1 августа перешли границу» и проникли «на германскую территорію». Замѣтьте: уже въ полуденные часы 1 августа! Но развѣ мы сами, въ тотъ же день, въ 5 часовъ пополудни, не вручили въ Петроградѣ декларацію съ объявленіемъ войны? Не были ли Россія и Германія въ положеніи войны съ 5 часовъ пополудни? [2])

Въ виду этого, не имѣли ли русскія войска право перейти границу послѣ 5 часовъ пополудни? Если г. канцлеръ желалъ «поддѣлать» нападеніе, противорѣчащее международнымъ законамъ, то къ словамъ: «послѣ полудня 1 августа» ему слѣдовало бы благоразумно прибавить слова: до 5 часовъ. Въ этомъ, но только въ этомъ случаѣ, былъ бы установленъ фактъ нападенія, и Германія, слѣдовательно, находилась бы въ положеніи законной обороны. Однако, если событіе произошло уже послѣ объявленія войны, то его нельзя считать нападеніемъ, а лишь естественнымъ и законнымъ послѣдствіемъ «положенія при наличности войны», объявленной нами.

Значитъ, и въ данномъ случаѣ заявленія канцлера опровергаются его же письменными документами. Если бы даже онъ говорилъ правду (что не доказано), то все же онъ не долженъ былъ придти къ вышеуказанному выводу: карточный замокъ «положенія обороны» положительно разваливается.

---

[1]) Бѣлая книга, стр. 14.

[2]) Бѣлая книга, Прилож 26.

Я не разбираю вопроса, можно ли считать подобные пограничные конфликты преднамѣреннымъ нападеніемъ со стороны сосѣдняго государства. Конечно, нельзя. Опытъ доказалъ, что, когда двѣ арміи стоятъ другъ противъ друга, или же когда между двумя государствами начинаются осложненія, — хотя бы даже въ мирное время и безъ всякой мобилизаціи—то нарушеніе границъ, стычки между авангардами являются обычнымъ и неизбѣжнымъ дѣломъ. Никто за это не обвиняетъ ни ту или другую изъ державъ, ни даже военачальниковъ. Инциденты эти всегда вызываются солдатами, дѣйствующими безъ приказаній своихъ начальниковъ,—часто даже вопреки ихъ распоряженіямъ. Но впервые изъ подобнаго инцидента дѣлается выводъ, что сосѣднее государство замышляло нападеніе, а также впервые на этомъ основаніи внушается населенію, что оно находится въ положеніи обороны. Но важнѣе всего, что, въ данномъ случаѣ, какъ мы уже отмѣтили, даже не было нарушенія границы, если русскія войска перешли таковую послѣ 5 часовъ пополудни 1-го августа.

Факты, при помощи которыхъ стараются и Францію представить нападающей стороною, столь же мало доказательны.

Объявленіе войны состоялось въ Парижѣ 3 августа, въ 6 часовъ 45 минутъ вечера. Въ германской декларацiи г. фонъ Шенъ указываетъ на «извѣстное число явно враждебныхъ дѣйствій, совершенныхъ на германской территоріи французскими военными летчиками. Нѣкоторые изъ нихъ явно нарушили нейтралитетъ Бельгіи, летая надъ территоріей этой страны; одинъ изъ нихъ пытался разрушить постройки близъ Везеля, другіе были замѣчены въ области Эйфеля, а одинъ бросилъ бомбы на полотно желѣзной дороги близъ Карлсруэ и Нюренберга» (Желтая книга, № 147).

Слѣдовательно, виновниками являются французскіе летчики, которые «явно» летали надъ Бельгіей. Германія не могла обвинять Францію въ томъ, что ея мобилизація оказалась для насъ, нѣмцевъ, угрозою, такъ какъ даже «Бѣлая книга» вынуждена признать, что Франція мобилизовалась одновременно съ нами. Пришлось, поэтому, ограничиться обвиненіемъ Франціи въ «фактическомъ нападеніи». Послѣднее, согласно нотѣ г. фонъ Шена, было совершено летчиками, которые, кромѣ того, летали надъ Бельгіей. Только «господа» съ Вильгельмштрассе могли бы пояснить, какъ установить, что летчикъ, бросавшій бомбы въ Нюренбергѣ, Карлсруэ или Везелѣ, леталъ надъ бельгійской территоріей. Но еще болѣе любопытно: «аэропланы» г. фонъ Шена превратились въ «дирижабли» въ мозгу г. фонъ Беловъ-Залѣсски (см. ноту, переданную 3 августа бельгій-

скому министру иностранныхъ дѣлъ [1]), а въ рѣчи германскаго канцлера отъ 4 августа превратились даже въ «кавалерійскіе патрули и роты, вторгшіеся на территорію Германіи!» [2]).

Что же произошло въ дѣйствительности? Послали ли французы аэропланы, какъ утверждаетъ г. фонъ-Шенъ, или же дирижабли, какъ говоритъ г. фонъ-Беловъ-Залѣсски, или же роты и кавалерійскіе патрули, какъ увѣряетъ г. фонъ-Бетманъ? Англійская пословица, которую любила повторять супруга императора Фридриха, гласитъ: «Лгунъ долженъ имѣть хорошую память». Германскіе дипломаты врутъ, но память у нихъ, къ сожалѣнію, коротка. Уже противорѣчія въ словахъ названныхъ трехъ дипломатовъ доказываютъ, что французскія «нападенія»—чистѣйшая выдумка. Въ дѣйствительности, напали германцы не только по объявленіи войны (это, хотя и предосудительно, но законно), но еще и нарушивъ неприкосновенность французской территоріи задолго до объявленія войны. Это доказывается не только французскими донесеніями, достовѣрность коихъ можно было бы оспаривать, но еще и германскими признаніями, конечно невольными. 30 іюля и 2 августа французское правительство протестовало въ Берлинѣ противъ нижеприведенныхъ фактовъ [3]): въ Делли, близъ Бельфора, германскіе солдаты два раза стрѣляли въ стоявшаго на посту солдата французской таможенной стражи; къ сѣверу отъ названнаго города, два патруля конныхъ егерей перешли границу и дошли до деревень Жоншери и де Баронъ; офицеръ, командовавшій первымъ патрулемъ, застрѣлилъ французскаго солдата, а его люди увели лошадей. 2 августа германскія войска вторглись на французскую территорію близъ Сирея и Лонгви, продвигаясь къ крѣпости Лонгви.

Вотъ, каковы нѣкоторыя изъ французскихъ жалобъ. Что въ этихъ обвиненіяхъ есть доля правды, усматривается изъ рѣчи канцлера отъ 4 августа. Г. фонъ-Бетманъ заявилъ, что, согласно донесенію главнаго штаба, патруль перешелъ границу и вступилъ въ бой [4]). Можно съ полнымъ основаніемъ думать, что произошли и другія нарушенія территоріи, «вопреки формальному приказанію», какъ говоритъ г. фонъ-Бетманъ. Подозрѣнія превращаются въ увѣренность при чтеніи телеграммы кайзера, отправленной 1 августа королю

---

[1]) Бельгійская «Сѣрая книга», № 21.

[2]) Der «Kriegsausbruch 1914» (Начало войны 1914 года), стр. XI.

[3]) Желтая книга, №№ 106, 136, 139.

[4]) См. «Der Kriegsausbruch 1914» (Начало войны). См. рѣчь канцлера въ прил. къ наст. книгѣ, стр. XI.

Георгу [1]): «Надѣюсь, что Франція не станетъ нервничать. Моимъ пограничнымъ войскамъ въ настоящій моментъ приказано, по телеграфу, не переходить французской границы». Телеграмма эта доказываетъ:

1. Что Франція до 1 августа вовсе не проявляла нервности.

2. Что германскія войска перешли бы границу 1 августа, т. е. за два дня до объявленія войны, если бы не были остановлены приказами по телеграфу и по телефону.

Приказы эти послѣдовали въ силу того, что еще продолжались послѣдніе переговоры съ Англіей. Не будь этого, германскія войска вторглись бы во Францію на 48 часовъ ранѣе объявленія войны.

Что же остается отъ увѣреній канцлера, якобы Франція нарушила миръ и совершила нападеніе на Германію? Увѣреніямъ этимъ нельзя вѣрить. Факты, на которыхъ эти увѣренія основаны, въ трехъ случаяхъ противорѣчатъ другъ другу и не доказаны. Между тѣмъ, обвиненіе, выставленное Франціею, согласно которому нападающей стороной являемся мы, не содержитъ никакихъ противорѣчій и даетъ точныя указанія относительно времени, мѣста и обстоятельствъ нападенія. Кромѣ того, генеральный штабъ признаетъ одинъ случай нарушенія неприкосновенности французской территоріи, а телеграмма кайзера заставляетъ предполагать, что подобное же, но только «массовое» нарушеніе могло бы произойти.

Съ другой стороны, французское правительство все время рѣшительно опровергало предъявляемыя ему обвиненія, и, образовавъ пограничную нейтральную зону въ 10 километровъ, доказало этимъ свое непреклонное желаніе избѣгнуть всякаго нарушенія границы.

По моему мнѣнію, безпристрастное разслѣдованіе можетъ привести только къ оправданію Франціи и обвиненію Германіи, особенно, если принять во вниманіе предыдущій ходъ дипломатическихъ переговоровъ и поведеніе обѣихъ сторонъ. Не кажется ли, что Германія вдохновилась принципомъ Бернгарди: подтасовать карты и провоцировать противниковъ, дабы послѣдніе были вынуждены объявить войну? Поступая такимъ образомъ, Германія надѣялась обвинить противниковъ и создать «casus foederis», который заставилъ бы Италію выступить въ пользу Германіи.

Какъ бы то ни было, утвержденіе, будто Франція на насъ напала, и что мы были вынуждены обороняться,—несомнѣнная выдумка,

---

[1]) См. «Der Kriegsausbruch 1914» (Начало войны), стр. LIX.

какъ и утвержденіе о нападеніи русскихъ. Никто на насъ не нападалъ, никто не заставлялъ обороняться. Нынѣшняя война — лишь мнимо-освободительная.

То, что произошло послѣ возникновенія войны съ Россіей и Франціей, не имѣетъ никакого отношенія къ основному вопросу: «кто отвѣтственъ за возникновеніе европейской войны?» Европейская война началась съ того момента, когда Германія и Австрія—съ одной стороны, а Франція и Россія—съ другой, стали другъ противъ друга и заставили пушки заговорить. Нельзя искать доказательствъ виновности въ фактахъ, происшедшихъ послѣ содѣяннаго. Но виновность можетъ увеличиться, если къ содѣянному прибавятся еще другія дѣйствія. И, чѣмъ большія послѣдствія будутъ имѣть эти новыя дѣйствія, тѣмъ болѣе увеличится и усугубится отвѣтственность.

Нарушеніе бельгійскаго нейтралитета и участіе Англіи въ войнѣ.

4 августа, утромъ, Германія вступила на бельгійскую территорію, предварительно потребовавъ, ультиматумомъ отъ 2 августа, свободнаго пропуска своихъ войскъ черезъ эту нейтральную страну, на что получила отрицательный отвѣтъ.

Нейтралитетъ Бельгіи былъ установленъ Лондонскимъ трактатомъ 1839 года и гарантированъ на вѣчныя времена Англіей, Франціей, Австріей, Пруссіей и Россіей. Въ ст. 7 трактата говорится, что Бельгія—государство независимое и на вѣчныя времена нейтральное, которое должно заставлять всѣ другія государства уважать ея нейтралитетъ. Первая и естественная обязанность нейтральнаго государства: не разрѣшать воюющимъ прохода черезъ свою территорію. Этотъ принципъ международнаго права былъ подтвержденъ мирнымъ конгрессомъ въ Гаагѣ въ 1907 году и признанъ всѣми державами. Ст. 5 Гаагской конвенціи, въ которой говорится о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ государствъ, гласитъ: «Нейтральное государство не должно допускать на своей территоріи никакихъ дѣйствій, предусмотрѣнныхъ статьями 2 и 4.» Ст. 2 гласитъ: «Воспрещается воюющимъ провозить по территоріи нейтральнаго государства войска или обозы съ аммуниціей или провіантомъ.» Наконецъ, въ ст. 10 говорится: «Не можетъ считаться враждебнымъ актомъ, если нейтральная держава даже силой противится нарушенію своего нейтралитета.»

Таковы принципы международнаго права. Г. фонъ-Бетманъ пытается уклониться отъ обусловленныхъ ими обязанностей, выдвигая доводъ о необходимой защитѣ, какъ онъ это уже сдѣлалъ по отношенію къ Франціи и Россіи.

Я полагаю, что уже доказалъ отсутствіе такой необходимости въ отношеніи Россіи и Франціи, выяснивъ, что это—германская выдумка. Если же это такъ, то не могло возникнуть подобной необходимости и въ отношеніи Бельгіи: вѣдь не утверждаютъ же, что послѣдняя напала на насъ, германцевъ, при помощи аэроплановъ, пѣхоты или кавалеріи? Необходимая защита по отношенію къ Бельгіи существуетъ или исчезаетъ одновременно съ таковой по отношенію къ поименованнымъ выше державамъ. Въ виду сего, ее также приходится отвергнуть, какъ фактически необоснованную.

Однако, если бы даже Германія была вынуждена защищаться отъ нападенія Франціи и Россіи, то это нисколько не уменьшило бы зла, причиненнаго германцами Бельгіи. Необходимость защищаться противъ враговъ оправдывала бы оборону вообще, но не оборону путемъ нарушенія правъ (нейтралитета) третьяго лица.

Германское уголовное уложеніе такъ опредѣляетъ законную самооборону: «Оборона, необходимая для защиты себя или другого лица отъ незаконнаго нападенія». Выходящій изъ рамокъ законной самообороны не будетъ наказанъ, если онъ это сдѣлалъ вслѣдствіе «растерянности, боязни или страха». Это—единственное опредѣленіе, имѣющееся въ нашихъ, германскихъ, законахъ и согласное, къ тому же, съ требованіями логики. Поэтому мы позволимъ себѣ, въ соотвѣтствіи съ нимъ, судить о поступкахъ, за которые несетъ отвѣтственность германскій канцлеръ. Допустимъ, что Германія находилась въ положеніи законной самообороны: она имѣла право прибѣгать къ мѣрамъ, которыя были безусловно необходимы для обороны, но не къ тѣмъ, которыя были для нея только удобны или полезны. Ни въ коемъ случаѣ не было необходимости проходить черезъ бельгійскую территорію, такъ какъ въ распоряженіи германской арміи была вся французская граница, отъ Вердена до Бельфора. Конечно, удобнѣе и легче было бы обойти эту сильно укрѣпленную линію и проникнуть во Францію съ сѣвера. Но польза и удобство не принимаются во вниманіе при опредѣленіи рамокъ законной самообороны: требуется «необходимость». Если допустить, что мы вышли за предѣлы этихъ рамокъ вслѣдствіе растерянности, боязни или страха, то намъ можно это простить. Однако, мы, нѣмцы, какъ мнѣ кажется, боимся

Бога, но не боимся французовъ, а поэтому у насъ нѣтъ и этого оправданія.

Другой доводъ, уже приведенный, также ведетъ къ нашему осужденію: законная самооборона не оправдываетъ нарушенія правъ третьяго лица. Законная оборона по отношенію къ Франціи нисколько не оправдывала нарушенія правъ Бельгіи.

Съ какой точки зрѣнія ни смотрѣть на наше положеніе, мы не правы по закону. Съ политической точки зрѣнія положеніе наше еще менѣе выгодно. Каковъ смыслъ и цѣль нейтрализаціи маленькаго государства, которое Провидѣніе помѣстило между двумя великими державами и превратило въ естественное поле битвы въ случаѣ войны между послѣдними? Очевидная цѣль — охранить это государство во время войны, такъ какъ во время мира оно не нуждается въ охранѣ. Между тѣмъ, если всякая сосѣдняя страна, подъ предлогомъ необходимой обороны (въ общемъ смыслѣ, но не въ юридическомъ, всякая война вызвана необходимостью), можетъ вторгнуться въ нейтральную страну, то декларація о нейтралитетѣ лишена всякой цѣли и является, въ сущности, только «scrap of paper» (клочкомъ бумаги), какъ сказалъ г. фонъ-Бетманъ сэру Гошену. Принципъ «нужда не-знаетъ законовъ» можетъ служить для оправданія любого преступленія. Но нейтралитетъ провозглашается именно для подчиненія необходимости закону. Декларація о нейтралитетѣ стремится замѣнить общежитейское ходячее изреченіе: «сила выше права» противоположнымъ ему по смыслу «право выше силы».

Были, правда, попытки оправдать нарушеніе нейтралитета двумя доводами: 1) Франція, дескать, проникла бы въ Бельгію, не опереди мы сами французовъ, и 2) Бельгія давно уже заключила съ Франціей и Англіей военныя соглашенія, направленныя противъ Германіи.

Эти два возраженія не выдерживаютъ критики. Намѣреніе Франціи вступить въ Бельгію вовсе не доказано.

31 іюля сэръ Грей, въ двухъ запросахъ, одинаково редактированныхъ, запросилъ Германію и Францію, будутъ ли онѣ, въ случаѣ войны, соблюдать найтралитетъ Бельгіи до тѣхъ поръ, пока другая держава не нарушитъ его [1]). Отвѣтъ Франціи послѣдовалъ быстро и въ недающемъ повода къ сомнѣніямъ положительномъ смыслѣ [2]).

---

[1]) Синяя книга, № 114.

[2]) Синяя книга, № 125.

Отвѣтъ же фонъ-Ягова, напротивъ, представлялъ собою одну изъ тѣхъ многочисленныхъ и пустыхъ отговорокъ, къ которымъ этому злосчастному человѣку приходилось прибѣгать, по приказанію свыше, въ теченіе всего послѣдняго кризиса: прежде, чѣмъ дать отвѣтъ, онъ, дескать, долженъ переговорить съ кайзеромъ и канцлеромъ; впрочемъ, сомнительно, чтобы они дали отвѣтъ, ибо таковой можетъ раскрыть часть плана кампаніи въ случаѣ войны [1]). Фонъ-Яговъ не преминулъ намекнуть тогда же на какой-то враждебный поступокъ Бельгіи, которая, будто бы, конфисковала хлѣбный грузъ, предназначенный для Германіи; эту мѣру бельгійское правительство называетъ въ своей Сѣрой книгѣ совершенно корректной [2]).

Сдѣланный раньше времени намекъ фонъ-Ягова на враждебное поведеніе Бельгіи былъ лишь прелюдіей кампаніи, которая впослѣдствіи велась систематически. Она достигла своей кульминаціонной точки въ заявленіи германскаго канцлера, что нарушенія нейтралитета Бельгіи не было потому, что послѣдняя еще раньше, до вступленія германскихъ войскъ на ея территорію, сама нарушила свой нейтралитетъ, заключивъ военныя соглашенія съ Франціей и Англіей. Эта обвинительная кампанія началась послѣ завоеванія Бельгіи и съ ожесточеніемъ продолжается до настоящаго времени.

На чемъ же основано это обвиненіе? Прежде всего, поражаетъ то, что канцлеръ, произнося свою рѣчь 4 августа, не имѣлъ и понятія о томъ, что Бельгія уже «продала свою душу». Въ этотъ день онъ мотивировалъ нарушеніе бельгійскаго нейтралитета предполагавшимся вторженіемъ въ Бельгію французовъ и не бросилъ даже тѣни упрека по адресу Бельгіи. Канцлеръ, напротивъ, открыто заявилъ, что вступленіе въ Бельгію нѣмцевъ было неправильнымъ поступкомъ, который Германія постарается исправить впослѣдствіи. Если факты, на которые ссылаются нынѣ въ Германіи, вѣрны, то не удивительно ли, что нашъ представитель въ Брюсселѣ совершенно не обратилъ на нихъ вниманія? У него должно было явиться хотя бы подозрѣніе, которое черезъ посольство было бы передано въ Берлинъ. Если бы это случилось, то канцлеръ не преминулъ бы уже 4 августа сослаться на столь цѣнный аргументъ, чтобы оправдать нарушеніе бельгійскаго нейтралитета: онъ и такъ не скупился на увѣренія, ни на чемъ не основанныя, и былъ бы счастливъ привести хотя бы одинъ основательный аргументъ.

---

[1]) Синяя книга, № 122.

[2]) Бельгійская Сѣрая книга, стр. 54

Итакъ, можно вполнѣ допустить, что въ Берлинѣ ничего не знали объ этихъ предательскихъ соглашеніяхъ. Пришлось, послѣ взятія Брюсселя, перерыть бельгійскіе архивы, чтобы открыть коварство бельгійцевъ. Это открытіе дало возможность «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» опубликовать нѣсколько документовъ, взятыхъ изъ архивовъ бельгійскаго штаба, которые, по мнѣнію германскаго правительства, доказываютъ существованіе плана кампаніи, выработаннаго Бельгіею и Англіею и направленнаго противъ Германіи. Если опубликованные документы подлинные и не сокращены (что еще требуется доказать), то изъ нихъ видно, что, дѣйствительно, между бельгійскими офицерами и англійскими военными атташе происходили какіе-то разговоры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, эти документы доказываютъ, что совмѣстныя дѣйствія должны были начаться только въ томъ случаѣ, если бы Германія нарушила бельгійскій нейтралитетъ. Немного подозрительно, что «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» приводитъ не полный текстъ документовъ, а только выдержки изъ нихъ. Но даже такими «обработанными» документами не удалось скрыть, что высадка англійскихъ войскъ должна была произойти лишь послѣ нарушенія нейтралитета Бельгіи нѣмцами. Этотъ фактъ, важный для исторіи вопроса, неопровержимо устанавливается оффиціальной бельгійской нотой отъ 9 декабря 1914 г. [1]). Здѣсь, слѣдовательно, повторяютъ уловку, къ которой прибѣгли, чтобы дискредитировать переговоры по военнымъ вопросамъ между Англіей и Франціей: переговоры, начатые на случай нападенія со стороны Германіи, были названы «заговоромъ съ цѣлью совмѣстнаго нападенія»; планамъ въ цѣляхъ обороны было придано значеніе плановъ для наступленія. Германія, замыслы которой были всѣмъ извѣстны и вызывали вездѣ опасенія, представляется невинной жертвой гнусныхъ намѣреній сосѣдей; въ дѣйствительности же, эти сосѣди принимали лишь мѣры предосторожности, чтобы не сдѣлаться жертвами агрессивной политики Германіи. [2])

---

[1]) Эта нота, которую германская печать обошла молчаніемъ, была воспроизведена всею иностранною печатью. Документъ отъ 10 апрѣля 1906 г., якобы столь подозрительный, опубликованный въ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», вполнѣ согласуется съ этой нотой. Въ немъ, между прочимъ, содержится слѣдующее важное замѣчаніе: вступленіе англичанъ въ Бельгію послѣдуетъ лишь послѣ нарушенія нашего нейтралитета Германіей. Этимъ опровергаются всѣ обвиненія Бельгіи въ заговорѣ, совмѣстно съ Англіей, противъ Германіи.

[2]) Голландское агентство Van Diaz опубликовало 17 ноября 1914 г. текстъ рѣчи, произнесенной бельгійскимъ военнымъ министромъ Броквилемъ въ 1913 г.

Но почему же Бельгія не вела аналогичныхъ переговоровъ съ Германіей на случай нападенія Франціи? Отвѣтъ очень простъ: въ Бельгіи были увѣрены, что ей нечего бояться нападенія со стороны Франціи. Опытъ доказалъ, что она не ошиблась и правильно оцѣнила Германію и Францію.

Англійское министерство иностранныхъ дѣлъ опубликовало письмо сэра Эдуарда Грея отъ 7 апрѣля 1913 г., адресованное англійскому посланнику въ Брюсселѣ, гдѣ Грей отвергаетъ даже мысль о намѣреніи Англіи нарушить нейтралитетъ Бельгіи. «Ни одно англійское министерство не сдѣлало бы этого, а англійское общественное мнѣніе никогда не одобрило бы такого шага. Нарушеніе бельгійскаго нейтралитета Англіей было бы не только нелегальнымъ актомъ, но и безуміемъ, потому что подстрекнуло бы Германію на аналогичный поступокъ и дало бы ей при этомъ возможность оправдаться въ немъ. Пока нейтралитетъ Бельгіи или другой нейтральной страны будетъ уважаться другими, Англія ни въ коемъ случаѣ не пошлетъ своихъ войскъ въ эти страны.» Письмо это было написано за 15 мѣсяцевъ до войны. Оно не было составлено со спеціальною цѣлью освѣтить съ выгодной стороны поведеніе Англіи въ нынѣшнемъ конфликтѣ; слѣдовательно, этому письму можно вполнѣ вѣрить, да и послѣднія событія подтверждаютъ все сказанное въ немъ[1]).

Германскій ультиматумъ былъ переданъ бельгійскому министерству иностранныхъ дѣлъ 2 августа, въ 7 час. вечера. 3 августа утромъ французское правительство предложило бельгійскому, черезъ своего военнаго атташе, поддержку изъ 5 армейскихъ корпусовъ. Однако, Бельгія отказалась отъ этой помощи [2]), хотя отвергла требованія германскаго ультиматума и съ минуты на минуту ожидала вторженія германскихъ войскъ на свою территорію. Въ бельгійскомъ отвѣтѣ Германіи содержится мѣсто, заслуживающее особаго вниманія. Германское правительство мотивировало свое требованіе свободнаго прохода для войскъ существовавшимъ, якобы, у Франціи намѣреніемъ выступить противъ Германіи, направляясь черезъ Бельгію. Бельгійское правительство энергично отвергло это предположеніе и при этомъ добавило:

на секретномъ засѣданіи одной изъ комиссій бельгійской палаты, гдѣ онъ разоблачалъ, со всѣми подробностями, германскій планъ вторженія въ Бельгію. Министръ этимъ оправдывалъ предлагавшіяся имъ новыя военныя мѣропріятія.

[1]) Относительно событій, касающихся Бельгіи, см. подробное научное и объективное изложеніе въ книгѣ члена королевской бельгійской Академіи, Эмиля Ваксвейлера, «La Belgique neutre et loyale.»

[2]) Синяя книга, № 151, Желтая книга, № 142.

«Намѣренія, приписываемыя Франціи, противорѣчатъ формальнымъ заявленіямъ, сдѣланнымъ намъ 1 августа отъ имени Французской Республики».

«Впрочемъ, если, вопреки нашимъ ожиданіямъ, со стороны Франціи послѣдуетъ нарушеніе нашего нейтралитета, то Бельгія исполнитъ всѣ свои международныя обязательства, и ея армія окажетъ вторгнувшимся самое сильное сопротивленіе». (Сѣрая книга, стр. 22).

Такимъ образомъ, Бельгія заявила о своемъ рѣшеніи защищать свой нейтралитетъ противъ Франціи такъ же энергично, какъ и противъ Германіи; но, послѣ формальныхъ заявленій Франціи, она считала нападеніе со стороны послѣдней совершенно немыслимымъ. Можно ли изъ этого вывести заключеніе о существованіи между ними секретнаго соглашенія? Скажемъ больше. 3 августа король Альбертъ послалъ королю Георгу телеграмму, въ которой просилъ его дипломатическаго (не военнаго) вмѣшательства [1]). Можно ли изъ этого вывести заключеніе о существованіи секретнаго военнаго договора? Наконецъ, 4 августа, англійскій посланникъ сэръ Френсисъ Вилье передалъ бельгійскому министру Давиньону ноту, въ которой Англія изъявляетъ свою готовность, въ случаѣ нападенія Германіи, притти совмѣстно съ Франціей и Россіей на помощь Бельгіи, «если послѣдняя этого пожелаетъ» [2]).

Если Бельгія этого пожелаетъ! Фактомъ такой оговорки Англія показала, что не собирается осуществить даже всѣ свои международныя права и обязанности. Дѣйствительно, международное право признаетъ (Bluntschli, Völkerrecht, стр. VI №№ 432 и 440),—а простая логика это подтверждаетъ,—что, при наличности коллективной гарантіи, каждое государство - гарантъ можетъ, по собственному почину, взять подъ свое покровительство нейтральную страну, если ея нейтралитетъ нарушенъ другой державой; на каждомъ изъ государствъ - гарантовъ лежитъ передъ другими гарантирующими державами даже обязанность это сдѣлать. Поэтому Англія могла, не ожидая просьбы со стороны Бельгіи, вмѣшаться съ оружіемъ въ рукахъ въ защиту нарушеннаго нейтралитета. Обусловливая свое вмѣшательство просьбой Бельгіи, Англія проявила осторожность, къ которой ничто ея не обязывало, и неопровержимо доказала, что между нею и Бельгіею никакого военнаго соглашенія не существовало.

---

[1]) Сѣрая бельгійская книга, № 25.

[2]) Сѣрая бельгійская книга, № 28.

Только 5 августа бельгійское правительство обратилось къ великимъ державамъ съ формальной просьбой, которая побудила послѣднія вмѣшаться [1]).

Все это доказываетъ шаткость германскаго обвиненія. Но, будь оно даже вполнѣ обоснованнымъ, оно нисколько не оправдывало бы Германіи. Способы, къ которымъ прибѣгаетъ послѣдняя, чтобы защитить себя, напоминаютъ разбойника, который пытается оправдать свой поступокъ заявленіемъ, что жертва его—подлый человѣкъ; онъ, дескать, укралъ у разбойника то, что послѣдній награбилъ. Если бы разбойникъ зналъ до совершенія преступленія, что его жертва—нехорошій человѣкъ, то, можетъ быть, за разбойникомъ признали бы право, если не на безнаказанность, то на смягчающія вину обстоятельства. Но разъ онъ узналъ о качествахъ своей жертвы лишь послѣ совершенія преступленія, то характеръ послѣдняго, съ точки зрѣнія нравственности, не мѣняется, будь жертва—ангелъ или дьяволъ. Германія вторглась въ нейтральную страну, а потомъ уже, якобы, узнала, что эта страна уже не была вполнѣ нейтральной: за Германіей, на этомъ основаніи, нельзя признать права на смягчающія вину обстоятельства.

Вотъ какъ поставленъ вопросъ, если разсматривать его съ точки зрѣнія требованій нравственности. Теперь перейдемъ къ практической сторонѣ вопроса. Допустимъ, что Бельгія, въ отношеніи своихъ обязанностей нейтральной державы, была чиста, какъ ангелъ, что она не пускалась съ сосѣдями ни въ какіе переговоры относительно военной обороны. Развѣ мы, германцы, всетаки, не вторгнулись бы въ ея предѣлы? Развѣ мы оставили бы неиспользованными планы нашего главнаго штаба, которые были составлены уже много лѣтъ тому назадъ, и развѣ стали бы мы осаждать неприступную укрѣпленную линію Бельфоръ—Верденъ? Никто не осмѣлится этого утверждать. Всѣ деклараціи и заявленія о преступленіяхъ Бельгіи, слѣдовательно, лишь пустая трата бумаги и чернилъ. Мы рѣшили пройти черезъ Бельгію, добромъ или силою, какъ бы она ни вела себя по отношенію къ намъ. Вотъ въ чемъ вся суть. Ничто не сниметъ съ насъ этого обвиненія, и, чѣмъ больше мы, послѣ совершенія преступленія, будемъ чернить свою жертву, тѣмъ суровѣе будетъ судъ всего міра надъ нами.

Повидимому, въ Германіи еще не имѣютъ яснаго представленія о томъ, какое впечатлѣніе произвело и еще производитъ на обще-

---

[1]) Сѣрая книга Бельгіи, № 42.

ственное мнѣніе всего міра наше поведеніе по отношенію къ Бельгіи. Чтобы видѣть это и отдать себѣ отчетъ въ этомъ впечатлѣніи, нужно жить за-границей. Въ нейтральныхъ странахъ оно еще сильнѣе, чѣмъ у нашихъ враговъ; особенно, мелкія государства, граничащія съ большими странами, напр., Швейцарія, Голландія и Данія, чувствуютъ, что ихъ могла постигнуть или, можетъ быть, еще постигнетъ судьба несчастной Бельгіи. Въ крупныхъ нейтральныхъ государствахъ во всѣхъ слояхъ населенія проявляется глубокая жалость, когда приходится читать въ газетахъ объ опустошеніи, произведенномъ въ этой цвѣтущей маленькой странѣ, о разореніи старинныхъ городовъ, полныхъ произведеній искусства, центровъ промышленности, съ ихъ трудовымъ населеніемъ; или когда въ иллюстрированныхъ журналахъ появляются ужасныя картины пожаровъ, разрушенія и нужды, дымящихся городовъ и селеній, изображенія семействъ, голодныхъ и нуждающихся, просящихъ хлѣба у нѣмецкихъ солдатъ. Ни въ чемъ неповинная страна стала жертвою варваровъ. Вотъ какое сужденіе высказываетъ по этому поводу весь міръ, и люди еще болѣе раздражаются, когда виновники этой катастрофы пытаются оправдаться указаніемъ на какіе-то переговоры бельгійскаго офицера съ англійскимъ военнымъ атташе по вопросу объ оборонѣ страны въ случаѣ нашествія нѣмцевъ.

Къ жалости примѣшивается также восторженное преклоненіе передъ героическимъ маленькимъ народомъ, который съ оружіемъ въ рукахъ храбро защищалъ свою честь и независимость противъ нашествія превосходнаго по числу врага. «Бельгія, — говорится въ бельгійскомъ отвѣтѣ на германскій ультиматумъ,—всегда добросовѣстно исполняла свои международныя обязательства. Она исполнила ихъ лойяльно и безпристрастно; она сдѣлала все, что могла, чтобы сохранить и заставить уважать свой нейтралитетъ.»

«Покушеніе на ея независимость, которымъ ей угрожаетъ германское правительство, будетъ явнымъ нарушеніемъ права. Никакія стратегическія соображенія не оправдываютъ нарушенія права.»

«Согласившись на сдѣланныя ему предложенія, бельгійское правительство пожертвовало бы честью націи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нарушило бы свои обязанности передъ Европою.»

«Сознавая роль, которую Бельгія играетъ уже болѣе 80 лѣтъ въ исторіи цивилизаціи міра, бельгійское правительство отказывается вѣрить, что независимость Бельгіи можетъ быть сохранена лишь цѣною нарушенія ея нейтралитета.»

«Если эта надежда окажется тщетной, то бельгійское правительство твердо рѣшило дать отпоръ всякому покушенію на свои права всѣми имѣющимися въ распоряженіи средствами.» [1])

Вотъ полныя благородства заявленія свободнаго народа въ защиту своей чести и своей независимости.

Въ Германіи тоже понимаютъ героизмъ, но лишь—когда онъ проявляется «въ другомъ направленіи». Когда швейцарское правительство сообщило дипломатическимъ канцеляріямъ воюющихъ державъ, въ день вторженія нѣмцевъ въ Бельгію, о своемъ рѣшеніи защитить всѣми средствами свой нейтралитетъ и неприкосновенность своей территоріи, германское правительство выразило въ своемъ отвѣтѣ полное удовлетвореніе и надежду, что швейцарскій союзъ, «благодаря своей сильной арміи и непоколебимой рѣшимости всего швейцарскаго народа, отразитъ всякую попытку, направленную противъ его нейтралитета». [2]) Рѣшеніе Бельгіи признано преступленіемъ, заслуживающимъ смертной казни потому, что было направлено противъ Германіи: рѣшеніе же Швейцаріи, напротивъ, оказалось актомъ, заслуживающимъ высшей похвалы, такъ какъ оно могло бы получить когда-либо осуществленіе лишь противъ Франціи!

Поведеніе бельгійской арміи и бельгійскаго народа вполнѣ соотвѣтствовало гордому заявленію, которымъ бельгійское правительство отклонило оскорбительныя претензіи Германіи.

Бельгійцы защищали свою страну и свои крѣпости съ непоколебимымъ мужествомъ, принося огромныя жертвы. До сихъ поръ еще они оказываютъ отчаянное сопротивленіе въ дальнемъ уголкѣ Фландріи, подъ руководствомъ короля нѣмецкой крови, женатаго на нѣмецкой принцессѣ, при чемъ оба подвергаются всѣмъ боевымъ опасностямъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что подобный героизмъ вызываетъ восторгъ и горячій энтузіазмъ во всемъ мірѣ. Это—истинная борьба за свободу и независимость, а не фальсификація ея, какъ въ этомъ хотятъ увѣрить германскій народъ при помощи лживыхъ сообщеній.

Что же случилось съ германскимъ народомъ, который, до своего нынѣшняго всеобщаго упадка, когда-то чутко реагировалъ на всѣ благородные и героическіе поступки, сильно восхищаясь ими? Вѣдь вдохновилъ же швейцарскій «вольный стрѣлокъ» Вильгельмъ Телль величайшаго нашего поэта написать лучшую изъ своихъ драмъ?

---

[1]) См. Сѣрую кн., стр. 22.

[2]) См. соч. Ваксвейлера, стр. 52.

Развѣ насъ не учили преклоняться передъ мужествомъ, проявляемымъ маленькими противъ большихъ, спартанцами противъ персовъ, населеніемъ Голландіи противъ Испаніи? Развѣ насъ не учили восхищаться мужествомъ голландцевъ, возстаніе которыхъ Шиллеръ описалъ съ такой глубокой симпатіей къ нимъ, а Гете обезсмертилъ въ «Эгмонтѣ». И какъ же мы, нѣмцы 1914 года, воспринимаемъ нынѣшнія событія, видя и испытывая на самихъ себѣ, но уже въ роли притѣснителей, такую же героическую борьбу того же воспѣтаго нашими поэтами народа? У насъ не находится для него ни слова жалости, ни слова восхищенія, вообще ни малѣйшаго признака пониманія. Напротивъ того, мы клевещемъ на него и оскорбляемъ, тщетно надѣясь оправдать такимъ путемъ свое преступленіе. Прочтите только воззваніе нѣмецкихъ интеллигентовъ къ цивилизованному міру! Рядомъ съ ложью о задуманномъ, будто бы, Бельгіею, Франціею и Англіею заговорѣ противъ насъ, въ этомъ воззваніи содержатся лишь описанія подвиговъ вольныхъ стрѣлковъ, калѣченія раненыхъ, убійствъ врачей и проч.

Для этихъ господъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ справедливо восхищавшихся героической борьбою маленькаго бурскаго народа противъ великой Англіи, защитники Бельгіи, если они случайно не одѣты въ солдатскіе мундиры,—простые разбойники, которыхъ можно убивать, какъ бѣшеныхъ собакъ [1]). Развѣ вы, о, корифеи нѣмецкаго духа, забыли о нашихъ герояхъ 1813 г., которыхъ вы чествовали горячими рѣчами годъ тому назадъ, на банкетахъ? Развѣ они, подобно нынѣшнимъ бельгійцамъ, не были также «вооруженнымъ народомъ», развѣ, въ мундирахъ и безъ нихъ, не давали они отпора иностранному нашествію? Кто можетъ объяснить простолюдину разницу между солдатомъ и защитникомъ родины, между военнымъ и штатскимъ, когда врагъ вторгнулся въ предѣлы родины, грабитъ и сжигаетъ фермы, посѣвы, уводитъ скотъ, увозитъ съѣстные припасы и лишаетъ крова женщинъ и дѣтей? Простолюдинъ видитъ врага, разбойника, онъ хватаетъ ружье, не думая о томъ, одѣтъ ли разбойникъ въ платье съ блестящими пуговицами или въ синюю блузу

---

[1]) Архіепископъ Малинскій, кардиналъ Мерсье, указалъ въ пастырскомъ, по поводу Рождества Христова, посланіи къ бельгійскому народу, основываясь на данныхъ серьезно веденнаго слѣдствія, что въ его епархіи было разстрѣляно 13 священниковъ, а въ епархіяхъ Намюра, Турнэ и Льежа—30; онъ указываетъ ихъ имена и мѣста жительства. По словамъ кардинала Мерсье, въ Эршо разстрѣляно и сожжено 12 человѣкъ гражданскаго населенія, а въ Лувенѣ и окрестностяхъ—176 чел. (мужчинъ, женщинъ, дѣтей и стариковъ).

крестьянина. Это слѣдуетъ умѣть понимать, и прежде мы дѣйствительно понимали, когда были еще способны восхищаться добрымъ дѣломъ, когда эта способность къ энтузіазму еще не выродилась въ національное чванство, въ которомъ на первомъ планѣ презрѣніе къ другимъ и варварское обращеніе съ ними. Умѣнье понимать чужія переживанія особенно нужно, когда дѣло идетъ о бельгійскомъ народѣ, который никогда не помышлялъ о войнѣ, никогда не ожидалъ, что ему будутъ угрожать войною, и уже 100 лѣтъ, какъ не видалъ ея на своей территоріи.

Германскіе солдаты, разумѣется, имѣли полное право защищаться отъ коварныхъ нападеній, но не должны были забывать, что нападающіе защищали самое цѣнное, что есть у человѣка: свои очаги, свою родину. Принимая репрессивныя мѣры, нужно было считаться съ этимъ, а не ссылаться на такъ называемое «право войны», которое германскіе солдаты устанавливали сами, но которое нигдѣ не узаконено и никѣмъ не признано. Если въ какой нибудь деревнѣ съ нѣсколькими тысячами жителей, состоящей изъ сотенъ домовъ, стрѣляютъ изъ оконъ (это часто дѣлаетъ не гражданское населеніе, а спрятанные солдаты), то по какому праву сжигаемъ мы всю деревню и разстрѣливаемъ извѣстное количество людей, виновныхъ и невинныхъ? Сжигайте тотъ или другой домъ, если это необходимо для вашей безопасности,—я не могу въ такихъ случаяхъ признать права наказывать,—накажите человѣка, виновность котораго установлена, но пощадите деревню и невинныхъ. Это—наименьшее изъ требуемаго простой справедливостью, если только можно требовать справедливости въ интересахъ нападающаго и въ ущербъ тому, кто защищается. Вѣдь, въ данномъ случаѣ борьба съ вами есть подлинная, законная самозащита французскаго или бельгійскаго гражданина противъ нѣмецкаго нашествія, это—защита Бельгіи и Франціи противъ Германіи. Именно объ этой защитѣ—а не о нападеніи—можно съ съ полнымъ правомъ сказать: «нужда не знаетъ закона, и кто сражается за самое дорогое свое достояніе, можетъ думать лишь о томъ, какъ бы съ оружіемъ въ рукахъ очистить передъ собою путь». Германскій имперскій канцлеръ напрасно приводилъ этотъ принципъ—правильный самъ по себѣ—въ пользу Германіи: онъ именно покрываетъ отвѣтственность нашихъ противниковъ. Къ несчастью, онъ примѣняется къ нимъ въ обратномъ смыслѣ: того, кто сражается за самое драгоцѣнное свое достояніе, ставятъ къ стѣнѣ и разстрѣливаютъ.

Со времени возникновенія войны, въ Германіи произошло невѣроятное смѣшеніе идей; я убѣдился въ этомъ въ одномъ изъ берлинскихъ

кинематографовъ. Такъ какъ цензура допускаетъ лишь патріотическіе спектакли, то въ этомъ кинематографѣ давали двѣ военныя драмы, одну за другой. Въ первой было представлено возстаніе Тироля, съ Андреемъ Гоферомъ во главѣ, въ 1809 г., а во второй—сцены изъ жизни вольныхъ стрѣлковъ во время войны 1870 г. Въ тирольской драмѣ весь народъ вооруженъ противъ французскаго завоевателя. Самъ Андрей Гоферъ—предводитель и герой—вовсе не генералъ, а содержатель корчмы, затѣмъ ремесленники, крестьяне и ихъ слуги, а также женщины и молодыя дѣвушки—всѣ вооружены и принимаютъ участіе въ сраженіи. Это—народъ, воодушевленный войною за независимость. Всѣ симпатіи автора этой драмы, разумѣется, на сторонѣ Тироля. Французовъ убиваютъ враги, прячущіеся за домами, за деревьями и скалами. Въ заключеніе: побѣда и освобожденіе народа. Затѣмъ въ кинематографѣ началась драма съ вольными стрѣлками 1870 года. Тутъ—полная перемѣна декорацій, полный поворотъ. Вольные стрѣлки, защищающіе свое отечество (потому что они французы), оказываются только мошенниками и преступниками. У нихъ и на лицахъ написаны низкіе инстинкты. Здѣсь тоже прячутся въ засаду, чтобы стрѣлять такъ же, какъ тирольцы въ 1809 г., но тамъ это считалось борьбой за свободу, а теперь—преступленіемъ и измѣной. Наказаніе, разумѣется, не заставляетъ себя ждать; помощь является въ видѣ врывающейся въ деревню нѣмецкой колонны, которая все сжигаетъ и, по законамъ военнаго времени, разставляетъ у стѣны кладбища дюжину мужчинъ и мальчиковъ, разстрѣливая ихъ при крикахъ ужаса женщинъ и дѣтей. Тирольскіе крестьяне—другое дѣло: разъ они борются противъ французовъ, они—вооруженный народъ! А кто борется противъ нѣмцевъ, тотъ—убійца, достойной смертной казни. Этотъ сумбуръ въ головахъ я встрѣчалъ вездѣ: какъ среди высшихъ представителей германской интеллигенціи, такъ и у послѣдняго драматурга, пишущаго сценарій для кинематографа.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе производитъ за границей такое извращеніе понятій: получился результатъ, обратный тому, къ которому стремились. Въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ войны германскій профессоръ превратился въ комическую или, вѣрнѣе, трагикомическую фигуру, каковыми были прежде прусскій юнкеръ и прусскій лейтенантъ. Всѣ прежнія симпатіи убиты комизмомъ и отвращеніемъ, которое мы вызываемъ; нынѣ симпатіи всѣхъ на сторонѣ нашихъ противниковъ и, главнымъ образомъ, на сторонѣ несчастныхъ бельгійцевъ. «Бельгія»,—пишетъ Карлъ Шпиттелеръ, который далеко не германофобъ,—«сама по себѣ вовсе на интере-

суетъ насъ; но она въ высшей степени интересна вслѣдствіе постигшей ее судьбы. Сами нѣмцы вначалѣ откровенно признались, что обидѣли эту страну. Потомъ же, чтобы обѣлить себя, Каинъ сталъ чернить Авеля. Обшарить карманы жертвы, чтобы извлечь изъ нихъ нужные документы, это, мнѣ кажется, психологическая ненормальность: достаточно зарѣзать жертву, но клеветать на нее—это уже слишкомъ.» [1]) Вотъ въ какомъ духѣ пишетъ швейцарецъ. Всѣ нейтральныя страны, безъ исключенія, думаютъ и пишутъ такъ же. Въ Италіи, Швейцаріи и Америкѣ съ энтузіазмомъ встрѣчаютъ бельгійскихъ артистовъ, писателей и политиковъ; ихъ съ восторгомъ привѣтствуютъ на собраніяхъ, какъ привѣтствовали у насъ Крюгера и сопровождавшихъ его буровъ въ 1902 г. Нынѣ у всего міра имѣется противъ насъ козырь—Бельгія, и горе намъ, если мы хоть пальцемъ тронемъ бельгійцевъ послѣ войны! Съ такимъ козыремъ въ рукахъ наши противники побьютъ насъ нравственно, даже если бы мы одержали побѣду въ этой войнѣ.

Нагроможденіе нами всюду въ этой странѣ развалинъ у насъ объясняютъ отчасти необходимостью защищаться. Вездѣ и всюду законная самозащита: какъ при вторженіи въ Бельгію, такъ и тогда, когда мы сжигали старинные города, полные произведеній искусства! Допустимъ, что въ Лувенѣ, дѣйствительно, стрѣляли изъ домовъ въ нѣмецкихъ солдатъ. Развѣ этимъ оправдывается сожженіе цѣлыхъ кварталовъ, преданіе огню знаменитой городской ратуши и собора или разрушеніе значительной части этихъ зданій? Гдѣ же это написано, что на выстрѣлы слѣдуетъ отвѣчать поджогами? Гдѣ и когда узаконено такое «право войны»? Это—право войны, созданное прусаками,—и только. Когда казаки прибѣгали къ такимъ пріемамъ въ Восточной Пруссіи, мы говорили о дикихъ московскихъ ордахъ; но вѣдь онѣ, по крайней мѣрѣ, могутъ оправдываться тѣмъ, что какой нибудь Сталлупененъ и Нейденбургъ не являются культурными и художественными центрами. Что скажетъ міръ о нашемъ поведеніи въ старинной Бельгіи, гдѣ каждое мѣстечко имѣетъ свои перлы искусства, готическіе соборы, ратуши, рынки, окруженные прекрасными домами древнихъ патриціевъ, съ чудными фасадами въ стилѣ ренессансъ, украшенными золотомъ? Всѣ эти перлы человѣческаго творчества, которыми мы восхищаемся, служившіе назиданіемъ безчисленнымъ поколѣніямъ, всѣ эти сокровища, образцы для поученія

[1]) «Наша швейцарская точка зрѣнія»,—докладъ, прочитанный Карломъ Шпиттелеромъ.

будущихъ поколѣній, разрушались, уничтожались и сжигались лишь потому, что Германія, «вынужденная защищаться», должна была вторгнуться въ Бельгію и, по той же необходимости, жечь дома.

Допустимъ, однако, что это такъ. Но неужели взиманіе контрибуцій (по 500 милліоновъ и болѣе) съ государства, городовъ и провинцій Бельгіи тоже было вызвано «законной самозащитой»? Чѣмъ мы оправдаемъ это насиліе? Чѣмъ мы объяснимъ огромные штрафы, которые мы недавно взыскивали съ гражданъ Бельгіи за то, что они, пользуясь своимъ правомъ свободнаго мѣстожительства, предпочли жизнь за границей жизни въ занятой нѣмцами Бельгіи? Что даетъ намъ право требовать отъ этой истощенной и голодной страны чрезмѣрныхъ денежныхъ жертвъ? Какое же Бельгія совершила еще преступленіе, чтобы заслужить такое наказаніе? Неужели ея преступленіе въ томъ, что она защищалась противъ насъ, или, если хотите, готовилась къ защитѣ при помощи другихъ? Во всякомъ случаѣ, она только защищалась, а не нападала, ибо никто, даже у насъ, насколько мнѣ извѣстно, еще не увѣрялъ, что Бельгія хотѣла напасть на насъ.

Повторяю, чѣмъ вы объясняете и оправдываете контрибуціи, о размѣрахъ коихъ вы стыдливо умалчиваете, но которыя, вѣроятно, уже составляютъ больше $^1/_2$ милліарда? Ваша ссылка на необходимость не выдерживаетъ критики. Обвиняемый, ссылающійся на «законную самозащиту», у котораго, между тѣмъ, найденъ кошелекъ жертвы, тщетно будетъ добиваться оправдательнаго приговора. «Возвратите контрибуціи!» Вотъ минимумъ того, что можно потребовать отъ васъ, и что, несомнѣнно, будетъ потребовано при заключеніи мира.

Мнѣ возразятъ и уже возразили: почему Бельгія не дала намъ свободнаго прохода черезъ свою территорію? Она избѣгла бы тогда всѣхъ ужасовъ войны. Удивительный вопросъ, дѣлающій честь психологіи новаго германскаго народа послѣдней формаціи! «Почему ты не перенесъ оскорбленій? — спрашиваетъ оскорбитель оскорбленнаго «Теперь ты получишь еще, вдобавокъ, ударъ по головѣ». Почему Германія не хотѣла переносить господства Наполеона? Если бы она безропотно подчинилась, она избѣгла бы великаго кровопролитія и всѣхъ ужасовъ войны. Почему спартанцы не пропустили персовъ черезъ Ѳермопилы? Если бы они ихъ пропустили, они не были бы убиты. Такихъ вопросовъ можно привести очень много; они вовсе не глупѣе тѣхъ упрековъ, которые раздаются нынѣ въ Германіи по адресу Бельгіи. Послѣдняя просто защищалась, потому что ея честь, ея

независимость и ея международныя обязательства заставляли ее защищаться. Требуя свободнаго прохода для германской арміи, отъ Бельгіи требовали отреченія отъ своей чести и независимости и хотѣли, чтобы она пренебрегла своими международными обязательствами.

Ея обязательства имѣли не только важную нравственную, но и практическую основу: ставъ на сторону Германіи, Бельгія перестала бы быть нейтральнымъ государствомъ, и уже не могла бы вернуть себѣ это положеніе, а великія державы, впослѣдствіи, не могли бы довѣриться нейтралитету Бельгіи, если бы она, съ легкимъ сердцемъ, попрала свои обязательства, связанныя съ этимъ нейтралитетомъ. Она неминуемо попала бы въ зависимость отъ своей великой сосѣдки—Германіи, которая, правда, обѣщала ей независимость, но не предложила никакой гарантіи, которая могла бы сравниться съ гарантіей всѣхъ великихъ державъ. Вожделѣнія Германіи по отношенію къ ея маленькой сосѣдкѣ были извѣстны: наша политическая и военная литература широко освѣдомляла объ этомъ всѣхъ. Фонъ Бернгарди заявилъ, что «понятіе о длительномъ нейтралитетѣ противорѣчитъ самой сути государства», а, въ частности, онъ придерживается мнѣнія, что Бельгія сама нарушила свой нейтралитетъ, когда присоединила большое государство Конго къ своей небольшой территоріи [1]). Вотъ почему для Бельгіи опасно было довѣрять своей жадной сосѣдкѣ и, полагаясь лишь на ея милость, отстранить всѣхъ другихъ своихъ покровителей: овца не можетъ довѣрять волку, обѣщающему ей независимость.

Итакъ, не только идейныя соображенія, но и самые насущные интересы заставляли Бельгію придерживаться опредѣленнаго образа дѣйствій, а эти интересы должны были бы въ Германіи понимать, хотя тамъ и покачиваютъ съ насмѣшкой головой, когда рѣчь идетъ объ идеализмѣ... другихъ.

Тѣ же мотивы, руководившіе Бельгіею при отказѣ пропустить нѣмцевъ черезъ свою территорію, заставили бы ее отклонить и всѣ требованія Франціи и Англіи, клонящіяся къ совмѣстному съ Бельгіей выступленію противъ Германіи. Никто въ Германіи не даетъ себѣ труда подумать о томъ, что именно могло бы заставить Бельгію отказаться отъ своего нейтралитета и рискнуть своимъ существованіемъ въ пользу тройственнаго согласія? Какую же она извлекла бы изъ этого выгоду? Было ли у нея намѣреніе

---

1) Бернгарди, Deutschland und der nächste Krieg, стр. 123.

завоевать рейнскія провинціи? Хотѣла ли она округлить свою территорію присоединеніемъ округовъ Трёвъ и Аахенъ? Скажите, ради Бога, что могъ бы дать Бельгіи враждебный актъ противъ Германіи? Ровно ничего. Напротивъ, ставъ на сторону державъ тройственнаго согласія, она подвергла бы свое положеніе въ Европѣ величайшимъ опасностямъ. Пока Бельгія оставалась нейтральной и исполняла обязанности нейтральной державы, она сохраняла свою независимость и могла спокойно выждать, на чьей сторонѣ будетъ побѣда: на сторонѣ ли Франціи, или Германіи. Примкнувъ же къ одной изъ сторонъ, она ставила бы свою судьбу въ зависимость отъ успѣха союзницы и, въ случаѣ пораженія послѣдней, неминуемо погибла бы. Зачѣмъ же Бельгіи было рисковать такимъ образомъ? Зачѣмъ ей было навлекать на себя месть своей могучей сосѣдки—Германіи, и, въ случаѣ пораженія, первой расплачиваться за «разбитые горшки»? Вѣдь не подлежало сомнѣнію, что, въ случаѣ пораженія Франціи, ея союзница Бельгія была бы аннексирована Германіей, — этимъ угрожаютъ уже теперь, подъ предлогомъ будто бы заключеннаго бельгійцами союза съ Франціей. Спрашиваю еще разъ: какое же разумное соображеніе могло заставить Бельгію напрасно подвергаться опасности вмѣсто того, чтобы, со спокойной совѣстью, подъ защитою своего нейтралитета, слѣдить за ходомъ событій? На этотъ вопросъ никто не сможетъ дать разумнаго отвѣта. Итакъ, достаточно простой логики, чтобы доказать, насколько безсодержательны обвиненія нѣмцевъ по адресу ихъ сосѣдки.

Бельгія, по отношенію къ Германіи, использовала свои права, исполнила свои обязательства и защищала свои интересы; все это она сдѣлала бы и по отношенію ко всякой другой державѣ, которая потребовала бы отъ нея нарушенія ея нейтралитета. Незаконно же дѣйствовала именно Германія, не исполнившая своихъ обязательствъ и тѣмъ вредящая своимъ истиннымъ интересамъ.

Тѣ «невѣсомыя» величины изъ міра духовнаго и нравственнаго, съ которыми даже Бисмаркъ считался во всѣхъ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ, не имѣютъ значенія въ глазахъ нынѣшнихъ правителей Германіи. Ихъ взоры всецѣло устремлены на покойнаго великаго канцлера, они вспоминаютъ, какъ онъ откашлянулся, какъ сплюнулъ, но никогда ими не было усвоено ни малѣйшей искры его ума. Если бы въ вопросѣ о Бельгіи считались съ этими «невѣсомыми», то никогда не попирали бы чужихъ правъ и относились бы съ уваженіемъ къ мнѣнію всего міра. Пренебреженіе этими невѣсомыми жестоко отзовется на насъ. Да это уже и сказалось, повліявъ на по-

веденіе Англіи въ этой войнѣ и увеличивъ, въ ущербъ намъ, коалицію нашихъ враговъ.

* * *

Закончивъ уже настоящую главу, я узналъ о циркулярномъ сообщеніи г. фонъ-Бетмана, отъ 24 декабря, въ которомъ онъ, отвѣчая на рѣчь Вивіани, старается свалить отвѣтственность за войну на противниковъ Германіи [1]), прибѣгая къ всевозможнымъ передержкамъ и подлогамъ. Подвергнуть спеціальному обсужденію это произведеніе значило бы оказывать ему слишкомъ большую честь. Все, что въ немъ содержится, опровергается дипломатическими «книгами»,—въ томъ числѣ даже Бѣлой германской книгой,—и предшествовавшими рѣчами канцлера. Фокусы, къ которымъ прибѣгаетъ г. фонъ-Бетманъ, чтобы оправдаться, состоятъ въ томъ, что онъ подмѣниваетъ роли, обходитъ молчаніемъ то, что ему не нравится, утверждаетъ вещи, опровергаемыя доказанными фактами, и приписываетъ державамъ тройственнаго согласія побужденія, которымъ противорѣчатъ ихъ дѣйствія.

Достаточно привести нѣсколько примѣровъ, чтобы показать, насколько г. фонъ-Бетманъ любитъ истину и какъ плоха его память. Онъ теперь утверждаетъ, будто Австрія сначала мобилизовала свои силы только противъ Сербіи; между тѣмъ 4 августа онъ признавалъ, что частичная мобилизація Австріи противъ Россіи предшествовала русской мобилизаціи. Вотъ другой примѣръ того, какъ г. фонъ-Бетманъ замалчиваетъ факты: по его словамъ, Германія возражала только противъ формы конференціи четырехъ державъ; но онъ умалчиваетъ о самомъ важномъ, а именно, что Германія, несмотря на просьбы державъ тройственнаго согласія, ни за что не хотѣла указать, какую именно форму она желала бы придать конференціи. Онъ обходитъ также молчаніемъ то, что Австрія, по совѣту Германіи, согласилась, вмѣсто созыва конференціи, вступить въ непосредственные переговоры съ Петроградомъ лишь въ послѣдній моментъ,—31 іюля, когда уже послѣдовалъ германскій ультиматумъ, и для переговоровъ было уже слишкомъ поздно. Такимъ образомъ, этотъ документъ, съ начала до конца,—лишь рядъ подлоговъ и извращеній истины.

Я хотѣлъ бы обратить вниманіе и на другое заявленіе, которое нельзя назвать иначе, какъ небывалымъ обвиненіемъ. Г. фонъ-Бетманъ,—вѣроятно, для разнообразія,—обвиняетъ Англію въ томъ, что

---

[1]) См. приложеніе III.

она первая мобилизовала свои силы! До сихъ поръ въ этомъ обвиняли Россію. На чемъ же основано это грозное обвиненіе, которое, даже если бы оно было основательнымъ, все же не устранило бы факта непрерывныхъ попытокъ Грея сохранить миръ?—На томъ, что англійскій флотъ, окончивъ 27 іюля обычные маневры, близъ Портлэнда, остался въ полномъ сборѣ. На самомъ же дѣлѣ, тутъ не было никакой ни «мобилизаціи», ни «концентраціи» флота близъ Портлэнда, ни «военнаго мѣропріятія въ широкихъ размѣрахъ», какъ увѣрялъ канцлеръ, противорѣча собственному внутреннему убѣжденію; была просто пріостановка демобилизаціи флота, вызванная напряженностью положенія въ Европѣ, отозваніемъ австрійскаго посланника изъ Бѣлграда и отказомъ Австріи и Германіи обсудить сербскій вопросъ вмѣстѣ съ остальными державами [1]). Грей откровенно сообщилъ эти соображенія австрійскому послу, присовокупивъ, что оставленіе флота въ Портлэндѣ слѣдуетъ считать не угрозой, а лишь мѣрой предосторожности на случай обще-европейскаго конфликта, который можетъ быть вызванъ абсолютнымъ нежеланіемъ Австріи считаться съ желаніемъ Сербіи рѣшить вопросъ примирительнымъ образомъ Никакихъ другихъ мѣръ на сушѣ и на морѣ Англія не принимала. Между тѣмъ, это не помѣшало г. фонъ-Бетману говорить о мобилизаціи «въ широкихъ размѣрахъ», цѣлью которой, якобы, было «унизить державы тройственнаго союза», и которая пробудила воинственный духъ во Франціи и въ Россіи. Кого же этимъ обманываютъ? Никого, г. фонъ-Бетманъ!

Откройте Желтую или Синюю книгу [2]), тамъ вы увидите, что уже утромъ 26 іюля, немедленно послѣ истеченія срока австрійскаго ультиматума, Германія стала подготовлять свою мобилизацію: гарнизоны въ Эльзасѣ были пополнены, укрѣпленія на границѣ были приготовлены къ оборонѣ, подготовлена перевозка войскъ, запасные были вызваны именными повѣстками. Суда получили приказаніе покинуть норвежскія воды; находившіеся въ отпуску офицеры были вызваны изъ Швейцаріи, а частные автомобили въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ уже предназначены для военныхъ цѣлей. Изъ этихъ книгъ вы убѣдитесь также, что 29 іюля Германія тайно начала мобилизацію въ Эльзасѣ и Лотарингіи, въ Страсбургѣ и Метцѣ, а Австрія—въ Венгріи и Галиціи.

Наконецъ, вы прочтете въ этихъ книгахъ, что 30 іюля,—слѣдовательно, до объявленія въ Германіи военнаго положенія,—погра-

---

[1]) Синяя книга, стр. VIII и № 48. Желтая книга, № 66.

[2]) Желтая книга, №№ 58, 59, 60, 88, 90, 91, 106, 118. Синяя книга, № 105 (III).

ничныя провинціи уже находились въ послѣдней стадіи, предшествующей мобилизаціи, что наканунѣ германскіе патрули уже проникли на территорію Франціи, и что весь 16-й корпусъ въ Метцѣ, подкрѣпленный частью 8-го корпуса, прибывшаго изъ Трёвъ и Кёльна, занялъ границу отъ Метца до Люксембурга!

Все это произошло 30 іюля, хотя Франція добровольно, во вредъ своимъ стратегическимъ интересамъ, взяла на себя обязательство— и исполнила его—держать свои войска въ 10-ти километрахъ отъ границы [1]). Сравните эти военныя мѣры Германіи съ миролюбивыми завѣреніями, которыя несчастный г. фонъ-Шенъ долженъ былъ каждый день давать во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ! Прочтите и сравните все это, и попробуйте затѣмъ изъ пріостановки демобилизаціи англійскаго флота, въ которой Англія откровенно призналась, сдѣлать выводъ, что послѣдняя намѣревалась нарушить миръ! Нѣтъ, г. фонъ-Бетманъ, вамъ лучше молчать: si tacuisses, philosophus mansisses. Вы лучше поддержали бы свою репутацію философа, если бы терпѣливо переносили бѣду, накликанную вами же, какъ на себя, такъ и на вашу родину, вмѣсто того, чтобы лихорадочно хвататься за соломинки, которыя не помѣшаютъ вамъ погибнуть въ пучинѣ всеобщихъ проклятій! Ради Бога, молчите и довольствуйтесь аттестатомъ, выданнымъ вамъ профессоромъ Лассономъ въ томъ, что вы «самый выдающійся изъ живущихъ нынѣ людей», и что вы «не знаете другихъ побужденій, кромѣ истины, вѣрности и права».

* * *

Всѣ обвиненія противъ Германіи я резюмирую слѣдующимъ образомъ:

1) Германія предоставила Австріи свободу дѣйствій противъ Сербіи, хотя знала, что австро-сербскій конфликтъ вызоветъ европейскій конфликтъ.

2) Она допустила, чтобы Австрія послала Сербіи ультиматумъ съ чудовищными требованіями и чтобы, несмотря на принятіе ихъ Сербіею, почти безъ всякихъ исключеній, Австрія отозвала своего посланника и объявила войну.

3) Предлагая локализацію конфликта, Германія вызвала впечатлѣніе, будто дѣлаетъ попытку примиренія; между тѣмъ, она должна была знать изъ исторіи дипломатіи и по опыту балканскаго кризиса,

---

[1]) Желтая кн., № 106; рѣчь канцлера 4 августа; Синяя кн., № 105.

что подобная попытка совершенно безполезна. И, дѣйствительно, Германія знала это, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Бѣлая книга.

4) Она отклонила предложеніе о конференціи четырехъ державъ.

5) Она, съ своей стороны, предложила непосредственные переговоры между Вѣной и Петроградомъ, но, въ то же время, допустила, чтобы Австрія отъ нихъ отказалась и объявила войну Сербіи.

6) Она вовсе не отвѣтила на просьбу остальныхъ державъ, предлагавшихъ ей самой указать другой способъ посредничества, вмѣсто предложеннаго, который она отклонила.

7) Она никогда не обсуждала формулъ компромисса Грея и никогда на нихъ не отвѣтила.

8) Она отклонила одну изъ компромиссныхъ формулъ Сазонова и не отвѣтила на другую.

9) Несмотря на всѣ запросы, она никогда не говорила, чего хочетъ Австрія, а всегда ограничивалась указаніемъ на то, чего Австрія не хочетъ.

10) Она старалась получить отъ Англіи обѣщаніе, что послѣдняя останется нейтральной, и этимъ проявила свои воинственныя намѣренія въ то время, когда державы тройственнаго согласія дѣятельно трудились надъ сохраненіемъ мира.

11) Въ тотъ моментъ, когда, наконецъ, въ Петроградѣ начались переговоры между Австріей и Россіей по поводу сербской ноты, переговоры, отъ которыхъ можно было ожидать успѣха, Германія прекратила ихъ, пославъ ультиматумъ Франціи и Россіи и сдѣлавъ войну неизбѣжной.

12) Въ своемъ ультиматумѣ Россіи, она потребовала отъ послѣдней демобилизаціи не только противъ Германіи, но и противъ Австріи, хотя у послѣдней вся армія была мобилизована.

13) Вмѣсто того, чтобы ограничиться мобилизаціей, о которой она говорила, Германія немедленно объявила войну Россіи, а затѣмъ Франціи безъ всякихъ для этого поводовъ.

14) Впослѣдствіи она мотивировала это объявленіе войны указаніемъ на открытіе другими державами враждебныхъ дѣйствій, между тѣмъ какъ первыя враждебныя дѣйствія, напротивъ, исходили отъ Германіи.

15) Она нарушила нейтралитетъ Бельгіи и этимъ вызвала войну съ Англіей.

Всѣ эти обвиненія доказаны и вполнѣ оправдываютъ приговоръ **Германія виновна въ томъ, что, совмѣстно съ Австріей, вызвала европейскую войну.**

В.

Англія.

Поведеніе Англіи до того момента, когда возникъ вопросъ о нейтралитетѣ Бельгіи, достаточно охарактеризировано моими предыдущими объясненіями, такъ что приводить ихъ вновь—совершенно излишне. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, сэръ Эдуардъ Грей, съ самаго начала конфликта, руководилъ движеніемъ въ пользу мира и сдѣлалъ все, что было въ человѣческихъ силахъ, чтобы предупредить войну:

1) Онъ съ успѣхомъ совѣтовалъ сербскому правительству умѣренный образъ дѣйствій. [1])

2) Онъ пытался, но на этотъ разъ безуспѣшно, добиться отъ австрійскаго правительства продленія срока ультиматума. [2])

3) Онъ формулировалъ предложеніе о конференціи четырехъ державъ, которое было принято Франціей, Италіей и Россіей, но отвергнуто Германіей и Австріей. [3])

4) Онъ неоднократно приглашалъ германское правительство предложить, вмѣсто отвергаемой имъ конференціи, другую форму совмѣстныхъ дѣйствій четырехъ незаинтересованныхъ державъ. На его приглашеніе отвѣта не послѣдовало. [4])

5) Онъ поддержалъ предложеніе о непосредственныхъ переговорахъ между Вѣной и Петроградомъ, сдѣланное Германіей, но отвергнутое Австріей послѣ объявленія войны Сербіи. [5])

6) Онъ предложилъ формулу компромисса, по которой Австрія заняла бы часть сербской территоріи съ столицей и оттуда диктовала бы свои условія. Послѣднія должны были быть представлены на обсужденіе державъ. Если бы они не затрагивали цѣлости и суверенитета Сербіи, державы рекомендовали бы Бѣлградскому правительству принять эти условія. Ни Германія, ни Австрія не отвѣтили на это предложеніе. [6])

7) Онъ поддержалъ первую формулу компромисса, предложенную Сазоновымъ, а, когда Германія объявила ее непріемлемой, добился отъ

---

[1]) Синяя кн., №№ 12, 15, 16, 22, 27.
[2]) Синяя кн., №№ 13, 26.
[3]) Синяя кн., №№ 17, 35, 36, 37, 42, 43, 51, 53, 111.
[4]) Синяя кн., №№ 60, 68, 80, 84, 88.
[5]) Синяя книга, №№ 45, 74, 75, 78, 93, 106.
[6]) Синяя книга, №№ 88, 98, 103.

Сазонова второй формулы, которая еще больше считалась съ австрійскими требованіями. Это предложеніе осталось безъ отвѣта.[1])

8) Онъ самымъ энергичнымъ образомъ поддерживалъ австро-русскіе переговоры, начатые 31 іюля, и старался содѣйствовать ихъ успѣху новыми предложеніями, дававшими полное удовлетвореніе Австріи. Во всѣхъ этихъ предложеніяхъ содержалось слѣдующее условіе: военныя приготовленія должны быть прерваны всѣми державами. [2])

9) Онъ, наконецъ, заявилъ о своей готовности поддержать передъ Франціей и Россіей всѣ пріемлемыя предложенія Германіи и Австріи, которыя могутъ быть полезны миру, и отстраниться отъ переговоровъ, если первыя двѣ державы не примутъ сдѣланныхъ предложеній. Однако, никакого предложенія сдѣлано ему не было, такъ какъ Германія въ это время послала свои ультиматумы и отказалась отъ дальнѣйшихъ переговоровъ.[3])

10) Въ день объявленія войны Россіи, 1-го августа, онъ вновь послалъ всѣмъ дипломатическимъ канцеляріямъ предложенія, представленія и предостереженія, чтобы добиться въ послѣдній моментъ, передъ открытіемъ враждебныхъ дѣйствій, соглашенія между державами. [4]) Въ англійской Синей книгѣ содержится не менѣе 17-ти телеграммъ, которыми обмѣнялись 1-го августа Лондонъ и столицы другихъ державъ; 16 телеграммъ были отправлены 31 іюля и 33 телеграммы—29 и 30 іюля.

Сэръ Эдуардъ Грей болѣе, чѣмъ кто либо другой, заслужилъ имя «умиротворителя Европы» («Peace-maker of Europe»), если допустить, что in magnis voluisse sat est. Всѣ его усилія были тщетны, но исторія навѣки сохранитъ память объ его заслугахъ, состоявшихъ въ томъ, что онъ съ неутомимымъ рвеніемъ, осторожно и энергично старался сохранить миръ.

Самъ г. фонъ-Бетманъ (я подразумѣваю того г. Бетмана, который говорилъ рѣчь 4 августа 1914 г., а не того, который произнесъ рѣчь 2 декабря того же года) не можетъ ничего сказать противъ такого приговора.

Провѣримъ по Бѣлой книгѣ то, что онъ сказалъ 4 августа:

---

[1]) Синяя книга, №№ 97, 103, 120, 131, 132, 139. Оранжевая книга, №№ 60, 63, 67.

[2]) Синяя книга, №№ 110. 111, 131, 133, 135, 137.

[3]) Синяя кн., №№ 111. 112, 121.

[4]) Синяя книга, №№ 126, 130, 131, 132, 133, 135, 137, 138, 139, 141.

«26-го іюля сэръ Эдуардъ Грей предложилъ внести австро-сербскій конфликтъ на обсужденіе конференціи пословъ Германіи, Франціи и Италіи подъ его, Грея, предсѣдательствомъ.» (стр. 9).

«Мы также были готовы, послѣ отклоненія идеи конференціи, передать въ Вѣну новое предложеніе сэра Эдуарда Грея, въ которомъ указывалось, что Австро-Венгрія должна выбрать одно изъ двухъ: или признать отвѣтъ Сербіи удовлетворительнымъ, или считать его основой для новыхъ предложеній.» (стр. 9).

«Вмѣстѣ съ Англіей, мы все время трудились въ пользу посредничества» и т. д. (стр. 11).

«Еще 30-го мы передали въ Вѣну англійское предложеніе, которое ставило въ основу переговоровъ, чтобы Австрія, войдя (sic) въ предѣлы Сербіи, продиктовала тамъ свои условія.» (стр. 11).

«Въ то время, какъ съ 29 по 31 іюля продолжались наши усилія въ пользу посредничества, поддержанныя англійской дипломатіей» и т. д. (стр. 11).

«Прежде, чѣмъ былъ полученъ отвѣтъ Вѣны на послѣднее предложеніе англо-германскаго посредничества...» и т. д. (стр. 12).

«Пока же Англія старается посредничать между Вѣной и Петроградомъ» и т. д. (рѣчь канцлера 4 августа).

Эти цитаты изъ Бѣлой книги вполнѣ согласны съ телеграммами, которыми обмѣнялись король Георгъ, принцъ Генрихъ Прусскій и кайзеръ. Весьма интересно констатировать, что даже торжественное объявленіе войны Россіи содержитъ не менѣе торжественное удостовѣреніе усилій Англіи въ пользу мира.[1])

«Его Величество Германскій Императоръ, въ согласіи съ Англіей, старался играть роль посредника между Вѣнскимъ и С.-Петербургскимъ кабинетами.»

Такъ говорилъ и думалъ г. фонъ Бетманъ-Гольвегъ 4 августа. Какъ говорилъ и думалъ онъ (или притворялся, что думаетъ) 2 декабря?

«Мы хорошо знаемъ, на комъ лежитъ отвѣтственность за нынѣшнюю величайшую изъ войнъ. Съ внѣшней стороны отвѣтственность лежитъ на русскихъ государственныхъ дѣятеляхъ, которые начали и провели полную мобилизацію всей арміи. Съ внутренней же стороны отвѣтственность падаетъ на британское правительство. Оно могло сдѣлать войну невозможною, если бы категорически заявило въ Петроградѣ, что Англія не

---

[1]) Бѣлая книга, прилож. 26.

допуститъ, чтобы австро-сербскій конфликтъ разросся въ европейскую войну... Англія этого не сдѣлала... Она видѣла, какъ колесо приходило въ движеніе, но не сдѣлала попытки остановить его. Несмотря на всѣ свои миролюбивыя завѣренія, Англія дала понять въ Петроградѣ, что она—на сторонѣ Франціи и Россіи.»

Сколько словъ, столько же лживыхъ заявленій!

Прежде всего, заявленіе канцлера опровергается его же словами. Въ процессѣ Бетмана противъ Бетмана, канцлеръ, выступавшій 2-го декабря, побитъ канцлеромъ, говорившимъ 4-го августа. Всѣ событія, предшествовавшія войнѣ, произошли до 4-го августа, т. е. до того дня, когда г. фонъ-Бетманъ представилъ свои документы рейхстагу. Если бы Англія дѣйствительно играла роль, которую ей приписываетъ Бетманъ 2-го декабря, то Бетманъ 4-го августа зналъ бы объ этомъ, и не высказывалъ бы похвалъ по поводу заслугъ Великобританіи, пріобрѣтенныхъ ею своею работою въ пользу мира. Онъ зналъ, что она заслужила эти похвалы, такъ какъ, въ качествѣ руководителя внѣшней политики, онъ участвовалъ во всѣхъ этихъ событіяхъ. Его объясненія 4-го августа соотвѣтствуютъ истинѣ, и, если его можно въ чемъ либо упрекнуть, то лишь въ томъ, что онъ не изложилъ правды во всемъ ея объемѣ, и высказался о заслугахъ Англіи въ слишкомъ скромныхъ выраженіяхъ.

Неужели возможно, чтобы человѣкъ, отвергшій, по пустяшнымъ соображеніямъ, всѣ предложенія Англіи, или оставившій ихъ безъ отвѣта, или же вовсе не передававшій ихъ въ Вѣну; чтобы человѣкъ, который наканунѣ заключенія соглашенія между Австріей и Россіей, своими ультиматумами, такъ сказать, вызвалъ войну; который рѣшился вести войну уже 29-го іюля и открылъ свои намѣренія требованіемъ, чтобы Англія оставалась нейтральной,—неужели возможно, чтобы этотъ человѣкъ имѣлъ смѣлость отречься отъ своихъ собственныхъ, письменно изложенныхъ, словъ и взвалить на Англію отвѣтственность за катастрофу, за которую, всецѣло, отвѣчаетъ онъ одинъ. Это оказывается возможнымъ, разъ это случилось. Но міръ знаетъ, какъ слѣдуетъ отнестись къ этому, и ложь да падетъ на голову автора ея.

Даже въ Синей книгѣ, какъ утверждаетъ канцлеръ, обнаруживается виновность англійскаго правительства: она, будто бы, доказываетъ, что Англія поддерживала военную партію въ Петроградѣ и съ самаго начала объявила себя «на сторонѣ Франціи и Россіи».

Между тѣмъ, что же, въ дѣйствительности, доказываетъ Синяя книга? Какъ разъ противоположное. Единственно вѣрное

то, что Франція и Россія, видя агрессивныя намѣренія Германіи, старались убѣдить сэра Эдуарда Грея, если конфликтъ обострится, занять явно благожелательное, по отношенію къ Франціи и Россіи, положеніе. Въ Парижѣ и Петроградѣ надѣялись, что Англія, выяснивъ свое положеніе, заставитъ Германію отказаться отъ своихъ воинственныхъ намѣреній.

Выясняя свое положеніе, Англія, слѣдовательно, должна была выступить не въ пользу войны, а предупредить ее. Сэръ Эдуардъ Грей отвергъ это предложеніе Франціи и Россіи и на каждую новую попытку въ этомъ смыслѣ отвѣчалъ, что Англія не связана никакими обязательствами и желаетъ остаться свободною. Онъ даже пошелъ еще дальше: онъ самымъ торжественнымъ образомъ предупредилъ Францію и Россію, чтобы онѣ не предавались надеждѣ, будто Англія объявитъ себя солидарною съ ними.

Еще 24 іюля Сазоновъ, совмѣстно съ французскимъ посломъ въ Петроградѣ, обратился къ англійскому послу, сэру Г. Бюкенэну, со слѣдующимъ заявленіемъ: въ виду провокаціоннаго поведенія Австріи, которое можно объяснить только поддержкою Германіи, единственное и лучшее средство предупредить европейскій конфликтъ—опубликованіе Англіей, Франціей и Россіей декларации о солидарности. Вѣдь, тонъ австрійской ноты, содержащіяся въ ней чрезмѣрныя требованія, короткій срокъ для отвѣта, все указывало на желаніе Австріею войны съ Сербіей, несмотря на связанный съ этимъ рискъ обще-европейскаго конфликта, предотвратить который можетъ только совмѣстный шагъ державъ тройственнаго согласія. Англійскій посолъ немедленно отвѣтилъ, отъ себя лично, въ ожиданіи оффиціальнаго заявленія отъ англійскаго правительства, что онъ не видитъ причинъ, которыя могли бы заставить Англію примкнуть къ такому заявленію: британскіе интересы непосредственно не затронуты вопросомъ о Сербіи, и война изъ за нея никогда не будетъ одобрена англійскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Единственное обѣщаніе, данное Бюкенэномъ, состояло въ согласіи потребовать отъ Австріи продолженія срока ультиматума.

Сэръ Эдуардъ Грей вполнѣ одобрилъ заявленіе посла въ своей телеграммѣ отъ 25 іюля: «Я вполнѣ одобряю сказанное вами, какъ это передано въ вашей вчерашней телеграммѣ, и не могу обѣщать большаго отъ имени правительства (I entirely approve what you said as reported in your telegram of yesterday, and I cannot promise more on behalf of the government). [1])

---

[1]) Синяя книга, № 24.

Вмѣсто заявленія о солидарности, Грей предложилъ діаметрально противоположный шагъ, а именно—посредничество четырехъ незаинтересованныхъ державъ, Англіи, Германіи, Франціи и Италіи. Занявъ такое положеніе, англійское правительство непоколебимо придерживалось его во время всѣхъ послѣдующихъ переговоровъ, несмотря на высказывавшіяся пожеланія въ противоположномъ смыслѣ. 27 іюля Бюкенэнъ изложилъ Сазонову англійскую точку зрѣнія: [1]) было бы ошибочно думать, что дѣло мира выиграло бы отъ того, что Англія станетъ на сторону Франціи и Россіи, противъ Германіи. Такое угрожающее положеніе имѣло бы лишь одно послѣдствіе: усилило бы упрямство Германіи (would merely be stiffened by such a menace). Только въ роли друга, заботящагося о мирѣ, Англія можетъ сблизиться съ Германіей и убѣдить ее оказать на Вѣну умѣряющее воздѣйствіе.

27-го іюля Грей снова заявилъ кн. Лихновскому — все по поводу того же проекта конференціи четырехъ державъ,—что пока Германія будетъ стараться сохранить миръ, онъ будетъ поддерживать съ ней самыя тѣсныя отношенія. [2])

29-го іюля у него были продолжительныя пренія съ французскимъ посломъ П. Камбономъ. [3]) Грей, въ ясныхъ выраженіяхъ, указалъ на разницу между марокскимъ вопросомъ и австро-сербскимъ. Въ первомъ была заинтересована, главнымъ образомъ, Франція, и споръ касался вопросовъ, разрѣшенныхъ договорами между Франціей и Англіей. Въ настоящемъ же конфликтѣ всего этого нѣтъ. Если бы даже возникъ австро-русскій конфликтъ, Англія не почувствовала бы себя обязанной вмѣшаться (we should not feel called upon to take a hand in it). Вопросъ, должна ли гегемонія на Балканахъ принадлежать славянамъ, или тевтонамъ, всегда такъ мало интересовалъ Англію, что она, изъ за него, не дастъ втянуть себя въ войну. Отказываясь примкнуть къ заявленію о солидарности, Грей пошелъ еще дальше: «даже если бы Германія и Франція были вовлечены въ этотъ конфликтъ,—сказалъ онъ,—послѣдняя была бы втянута не своими интересами, а обязательствами, налагаемыми на нее союзомъ съ Россіей. Даже и въ этомъ случаѣ Англія была бы свободна отъ всякихъ обязательствъ и руководилась бы въ своихъ рѣшеніяхъ только британскими интересами».

Несмотря на всѣ усилія державъ тройственнаго согласія, общее по-

---

[1]) Синяя книга, № 44.
[2]) Синая книга, № 46.
[3]) Синяя книга, № 87.

ложеніе въ Европѣ становилось все болѣе и болѣе натянутымъ. Поэтому президентъ Пуанкарэ въ бесѣдѣ съ англійскимъ посломъ Берти, 30 іюля, снова предложилъ Англіи устранить опасность войны заявленіемъ, что она, Англія, въ случаѣ конфликта съ Германіей, придетъ на помощь Франціи [1]). «Франція — прибавилъ Пуанкарэ — настроена миролюбиво и не желаетъ войны, но Германію можно заставить отказаться отъ своихъ агрессивныхъ плановъ только рѣшительнымъ выступленіемъ Англіи [2]). Даже итальянскій министръ Санъ-Джуліано раздѣлялъ мнѣніе Пуанкарэ и уговаривалъ англійское правительство вмѣшаться въ пользу державъ тройственнаго согласія [3]).

Грей снова рѣшительно отклонилъ всякое обязательство вмѣшаться въ пользу Франціи и Россіи. Въ виду важнаго значенія объясненій Грея для сужденія о поведеніи Англіи, приведу въ подлинной редакціи нѣсколько фразъ изъ телеграммы, посланной имъ 31 іюля англійскому послу въ Парижѣ, Берти:

«Nobody here feels that in this dispute so far as it has yet gone, British treaties or obligations are involved. Feeling is quite different from what it was during the Marocco question. That crisis involved a dispute directly involving France, whereas in this case France is being drawn into a dispute which is not hers... We cannot undertake a definite pledge to intervene in a war. I have so told the French Ambassador, who has urged His Majesty's Government to reconsider this decision» [4]).

---

[1]) Синяя книга, № 99.

[2]) Тѣ же доводы въ пользу заявленія о солидарности со стороны Англіи были изложены Пуанкарэ въ письмѣ, адресованномъ 31 іюля непосредственно королю Георгу, которое было опубликовано лишь въ февралѣ 1915 г. Этотъ шагъ Пуанкарэ также не имѣлъ успѣха. Въ своемъ письмѣ король постарался избѣгнуть яснаго отвѣта на главный пунктъ французскаго письма и поставилъ поведеніе Англіи, неутомимо трудящейся въ пользу мира, въ зависимость отъ хода событій. Изъ обоихъ писемъ явствуетъ самое твердое рѣшеніе обѣихъ державъ сохранить миръ, хотя онѣ и не сходились во многомъ относительно способовъ для достиженія этой цѣли.

[3]) Синяя книга, № 106.

[4]) Никто здѣсь не полагаетъ, что въ этомъ конфликтѣ, въ той стадіи, въ которой онъ теперь находится, затрагиваются договоры или обязательства Англіи. Отношеніе здѣсь къ вопросу совершенно иное, чѣмъ то, которое существовало во время марокскаго кризиса. Тогда дѣло шло о конфликтѣ, непосредственно затрагивавшемъ Францію, между тѣмъ какъ въ настоящемъ случаѣ Франція втягивается въ конфликтъ, не касающійся ея непосредственно. Мы не можемъ взять на себя опредѣленное обязательство вмѣшаться въ войну. Я сказалъ это французскому послу, который просилъ правительство Его Величества снова обсудить этотъ вопросъ.

«M-r Cambon referred to-day to a telegram that had been shown to Sir Arthur Nicolson this morning from the French Ambassador in Berlin, saying that it was the uncertainty with regard to whether we would intervene, which was the encouraging element in Berlin, and that, if we would only declare definitely on the side of Russia and France, it would decide the German attitude in favour of peace... I said that we had come to the conclusion, in the Cabinet to-day, that we could not give any pledge at the present time... Up to the present moment, we did not feel, and public opinion did not feel, that any treaties or obligations of this country were involved... Mr Cambon repeated his question whether we would help France, if Germany made an attack on her. I said, that I could only adhere to the answer that, as far as things had gone at present, we could not take any engagement. [1])

Въ тотъ же день Грей возобновилъ передъ кн. Лихновскимъ свое настойчивое предложеніе, неоднократно повторявшееся имъ въ предыдущіе дни: «пусть Германія и Австрія — сказалъ онъ — сдѣлаютъ пріемлемое предложеніе; какое бы оно ни было, я поддержу его въ Парижѣ и Петроградѣ и, если Франція и Россія его отвергнутъ, я умою руки относительно послѣдствій» [2]).

Вотъ, что говорится, на основаніи подлинныхъ документовъ, въ англійской Синей книгѣ, которая, по мнѣнію г. фонъ-Бетмана, якобы доказываетъ «ясно и неопровержимо», что Англія дала понять, будто «она на сторонѣ Франціи и Россіи». Заявленіе канцлера совершенно противоположно дѣйствительности, и нельзя не удивляться мужеству человѣка, который передъ всѣмъ міромъ настаиваетъ на фактахъ, лживость коихъ бросается

---

[1]) «Г. Камбонъ сослался сегодня на телеграмму французскаго посла въ Берлинѣ, которая была показана сегодня утромъ сэру Артуру Никольсону. Онъ говоритъ, что неизвѣстность относительно нашего возможнаго вмѣшательства дѣйствуетъ подбадривающимъ образомъ въ Берлинѣ и что, согласись мы высказаться окончательно въ пользу Франціи и Россіи, это заставило бы Германію измѣнить свое отношеніе къ миру... Я сказалъ, что на сегодняшнемъ засѣданіи кабинета мы пришли къ заключенію, что мы, въ настоящій моментъ, не можемъ дать никакихъ обѣщаній... До сихъ поръ ни мы, ни общественное мнѣніе не чувствуемъ, чтобы затрагивались какой нибудь договоръ или обязательство Англіи... Г. Камбонъ повторилъ свой вопросъ, поможемъ ли мы Франціи, если на нее нападетъ Германія. Я сказалъ, что я лишь могу придерживаться уже даннаго отвѣта и что, въ виду настоящаго положенія дѣлъ, мы не можемъ взять на себя никакихъ обязательствъ.» (Синяя книга, № 119).

[2]) Синяя книга, № 111.

въ глаза, и ссылается на документы, опровергающіе то, что онъ утверждаетъ.

Все, что содержится въ англійской Синей книгѣ относительно положенія, занятаго Англіей во время дипломатическихъ переговоровъ, вполнѣ подтверждается документами, опубликованными Россіей и Франціей. Отказы Грея, какъ мы видѣли, были одновременно направлены, какъ по адресу Россіи, такъ и по адресу Франціи. Заявленія, сдѣланныя одной изъ нихъ, были дѣйствительны и для другой, и всегда передавались черезъ посольства въ другія столицы.

Поведеніе Грея по отношенію къ Германіи во всемъ соотвѣтствуетъ его поведенію по отношенію къ державамъ четверного соглашенія, какъ бы слѣдуя въ обоихъ случаяхъ по параллельнымъ линіямъ. Для наблюдателя эта «параллельная» политика Грея въ высшей степени интересна; тутъ столько же осторожности, сколько лойяльности, и искренняя любовь къ миру. Когда я читаю этотъ рядъ документовъ, столь захватывающаго, почти драматическаго интереса, передо мною встаетъ образъ стараго судьи Ф., который, 30 лѣтъ тому назадъ, произносилъ свои приговоры на Юденштрассе въ Берлинѣ. Чувствуя отвращеніе къ судебнымъ слѣдствіямъ, онъ всегда старался устраивать компромиссы. Для этого онъ прибѣгалъ къ самымъ разнообразнымъ пріемамъ. Чтобы склонить стороны къ уступкамъ, онъ заставлялъ ихъ ждать по цѣлымъ часамъ около жарко натопленной печки своего кабинета, а, когда это оказывалось недостаточнымъ, онъ прибѣгалъ къ особой тактикѣ: предлагалъ обвиняемому выйти на нѣсколько минутъ и, указывая истцу на слабую обоснованность его жалобы, давалъ понять, что его возраженія не выдерживаютъ критики, намекая, что онъ, вѣроятно, проиграетъ дѣло. Послѣ бесѣды съ каждымъ изъ своихъ кліентовъ наединѣ, сдѣлавъ ихъ болѣе уступчивыми, онъ вызывалъ обоихъ вмѣстѣ въ свою камеру, и дѣло почти всегда улаживалось. Точно такъ же поступалъ и сэръ Эдуардъ Грей съ европейскими «тяжущимися сторонами», чтобы заставить ихъ пойти на мировую и предупредить возможность вооруженной борьбы. Онъ говорилъ французамъ и русскимъ: «уступите, не разсчитывайте на мою поддержку», а нѣмцамъ и австрійцамъ: «уступите, не разсчитывайте на мой нейтралитетъ». Какъ первые ждали отъ него помощи—замѣтьте, не въ пользу войны, а противъ нея,—такъ послѣдніе требовали отъ него нейтралитета, который, разумѣется, могъ имѣть значеніе только на случай войны.

Грей дѣлалъ все, что было въ его силахъ, чтобы разрушить иллюзію германскаго кабинета, будто Англія, что бы

ни случилось, останется нейтральною въ случаѣ обще-европейскаго конфликта. Онъ лично предупреждалъ князя Лихновскаго противъ такого мнѣнія, а чрезъ посла Гошена послалъ въ Берлинъ такое же предупрежденіе г.г. Бетману и фонъ Ягову. Англійская Синяя книга переполнена доказательствами этому. [1]) Предостереженія участились въ критическіе дни съ 27 по 31 іюля, и самое краснорѣчивое изъ нихъ—неоднократно упоминавшійся отвѣтъ Грея отъ 30 іюля. Смыслъ этого документа, который является актомъ выдающагося значенія и всегда будетъ для англійской дипломатіи предметомъ законной гордости, сводится къ слѣдующему: «мы не хотимъ нейтралитета, который лишь усилитъ ваши воинственные замыслы, ибо облегчитъ вамъ побѣду. Взамѣнъ его—теперь и всегда—общее выступленіе въ пользу мира, чтобы оградить Европу отъ новой катастрофы. Мы не хотимъ и тѣхъ гарантій, которыя вы намъ предлагаете. Даже если бы эти гарантіи были шире, чѣмъ въ дѣйствительности, то и тогда Англія не захотѣла бы и слышать о нихъ: онѣ лишь поощрили бы ваши воинственныя стремленія. Англія хочетъ мира для всѣхъ, а если вы его нарушите, то не разсчитывайте, что она останется въ сторонѣ». Вотъ мысли Грея, горячо и убѣдительно выраженныя имъ въ нотѣ отъ 31 іюля.

Въ тотъ же день, за нѣсколько часовъ до начала войны, Грей предложилъ обѣимъ сторонамъ сдѣлать другъ другу пріемлемыя предложенія и угрожалъ каждой изъ нихъ отречься отъ нея, если она отвергнетъ пріемлемыя предложенія противной стороны. [2])

Мы знаемъ, что всѣ его усилія оказались тщетными,—не по винѣ Россіи и Франціи, а по винѣ Германіи и Австріи. Европейская война разразилась вслѣдствіе объявленія Германіей войны Россіи. Все остальное должно было произойти механически, согласно съ союзными договорами.

Итакъ, заявленіе имперскаго канцлера не подтверждается, а опровергается англійскими документами, и не Англія отвѣтственна за европейскую войну. Но канцлеръ прибѣгаетъ къ другому доказательству, которое онъ находитъ въ пресловутомъ письмѣ бельгійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Петроградѣ къ министру Давиньону, перехваченномъ въ Берлинѣ и впослѣдствіи опубликованномъ. Если вѣрить г. фонъ-Бетману, то это письмо неопровержимо доказываетъ виновность Англіи. Въ чемъ же дѣло

---

[1]) Синяя кн., №№ 87, 89, **101**, 102, **111**, 116 119, 123.

[2]) Синяя кн., № **112**.

Исторія этого письма и обнаруженія его настолько необычайна, настолько похожа на разсказы Шерлока Холмса, что есть полное основаніе сомнѣваться въ его подлинности. Какъ удивительно везетъ Берлинскому правительству! Въ нужный моментъ въ его руки всегда попадаютъ компрометтирующіе другихъ документы! Бельгійскій повѣренный въ дѣлахъ написалъ своему министру подъ чужимъ адресомъ. Онъ отправилъ это письмо изъ Петрограда при посредствѣ третьяго лица, съ тѣмъ, чтобы письмо было отправлено по почтѣ изъ Берлина. Странно, очень странно! Оффиціальнаго подтвержденія подлинности этого письма не имѣется; подпись автора никѣмъ не признана, никѣмъ не удостовѣрена. Въ гражданскомъ судопроизводствѣ такой документъ не имѣлъ бы никакого доказательнаго значенія.

Однако, допустимъ, что такое письмо, дѣйствительно, существовало. Въ немъ содержатся замѣчанія, высказанныя повѣреннымъ въ дѣлахъ маленькаго государства и касающіяся событій, въ коихъ онъ не участвовалъ и о которыхъ онъ знаетъ лишь по наслышкѣ. Самый фактъ, что онъ говоритъ лишь по слухамъ, а не по непосредственнымъ наблюденіямъ, уже лишаетъ его свидѣтельство доказательности, и оно не можетъ быть противопоставлено показаніямъ, основаннымъ на фактахъ, т. е., въ данномъ случаѣ, оффиціальнымъ документамъ, излагающимъ дипломатическіе факты. Когда обокраденный излагаетъ передъ судьей всѣ подробности кражи и подтверждаетъ ихъ клятвой, судья сразу устраняетъ всякія свидѣтельскія показанія «по наслышкѣ», по которымъ кражи будто бы не было. Судья не только не придаетъ никакой вѣры такимъ свидѣтельскимъ показаніямъ, но не хочетъ ихъ даже и выслушивать.

Изъ этого слѣдуетъ, что факты, доказанные на основаніи дипломатическихъ документовъ Англіи, Франціи, Россіи, а также и Германіи, не уничтожаются свидѣтельскимъ показаніямъ бельгійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ существуетъ противорѣчіе между оффиціальными документами и бельгійскимъ донесеніемъ, вѣрить слѣдуетъ первымъ.

Впрочемъ, дѣйствительно ли между ними существуютъ серьезныя противорѣчія, могущія опрокинуть все зданіе, построенное на основаніи дипломатическихъ документовъ? Вовсе нѣтъ. Бельгійскій повѣренный въ дѣлахъ высказываетъ правду въ лицо каждому изъ заинтересованныхъ государствъ, какъ это сдѣлала бы старая сплетница, нападающая на всѣхъ. Онъ самъ извиняется, замѣчая въ началѣ, что распространяются самыя противорѣчивыя извѣстія, и что невозможно отличить правду отъ неправды относительно намѣреній «император-

скаго правительства». Затѣмъ онъ хвалитъ Германію, которая де несомнѣнно старалась, какъ въ Петроградѣ, такъ и въ Вѣнѣ, найти средство для избѣжанія всеобщаго конфликта. Онъ порицаетъ Австрію, которая проявила «твердую рѣшимость не отступить ни на шагъ». Далѣе онъ отмѣчаетъ заявленіе Сазонова, сказавшаго, что русская мобилизація не направлена противъ Германіи, онъ указываетъ на призывъ запасныхъ—только въ опредѣленныхъ губерніяхъ—и «спокойно» утверждаетъ, что, по его личному впечатлѣнію, мобилизація идетъ вездѣ. Англія и Россія, говоритъ онъ, предложили третейскій судъ, но Австрія отвергла предложенія обѣихъ. На предложеніе созвать конференцію, Германія отвѣтила контръ-предложеніемъ, клонящимся къ непосредственному соглашенію между кабинетами. Въ виду всѣхъ этихъ противорѣчащихъ одинъ другому шаговъ, «невольно спрашиваешь себя—говорится въ этомъ письмѣ—не хотятъ ли всѣ войны и не стараются ли всѣ оттянуть немного объявленіе ея, чтобы выиграть время?» Въ началѣ Англія откровенно заявила, что она не дастъ втянуть себя въ конфликтъ, а теперь въ Петроградѣ убѣждены, и даже получили завѣреніе, что Англія поддержитъ Францію. «Эта поддержка имѣетъ огромное значеніе и много помогла военной партіи взять верхъ.» Русская армія чувствовала себя сильной, флотъ же не имѣлъ большого значенія. Вотъ почему увѣренность, что Англія поддержитъ Россію, имѣла столь большое значеніе.

Этотъ документъ, которому германское правительство придаетъ большее значеніе, чѣмъ своей Бѣлой книгѣ, былъ опубликованъ въ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», которая подчеркнула нѣкоторыя мѣста жирнымъ шрифтомъ. Дѣйствительно, впечатлѣніе отъ этого документа зависитъ отъ подчеркнутыхъ мѣстъ и отъ того, какія именно выдвигаются сплетни изъ этого винегрета сплетенъ, собранныхъ авторомъ въ прихожихъ посольствъ, такъ какъ самъ онъ стоялъ въ сторонѣ отъ всякихъ переговоровъ. Этими сплетнями, вѣроятно, пользовались противъ той или другой изъ великихъ державъ. Если напечатать жирнымъ шрифтомъ, что Вѣнскій кабинетъ проявилъ твердую рѣшимость не отступить ни на шагъ, что Австрія и Германія отвергли всѣ предложенія относительно созыва конференціи, третейскаго суда и т. д., что, повидимому, всѣ желаютъ войны и стараются лишь выиграть время, чтобы къ ней приготовиться, то вся вина падаетъ на Австрію и Германію. Если же, напротивъ, выдвинуть замѣтку, что Англія обѣщала свою помощь Франціи и этимъ усилила военную партію въ Петроградѣ, то отвѣтственность, по крайней мѣрѣ—часть ея, ляжетъ на Англію. Такимъ образомъ, этотъ документъ служитъ

оказательствомъ, какъ противъ однихъ, такъ и противъ другихъ, о съ тою разницею, что мѣста, направленныя противъ Германіи, одтверждаются всѣми дипломатическими документами, не исключая Бѣлой книги, между тѣмъ какъ мѣста, относящіяся къ Англіи, провергаются всѣми документами, опубликованными дипломатическими анцеляріями Европы и, въ частности, самой Бѣлой книгой.

Я уже привелъ расточаемыя Бѣлой книгой похвалы англійской юбви къ миру и усиліямъ сохранить его. Бѣлая книга заканчивается анными, относящимися ко 2-му августа, и говоритъ о всѣхъ дипло-атическихъ событіяхъ, бывшихъ до этого дня, разумѣется, лишь остольку, поскольку было признано полезнымъ ихъ опубликовать.

Если бы поведеніе Англіи въ отношеніи Парижа и Петрограда твѣчало тому, что на основаніи слуховъ доноситъ бельгійскій авторъ ь своемъ письмѣ отъ 30-го іюля, то Германія, въ качествѣ аиболѣе заинтересованной стороны, должна была ы знать объ этомъ 2-го августа и не могла бы утвер-дать противное въ своей Бѣлой книгѣ. Если бы хотя одинъ атомъ зъ этихъ «кулуарныхъ» бельгійскихъ сообщеній соотвѣтствовалъ стинѣ, германское правительство съ радостью воспользовалось бы гимъ и не преминуло бы подобрать въ своей меморіи факты, под-зерждающіе подобныя заявленія. Англійское участіе въ міровой войнѣ ыло уже неминуемымъ, когда имперскій канцлеръ представилъ рейхс-агу свою Бѣлую книгу (4-го августа). Вечеромъ того же дня мы, ь Германіи, были на положеніи войны съ Англіей. Въ интересахъ фонъ-Бетмана было, по возможности и praenumerando [1]), возло-ить на нее наибольшую отвѣтственность, такъ какъ съ утра 4-го згуста послѣ нарушенія бельгійскаго нейтралитета не могло уже ыть сомнѣній въ предстоящемъ участіи Англіи въ конфликтѣ. Если анцлеръ этого не сдѣлалъ, если, напротивъ, онъ сталъ усиленно адить Англію по головкѣ, подчеркивая въ своемъ объявленіи войны ссіи англійскія усилія въ пользу мира, не доказываетъ ли это убѣ-ительнѣйшимъ образомъ, что противъ лондонскаго каби-ета не имѣлось никакихъ обвиненій? Впрочемъ, какъ ы уже видѣли, это столь-же неопровержимо доказано въ дипломa-ическихъ документахъ, опубликованныхъ державами согласія, и по-ому не можетъ быть уничтожено невѣроятными побасенками не ѣющаго никакого вліянія повѣреннаго въ дѣлахъ. Усилія Грея въ льзу мира до и послѣ 30-го іюля, каковымъ числомъ помѣчено

---

[1]) Заблаговременно.

бельгійское письмо, являются историческимъ фактомъ, подтверждае мымъ оффиціальными документами: этотъ министръ не обѣ щалъ своей поддержки ни Франціи, ни Россіи. Напро тивъ того, онъ категорически и недвусмысленно отказалъ имъ в такого рода поддержкѣ, несмотря на повторныя просьбы этихъ дер жавъ. Имперскій канцлеръ знаетъ это такъ же хорошо, какъ мы если онъ пренебрегаетъ всѣми достовѣрными дипломатическими фак тами, если онъ даже отказывается отъ собственныхъ ранѣе сдѣлан ныхъ заявленій, чтобы неправильно уличить Англію, пользуясь доку ментомъ, лишеннымъ достовѣрнаго характера и въ высшей степен подозрительнымъ, то онъ поступаетъ не gentlemanlike и противъ сво его внутренняго убѣжденія.

Истина содержится въ слѣдующихъ фразахъ англійской Сине книги: «Сэръ Э. Грей категорически отказался обѣщать поддержк тому или иному изъ нашихъ нынѣшнихъ союзниковъ. Онъ утверждалъ что Великобританія занимаетъ положеніе незаинтересованной стороны мирныя предложенія которой получили бы большее значеніе, если б въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ знали, что мы въ происходящемъ спорѣ со вершенно не связаны ни съ одною изъ сторонъ. Онъ отказывалс вѣрить, что лучшимъ средствомъ для сохраненія европейскаго мир является демонстрація силы... Мы не дали никакихъ обяза тельствъ нашимъ нынѣшнимъ союзникамъ, но м трижды—30-го іюля, 31-го іюля и 1-го августа—предостерегали Ге манію относительно того дѣйствія, которое нарушеніе бельгійскаг нейтралитета можетъ произвести на наше поведеніе и на настроен британскаго народа». [1])

Что поведеніе Англіи было именно такимъ, какъ оно здѣс представлено, а не такимъ, какъ утверждаетъ авторъ бельгійска письма,—это доказываютъ всѣ дипломатическіе документы. Но чтоб Германія содѣйствовала торжеству мирныхъ теченій въ Вѣнѣ, ка утверждаетъ авторъ письма, это ничѣмъ не доказано: какъ я у упоминалъ, переписка между Вѣною и Берлиномъ понынѣ не опубл кована. Мы должны удовлетвориться ни на чемъ не основанны утвержденіями Германіи, не заслуживающими никакого довѣрія у по той причинѣ, что Германія, при наличности искренняго намѣрен принудить Вѣну къ уступкамъ, несомнѣнно, достигла бы своей цѣл

Имперскій канцлеръ, въ своей рѣчи 2-го декабря, сказалъ фраз которую мы приводимъ въ дословномъ переводѣ: «Лондонскій ка

---

[1]) Синяя книга, стр. VIII.

ıетъ могъ предотвратить войну, если бы недвусмысленно заявилъ въ Петроградѣ, что Англія не намѣрена дать разростись австро-сербскому конфликту до размѣровъ войны на всемъ материкѣ Европы. Англія этого не сдѣлала. Она видѣла, что колесо начинаетъ вертѣться, и не постаралась остановить его. Несмотря на всѣ свои мирныя заѣренія, Лондонъ далъ понять Петрограду, что онъ на сторонѣ Франціи и Россіи.»

Эта фраза фальшива съ начала до конца. Она станетъ истиной, если замѣнить повсюду слова Германія Англіей, а Вѣна—Петроградомъ. Тогда истина предстанетъ въ слѣдующей формѣ: «Берлинскій кабинетъ могъ предотвратить войну, если бы недвусмысленно заявилъ въ Вѣнѣ, что Германія не намѣрена дать разростись австро-сербскому конфликту до размѣровъ войны на всемъ материкѣ Европы. Германія этого не сдѣлала. Она видѣла, что колесо начинаетъ вертѣться, и не постаралась остановить его. Несмотря на всѣ свои мирныя заѣренія, Берлинъ далъ понять Вѣнѣ, что онъ на сторонѣ Австріи.»

* * *

Событія, развернувшіяся между 1 и 4 августа, между объявленіемъ войны Германіей—Россіи и Англіей—Германіи, должны быть изложены особо. Насъ не интересуетъ больше вопросъ, кто вызвалъ европейскую войну, такъ какъ она уже вспыхнула вслѣдствіе объявленія войны Германіей Россіи, что неизбѣжно, въ силу союзныхъ отношеній, должно было привести къ нѣмецко-французской и русско-австрійской войнамъ.

Я уже указывалъ на поведеніе Италіи. Эта держава, заключившая союзъ съ Австріей лишь на случай оборонительной войны, отказалась отъ участія въ нынѣшней, ссылаясь на агрессивный характеръ войны, предпринятой Германіей и Австріей. Заявленіе такого рода имѣетъ особенное значеніе въ устахъ союзниковъ, именно поэтому г. фонъ-Бетманъ, повидимому, относится къ нему столь пренебрежительно и обходитъ его молчаніемъ во всѣхъ своихъ рѣчахъ и писаніяхъ.

Единственной страной, не обязанной въ силу союза участвовать въ войнѣ, была Англія. Я уже выше указывалъ, что эта страна, несомнѣнно, заключила спеціальные договоры съ Франціей и Россіей, по вопросу о защитѣ опредѣленныхъ интересовъ. Общаго союзнаго договора ни съ одной, ни съ другой изъ вышеназванныхъ державъ заключено не было; Англія, слѣдовательно, не участвовала въ франко-русскомъ союзѣ. На основѣ этихъ спеціальныхъ договоровъ, устра-

нившихъ причины треній, существовавшихъ между Англіей и двумя другими государствами, возникло сближеніе, породившее дружественныя отношенія безъ союзныхъ обязательствъ.

Итакъ, Англія была свободна и должна была рѣшить вопросъ объ участіи или неучастіи въ европейской войнѣ, руководствуясь исключительно собственнымъ мнѣніемъ по этому вопросу. Участіе или неучастіе ея отнюдь не было связано съ болѣе значительнымъ вопросомъ объ отвѣтственности за войну,—болѣе значительнымъ съ точки зрѣнія моральной и исторической. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, германскій народъ и особенно его правители лишились способности логическаго мышленія. Они не хотятъ или не могутъ понять, что поведеніе Англіи послѣ возникновенія войны не имѣетъ ничего общаго съ ея предыдущими дѣйствіями. Первое совершенно независимо отъ вторыхъ, и при оцѣнкѣ его необходимо руководствоваться совершенно инымъ критеріемъ.

Я докажу, что Англія, сдѣлавшая все возможное для предотвращенія войны, ничего не сдѣлала впослѣдствіи, чтобы увеличить своимъ участіемъ размѣры ея, и что она скорѣе всего была принуждена къ этому участію дѣйствіями Германіи. Но, если я даже допущу на минуту, что доказать это невозможно, то этимъ ничуть еще не было бы доказано, что отвѣтственность за возбужденіе войны падаетъ на Англію. Теоретически было бы вполнѣ возможно, чтобы она ее вызвала и осталась бы затѣмъ нейтральной, не менѣе возможно, что она ея не вызвала и все-таки приняла въ ней участіе. Нѣтъ никакой логической связи между фактомъ возбужденія войны и участіемъ въ ней.

Этотъ небольшой урокъ логики посвящается спеціально г. фонъ Бетманъ-Гольвегу, имперскому канцлеру, перепутавшему всѣ эти вопросы въ своей рѣчи 2-го декабря. Завѣренія, данныя Англіею Франціи 2-го августа, послѣ возникновенія войны, мотивы, указанные въ англійскомъ объявленіи войны отъ 4-го августа, всѣ эти событія, являющіяся лишь слѣдствіемъ, служатъ для германскаго канцлера доказательствами, что Англія задумала войну и стремилась къ ней. Эти доказательства неосновательны, такъ какъ грѣшатъ противъ самой простой логики. Дѣйствія, устанавливающія виновность, никогда не могутъ быть совершены послѣ рѣшающаго, главнаго событія. Они должны предшествовать ему или, по крайней мѣрѣ, произойти одновременно.

Трудно, слѣдовательно, понять цѣль безконечныхъ споровъ, вѣчно повторяющихся въ Германіи, относительно мотивовъ, побудившихъ Англію принять участіе въ войнѣ. Эти мотивы—дѣло исключительно Англіи. Они могутъ быть болѣе или менѣе основательны, болѣе или менѣе лицемѣрны; но они ни на іоту не уменьшатъ виновности и отвѣтственности, падающихъ на Германію, вызвавшую міровую войну. Вопросъ объ участіи Англіи или о нейтралитетѣ ея возникъ лишь вслѣдствіе войны. Несущій отвѣтственность за войну въ одинаковой степени отвѣтственъ и за ея послѣдствія, слѣдовательно, и за участіе Англіи, хотя бы онъ принудилъ ее къ сему лишь косвенно. Но эта отвѣтственность еще усугубляется, если можно доказать, что зачинщикъ войны повиненъ также въ участіи Англіи въ этой войнѣ.

Я резюмирую:

1. Германія и Австрія отвѣтственны за міровую войну: ихъ виновность доказана.

2. Ихъ виновность не можетъ быть смягчена дѣйствіями Англіи, совершенными послѣ возникновенія войны.

3. Ихъ виновность возрастаетъ, если онѣ сами вызвали эти дѣйствія.

Разсмотримъ факты, руководствуясь этими принципами.

Англія объявила войну Германіи вечеромъ 4-го августа, такъ какъ Германія отвергла предложеніе прекратить дальнѣйшее нарушеніе нейтральной бельгійской территоріи. Утромъ того же дня германскія войска вторглись въ Бельгію послѣ того, какъ она отказалась допустить свободный проходъ германскихъ войскъ. [1]) Англія, въ качествѣ державы, гарантировавшей Лондонскій договоръ 1839 года, была въ правѣ и обязана откликнуться на призывъ короля Альберта, сдѣланный 3-го августа, и выступить на защиту бельгійскаго нейтралитета, который она гарантировала вмѣстѣ съ Пруссіей и другими державами. [2]) Никого, хотя отчасти знакомаго съ исторіей бельгійскаго нейтралитета, отнюдь не могло удивить вмѣшательство Англіи. Но г. фонъ-Бетманъ былъ столь возмущенъ поведеніемъ Англіи, что, во время своего послѣдняго визита у посла Гошена, не могъ владѣть собою и презрительно отозвался о «нейтралитетѣ», съ которымъ столь часто не считались, и о «клочкѣ бумаги», изъ за котораго Англія хотѣла начать войну. [3])

---

[1]) Сѣрая книга, № 22.
[2]) Сѣрая книга, № 25.
[3]) Синяя книга, № 160.

Г. фонъ-Бетманъ, кажется, плохо знакомъ съ исторіею своего народа. Развѣ онъ не зналъ, что именно наличность бельгійскаго нейтралитета дала поводъ Бисмарку въ 1870 году прибѣгнуть къ одному изъ самыхъ тонкихъ его дипломатическихъ ходовъ? Развѣ онъ не зналъ, что въ началѣ войны 1870 года Англія такъ же, какъ и нынѣ, выступила защитницей этого нейтралитета, но съ совершенно инымъ результатомъ; Бисмаркъ не только обѣщалъ соблюдать бельгійскій нейтралитетъ, но даже донесъ о намѣреніи Франціи нарушить его и привлекъ, такимъ образомъ, Лондонскій кабинетъ на свою сторону. Какъ извѣстно, онъ, вскорѣ послѣ открытія военныхъ дѣйствій, опубликовалъ составленный французскимъ посломъ Бенедетти проектъ трактата, въ которомъ Франція, взамѣнъ уступокъ, сдѣланныхъ Пруссіи въ сѣверной Германіи, домогалась аннексіи Бельгіи. Послѣдствіемъ этого геніальнаго хода Бисмарка былъ нейтралитетъ Англіи, а также заключеніе торжественнаго договора между Англіей — съ одной стороны, Франціей и Германіей—съ другой, въ которомъ Англія прямо заявляла, что, въ случаѣ нарушенія бельгійскаго нейтралитета одной изъ воюющихъ сторонъ, она для защиты его станетъ на сторону другой. Договоръ уважался и соблюдался столь строго, что Германія, послѣ битвы при Седанѣ, была вынуждена отказаться отъ намѣренія транспортировать раненыхъ черезъ бельгійскую территорію.

Неужели г. фонъ-Бетманъ ничего не знаетъ объ этихъ событіяхъ? Или, можетъ быть, несмотря на свою освѣдомленность, этотъ эпигонъ, этотъ карликъ полагаетъ излишнимъ считаться съ тѣмъ, съ чѣмъ охотно и съ пользою для дѣла считался его великій предшественникъ, гигантъ Бисмаркъ? Не обязанъ ли былъ г. Бетманъ, уполномачивая германскій главный штабъ включить въ планъ войны прохожденіе войскъ черезъ бельгійскую территорію, уяснить себѣ, что эта стратегическая выгода породитъ несравненно большія политическія и военныя невыгоды для Германіи? Неужели прошлое ничему не научило его? Развѣ онъ не зналъ—въ чемъ прекрасно отдавалъ себѣ отчетъ Бисмаркъ,—что однимъ изъ принциповъ англійской политики всегда была поддержка и защита неприкосновенности малыхъ странъ сѣверной Европы? Развѣ никто не могъ ему напомнить, съ какими вдохновенными словами Гранвиль и Гладстонъ—столь же либеральные англійскіе министры, какъ и нынѣшніе—энергично вступились въ августѣ 1870 года за неприкосновенность Бельгіи и квалифицировали нападеніе на эту страну, какъ «тягчайшее изъ преступленій, когда либо запятнавшихъ страницы исторіи»?

Обо всемъ этомъ г. фонъ-Бетманъ, повидимому, ничего не зналъ, огда 2-го декабря утверждалъ въ рейхстагѣ, что нарушеніе бель-йскаго нейтралитета было не причиной, а лишь предлогомъ для бъявленія Англіей войны. Напротивъ, оно являлось столь уважитель-ой причиной, что 44 года тому назадъ Англія торжественнымъ бразомъ объявила бы намъ войну, если бы мы совершили покушеніе а бельгійскій нейтралитетъ. Чего не могъ себѣ разрѣшить Бисмаркъ, о, конечно, не могло быть разрѣшено Бетману; иначе пришлось бы ереиначить изреченіе и говорить: «Quod licet bovi, non licet Iovi» Что позволительно скотинѣ, то непозволительно Юпитеру»).

Какое значеніе имѣютъ столь любезныя сердцу нѣмецкихъ про-ессоровъ изысканія: руководствовалась ли Англія, выступая на защиту ельгіи, моральными или матеріальными соображе-іями? Дѣйствовали, вѣроятно, и тѣ, и другія: соблюдая вѣрность воему слову, Англія одновременно заботилась и о своихъ интересахъ. и для кого не тайна, что Англія всегда была заинтересована въ томъ, тобы часть побережья Сѣвернаго моря, расположенная противъ ондона, продолжала находиться въ рукахъ малыхъ нейтральныхъ осударствъ. Человѣкъ, поступающій честно, не обязанъ отдавать ому-либо отчетъ въ томъ, насколько дѣйствія его отвѣчаютъ его обственнымъ интересамъ. «Qui iure suo utitur neminem laedit» (поль-ующійся своимъ собственнымъ правомъ не вредитъ этимъ никому). ельзя заглянуть въ душу человѣческую, еще менѣе въ таковую осударства, которое, къ тому же, только «совокупность» душъ.

Во всякомъ случаѣ, опытъ исторіи и серьезныя, повторныя едостереженія, сдѣланныя германскому правительству, не могли тавлять никакого сомнѣнія: нарушеніе бельгійскаго нейтралитета оль сильно затронуло бы народныя чувства и интересы Англіи, что по-ѣдняя не могла бы молчаливо остаться въ сторонѣ. Нѣсколько зъ Грей обращалъ вниманіе князя Лихновскаго на послѣдствія рушенія этого нейтралитета, возможность чего давалъ предвидѣть лончивый отвѣтъ фонъ-Ягова на англійскій запросъ отъ 31-го іюля. рей особенно обратилъ вниманіе на то, что «нейтралитетъ Бельгіи трагиваетъ чувства нашей страны». [1]) Германское правительство аралось успокоить Лондонскій кабинетъ, заявляя, что «оно ни подъ кимъ предлогомъ не произведетъ аннексіи бельгійской территоріи», [2]) ковую успокоительную пилюлю Англія, конечно, не могла про-

---

[1]) Синяя книга, №№ 101, 123, стр. VIII.

[2]) Синяя книга, № 157.

глотить: «нейтралитетъ» не тожествененъ съ «отказомъ отъ аннексіи» а требуетъ гарантированія страны отъ какого бы то ни был соприкосновенія съ войной, даже отъ прохожденія черезъ нейтраль ную территорію войскъ воюющей страны. Разсматривать такое про хожденіе, какъ невинный поступокъ—болѣе, чѣмъ наивно. Он дозволило бы Франціи вторгнуться въ страну, и Бельгія очутилась бы въ столь затруднительномъ положеніи, что его трудно даже себѣ пред ставить: подчинись она германскому ультиматуму, ея территорія несомнѣнно, послужила бы ареной борьбы для воюющихъ сторонъ причемъ сама Бельгія была бы лишена возможности предпринять что либо для своей защиты. Раздробленная между обѣими арміями, он погибла бы независимо отъ того, на чьей сторонѣ осталась бы побѣда

Неудивительно, слѣдовательно, что Англія не приняла завѣреній Германіи, потребовавъ отъ нея строгаго соблюденія бельгій скаго нейтралитета. Но такой деклараціи Германія сдѣлать не могла такъ какъ, согласно издавна приготовленнымъ планамъ германскаго главнаго штаба, прохожденіе войскъ черезъ Бельгію признавалось необходимымъ.

Еще 4-го августа, когда германскія войска уже перешли бель гійскую границу, сэръ Э. Гошенъ, по порученію своего правительства запросилъ г. фонъ-Ягова, нельзя ли хотя бы еще теперь отка заться отъ нарушенія бельгійскаго нейтралитета и отозвать войска. В виду отрицательнаго отвѣта г. фонъ-Ягова, англійскій посолъ попросил его еще разъ обдумать вопросъ и дать ему удовлетворительный отвѣтъ до 12 ч. ночи. Г. фонъ-Яговъ отвѣтилъ, что «отвѣтъ его не измѣнится, даже если ему предоставятъ для обсужденія вопрос больше 20 часовъ». Вслѣдствіе этого, Гошенъ потребовалъ возвра щенія ему паспортовъ. [1])

Изучая отношеніе нѣмецкой дипломатіи къ вопросу о бельгій скомъ нейтралитетѣ, можно найти лишь одно объясненіе для ея «не объяснимаго» поведенія: эта дипломатія совершенно сту шевалась предъ «военнымъ элементомъ». Несомнѣнно стратегическое положеніе, благодаря прохожденію войскъ черезъ Бель гію, улучшилось; наоборотъ, дипломатическое положеніе—и, как слѣдствіе его, военное положеніе—ухудшилось въ высшей степени такъ какъ на сторону нашихъ враговъ стала третья, наиболѣе опас ная держава. Въ итогѣ—больше ущерба, чѣмъ выгоды. Государствен ный дѣятель, стоящій во главѣ имперіи, обязанъ былъ взвѣсить эт

---

[1]) Синяя книга, № 160.

выгоды и потери; въ случаѣ неблагопріятнаго результата этого подсчета, онъ поступилъ бы правильнѣе, отказавшись отъ своей должности, чѣмъ подвергая свою страну еще большей опасности.

Сейчасъ въ Германіи нѣтъ людей, способныхъ на такія энергичныя рѣшенія. Канцлеру недоставало твердости характера или прозорливости: или онъ не предвидѣлъ послѣдствій нарушенія бельгійскаго нейтралитета, или не обладалъ достаточной энергіей, чтобы, хотя бы даже пожертвовавъ своимъ постомъ, дать политической точкѣ зрѣнія перевѣсъ надъ военною. Нынѣ, послѣ того, какъ стряслась бѣда, онъ, въ союзѣ со своими клевретами, старается оправдаться, прибѣгая къ формулѣ «если бы, да кабы». «Если бы мы не нарушили нейтралитета, это сдѣлала бы Франція». Мы уже видѣли, что это предположеніе ни на чемъ не основано. Если бы даже Франція предполагала вторгнуться въ Бельгію, Германія спокойно должна была выждать наступленія этого событія, предоставляя Франціи отвѣчать за вызываемыя имъ роковыя послѣдствія. Англія, безспорно, вполнѣ одинаково воспротивилась бы французскому вторженію, какъ сдѣлала это относительно германскаго, руководствуясь договоромъ 1870 года и своимъ запросомъ 31-го іюля 1914 года. Въ такомъ случаѣ положеніе Франціи по отношенію къ Англіи было бы, даже съ моральной точки зрѣнія, еще болѣе неблагопріятнымъ: вѣдь, Франція дала 31-го іюля опредѣленное обѣщаніе не нарушать бельгійскаго нейтралитета, Германія же отказалась дать такое обѣщаніе. Если бы, нѣсколькими днями позже, Франція нарушила свое слово, Англія, если бы и не стала на сторону Германіи, то, во всякомъ случаѣ, осталась бы нейтральной.

Утверждаютъ, стремясь оправдать нашу германскую дипломатію, что Англія выступила бы противъ Германіи, даже если бы послѣдняя не нарушила неприкосновенности бельгійской территоріи. Это утвержденіе столь необоснованно и несостоятельно, что не стоитъ его разсматривать. То, что Англія сдѣлала для сохраненія мира, является историческимъ фактомъ. То, что она сдѣлала бы, случись или нѣтъ то или иное событіе, является лишь предположеніемъ, серьезное обсужденіе котораго невозможно.

Канцлеръ стремится доказать, что Англія приняла участіе въ конфликтѣ не изъ-за нарушенія бельгійскаго нейтралитета, а ради желанія во что бы то ни стало поддержать Францію. Поэтому онъ въ своей рѣчи отъ 2-го декабря ссылается на бесѣду, состоявшуюся 4-го августа въ Лондонѣ между сэромъ Э. Греемъ и П. Камбономъ. [1])

[1]) Синяя книга, № 148.

По мнѣнію г. фонъ-Бетмана, она доказываетъ, что Англія всегда была «коварнымъ Альбіономъ» и, прикрываясь моральными доводами, всегда преслѣдовала свои интересы, состоявшіе якобы въ «разрушеніи жизненнаго нерва своей главной экономической соперницы». Выводъ: «На Англію и Россію падаетъ отвѣтственность за міровую войну».

Рѣдко какой-нибудь государственный дѣятель допускалъ въ столь торжественный моментъ, опираясь къ тому же на столь авторитетный источникъ, такую массу иллогизмовъ и извращеній истины. Хватаешься за голову и тщетно стараешься слѣдовать за блужданіями этой мысли. Какъ? Англія отвѣтственна за войну, которой она не вызывала и которую стремилась предотвратить всѣми средствами, отвѣтственна только потому, что послѣ начала ея примкнула къ одной изъ воюющихъ сторонъ?! Если бы она даже примкнула безъ всякаго повода, только изъ чувства приличія, то этимъ ничуть не была бы доказана ея отвѣтственность за катастрофу. Чтобы объяснить эту антитезу даже самому тупоумному человѣку, я формулирую ее слѣдующими шестью латинскими словами:

Culpa—ante bellum
Participatio—post bellum. [1])

Впрочемъ, Англія не была обязана указывать кому бы то ни было мотивовъ своего участія. Можно вѣрить или не вѣрить причинамъ ею указаннымъ; во всякомъ случаѣ, это будутъ всегда лишь мотивы объясняющіе участіе въ войнѣ, уже разразившейся, а не тѣ, вслѣдствіе которыхъ на нее можно было бы возложить отвѣтственность за возникновеніе этой войны.

Несомнѣнно, какъ правильно утверждаетъ канцлеръ, «для Англіи не существовало ни братскаго долга, ни принужденія, какъ не было и никакой направленной противъ нея самой угрозы». Никакого братскаго долга! Слѣдовательно, братскій долгъ оправдываетъ вооруженное вмѣшательство. Почему же вы, г. фонъ-Бетманъ, не признавали братскаго долга Россіи выступить на помощь Сербіи? Почему, настаивая на локализаціи конфликта, оказали вы противодѣйствіе Россіи, стремившейся исполнить свой братскій долгъ? Признавая нынѣ, что такой долгъ обязываетъ къ вооруженному вмѣшательству, хотите ли вы насъ все еще увѣрить, что вы серьезно считали возможнымъ удержать старшаго брата отъ оказанія помощи младшему?!

Ничто не принуждало Англію къ участію въ борьбѣ. Несомнѣнно, она не испытала никакого физическаго принужденія. Н

---

[1]) Вина—до войны. Участіе—послѣ войны.

дѣ въ подобныхъ случаяхъ существуетъ вообще физическое принужденіе, если только не въ истинной, реальной, не фальсифицированной свободительной войнѣ? Вмѣсто этого, Англія испытала моральное принужденіе. Она была связана торжественнымъ обязательствомъ, основаннымъ на договорѣ; оно, кромѣ того, имѣло тѣмъ большее значеніе, что цѣлью его являлась защита небольшого государства противъ больших, что оно было подписано всѣми державами—до нападающаго включительно—и что, впослѣдствіи, оно было подтверждено новымъ договоромъ. Договоръ, по мнѣнію г. фонъ-Бетмана, лишь клочокъ бумаги. Но, что же тогда побудило насъ къ выступленію въ пользу Австріи въ конфликтѣ, столь чуждомъ нашимъ интересамъ, какимъ былъ вопросъ объ албанскомъ королевствѣ? Только договоръ, только клочокъ бумаги возлагалъ на насъ союзныя обязательства. Что служитъ оправданіемъ для насъ, должно служить тѣмъ же и для Англіи. Нельзя пользоваться двоякими вѣсами и мѣрами: если для насъ было достаточно клочка бумаги, чтобы вызвать всемірный пожаръ, почему Англія не должна была воспользоваться такимъ клочкомъ для распространенія уже бушующаго пожара, снабжая его новымъ горючимъ матеріаломъ?

Если же мнѣ укажутъ на аргументы Бѣлой книги: «нашимъ интересамъ тоже угрожала опасность, дѣло шло о судьбахъ германской расы въ центральной Европѣ . . . . (почему вы смѣетесь?); нельзя было допустить ослабленія Австріи и т. д.», то я отвѣчу: Англія тоже имѣла интересы, требовавшіе защиты. Договоръ 1839 года являлся для нея не только моральнымъ обязательствомъ, но и гарантіей интересовъ, имѣвшихъ для нея неизмѣримо большее значеніе, чѣмъ всѣ балканскіе вопросы для насъ.

Мы тоже могли остаться нейтральными въ случаѣ австро-русской войны. Если бы мы сохранили нейтралитетъ, война на самомъ дѣлѣ оказалась бы локализованной между Австріей и Россіей, и ни Франція, ни Англія не были бы вовлечены въ пожаръ. Но мы не могли и не хотѣли остаться нейтральными, такъ какъ были связаны союзнымъ договоромъ и потому, что исполненіе нашихъ обязательствъ одновременно соотвѣтствовало нашимъ интересамъ.

Англія находилась въ точно такомъ же положеніи: она не хотѣла и не могла остаться нейтральной въ виду нарушенія бельгійскаго нейтралитета, такъ какъ она торжественно обѣщала защитить Бельгію, и эта защита одновременно отвѣчала англійскимъ интересамъ. Они, слѣдовательно, были распредѣлены одинаковымъ образомъ.

Германія и Англія дѣйствовали вполнѣ одинаково, руководствуясь той-же точкой зрѣнія и тѣми-же мотивами. Основная разница состоитъ лишь въ томъ, что Англія выступила въ пользу небольшой, ни въ чемъ не виноватой страны, въ то время какъ Германія взяла подъ свою защиту большое и провинившееся государство, вызвавъ такимъ образомъ міровую войну, предотвратить которую Англія стремилась всѣми силами.

Попробуемъ прослѣдить ходъ мыслей г. фонъ-Бетмана и разсмотримъ фактъ, который якобы доказываетъ, что бельгійскій нейтралитетъ былъ для Англіи лишь предлогомъ, маской, скрывающей ея цѣли. 2-го августа сэръ Эдуардъ Грей, ссылаясь на постановленіе англійскаго кабинета, далъ П. Камбону слѣдующее завѣреніе:

«If the German fleet comes into the Channel or through the North Sea to undertake hostile operations against French coasts or shipping the British fleet will give all the protection in its power.

This assurance is of course subject to the policy of His Majesty's Government receiving the support of Parliament, and must not be taken as binding His Majesty's Government to take any action until the above contingency of action by the German fleet takes place.» [1])

Комментируя это заявленіе, Грей въ точности пояснилъ, что даже въ случаѣ франко-германской войны, Англія не можетъ считать себя обязанной объявить войну Германіи. Лишь въ точно опредѣленномъ случаѣ появленія германскаго флота въ каналѣ Ламаншъ или въ Сѣверномъ морѣ съ цѣлью предпринять враждебныя дѣйствія противъ французскихъ береговъ или судовъ, британскій флотъ оказалъ бы помощь Франціи,—конечно, съ оговоркой относительно необходимости одобренія такой политики со стороны парламента.

Таково послѣднее средство, которымъ пользуется г. фонъ-Бетманъ, чтобы—въ моральномъ отношеніи—доканать англійскихъ государственныхъ дѣятелей. Онъ приписываетъ особое значеніе том

---

[1]) Если германскій флотъ появится въ Ламаншѣ или, пройдя черезъ Сѣверное море, предприметъ враждебныя дѣйствія противъ французскихъ береговъ или судовъ, британскій флотъ окажетъ всю помощь, которая будетъ въ его силахъ.

«Это завѣреніе, конечно, будетъ имѣть силу лишь въ случаѣ одобренія парламентомъ политики правительства Его Величества и не можетъ быть разсматриваемо какъ обязательство правительства Его Величества начать какія либо дѣйствія до того момента, когда упомянутый выше случай выступленія германскаго флота дѣйствительно произойдетъ (Синяя книга, № 148).

обстоятельству, что эта декларація Грея предшествовала врученію ультиматума Бельгіи; отсюда онъ заключаетъ, что, еще до нарушенія бельгійскаго нейтралитета, Англія очутилась въ рядахъ воюющихъ державъ, почему это нарушеніе не явилось причиной, побудившей Англію къ участію въ войнѣ. На это я возражу: а если бы, дѣйствительно, дѣло такъ обстояло?

Будь этотъ выводъ даже вѣренъ, онъ не имѣлъ бы никакого значенія. То, что произошло 2-го августа, не имѣетъ ничего общаго съ главнымъ вопросомъ объ отвѣтственности за войну. 2-го августа война уже вспыхнула по винѣ Германіи и Австріи и противъ воли Англіи. Предотвратить войну не представлялось возможнымъ. Она неизбѣжно должна была захватить Францію, и, хотя объявленіе войны подлежало врученію въ Парижѣ лишь на слѣдующій день, война на самомъ дѣлѣ уже разразилась. Срокъ, данный Франціи въ ультиматумѣ, истекалъ 1-го августа въ 1 часъ дня; Парижскій кабинетъ отвѣтилъ на него отрицательно. Объявленіе войны между Австріей и Россіей являлось лишь формальностью, которая могла быть исполнена въ любой моментъ, но которая, mirabile dictu [1]), была отсрочена до 6-го августа какъ бы для того, чтобы подчеркнуть еще болѣе безсмыслицу всего совершившагося. Словомъ, война между четырьмя державами уже вспыхнула, и Англія имѣла право дѣйствовать такъ, какъ этого требовали ея интересы. Если ея интересамъ отвѣчала общая или частичная поддержка Франціи, Англія могла дѣйствовать сообразно съ ними. Если въ ея интересахъ было участіе въ войнѣ лишь въ случаѣ нарушенія бельгійскаго нейтралитета, она была въ правѣ сообразовать съ этимъ свои дѣйствія. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, Англію не за что упрекать. Разъ мы поддержали Австрію, Англія могла поддержать Францію.

То обстоятельство, что между этими двумя державами не существовало формальнаго союза, не являлось препятствіемъ для Англіи обѣщать поддержку Франціи, въ виду дружественныхъ отношеній между ними и личной заинтересованности англичанъ. Вѣдь, мы также дѣйствовали лишь въ собственныхъ интересахъ, но, руководствуясь потребностями и примѣромъ Австріи, мы квалифицировали ихъ, какъ «вопросъ жизни и смерти». Такъ, вторженіе въ Бельгію казалось намъ «вопросомъ жизни и смерти»; на самомъ дѣлѣ, вопросъ имѣлъ лишь военное значеніе [2]). Нейтралитетъ Англіи, если и не былъ для

---

[1]) Какъ это ни странно.

[2]) Ср. депешу фонъ-Ягова Лихновскому, отъ 4-го августа (Синяя книга, № 157)

насъ вопросомъ жизни и смерти, имѣлъ, несомнѣнно, огромное значеніе; поэтому мы старались заручиться имъ, пользуясь для этого всѣми средствами какъ до, такъ и послѣ возникновенія войны. Мы серьезно желали сохраненія мирныхъ отношеній съ Англіей; но столь же серьезно и настойчиво мы желали войны съ Россіей и Франціей. Сперва мы хотѣли обезпечить себѣ господство на материкѣ, а остальное—послѣдовало бы само собой.

Къ чему, спрошу я еще разъ, всѣ эти лишніе споры о причинахъ, вовлекшихъ Англію въ войну? Развѣ Европа—нравственное судилище, призванное судить лицемѣровъ и фарисеевъ? Тяжко было бы намъ, если бы на самомъ дѣлѣ существовало такое судилище! Въ какомъ видѣ предстали бы мы передъ нимъ? Какъ изобличило бы оно насъ, завоевателей—подъ маской освободителей, нападающихъ—подъ видомъ обороняющихся, истинныхъ волковъ въ овечьей шкурѣ!

Если бы мы были, по крайней мѣрѣ, достаточно честны, чтобы сознаться въ нашемъ ужасномъ преступленіи; если бы мы, слѣдуя примѣру великихъ завоевателей—Александра Македонскаго, римлянъ, Наполеона I,—открыто провозгласили наше право владѣть и управлять міромъ, такъ какъ мы—лучше, способнѣе и сильнѣе всѣхъ остальныхъ; это было бы, по крайней мѣрѣ, увлекательно, грандіозно, внушало бы уваженіе и захватывало бы, какъ всякое великое дѣло, хотя бы и преслѣдующее отвратительныя цѣли. Ринальдо Ринальдини, Ричардъ III, Цезарь Борджіа—изверги, но они велики въ своемъ родѣ и вызываютъ восхищеніе, какъ всякій цѣльный человѣкъ. Но, Боже мой, какъ мы ничтожны! Дома мы проповѣдуемъ (конечно, только среди посвященныхъ!) о необходимости Weltmachtpolitik, завоеваній и міровой гегемоніи, а въ глазахъ невѣжественнаго народа и иностранцевъ мы являемся жертвами коварныхъ враговъ, подвергнувшимися внезапному нападенію. Тайно мы рекламируемъ вино, всенародно же пьемъ воду. Въ тѣсномъ кругу юнкеровъ, царедворцевъ и генераловъ мы подаемъ опьяняющее вино воинственнаго энтузіазма, но на людяхъ, передъ народомъ и заграницей, мы пьемъ воду пацифизма, кротости и невинности.

Не пристало намъ, слѣдовательно, упрекать англійское правительство въ двойственности и лицемѣріи! И въ данномъ случаѣ мы ищемъ сучекъ въ глазу другого, не замѣчая бревна въ нашемъ собственномъ.

О поразительномъ лицемѣріи Германіи свидѣтельствуютъ (помимо событій 1914 года) также декларацiи 1911 и 1913 г.г., сдѣланныя нѣмецкими дипломатами по поводу нейтралитета Бельгіи. Уже въ

1911 году, во время полемики, возникшей по поводу голландскаго проекта укрѣпить Флиссингенъ, нѣкоторыя бельгійскія газеты высказали опасенія, какъ бы въ случаѣ франко-германской войны Германія не нарушила нейтралитета ихъ страны. Бельгійское министерство, въ интересахъ дружественныхъ отношеній обѣихъ странъ, подало въ Берлинѣ мысль, чтобы въ рейхстагѣ была сдѣлана по этому поводу оффиціальная декларація, которая разсѣяла бы всѣ опасенія. Г. фонъ Бетманъ-Гольвегъ поручилъ посланнику Флотову отвѣтить, что онъ цѣнитъ дружественныя чувства брюссельскаго правительства. Онъ заявилъ, что Германія не имѣетъ намѣренія нарушать бельгійскій нейтралитетъ, но, по его мнѣнію, Германія, сдѣлавъ публичное заявленіе, ослабила бы свое военное положеніе въ отношеніи Франціи: успокоенная за свою безопасность на сѣверѣ, Франція передвинула бы всѣ свои силы на восточныя границы. [1]) Теперь понятенъ уклончивый отвѣтъ Бетмана. Въ то время планъ вторженія въ Бельгію, повидимому, былъ уже разработанъ, и имперскій канцлеръ постыдился открыто заявить въ рейхстагѣ о своемъ намѣреніи уважать нейтралитетъ, нарушеніе котораго было уже рѣшеннымъ дѣломъ.

Г. фонъ-Яговъ былъ менѣе проницателенъ. Въ засѣданіи бюджетной комиссіи рейхстага 20-го апрѣля 1913 г. онъ не побоялся сдѣлать слѣдующее лживое заявленіе: «Нейтралитетъ Бельгіи охраняется международной конвенціей, и Германія твердо намѣрена уважать постановленія конвенціи.» [2]) Но наиболѣе рѣшительнымъ оказался г. фонъ-Беловъ-Залески, давшій 2-го августа, за нѣсколько часовъ до врученія германскаго ультиматума, самыя успокоительныя завѣренія бельгійскому министру иностранныхъ дѣлъ Давиньону относительно намѣреній Берлинскаго кабинета. Когда г. Давиньонъ, выразивъ свое удовлетвореніе по этому поводу, заявилъ, что онъ былъ бы счастливъ, для успокоенія страны, получить оффиціальное заявленіе германскаго правительства (аналогичное сдѣланному Франціей 31-го іюля), г. фонъ-Беловъ ограничился сообщеніемъ, что онъ до сихъ поръ не получилъ соотвѣтствующаго порученія. [3]) Въ тотъ же день, въ 7 час. вечера, онъ вручилъ германскій ультиматумъ Бельгіи. Это, несомнѣнно, еще не превзойденный образецъ fair play! Но это тоже проявленіе опредѣленно усвоенной системы.

---

[1]) Сѣрая книга, № 12.
[2]) Сѣрая книга, № 12.
[3]) Сѣрая книга, № 19.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Къ сказанному нужно прибавить еще фактъ, совершенно неизвѣстный пока въ Германіи. Лѣтомъ 1913 года бельгійская королевская чета, по поводу какого-то торжества, посѣтила, со всѣми своими дѣтьми, городъ Льежъ. Императоръ Вильгельмъ..... воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отправить въ Льежъ особаго посланца съ порученіемъ передать королевской семьѣ завѣреніе въ своей искренней дружбѣ. Въ качествѣ таковаго не былъ отправленъ, какъ это принято, генералъ, близкій ко двору, а генералъ фонъ-Эммихъ, будущій завоеватель Льежа.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Но вернемся къ упрекамъ по адресу Англіи. Эта держава, вслѣдствіе своей декларации отъ 2-го августа, уже отказалась, якобы, отъ нейтралитета и стала на сторону Франціи. Нарушеніе бельгійскаго нейтралитета не могло, дескать, повліять на рѣшеніе англичанъ. Но что, въ дѣйствительности, обезпечила Англія французскому правительству? Она обѣщала ему, какъ мы это видѣли, только ограниченную и условную поддержку. Эта поддержка была обѣщана только въ томъ случаѣ, если германскій флотъ появится въ Ламаншѣ или въ Сѣверномъ морѣ и предприметъ военныя дѣйствія противъ французскихъ береговъ или противъ французскаго флота. Помощь, кромѣ того, была ограничена и въ томъ отношеніи, что ее обѣщали оказать только флотомъ. Было точно оговорено, что она не должна быть равнозначуща съ объявленіемъ войны Германіи.

Эта поддержка не была результатомъ доброй воли англійскаго правительства, но являлась обязательствомъ, принятымъ на себя Англіей въ силу договора, заключеннаго съ Франціей. На основаніи конвенціи, давно уже заключенной между этими двумя странами, Франція, для защиты франко-англійскихъ интересовъ, должна была сосредоточить почти весь свой флотъ въ Средиземномъ морѣ; взамѣнъ этого, Англія должна была взять на себя защиту обоюдныхъ интересовъ въ сѣверныхъ водахъ. Эта конвенція не означала никакого враждебнаго поползновенія противъ той или другой изъ державъ,—всего же менѣе она была направлена противъ Германіи. Въ противномъ случаѣ, конечно, оба флота не были бы разъединены, и,

о крайней мѣрѣ, бо̀льшая часть морскихъ силъ была бы сосредото-
ена въ Сѣверномъ морѣ. Слѣдовательно, цѣлью франко-англійскаго
оглашенія была, просто-на-просто, общая защита коммерческихъ
нтересовъ.

Дѣло въ томъ, что французскій флотъ, за исключеніемъ нѣсколь-
ихъ боевыхъ единицъ, находился въ Средиземномъ морѣ, обслуживая
акъ французскіе, такъ и англійскіе интересы. Однако, въ результатѣ,
ѣверные и западные берега Франціи остались безъ защиты. При
акихъ условіяхъ, Англіи, во время начинавшейся франко-нѣмецкой
ойны, которая стала неизбѣжной 2-го августа, приходилось принять
а себя защиту этихъ береговъ, ибо Франція, флотъ которой былъ
инужденъ оставаться въ Средиземномъ морѣ, не могла выполнить
того сама. Таковы смыслъ и причина обѣщанія Грея, даннаго Фран-
и 2-го августа.

Дѣйствуя такимъ образомъ, Англія совсѣмъ не отказывалась
тъ своего нейтралитета: исключительно отъ свободной воли
ерманіи зависѣло не нападать на французскіе берега и суда, чтобы,
акимъ образомъ, избѣгнуть возможнаго вмѣшательства Англіи. Гер-
анское правительство могло сдѣлать недѣйствительнымъ обѣщаніе
ондонскаго кабинета; князь Лихновскій даже велъ 3-го августа въ
ондонѣ переговоры, съ цѣлью узнать, останется ли Англія нейтраль-
ой, въ случаѣ нападенія Германіи на французскіе берега и суда. [1])
удь это единственнымъ вопросомъ, интересующимъ Англію, возможно,
о эти переговоры привели бы къ благопріятному результату; но
нглія должна была защищать другіе, болѣе важные интересы, согла-
иться на которые Германія не могла или не хотѣла. Эти интересы
ыли двоякаго рода:

1) Сохраненіе Франціи, въ качествѣ великой европейской и ко-
оніальной державы.

2) Сохраненіе бельгійскаго нейтралитета.

Никто не имѣетъ права обсуждать степень законности этихъ
глійскихъ интересовъ. Никто, кромѣ Англіи. Точно такъ же, какъ
ы, германцы, приняли на себя обязанность заботиться о существо-
ніи Австро-Венгріи, Англія могла считать выгоднымъ для себя сохра-
ніе Франціи и ея колоній. Всякая великая держава имѣетъ право
мостоятельно рѣшать, что ей выгодно и что нѣтъ, и отклонить
бую опеку. Интересы государствъ не неизмѣнны, мѣняясь вмѣстѣ съ
еменемъ и съ обстоятельствами. То, что сегодня кажется выгод-

---

[1]) Рѣчь Грея, произнесенная 3-го августа (Синяя книга, стр. 92).

нымъ, можетъ завтра оказаться невыгоднымъ или безразличным
До договора 1904 г. сохраненіе колоніальныхъ владѣній Франціи был
по крайней мѣрѣ, безразлично для англичанъ. Благодаря же этом
договору, оно стало элементомъ британской политики и послужил
основой франко-англійскаго соглашенія. Вотъ почему, когда ге
манскій канцлеръ объявилъ 29-го іюля, что онъ, въ случаѣ нейтрал
тета Англіи, беретъ на себя обязательство сохранить цѣлость фра
цузской территоріи, Гошенъ спросилъ: распространяется ли эта гара
тія также и на французскія колоніи? Отрицательный отвѣтъ Бетма
давалъ право сдѣлать выводъ, что Германія хотѣла увеличить св
колоніальныя владѣнія насчетъ Франціи. [1]) Но и помимо такого н
мѣренія, Англія должна была опасаться, что военный разгромъ Фра
ціи глубоко потрясетъ великодержавное положеніе, благосостоян
и независимость этой сосѣдки Англіи.

Если уже и въ этомъ случаѣ англійскіе интересы подвергали
опасности, то тѣмъ бо́льшая угроза таилась для нихъ въ вопросѣ
бельгійскомъ нейтралитетѣ. Съ самаго начала переговоровъ, Лондо
скій кабинетъ далъ ясно понять, что нарушеніе нейтрал
тета Бельгіи будетъ для Англіи casus belli. Э
былъ единственный вопросъ, который долженъ былъ навѣрняка, н
избѣжно и безъ всякихъ оговорокъ привести къ войнѣ меж
Англіей и Германіей; вопросъ же о положеніи Франціи допускал
до нѣкоторой степени, возможность мирнаго рѣшенія. Въ перво
случаѣ рѣшающую роль играло англійское общественное мн
ніе, чего не было въ вопросѣ о цѣлости французской территор
Если бы Германія отнеслась съ уваженіемъ къ бел
гійскому нейтралитету, воздержавшись въ то ж
время отъ нападенія на французскіе берега
флотъ, то миръ между Германіей и Англіей не бы
бы нарушенъ. Но Германія не хотѣла и не могла подчинить
этимъ условіямъ, такъ какъ, для выполненія ихъ, ей пришлось
отказаться отъ морской войны съ Франціей, а на сушѣ натолкнуть
на неопреодолимыя препятствія.

Война стала неизбѣжной съ того момента, когда герма
скія войска перешли бельгійскую границу, а германское правительст
отклонило англійское требованіе отозвать ихъ. Это случилось ве
ромъ 4-го августа.

---

[1]) Синяя книга, № 85.

Но война могла быть еще избѣгнута, когда 2-го августа англій-
ое правительство передало французскому послу въ Лондонѣ
вѣстную декларацію. Войны можно было избѣжать, если бы гер-
нскій флотъ держался пассивно въ отношеніи береговъ и су-
въ Франціи, что исключило бы возможность вмѣшательства со сто-
ны англійскаго флота. Итакъ, утвержденіе германскаго
нцлера, что Англія 2-го августа отказалась отъ
оего нейтралитета, невѣрно. Англія не принимала еще
редѣленныхъ рѣшеній, которыя находились въ зависимости отъ об-
ятельствъ, конечно, неизбѣжныхъ, но все же еще не наступившихъ.

Политическое положеніе, въ томъ видѣ, въ какомъ оно оказа-
сь ко 2-му августа, доказываетъ, насколько дальновидно было
глійское правительство, и насколько слѣпо—германское. Если бы
глія не надѣялась, до послѣдняго момента, остаться внѣ конфликта,
она могла бы принять окончательное рѣшеніе уже 2-го августа:
это время уже не было сомнѣній, что германскія арміи втор-
сь въ Бельгію. Канцлеръ считаетъ особенно важнымъ, что англій-
ая декларація 2-го августа была передана послѣ полудня,
тиматумъ же былъ переданъ Бельгіи въ Брюсселѣ въ 7 часовъ
ера. Исходя все время изъ ложнаго представленія, что гарантія,
ная Англіей Франціи, уже означала принятіе англичанами участія
войнѣ, канцлеръ наивно заключаетъ, что это участіе было рѣ-
но до полученія въ Лондонѣ свѣдѣній о предположенномъ нару-
ніи нейтралитета Бельгіи. Дѣйствительно, нельзя быть болѣе наив-
мъ! Уже начиная съ 31-го іюля, послѣ уклончиваго отвѣта Ягова
англійскій запросъ, и даже послѣ 29-го іюля, послѣ попытокъ,
ланныхъ Бетманомъ съ цѣлью добиться сохраненія Англіей ней-
литета, и послѣ запутанныхъ декларацій германскихъ дипломa-
ъ въ Лондонѣ и Берлинѣ,—даже слѣпой долженъ былъ увидѣть,
произойдетъ съ бельгійскимъ нейтралитетомъ. Къ этому надо
бавить также движеніе германскихъ войскъ черезъ Люксембургъ,
авшееся на зарѣ 2-го августа и не позволявшее надѣяться на со-
неніе бельгійскаго нейтралитета.

Англійское правительство, въ тотъ моментъ, когда оно пере-
ало свою декларацію Франціи, не могло болѣе сомнѣваться въ
цимости Германіи посягнуть на бельгійскій нейтралитетъ,—что,
ствительно, и подтвердилось нѣсколько часовъ спустя, когда
льгіи былъ переданъ ультиматумъ. Если Германія разсматривала
скую мобилизацію, какъ casus belli, то насколько болѣе имѣла
лія право разсматривать событія, происшедшія до 2-го августа,

какъ угрозу для Бельгіи! Если бы Англія въ этотъ же день вручи Германіи ультиматумъ, она поступила бы по примѣру Германіи, передавшей ультиматумъ Россіи 31-го іюля. Вмѣсто утвержденія Бетмана: «дѣло было вовсе не въ бельгійскомъ нейтралитетѣ», надо был чтобы не погрѣшить противъ истины, сказать: «бельгійскій нейтралитетъ уже подвергался смертельной опасности». Такимъ образом въ противность утвержденіямъ Бетмана, англійское правительство, в случаѣ обѣщанія своего полнаго содѣйствія Франціи на сушѣ и н морѣ, могло сослаться на опасность, которой подвергался бельгійск нейтралитетъ. Тѣмъ болѣе было обосновано обѣщаніе, данное Англіей, оказать свое условное содѣйствіе на морѣ.

Итакъ, резюмируемъ:

1) Неправда, что Англія уже 2-го августа отказалась отъ нетралитета. Обѣщаніе, данное ею въ этотъ день, н было равнозначущимъ съ объявленіемъ войн Германіи.

2) Напротивъ того, вполнѣ вѣрно, что 4-го августа, послѣ пр исшедшаго уже нарушенія бельгійскаго нейтралитета, Англія отказ лась отъ собственнаго нейтралитета.

3) Но если обѣщаніе 2-го августа означало отказъ Англіи от нейтралитета, то это было бы вполнѣ обосновано вслѣдствіе сложи шагося уже тог убѣжденія въ рѣшимости Германіи нарушить бел гійскій нейтралитетъ.

Итакъ, утвержденіе Англіи что она начала войну, вслѣдств нарушенія бельгійскаго нейтралитета, отвѣчаетъ истинѣ.

Эта истина подверждается еще тѣмъ фактомъ, что англійск посолъ, Гошенъ, просилъ 4-го августа только объ отозваніи ге манскихъ войскъ, проникшихъ въ Бельгію, и лишь послѣ отка Германіи удовлетворить эту просьбу, объявилъ, что Англія принужде дѣйствовать согласно обязательствамъ, установленнымъ договоро 1839 года. Итакъ, у Германіи **еще вечеромъ 4-го августа** была во можность избѣжать войны съ Англіей. И это лучше всего доказ ваетъ, что 2-го августа войны между этими двумя государства еще не могло быть.

Такъ опровергаются всѣ выводы, которые канцлеръ считае возможнымъ сдѣлать на основаніи событія 2-го августа. Наоборот можно придти къ другому заключенію, которое я себѣ позво сдѣлать: условное и ограниченное обѣщаніе оказать в о можную помощь флотомъ неопровержимо доказываетъ—argumentum e contrario—что до 2-го августа Англія не дала Франц

угихъ обѣщаній относительно военной помощи съ своей стороны. тъ почему англійская декларація была принята въ Парижѣ съ сьма радостнымъ чувствомъ: ее привѣтствовали, какъ «первое и сьма цѣнное для насъ содѣйствіе» [1]). Это убѣдительно доказываетъ ивость утвержденія канцлера о томъ, что Англія, до возникновенія йны, обѣщала Франціи свою помощь.

Заканчивая эту главу, я снова настаиваю на томъ фактѣ, что ѣ разсужденія объ участіи Англіи въ войнѣ и о причинахъ этого астія не исчерпываютъ вполнѣ слѣдующаго вопроса: кто отвѣтвенъ за обще-европейскую войну? Цѣль этихъ разжденій—именно въ желаніи отвлечь вниманіе отъ этой существенно жной стороны дѣла. Участіе Англіи въ войнѣ есть слѣдствіе йны и вызвано особыми причинами. Этого участія не произошло бы, ли бы война не началась. Тотъ, кто привелъ къ катастрофѣ, оттственъ и за ея послѣдствія. Значитъ, единственно важное во всемъ омъ—вопросъ: кто вызвалъ войну? И на это не можетъ ть другого отвѣта, кромѣ: Германія и Австрія.

Противъ Англіи я не могу выставить ни одного обвиненія, ибо кого не существуетъ; я могу только резюмировать сказанное въ защиту тезисомъ, выставленнымъ мною въ началѣ этой главы. зъ сомнѣнія, исторія подпишется подъ заявленіемъ Асквита, сдѣннымъ имъ 6-го августа, въ англійскомъ парламентѣ, въ похвалу ему коллегѣ, сэру Эдуарду Грею. «Я увѣренъ, что это выкое собраніе и вся страна, — и я могу добавить, потомство и горія, — воздадутъ ему должное, а это, вѣдь, наилучшая дань, торую можно принести государственному человѣку. Онъ, не портвовавъ даже крупицей достоинства и интересовъ родины, боролся, къ только немногіе могли бы это сдѣлать, ради защиты и поджанія величайшаго блага всѣхъ народовъ: «всеобщаго мира».

D.

Россія.

Положеніе, занятое Россіей въ европейскомъ конфликтѣ, достаіно уже выяснено въ предыдущихъ главахъ, чтобы дать возможть высказать сужденіе о виновности или невиновности этого ударства.

---

[1]) Желтая книга, № 138.

Въ чемъ упрекаетъ Германія Россію?

I) Въ томъ, что послѣдняя безъ всякаго повода и причины вм шалась въ австро-сербскій конфликтъ и, тѣмъ самымъ, вызвала евр пейскую войну. Я уже достаточно выяснилъ, что Россія имѣла и п воды, и причины для вмѣшательства въ войну, и я ничего не мо прибавить къ сказанному. Никого въ Европѣ не могло изумить э вмѣшательство, которое въ ясныхъ выраженіяхъ было возвѣще Сазоновымъ во время балканскаго кризиса, на случай нападен Австріи на Сербію. Интересы Россіи, связывающіе ее съ Сербіей, бы фактомъ, съ которымъ европейская дипломатія должна была сч таться и всегда считалась, не исключая, въ томъ числѣ, и германск дипломатіи. Не говоритъ ли Бѣлая книга, что этотъ фактъ являет «труизмомъ для европейской дипломатіи» [1]).

II) Кромѣ того, утверждаютъ, что русская военная партія с самаго начала хотѣла войны и работала въ этихъ цѣляхъ. Если, дѣ ствительно, такая партія существовала въ Россіи,—а это еще сл дуетъ доказать,—то несомнѣнно она встрѣтила со стороны русска министра иностранныхъ дѣлъ болѣе сильное сопротивленіе, чѣмъ ге манская военная партія — со стороны Бетмана. Съ пе вой и до послѣдней минуты кризиса Сазоновъ р боталъ, съ самымъ похвальнымъ рвеніемъ, надъ с храненіемъ мира.

1) Онъ посовѣтовалъ Сербіи быть умѣреннѣе и, благодаря е совѣтамъ, она отвѣтила Австріи нотой, полной покорности [2]).

2) Онъ стремился, вмѣстѣ съ Франціей и Англіей, но на это разъ безуспѣшно, продлить срокъ, данный австрійскимъ ультим тумомъ [3]).

3) Когда положеніе, вслѣдствіе отозванія австрійскаго посла ника, стало ухудшаться, Сазоновъ просилъ помощи у Италіи, котор должна была, отказавъ Австріи въ своей поддержкѣ, заставить измѣнить занятое ею непримиримое положеніе [4]).

4) Несмотря на разрывъ австро-сербскихъ дипломатически сношеній, онъ вступилъ въ дружественные переговоры съ Вѣнски правительствомъ; онъ подробно выяснилъ графу Сапари, какіе пунк австрійской ноты пріемлемы для Сербіи, но ясно указалъ тѣ изъ них которые—по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ тре

---

[1]) Синяя книга, стр. 4. Бѣлая книга, стр. 6.

[2]) Оранжевая книга, №№ 4, 25, 33, 40, 42. Синяя книга, № 55.

[3]) Оранжевая книга, №№ 4, 5, 11,12.

[4]) Оранжевая книга, № 23.

ли, — не могли быть приняты ни однимъ независимымъ государвомъ [1]).

5) Онъ выразилъ сильное желаніе уменьшить, непосредственными реговорами, напряженность отношеній между Австріею и Россіею и осилъ Вѣнскій кабинетъ дать австрійскому послу въ Петроградѣ необходимыя для этого полномочія. Это было 26-го іюля. Оттомъ на такое предложеніе было объявленіе Австріей 28-го іюля йны, и категорическій отказъ графа Берхтольда вступить въ кіе бы то ни было переговоры по поводу австрійской ноты [2]).

6) Послѣ неудачи этой попытки, Сазоновъ всѣми способами держивалъ выдвинутое Греемъ предложеніе о конференціи четыхъ пословъ [3]).

7) Онъ объявилъ о своей готовности остаться, при этомъ, въ ронѣ и принять предложенія державъ [4]).

8) Онъ склонилъ Царя Николая II послать 27-го іюля депешу инцу Александру сербскому, въ которой горячо совѣтовалось приять любое рѣшеніе, но только избѣгнуть ужасовъ войны [5]).

9) Послѣ объявленія Австріей войны, онъ настоятельно просилъ глійское правительство убѣдить Берлинскій кабинетъ воздѣйствоть на Австрію и понудить ее къ возобновленію переговоровъ [6]).

10) Онъ, нѣсколько разъ и все болѣе и болѣе настойчиво, подживалъ англійское посредничество, въ формѣ конференціи четыхъ пословъ, и, въ то же время, согласился вести непосредственные реговоры съ Вѣной. Отклоненіе Вѣною и Берлиномъ обоихъ предкеній не помѣшало ему постоянно возобновлять ихъ [7]). Сазоновъ го іюля [8]) особенно настаивалъ передъ графомъ Пурталесомъ, бы Германія поддержала то или другое изъ этихъ предложеній. ѣдуя нѣмецкой поговоркѣ «вдвойнѣ всегда крѣпче» (doppelt hält ser), онъ усиленно выяснялъ пользу параллельныхъ дѣйствій, т. е.

---

[1]) Оранжевая книга, № 25.

[2]) Оранжевая книга, №№ 38, 45, 50, 54, 77. Графъ Берхтольдъ заявилъ о іюля русскому послу, что онъ не можетъ «ни отступить, ни войти обсужденіе какого бы то ни было пункта австро-венгерской ноты».

[3]) Оранжевая книга, №№ 32, 49, 55, 77.

[4]) Синяя книга, №№ 55, 78. Оранжевая книга, № 32.

[5]) Оранжевая книга, № 40.

[6]) Оранжевая книга, № 43.

[7]) Оранжевая книга, №№ 25, 32, 34, 38, 39, 43, 45, 48 (пусть Англія неленно выступитъ посредникомъ), 77.

[8]) Оранжевая книга, № 49.

предлагалъ, чтобы конференція четырехъ незаинтересованныхъ дер жавъ въ Лондонѣ происходила одновременно съ прямыми перегово рами между Австріей и Россіей. Онъ напомнилъ, что подобные же пріемы увѣнчались во время послѣдняго балканскаго кризиса пол нымъ успѣхомъ. Кромѣ того, по его мнѣнію, послѣ сдѣланныхъ Сер біею уступокъ, урегулировать оставшіеся еще спорными пункты н представляло никакихъ затрудненій при условіи проявленія Австріей хоть малѣйшаго признака доброй воли, и если бы все державы употребили свое вліяніе съ цѣлью добиться соглашенія. Н горячій призывъ Сазонова, Пурталесъ сумѣлъ только отвѣтить, что Германія проявила умѣряющее воздѣйствіе въ Вѣнѣ и продолжает его оказывать. Ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ, ни въ Петроградѣ н смогли ничего болѣе добиться отъ Германіи, которая, будто бы со вѣтуя умѣренность Вѣнскому кабинету, въ сущности, ни въ чем положительномъ не проявила, что одобряетъ мирныя предложені державъ согласія.

11) Сазоновъ, совмѣстно съ Франціей и Англіей, нѣсколько раз предлагалъ германскому правительству, которое, повидимому, возра жало лишь противъ формы конференціи, самому указать пріемлему для него форму. Русскій министръ заявилъ, что заранѣе согласенъ н любое предложеніе этого рода [1]).

12) Онъ 29-го іюля посовѣтовалъ Царю предложить кайзеру де пешей подчинить австро-сербскій конфликтъ рѣшенію Гаагскаго три бунала.

13) Онъ сообщилъ 30-го іюля германскому послу прими рительную формулу, которой имѣлось въ виду только защитить су веренныя права Сербіи, причемъ Россія обязывалась пре кратить свои военныя приготовленія [2]).

14) Послѣ отклоненія Германіей этой формулы, онъ уступил желанію Грея и составилъ еще болѣе примирительную формулу. Он допускалъ, чтобы австрійскія войска въ течені имѣющихъ воспослѣдовать переговоровъ оста лись въ Сербіи, и обязывался сохранить выжидательное поло женіе [3]).

15) Когда, наконецъ, Австрія заявила 31-го іюля о своей гото ности войти въ обсужденіе сербскаго вопроса, Сазоновъ немедленн началъ въ Петроградѣ это обсужденіе и въ депешѣ, отправленной

---

[1]) Оранжевая книга, №№ 53, 55, 64.

[2]) Оранжевая книга, № 60.

[3]) Оранжевая книга, № 67.

Лондонъ, выразилъ надежду, что удастся мирнымъ путемъ разрѣшить конфликтъ [1]).

16) Наконецъ, 1-го августа, въ день объявленія Германіей войны, онъ заявилъ о готовности заключить соглашеніе съ Вѣной, въ духѣ предложенной имъ послѣдней формулы, лишь бы германскія войска не переходили до этого русской границы. Россія,—добавилъ онъ,—ни въ коемъ случаѣ не начнетъ военныхъ дѣйствій [2]).

17) Наконецъ, въ послѣднюю минуту, Сазоновъ склонилъ Царя дать кайзеру честное слово, что русскія войска не предпримутъ никакихъ вызывающихъ дѣйствій, пока будутъ идти—возобновленные 31-го іюля—переговоры съ Австріей [3]).

18. Въ день объявленія войны, онъ снова склонилъ своего Повелителя завѣрить, что мобилизація не означаетъ войны, и что переговоры должны продолжаться для блага обѣихъ странъ и ради всеобщаго мира [4]).

Такъ работалъ руководитель русской политики. Всякому безпристрастному наблюдателю ясно, вела ли эта дѣятельность къ миру, или къ войнѣ. Но разъ въ Петроградѣ ничто не мѣшало этимъ неустаннымъ усиліямъ въ пользу мира, значитъ пресловутая русская военная партія не имѣла никакой власти надъ отвѣтственнымъ министромъ. Во всѣхъ воюющихъ между собою государствахъ раздаются теперь упреки, что у противной стороны имѣлась военная партія; каждое отрицаетъ наличность таковой у себя и обвиняетъ въ этомъ другихъ. Но дерево узнаютъ по плодамъ его. Происки русской военной партіи—если таковая существовала—остались безрезультатными и совершенно не повліяли на мирную политику Царя. Наоборотъ, происки германской военной партіи принесли слишкомъ много плодовъ, причемъ отравленные ядомъ плоды были представлены въ обманчиво обольстительномъ видѣ. Обманутый народъ жадно схватился за нихъ; теперь онъ вкусилъ всю ихъ горечь; можетъ быть, онъ даже умретъ отъ нихъ.

III. Кромѣ того, германское правительство упрекаетъ Россію въ томъ, что она, своими военными мѣропріятіями, вызвала неудачу мирныхъ переговоровъ. Этотъ упрекъ несправедливъ, по двумъ причинамъ:

---

[1]) Оранжевая книга, №№ 69, 73. Синяя книга, №№ 110, 111.

[2]) Синяя книга, № 139.

[3]) Бѣлая книга, стр. 12.

[4]) Бѣлая книга, стр. 13.

1. Россія, принявъ военныя мѣры предосторожности, не переставала работать, при помощи дипломатіи, для сохраненія мира [1]).

2. Эти мѣры были исключительно мѣрами предосторожности, не имѣвшими, согласно съ торжественными заявленіями Царя и Его правительства, агрессивнаго характера. Онѣ не могли имѣть его, такъ какъ, согласно уже выясненному, только поддерживали оборонительную политику, и, съ другой стороны, Россія не имѣла никакой причины для нападенія. Частичная русская мобилизація 29-го іюля и общая мобилизація 31-го іюля были объявлены въ отвѣтъ на австрійскія мобилизаціи, предшествовавшія имъ, и относительно которыхъ я установилъ, съ документами въ рукахъ, сроки ихъ производствъ. [2]) Россія была принуждена принять военныя мѣры не только вслѣдствіе военныхъ приготовленій Австріи, но и въ виду дипломатической позиціи, занятой Германіей и Австріей. Тотъ фактъ, что Австрія обнаруживала упорную непримиримость, а Германія приводила всѣ переговоры къ неудачѣ, долженъ былъ возбудить сильное подозрѣніе—которое и подтвердилось,—что эти двѣ страны хотѣли войны во что бы то ни стало.

Въ другомъ мѣстѣ настоящаго труда я уже далъ надлежащую оцѣнку исторіи о несдержанномъ словѣ и о нарушеніи границъ.

Итакъ, противъ Россіи уликъ не оказывается, и я могу закончить эту главу, только сожалѣя—сожалѣніе вполнѣ естественное для нѣмца, — что Россія совершенно невиновна въ возбужденіи европейской войны, и что отвѣтственность въ этомъ падаетъ исключительно на Германію и Австрію.

Е.

Франція.

Нѣмецкія заявленія, устныя и письменныя, объ отвѣтственности Франціи за возникновеніе войны отличаются изумительною сдержанностью и основываются на очень незначительномъ матеріалѣ. Въ Бѣлой книгѣ Францію упрекаютъ только за «военныя приготовленія», предпринятыя во время дипломатическихъ переговоровъ, и утверждаютъ

---

[1]) Оранжевая книга, №№ 77. 78.

[2]) Оранжевая книга, №№ 47, 58, 77, 78.

въ самомъ концѣ, что эта держава утромъ 2-го августа, т. е. до объявленія войны, «начала военныя дѣйствія».

Канцлеръ, въ своей рѣчи, произнесенной 4-го августа, подтверждаетъ послѣдній упрекъ и объявляетъ, что французскіе солдаты проникли на германскую территорію. Въ рѣчи же, сказанной 2-го декабря, онъ осѣдлалъ своего конька «старинное желаніе реванша», но не выставилъ никакого новаго обвиненія противъ Франціи.

Я уже изслѣдовалъ эти утвержденія и доказалъ, что они противорѣчатъ истинѣ. Я доказалъ, кромѣ того, что наиболѣе важные случаи нарушенія границъ—повлекшіе за собой даже кровопролитіе—были совершены германскими войсками до объявленія войны; нѣмецкія же обвиненія, направленныя противъ Франціи, не только невѣроятны, но и противорѣчатъ другъ другу, а потому не заслуживаютъ довѣрія.

Но въ нотѣ отъ 24-го декабря канцлеръ высказалъ новое обвиненіе противъ Франціи. Онъ критикуетъ участіе, принятое Франціей въ дипломатическихъ переговорахъ. Можно быть только благодарнымъ г. Бетману за то, что онъ формулировалъ, наконецъ, обвиненіе, допускающее защиту. Это обвиненіе основано на слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Франція не довѣряла германскимъ заявленіямъ, и всѣ шаги, предпринятые германскимъ посломъ, были встрѣчаемы съ недовѣріемъ.

2. Франція, несмотря на высказанное Германіею желаніе, не оказала умѣряющаго воздѣйствія на Россію.

3. Французское правительство не предприняло никакихъ мѣръ положительнаго характера въ пользу мира.

Насколько эти обвиненія основательны?

Разумѣется, въ Парижѣ шаги фонъ-Шена были приняты съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, но оно было слишкомъ хорошо обосновано. Фонъ-Шенъ обязанъ былъ разыграть въ Парижѣ такую же печальную роль,какую фонъ-Яговъ разыгралъ въ Берлинѣ. Онъ долженъ былъ препятствовать всѣмъ попыткамъ тройственнаго согласія добиться мирнаго рѣшенія конфликта и защищать, пользуясь избитыми доводами, двусмысленное поведеніе германскаго правительства. Онъ не былъ уполномоченъ присоединиться къ Франціи, когда она добивалась продленія срока, даннаго ультиматумомъ Сербіи для отвѣта; напротивъ того, онъ долженъ былъ слѣпо защищать австрій-

скую ноту и всѣ послѣдовавшія за нею дѣйствія Австріи [1]). Онъ долженъ былъ отклонить предложенную Греемъ конференцію четырехъ пословъ, на которую Франція немедленно согласилась, и проповѣдывать, вмѣсто этого, невыполнимое германское предложеніе локализаціи конфликта [2]). Онъ долженъ былъ объявить неудовлетворительной отвѣтную сербскую ноту, хотя Сербія соглашалась въ ней исполнить всѣ существенныя требованія Австріи, и объявить обоснованнымъ отозваніе австрійскаго посланника изъ Бѣлграда. Онъ даже долженъ былъ, слѣдуя инструкціямъ Бетмана, просить французское правительство оказать, совмѣстно съ Германіей, давленіе на Петроградскій кабинетъ и, въ то же время, отвергнуть всякую мысль о давленіи на Вѣну. Онъ долженъ былъ слушать, не находя ничего разумнаго для отвѣта, какъ Бьенвеню-Мартенъ, временно исполнявшій должность французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, постоянно доказывалъ ему, какъ нелогично это предложеніе оказать давленіе на Россію: не получила ли Австрія удовлетворенія почти по всѣмъ пунктамъ и не начала ли она, несмотря на это, военныхъ дѣйствій противъ Сербіи? И развѣ не Австрію, вмѣсто Россіи, слѣдовало попросить остановиться? Развѣ не на Вѣну, вмѣсто Петрограда, слѣдовало оказать давленіе? [3]) Россія заявила о готовности вступить въ переговоры или непосредственно съ Австріей, или при посредничествѣ четырехъ незаинтересованныхъ державъ. Итакъ, какое же давленіе можно было оказать на нее? Напротивъ того, Австрія не желала ни вступить въ переговоры, ни принять предложеніе четырехъ державъ. Итакъ, если гдѣ либо и слѣдовало предпринять шаги, то именно въ Вѣнѣ, и только Берлинъ былъ въ состояніи сдѣлать это. Посла, принужденнаго поддерживать противоположное, приходится больше жалѣть, чѣмъ осуждать [4]).

Но его застигли врасплохъ еще болѣе непріятнымъ для него образомъ. Когда онъ предложилъ (29-го іюля), вмѣсто посредничества, прямые переговоры между Вѣной и Петроградомъ, и французскій министръ спросилъ его, какова была, по правдѣ, цѣль австрійскихъ военныхъ дѣйствій въ Сербіи, то ему пришлось дать слѣдующій постыдный отвѣтъ: Германское правительство не

---

[1]) Желтая книга, №№ 28, 36.
[2]) Желтая книга, №№ 56, 57, 61, 65, 67,
[3]) Желтая книга, №№ 61, 62, 77, 78
[4]) Желтая книга, № 85.

знаетъ этого, но надѣется узнать отъ Австріи. [1]) Этотъ отвѣтъ надо поставить въ вину не бѣдному послу, а его правительству, которое до сихъ поръ еще не сообщило міру о томъ, чего, въ сущности, хотѣла Австрія отъ Сербіи. За это время сербы дали отвѣтъ, который было невозможно получить отъ Австріи: они выгнали австрійцевъ изъ своей страны, что, вѣроятно, и составляло предметъ желаній этихъ послѣднихъ.

Такимъ образомъ, роль фонъ-Шена въ Парижѣ сводится къ цѣлому ряду «посрамленій», въ которыхъ онъ не былъ виноватъ. Его нѣсколько разъ просили указать, въ какой формѣ будетъ пріемлема для его правительства идея конференціи, съ принципомъ которой оно согласилось: онъ не былъ въ состояніи отвѣтить, такъ какъ не получилъ, по этому поводу, никакихъ инструкцій изъ Берлина. [2]) Онъ долженъ былъ оставаться пассивнымъ во время попытокъ, сдѣланныхъ Франціей и Англіей съ цѣлью найти посредническую формулу, одновременно удовлетворяющую противоположнымъ точкамъ зрѣнія Россіи и Австріи, такъ какъ его правительство не считало эти попытки заслуживающими обсужденія. [3])

Но ему было предуготовано еще худшее. Когда сроки, данные ультиматумами, истекли безъ всякихъ результатовъ, онъ долженъ былъ выслушать мнѣніе Вивіани о преступномъ германскомъ безуміи, безпричинно вовлекшемъ Европу, незадолго до разрѣшенія конфликта, въ самую ужасную изъ всѣхъ войнъ. Шенъ долженъ былъ ограничиться отвѣтомъ, что онъ не получилъ никакого оффиціальнаго сообщенія о благопріятномъ теченіи переговоровъ, но что онъ наведетъ нужныя справки. [4]) Два дня спустя ему пришлось вручить Вивіани объявленіе войны, основанное на томъ, что Франція начала военныя дѣйствія и нарушила бельгійскій нейтралитетъ! [5]) Т. е. дѣлать утвержденія, лживость которыхъ онъ зналъ лучше, чѣмъ кто-либо, такъ какъ былъ свидѣтелемъ искреннихъ усилій, дѣлавшихся Франціей въ пользу мира. Бѣдный посолъ! Недовѣріе, съ которымъ отнеслись къ нему во Франціи, конечно, далеко оставляло за собою то недоумѣніе, съ которымъ онъ самъ относился къ своимъ поступкамъ.

Другой упрекъ, дѣлаемый Франціи Бетманомъ — будто она не-

---

[1]) Желтая книга, №№ 94, 97.
[2]) Оранжевая книга, № 55.
[3]) Оранжевая книга, №№ 101, 114.
[4]) Желтая книга, № 125.
[5]) Желтая книга, № 147.

смотря на желаніе Берлина, не оказала умѣряющаго вліянія на Петроградъ,—тоже неоснователенъ, какъ мы это уже доказали. Германія отказалась воздѣйствовать на Австрію, высокомѣріе которой было безгранично и которая, съ наглымъ презрѣніемъ, угрожала европейскому миру. Съ другой стороны, Германія требовала французскаго давленія на Россію, давшую уже, своими добрыми совѣтами Сербіи, доказательство своихъ въ высшей степени примирительныхъ намѣреній и объявившую о своей готовности сдѣлать новыя уступки. [1]

Итакъ, требованія Германіи, предъявленныя Франціи и, косвеннымъ образомъ, Россіи, были оскорбительны; тѣмъ не менѣе, во Франціи до нѣкоторой степени считались съ ними. Французская Желтая книга и англійская Синяя книга свидѣтельствуютъ объ этомъ. Въ телеграммѣ, посланной 29-го іюля [2]), Бьенвеню-Мартенъ признавалъ важнымъ, чтобы Петроградскій кабинетъ, который ясно обнаружилъ желаніе мирно разрѣшить кризисъ, «немедленно примкнулъ къ англійскому предложенію» о конференціи четырехъ пословъ. Иниціатива Франціи сейчасъ же увѣнчалась успѣхомъ. Французскій посолъ въ Петроградѣ телеграфировалъ въ тотъ же день въ Парижъ, что Сазоновъ принялъ предложеніе о конференціи, не придавая никакого значенія формѣ, въ которой она состоится, и примкнетъ ко всѣмъ англійскимъ попыткамъ, дѣлаемымъ въ пользу мира. [3])

Слѣдующій примѣръ показываетъ, еще болѣе разительнымъ образомъ, умѣряющее воздѣйствіе, которое Франція оказывала на Россію.

Когда 30-го іюля была объявлена частичная русская мобилизація противъ Австріи, и Германія пригрозила отвѣтить тѣмъ же, Вивіани горячо совѣтовалъ Россіи соблюдать надлежащую осторожность. «Было бы умѣстно,—писалъ онъ,—чтобы Россія, прибѣгая къ мѣрамъ предосторожности и самообороны, которыя ей представляются необходимыми, не предпринимала немедленно такихъ шаговъ, которыя послужили бы Германіи предлогомъ для полной или частичной мобилизаціи ея силъ.» [4]) И въ этомъ случаѣ представленіе Франціи имѣло успѣхъ: Россія задержала мобилизацію [5]) до того момента, когда

---

[1]) Желтая книга, №№ 77, 78.
[2]) Желтая книга, № 85.
[3]) Желтая книга, №№ 86, 91.
[4]) Желтая книга, № 101.
[5]) Желтая книга, № 102.

бъявленіе таковой въ Австріи принудило Россію прибѣгнуть къ той е мѣрѣ.

Другой примѣръ плодотворнаго вліянія Франціи въ Петроградѣ— обытіе 31-го іюля, когда державы усиленно искали формулу, среднюю ежду предложеніями Грея и Сазонова, дабы еще въ послѣднюю минуту обиться принятія ея Австріей. Съ удивительной проницательностью въ искренней заботѣ о сохраненіи мира [1]), Вивіани предложилъ форулу, казалось, одинаково пріемлемую и для Россіи, и для Австріи: Я прошу васъ,—писалъ онъ французскому послу въ Петроградѣ,— езотлагательно сообщить г. Сазонову, что мысль сэра Эдуарда Грея, акъ мнѣ кажется, создаетъ удобную почву для переговоровъ между ержавами, исполненными одинаковаго желанія потрудиться надъ поетнымъ разрѣшеніемъ австро-сербскаго конфликта и устранить, таимъ образомъ, опасности, угрожающія всеобщему миру.»

Объяснивъ, какія измѣненія вноситъ онъ въ предложенія Грея Сазонова, Вивіани добавляетъ:

«Прошу васъ проникнуться вышеизложенными соображеніями и астоятельно просить г. Сазонова незамедлительно высказаться за рисоединеніе къ предложенію сэра Эдуарда Грея.»

Въ тотъ же день г. Палеологъ телеграфировалъ, что Сазоновъ ринялъ предложеніе Вивіани и измѣнилъ свою формулу согласно росьбѣ Грея. [2]) Это новое доказательство, какъ французскаго выупленія въ пользу сохраненія мира, такъ и русской готовности къ оглашенію, заслуживаетъ особаго признанія: наканунѣ Австрія днемъ ночью бомбардировала Бѣлградъ, и вся Россія была до послѣдней райности возмущена провокаторскимъ поведеніемъ Вѣны.

Даже послѣ врученія въ Парижѣ германскаго ультиматума, 31-го оля, Вивіани настоятельно просилъ Россійское Императорское праительство избѣгать съ своей стороны, въ высшихъ интересахъ мира, всего, что могло бы неизбѣжно выать или ускорить кризисъ. [3])

Изъ дипломатическихъ книгъ можно было бы извлечь много одобныхъ примѣровъ. Но г. фонъ-Бетманъ увѣряетъ, что Франція е проявляла въ Петроградѣ никакой дѣятельности, вообще, ничего е сдѣлала въ пользу мира,—и г. Бетманъ все же считаетъ себя еловѣкомъ, заслуживающимъ уваженія!

---

[1]) Желтая книга, № 112.
[2]) Желтая книга, № 113.
[3]) Желтая книга, № 117

Если окинуть однимъ взглядомъ дѣятельность французской дипломатіи въ эти критическіе дни и сравнить ее съ работой дипломатическихъ канцелярій другихъ странъ, то мы принуждены будемъ сказать, что по изяществу формы, по силѣ и пластичности изложенія, труды французскихъ дипломатовъ, какъ это видно изъ Желтой книги, превосходятъ всѣ остальные. Всю дипломатическую кампанію вели англійскіе государственные дѣятели, и они вложили въ дѣло хладнокровіе, трезвость и ясность ума, отличающія англичанъ при всякихъ положеніяхъ. Русская дипломатія до конца придерживалась почвы фактовъ и соблюдала умѣренность въ формахъ. Только утромъ 1-го августа, непосредственно передъ объявленіемъ Германіей войны, Сазоновъ, измѣнивъ своему спокойному тону, излилъ свое сердце передъ своими французскимъ и англійскимъ товарищами. Въ этотъ критическій моментъ онъ показалъ имъ, при дневномъ свѣтѣ и безъ грима, провокаторскую и безнравственную австрійскую, а также двусмысленную и двуличную германскую политику; Германія была особенно несчастна въ выборѣ своихъ представителей въ Вѣнѣ и Петроградѣ: одинъ, ярый руссофобъ, постоянно подливалъ масла въ огонь, другой же, по невѣжеству, увѣрялъ въ Берлинѣ, что Россія никогда не доведетъ дѣла до войны, сколько бы ей ни наступали на ноги. [1])

Рядомъ съ англійскими и русскими дипломатами, проявившими, за немногими исключеніями, объективность и трезвость мысли, особенно ярко сверкалъ французскій геній, съ присущимъ ему изяществомъ въ формѣ выраженій, съ его гибкостью мысли, умѣньемъ всегда найти новый выходъ изъ сложнаго положенія, которыми всегда отличалась французская дипломатія. Чтеніе Желтой книги доставляетъ истинное наслажденіе всякому тонкому цѣнителю литературы. Развѣ не блестящіе представители дипломатіи братья Камбоны? А какъ обаятеленъ и уменъ министръ Вивіани! И даже Бьенвеню-Мартенъ, хотя онъ и игралъ менѣе замѣтную роль! Какъ онъ ѣдокъ въ своихъ возраженіяхъ, какъ онъ тонко разбиваетъ германскіе софизмы, сколько прозорливости въ его сужденіяхъ объ австрійскихъ и германскихъ цѣляхъ!

А что сказать о германской дипломатіи? Господи Боже мой, лучше бы о ней и не говорить! Не одинъ только г. фонъ-Шенъ былъ обреченъ играть печальную роль. Какой плачевный видъ являли собою руссофобъ фонъ-Чиршки—въ Вѣнѣ, графъ Пурталесъ—въ Петроградѣ,

---

[1]) Синяя книга, № 139.

фонъ-Флотовъ—въ Римѣ! Г. фонъ-Флотовъ былъ настолько мало знакомъ съ настроеніями итальянскаго народа и съ намѣреніями итальянскаго правительства, что считалъ возможнымъ для Италіи принять участіе въ наступательной войнѣ Австріи противъ Сербіи, со всѣми послѣдствіями такой войны. Послѣдній нѣмецкій коммивояжеръ въ Италіи привлекъ бы къ суду, по обвиненію въ личномъ оскорбленіи, того, кто приписалъ бы ему подобное мнѣніе. Графъ Пурталесъ видѣлъ въ какихъ-то безпорядкахъ среди русскихъ рабочихъ достаточную причину ожидать, что Россія предоставитъ Австріи свободу дѣйствій на Балканахъ; но, сверхъ того, у него была неблагодарная задача поддерживать въ Петроградѣ геніальную теорію фонъ-Бетмана, согласно которой предполагаемая конференція четырехъ державъ означала «требованіе отъ Австріи того, чего не пожелали потребовать отъ Сербіи, т. е. уступки военному давленію». Эта теорія настолько нравится г. фонъ-Бетману, что онъ излагаетъ ее въ одномъ изъ своихъ новѣйшихъ трудовъ. Однако, слабость этой теоріи заключается въ игнорированіи двухъ обстоятельствъ: первое—Сербія уступила уже ранѣе произведеннаго на нее военнаго давленія, такъ что послѣднее оказалось безстыднымъ и непростительнымъ актомъ; второе—на конференціи четырехъ державъ не предполагалось ни оказывать давленія, ни изыскивать военныя мѣропріятія; предполагалось только преподать дружественные совѣты, и это, послѣ столькихъ объясненій, долженъ былъ бы понять даже самый крѣпкоголовый человѣкъ.

Равнымъ образомъ, очень неблагодарную роль предоставлено было разыграть въ Вѣнѣ г. фонъ-Чиршки-Бегендорфу. Для видимости и «внѣшнимъ образомъ» ему поручено было давать на Бальплацѣ совѣты умѣренности, тогда какъ «конфиденціально», въ рабочемъ кабинетѣ графа Берхтольда, онъ долженъ былъ слѣдовать секретнымъ инструкціямъ г. фонъ Бетмана—что въ то же время отвѣчало и личнымъ симпатіямъ г. Чиршки—и довести дѣло до войны Сэръ Морисъ Бунзенъ былъ правъ, заподозривъ нашего германскаго посла въ двойной игрѣ и заключивъ, по всѣмъ дѣйствіямъ и упущеніямъ г. фонъ-Чиршки, что онъ съ самаго начала работалъ въ пользу войны [1]); въ частности, сэра Бунзена убѣдили въ этомъ заранѣе обдуманные и повторные отказы фонъ-Чиршки присоединиться къ тѣмъ усиліямъ пословъ державъ согласія, которыя ими дѣлались въ цѣляхъ сохраненія мира.

Что же касается князя Лихновскаго, то къ чести его надо ска-

---

[1]) Синяя книга, №№ 141, 161.

зать, что онъ единственный нашъ посолъ, искренно желавшій мира; онъ былъ невинной жертвой своего начальства. Онъ также былъ вынужденъ прибѣгать къ тысячѣ уловокъ, чтобы скрыть намѣренія Германіи по отношенію къ Бельгіи, дабы Англія, по возможности, сохранила нейтралитетъ: онъ долженъ былъ обсуждать съ сэромъ Эдуардомъ Греемъ гипотезу нашего уваженія къ бельгійскому нейтралитету [1]), хотя онъ зналъ, что наши войска уже находятся почти на самой бельгійской границѣ и что для насъ совершенно невозможно не перейти ея. Два дня спустя, утромъ 3-го августа, послѣ врученія Бельгіи ультиматума, князь Лихновскій долженъ былъ забѣжать къ сэру Э. Грею, собиравшемуся на засѣданіе совѣта министровъ для принятія окончательнаго рѣшенія, и усиленно просить его сохранить нейтралитетъ, даже если бы мы и нарушили нейтралитетъ Бельгіи. [2]) Даже въ самый послѣдній моментъ онъ пытался произвести на англійское общество впечатлѣніе статьей, въ которой говорилось, что Германія не обратитъ бельгійскаго побережья въ базу для своихъ военныхъ мѣропріятій, если Англія сохранитъ нейтралитетъ. [3]) Всѣ эти попытки, сдѣланныя въ послѣдній часъ, свидѣтельствуютъ о доброй волѣ нашего посла въ Лондонѣ, но и самыя лучшія намѣренія представителя дурной политики не могли не выставить его въ дурномъ свѣтѣ.

А начальникъ всѣхъ нашихъ дипломатовъ, г. фонъ-Яговъ?—О канцлерѣ я, показывая портретную галлерею германскихъ представителей, не упоминаю, такъ какъ онъ уже достаточно охарактеризованъ мною. Но г. Яговъ! Какую жалость вызываетъ эта плачевная фигура! Какой грустный контрастъ представляетъ онъ своимъ двумъ главнымъ противникамъ, французу Камбону и англичанину Гошену! Вы безпрестанно видите, что онъ подавленъ ихъ превосходствомъ, что онъ чувствуетъ себя почти какъ мышь въ западнѣ, тщетно ищущая выхода. Въ оправданіе его и его германскихъ коллегъ можно сказать, что имъ приходилось защищать безнадежное дѣло, тогда какъ дѣло ихъ противниковъ было чисто. Одни вынуждены были прибѣгать къ уверткамъ и экивокамъ, другіе же могли открыто итти къ своей цѣли, не кривя душой. Но чѣмъ хуже было дѣло германскихъ дипломатовъ, тѣмъ вѣдь больше искусства и знаній требовалось для защиты его. Тотъ, кто ловко защищаетъ слабое дѣло, можетъ, по крайней мѣрѣ, какъ говорятъ на Востокѣ, «сохранить лицо». Но кто, по своей неспособ-

---

[1]) Синяя книга, № 123.

[2]) Рѣчь Грея 3 августа. Синяя книга, стр. 92. Синяя книга, № 144.

[3]) Желтая книга, № 144.

ности, особенно ярко освѣщаетъ слабыя стороны своей позиціи, тотъ окончательно портитъ плохое дѣло и теряетъ право даже на личное уваженіе. Когда одного крупнаго негоціанта спросили, почему онъ довѣряетъ веденіе своихъ дѣлъ двумъ адвокатамъ, онъ съ тонкой улыбкой отвѣтилъ: «Хорошій адвокатъ—для плохихъ дѣлъ, плохой—для хорошихъ». Наше безнадежное дѣло нуждалось въ самыхъ лучшихъ дипломатахъ не столько для нашего конечнаго торжества, сколько для того, чтобы Германіи не пришлось предстать предъ глазами всего свѣта во всей своей неприглядности!

Чтобы меня не обвиняли въ несправедливости, я подкрѣплю свое мнѣніе нѣсколькими примѣрами, извлеченными изъ дипломатическихъ книгъ, хотя общій ходъ переговоровъ вполнѣ оправдываетъ неблагопріятное мнѣніе о нашей германской дипломатіи. Опубликованные дипломатическіе документы, относящіеся къ текущимъ событіямъ, впервые позволяютъ намъ вѣрно оцѣнить дѣятельность дипломатическихъ канцелярій, которая до сихъ поръ была для профановъ книгой за семью печатями. Только теперь мы понимаемъ, почему Германія терпѣла дипломатическія неудачи,—если только мечъ не исправлялъ того, что было испорчено перомъ. Прежде мы видѣли только результаты этой дѣятельности, нынѣ же мы видимъ и причины. Прежде мы видѣли этихъ господъ только въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, теперь они явились передъ нами совсѣмъ обнаженными, и всѣ ихъ слабыя мѣста, всѣ ихъ недостатки выступаютъ передъ нами во всей ихъ ужасающей откровенности.

Возьмемъ, наудачу, одну изъ бесѣдъ г. Камбона съ г. Яговымъ. 27-го іюля г. Камбонъ поддерживаетъ передъ фонъ-Яговымъ предложеніе Грея касательно четверной конференціи. [1]) Яговъ высказываетъ мнѣніе, до настоящаго дня еще защищаемое фонъ-Бетманомъ: онъ, дескать, не можетъ заставить Австрію, противъ ея воли, подчиниться рѣшеніямъ конференціи. Камбонъ возражаетъ, что положеніе слишкомъ серьезно, чтобы погубить его изъ за вопроса о формальности; дѣло идетъ о сохраненіи мира, и все можетъ ограничиться общими выступленіями четырехъ державъ въ Вѣнѣ и Петроградѣ. Г. фонъ-Яговъ часто выражалъ ему, Камбону, сожалѣніе, что обѣ группы политическихъ союзовъ всегда рѣзко расходятся другъ съ другомъ; нынѣ фонъ-Ягову представляется случай доказать, что въ Европѣ возможна общность мышленія [2]), явивъ міру примѣръ

---

[1]) Желтая книга, № 74.

[2]) Прим. перев. Или «духовная солидарность» («il y a un esprit européen»).

единодушнаго сотрудничества четырехъ принадлежащихъ къ обѣимъ группамъ державъ, направленнаго къ устраненію конфликта. Не найдя возраженій противъ этого поразительно яснаго объясненія, фонъ-Яговъ постарался увильнуть отъ прямого отвѣта, сказавъ, что Германія связана своими обязательствами по отношенію къ Австріи. Камбонъ замѣтилъ, что отношенія между Германіей и Австріей не болѣе тѣсны, чѣмъ отношенія между Франціей и Россіей. Яговъ дѣлаетъ новую попытку увильнуть: онъ, дескать, не отказывается выступить въ цѣляхъ устраненія австро-русскаго конфликта, но не можетъ посредничать въ австро-сербскомъ конфликтѣ. Первое есть послѣдствіе второго — возражаетъ Камбонъ—и необходимо помѣшать наступленію новаго положенія вещей, которое могло бы повести къ выступленію Россіи. Яговъ снова настаиваетъ на своихъ обязательствахъ по отношенію къ Австріи. Тогда Камбонъ спрашиваетъ: обязался ли Яговъ всюду слѣдовать за Австріей съ завязанными глазами и ознакомился ли онъ съ отвѣтомъ Сербіи Австріи. «У меня еще не было времени для этого»—отвѣтилъ Яговъ (отмѣтимъ, что нота была вручена австрійскому посланнику въ Бѣлградѣ 25-го іюля, а разговоръ Камбона съ Яговымъ происходилъ 27-го). «Сожалѣю объ этомъ»,—возразилъ Камбонъ. «Вы бы увидѣли, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ деталей, Сербія подчиняется полностью. Поэтому мнѣ кажется, что, разъ Австрія, благодаря вашей поддержкѣ, добилась удовлетворенія, вы теперь можете посовѣтовать ей удовольствоваться этимъ, или же, совмѣстно съ Сербіей, обсудить ея отвѣтъ по пунктамъ.» Яговъ, все болѣе и болѣе прижимаемый къ стѣнѣ, не находитъ отвѣта. Тогда Камбонъ категорически спрашиваетъ, желаетъ ли Германія войны. Когда же фонъ-Яговъ рѣшительно отвергъ это, французскій посолъ прибавилъ: «Значитъ, надо дѣйствовать соотвѣтственно съ этимъ. Когда вы будете читать сербскій отвѣтъ, взвѣсьте положенія его на вѣсахъ вашей совѣсти,—прошу васъ объ этомъ во имя человѣчности. Не принимайте на себя лично часть отвѣтственности за катастрофу, которую вы позволяете подготовлять.» Подъ конецъ фонъ-Яговъ вернулся къ существу разговора и заявилъ, что надо найти пріемлемую для него форму посредничества, которое предлагаетъ Грей. Но онъ, Яговъ, больше надѣется на непосредственные переговоры между Вѣной и Петроградомъ. Въ заключеніе Камбонъ рекомендовалъ фонъ-Ягову ускорить эти переговоры своимъ воздѣйствіемъ на австрійскій кабинетъ.

Какъ извѣстно, Австрія отказалась отъ веденія непосредственныхъ переговоровъ между Вѣной и Петроградомъ, предло-

женнаго Яговымъ. Какъ я изложилъ выше, весьма мало вѣроятія, что Берлинъ произвелъ нужное давленіе на Вѣну, дабы заставить ее вступить въ переговоры. Разъ это средство не удалось, оставался только путь конференціи. Камбонъ, поддержанный своими англійскимъ и итальянскимъ товарищами, 28-го іюля [1]) снова поддерживалъ передъ Яговымъ идею конференціи, но послѣдній, несмотря на настоянія своего итальянскаго коллеги, начисто отвергъ это предложеніе, хотя былъ точно освѣдомленъ Гошеномъ (равно какъ и Лихновскій былъ освѣдомленъ Греемъ) объ истинной цѣли и о настоящемъ значеніи конференціи. Пассивное положеніе, занятое Яговымъ, обезпокоило Камбона; онъ снова спросилъ, не желаетъ ли онъ войны? Новый протестъ Ягова, но и продолженіе пассивнаго положенія. Послѣ безуспѣшнаго разговора, Камбонъ придумываетъ новое средство заставить своего собесѣдника высказаться: «прижать его къ стѣнѣ просьбой самому формулировать, въ какомъ видѣ могло бы быть произведено дипломатическое выступленіе державъ для избѣжанія войны.» Эта мысль была принята Греемъ и энергично поддержана державами согласія и Италіей, но тоже потерпѣла неудачу, такъ какъ, несмотря на всѣ хлопоты, ожидавшееся отъ Ягова предложеніе вовсе не было формулировано.

Интересно наблюдать, какимъ образомъ Яговъ, при помощи всякихъ уловокъ, пытается увильнуть отъ нравственнаго обязательства формулировать предложеніе. Чаще всего онъ указываетъ, что Австрія еще не отвѣтила на его вопросы. [1]) Къ этой темѣ онъ постоянно возвращается и вышиваетъ на ней тысячи узоровъ. Особенно интересно, что онъ не знаетъ, какъ отвѣтить на вопросъ: чего, послѣ открытія военныхъ дѣйствій, Австрія требуетъ отъ Сербіи? Пока это не стало извѣстнымъ,—говоритъ онъ,—не можетъ быть рѣчи о «посредничествѣ», въ какой бы то ни было формѣ. [2]) Всякій разъ, какъ онъ чувствуетъ себя прижатымъ къ стѣнѣ, онъ укрывается за Австріей, какъ за ширмой, или, вѣрнѣе, отступаетъ съ одной позиціи на другую, чтобы подъ конецъ навсегда скрыться въ крѣпости, выставляя впередъ «русскую мобилизацію». Квинтэссенція берлинской тактики и заключалась въ томъ, чтобы затягивать переговоры въ пользу мира, пока не явилась возможность пустить въ ходъ пугало русской мобилизаціи и этимъ избавить себя отъ труда отвѣтить на миролюбивыя предложенія.

---

[1]) Желтая книга, № 81.
[2]) Желтая книга, №№ 92, 109.
[3]) Желтая книга, №№ 94 и 109. Синяя книга, №№ 98, 107, 112.

Разговоръ Камбона съ Яговымъ, происшедшій 30-го іюля [1]), хорошая иллюстрація такой тактики. Камбонъ снова спрашиваетъ, въ какомъ положеніи находится дѣло о примирительной формулѣ, которую хочетъ предложить Германія. Отвѣтъ Ягова: «чтобы выиграть время», онъ рѣшилъ дѣйствовать непосредственно и просилъ Австрію отвѣтить, на основѣ чего считаетъ она допустимыми переговоры съ нею. Иначе говоря: подъ предлогомъ выигрыша времени, онъ отстранилъ проникнутыя миролюбивыми стремленіями державы и поручилъ одному изъ главныхъ сторонниковъ войны, г. фонъ Чиршки, спросить Вѣнскій кабинетъ: на какой почвѣ можно съ нимъ разговаривать? Неужели можно повѣрить, неужели возможно, чтобы германскій статсъ-секретарь 30-го іюля еще не зналъ, чего желаетъ Австрія? Не стыдно ли видѣть въ такой роли дипломатическаго представителя Германской имперіи? И это—въ вопросѣ, затрагивавшемъ жизнь культурной Европы и судьбы человѣчества?

Впрочемъ, оставимъ это въ сторонѣ. Какъ только предложеніе о конференціи было похоронено, фонъ Яговъ, въ томъ же разговорѣ 30-го іюля, вернулся къ вопросу о мобилизаціи въ Россіи, что, дескать, должно повлечь за собою такую же мѣру и въ Германіи. Замѣчаніе Камбона, что русскіе объявили мобилизацію только противъ Австріи, Яговъ признаетъ вѣрнымъ, но прибавляетъ, что на выясненіи вопроса о мобилизаціи настаиваютъ высшіе чины арміи, такъ какъ всякая потеря времени равносильна для Германіи потерѣ силъ. Характерно это послѣднее замѣчаніе! Въ устахъ министра иностранныхъ дѣлъ оно, по меньшей мѣрѣ, представляется неосторожнымъ. Не доказываетъ ли оно—это явствуетъ также и изъ другихъ фактовъ,—что мобилизація, которая въ Германіи, какъ извѣстно, «равнозначуща войнѣ», была рѣшена 29-го іюля на совѣщаніи министровъ въ Потсдамѣ подъ предсѣдательствомъ кайзера, причемъ въ совѣщаніи принимали участіе и генералы. [2]) Генеральный штабъ торопился! Этимъ также объясняется выпускъ прибавленія къ «Lokal-Anzeiger», сообщившаго уже 30-го іюля о мобилизаціи. Правда, этотъ нумеръ газеты былъ конфискованъ, такъ какъ считалось неудобнымъ, чтобы о мобилизаціи стало извѣстно въ тотъ же день. [3])

---

[1]) Желтая книга, № 109.

[2]) Желтая книга, № 105. Ср. вышеупомянутую декларацію графа Пурталеса Сазонову (австрійская Красная книга, № 28).

[3]) Желтая книга, № 105. Оранжевая книга, № 62.

Hinc illae lacrimae! (вотъ причина слезъ!). Этимъ объясняются увертки и «отступленія» новаго Курція, фонъ Ягова, бросившагося въ яму, вырытую ему военной партіей.

Я долженъ еще упомянуть объ эпизодѣ, предшествовавшемъ этимъ событіямъ, такъ какъ онъ выставляетъ въ любопытномъ свѣтѣ нравственныя и умственныя качества дипломатовъ, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь. 29-го іюля [1]) Камбонъ позволилъ себѣ скромно спросить, въ какомъ положеніи находится вопросъ о непосредственныхъ переговорахъ между Вѣной и Петроградомъ, на которые Яговъ возлагалъ столь большія надежды. Послѣдній нашелъ возможнымъ, къ своей радости, заявить, что «указанія на этотъ счетъ въ Петроградѣ благопріятны», но что «онъ ожидаетъ отвѣта изъ Вѣны». Тѣмъ временемъ онъ, наконецъ, успѣлъ прочитать сербскую ноту и нашелъ въ ней «возможную базу для переговоровъ». «Я замѣтилъ,— сказалъ Камбонъ,—что именно поэтому я нахожу необъяснимымъ произведенный Австріей разрывъ сношеній». Яговъ указалъ, что, «имѣя дѣло съ восточными народами, никогда нельзя заручиться достаточными гарантіями, и что Австрія желала контролировать выполненіе сдѣланныхъ ей обѣщаній». Дѣло шло объ единственномъ остававшемся еще спорнымъ пунктѣ между Австріей и Сербіей: объ участіи австрійскихъ органовъ въ сербскихъ полицейскихъ и судебныхъ разслѣдованіяхъ. Камбонъ тутъ же искусно внушилъ мысль объ учрежденіи международной комиссіи—таковыхъ на Балканахъ немало—которая имѣла бы задачей контролировать сербское полицейское дознаніе. И въ этомъ отношеніи, прибавилъ Камбонъ, «сербскій отвѣтъ даетъ возможность для начала переговоровъ». Яговъ не сумѣлъ найти отвѣта на это предложеніе, столь же разумное, сколь и выполнимое. Если бы онъ его принялъ и осуществилъ (Россія и Сербія, несомнѣнно, присоединились бы къ предложенію), у насъ теперь не было бы европейской войны. Въ тотъ же день такая же сцена разыгралась между фонъ Бетманъ-Гольвегомъ и Гошеномъ. [2]) Германскій канцлеръ говорилъ на ту же тему, что и Яговъ: щедро раздавалъ мирныя увѣренія, но отказывался отъ конференціи, отказывался отъ всякихъ объясненій по поводу предположеній Австріи, предлагалъ «попытаться» предложить Вѣнѣ вести переговоры съ Петроградомъ (замѣтимъ: такія попытки вѣчно дѣлались съ недостаточными средствами); Бетманъ указывалъ, что «настаивалъ, сколько

---

[1]) Желтая книга, № 92.

[2]) Синяя книга, № 75. Желтая книга. № 92.

могъ»,— но въ особенности ссылался, сопровождая это угрозами, на русскую мобилизацію.

Въ ночь съ 31-го іюля на 1-ое августа [1]) Гошенъ еще разъ настойчиво взывалъ къ чувствамъ гуманности фонъ Ягова. Послѣдній холодно отвѣтилъ, что вопросъ зашелъ слишкомъ далеко, и надо дождаться русскаго отвѣта на германскій ультиматумъ. Удивленный Гошенъ спросилъ, почему ультиматумъ сдѣлали непріемлемымъ, потребовавъ, чтобы Россія отмѣнила мобилизацію также и противъ Австріи. Тогда Яговъ далъ слѣдующій достопамятный отвѣтъ: «Для того, чтобы Россія не могла сказать, что она мобилизовалась только противъ Австріи». Иными словами, для того, чтобы лишить Россію предлога къ возраженію—предлога невозможнаго, такъ какъ общая мобилизація была распубликована и объявлена Царемъ въ телеграммахъ—требовали того, на что Россія не могла согласиться: демобилизаціи противъ государства, которое уже было мобилизовано.

1 августа Гошенъ еще имѣлъ продолжительный и настойчивый разговоръ съ Яговымъ. [2]) Такъ же, какъ и Камбонъ, онъ обратилъ вниманіе фонъ-Ягова на тотъ непостижимый фактъ, что Германія, совершенно не заинтересованная непосредственно въ конфликтѣ, сдѣлала войну неизбѣжной врученіемъ ультиматума, хотя Австрія и Россія, болѣе другихъ заинтересованныя, только что вступили въ переговоры. Яговъ ограничился замѣчаніемъ, что все это, можетъ быть, и такъ, но, разъ Россія мобилизовалась, война должна вспыхнуть, если Россія не согласится на требованія ультиматума.

Такимъ образомъ, причина войны—мобилизація сама по себѣ! Мы уже видѣли, какою была на самомъ дѣлѣ эта мобилизація, чѣмъ она была вызвана и чѣмъ она оправдывалась. И во Франціи, и въ Россіи иначе смотрѣли на значеніе обоюдной мобилизаціи. Ни то, ни другое государство никогда не объявило бы войны Германіи въ виду ея мобилизаціи, какъ они не сдѣлали этого по случаю мобилизаціи Австріи. «Мобилизація не есть война», говорится въ одной изъ депешъ Вивіани Полю Камбону (Желтая книга, № 127). «Въ настоящемъ положеніи она (мобилизація) является для Франціи лучшимъ средствомъ сохранить миръ, и правительство рес-

---

[1]) Синяя книга, № 121. Желтая книга, № 121.

[2]) Синяя книга, № 138. Желтая книга, № 121.

ублики усугубить свои усилія для доведенія переговоровъ до конца... Мы не должны переставать работать съ Англіей ради успѣха этихъ переговоровъ». Вотъ что писалъ Вивіани 1-го августа, слѣдовательно послѣ ультиматума и послѣ французской мобилизаціи. [1])

Мы представили лишь блѣдный очеркъ усилій, произведенныхъ Франціей для сохраненія мира. Всѣ дипломатическія книги даютъ тому обильныя доказательства; одинъ только фонъ-Бетманъ знать ничего не хочетъ.

Выражаясь его же собственными словами, «онъ, въ качествѣ отвѣтственнаго государственнаго дѣятеля, нашелъ въ себѣ мужество» упрекнуть французское правительство въ томъ, что оно не сдѣлало ни одного положительнаго шага въ пользу мира. Но, и мы, и безпристрастная исторія возвращаемъ этотъ упрекъ обратно Германіи и возлагаемъ вину на того политика, который, по собственному ли побужденію, или по принужденію (вина его отъ этого не уменьшается), не только ничего не сдѣлалъ для мира, но, наоборотъ, сдѣлалъ все, чтобы война стала неизбѣжной. Пока другіе сбѣгались съ пожарными трубами и ведрами воды, чтобы потушить начинавшійся пожаръ, фонъ-Бетманъ подливалъ въ огонь масла и подбрасывалъ сучья, чтобы, вмѣсто слабой искорки, вырвалось чудовищное пламя. И нынѣ, когда этотъ адскій огонь все пожираетъ, когда виновникъ пожара съ ужасомъ видитъ послѣдствія своего злодѣянія, онъ пишетъ и говоритъ, говоритъ и пишетъ, обвиняя другихъ, какъ домушникъ, бѣгущій съ крикомъ «держи вора!».

Къ счастью, никто въ мірѣ ему не вѣритъ, и, чѣмъ больше онъ оправдывается, тѣмъ основательнѣе онъ себя топитъ. Никакіе его софизмы, никакіе подлоги не вытравятъ фактовъ, бросающихся всѣмъ въ глаза. Даже самъ германскій народъ, нынѣ еще обманываемый и ослѣпленный и терпѣливо переносящій невыразимые ужасы этой катастрофы, даже самъ германскій народъ въ концѣ концовъ прозрѣетъ. Сверхъ окоповъ и минуя границы, онъ протянетъ руку сосѣднему народу, президентъ котораго справедливо сказалъ: «Германская имперія будетъ нести предъ исторіей подавляющую отвѣтственность».

---

[1]) Желтая книга №№ 125, 127. Мы уже выяснили въ другомъ мѣстѣ, что прусскій кабинетъ также не отожествлялъ мобилизаціи съ войной. (Синяя книга, № 118).

F.

Добавленіе.

Австрійская Красная книга.

Въ началѣ февраля 1915 года, когда заканчивалось печатаніе н
стоящаго труда, появилась австрійская Красная книга, повѣствующ
во введеніи и въ шестидесяти девяти документахъ о событіяхъ
времени убійства эрцгерцога Франца-Фердинанда до того дня, ко
вспыхнула война. Эта книга не сдѣлала никакихъ новыхъ откровен
она лишь подтверждаетъ выводы, которые мы должны бы
сдѣлать изъ опубликованныхъ доселѣ дипломатическихъ книгъ;
этотъ трудъ цѣненъ тѣмъ, что въ прямой откровенной исповѣ
разоблачаетъ съ ужасающей ясностью поведеніе Австріи, о которо
до сихъ поръ приходилось заключать лишь косвенно, на основан
иностранныхъ изданій.

Сообщаемые книгой положительные факты до так
степени подтверждаютъ виновность Австрійской имперіи въ войн
что даже у самыхъ «благожелательныхъ» людей не можетъ ост
ваться никакихъ сомнѣній; факты, о которыхъ австрійское пра
тельство умалчиваетъ, доказываютъ, что оно вполнѣ сознае
свою отвѣтственность, но старается—правда, безуспѣшно—скрыть
отъ міра.

Даже и теперь—не менѣе, чѣмъ раньше—у насъ нѣтъ дока
тельства, что германское правительство, сколько бы оно ни увѣря
объ этомъ въ своей Бѣлой книгѣ, оказало какое-либо умѣря
щее воздѣйствіе на Вѣну. За время съ 28-го по 30-е іюля, ко
сношенія между Австріей и Россіей были прерваны, Берлинскій ка
нетъ, правда, передалъ въ Вѣну нѣкоторыя предложенія державъ
гласія; онъ даже дошелъ до того, что «представилъ» ихъ на Ба
плацъ, но онъ ни разу энергично не поддержалъ и даже ничѣмъ
подкрѣпилъ ихъ. Другія же предложенія Берлинскій кабинетъ отве
отъ имени Австріи, не спрашивая мнѣнія послѣдней. Нѣсколько пр
ложеній онъ даже попросту положилъ подъ сукно, не считая ихъ
служивающими отвѣта.

Австрія отвергла, пока не стало слишкомъ позд
всѣ сдѣланныя ей предложенія и, слѣдовательно, обрекла на круше
всѣ усилія державъ согласія сохранить миръ.

Нынѣ я разсмотрю одинъ за другимъ, въ освѣщеніи Красной иги, отдѣльные заслуживающіе того пункты, причемъ начну съ тѣхъ, торыхъ книга касается, а затѣмъ перейду къ тѣмъ, которые въ й обойдены.

I.

Что **содержится** въ Красной книгѣ.

1) Что Австрія добивалась войны съ Сербіей во что бы то ни ало—фактъ, доказанный разоблаченіями Джіолитти и многими друми обстоятельствами, на которыя мы своевременно указывали—это тановлено теперь самой Красной книгой. Въ своемъ рапортѣ ъ 21 іюля [1]), т. е. до врученія австрійской ноты, австрійскій поанникъ въ Бѣлградѣ, баронъ фонъ-Гисль, выражаетъ увѣренсть, что

«для сохраненія за монархіей ея положенія великой державы, даже болѣе того—для обезпеченія самого ея существованія въ качествѣ великой державы,—было бы невозможно надолго оттянуть расчетъ съ Сербіей, т. е. войну. Если мы запоздаемъ съ выясненіемъ нашихъ отношеній съ Сербіей, мы отчасти будемъ отвѣтственны за затрудненія и за неблагопріятныя условія, ожидающія насъ въ борьбѣ, которую, рано или поздно, надо будетъ выдержать... Полумѣры, требованія, за которыми слѣдуютъ долгіе переговоры и которыя заканчиваются ублюдочнымъ компромиссомъ, вотъ тотъ жесточайшій ударъ, который могъ бы быть нанесенъ престижу Австро-Венгріи въ Сербіи и великодержавному положенію монархіи въ Европѣ.»

Такова программа, по которой должны были разыграться ъ событія.

2) Уже 23-го іюля, одновременно съ врученіемъ Сербіи ультитума, графъ Берхтольдъ, въ нотѣ австрійскому послу въ Лондонѣ, фу Менсдорфу, объявилъ, что краткость назначеннаго въ ультитумѣ срока необходима съ цѣлью помѣшать Сербіи прибѣгнуть къ тяжкамъ и что нельзя дать австрійскимъ требованіямъ превратиться въ матеріалъ для обсужденія и компросса. [2])

---

[1]) Красная книга, № 6.

[2]) Красная книга, № 9.

Державы, ознакомившіяся только 24-го іюля съ нотой Австріи, но не со всѣми матеріалами по этому вопросу,—сдѣлали представленіе въ томъ смыслѣ, что удлиненіе срока необходимо для изученія всего дѣла и для воздѣйствія на сербское правительство. Берхтольдъ рѣшительно отвергъ эту просьбу, заявивъ, что разсмотрѣніе документовъ изл лишне, что австрійское сообщеніе державамъ имѣло только освѣ домительный характеръ, только «долгъ международной вѣжливости», что выступленіе Вѣны касается только Сербіи и Австрі и что державамъ нѣтъ надобности высказывать свое мнѣніе. Въ критическіе дни съ 23-го по 25-е іюля, графъ Берх тольдъ исчезъ изъ столицы [1]) и дѣлалъ свои отрицательныя заявле нія то изъ Ишля, то изъ Ламбаха.

3) Въ инструкціи отъ 25-го іюля австрійскому послу въ Петро градѣ, графу Сапари, предшествовавшей полученію сербскаго отвѣта Берхтольдъ уже предполагаетъ, что Сербія отвергнетъ австрійскі требованія и что за этимъ послѣдуетъ вооруженное столкновеніе. Въ другой нотѣ графу Сапари, отъ того же числа, Берхтольдъ обсу ждаетъ статью 5 ультиматума и разъясняетъ, что участіе австрій скихъ должностныхъ лицъ въ подавленіи сербскихъ разрушительных происковъ должно производиться въ видѣ «сотрудничества» съ Бѣл градской «тайной полиціей». Что же касается статьи 6, несравненн болѣе важной (участіе австрійскихъ чиновниковъ въ предваритель номъ слѣдствіи противъ участниковъ заговора), то Берхтольдъ нахо дитъ излишнимъ давать по ней разъясненія. Послѣднія были дан только въ декларацiи австрійскаго правительства, опубликованно 27-го іюля, т. е. послѣ отозванія посланника изъ Бѣлграда. Тамъ го ворится, что австрійскіе чиновники должны принимать участіе не в производствѣ предварительнаго слѣдствія, а въ полицейскомъ дознаніи, производимомъ въ цѣляхъ подготовк такого слѣдствія.

Уже это одно побуждаетъ спросить: почему эти разъяснені сообщенныя Петрограду 25-го числа и преданныя гласности 27- іюля, не были даны въ самомъ ультиматумѣ или, по крайней мѣр почему они не были сообщены Сербіи послѣ врученія отвѣта послѣ ней? Въ виду покорности, проявленной Бѣлградомъ, болѣе, чѣмъ в роятно, что сербское правительство, принявъ во вниманіе эти об ясненія, обнаружило бы бо̀льшую готовность удовлетворить требов нія Австріи: вѣдь, возраженія Сербіи сводились почти исключитель

[1]) Красная книга, №№ 20, 21.

[2]) Красная книга, № 26.

къ содержанію статей 5 и 6. Значитъ, продолжая переговоры, Австрія получила бы полное удовлетвореніе, и европейскій миръ былъ бы сохраненъ. Но Австрія этого не сдѣлала, такъ какъ она считала войну съ Сербіей необходимой, настолько необходимой, что не остановилась передъ опасностью обще-европейскаго конфликта. Австрія дѣйствовала по рецепту человѣка, сжигающаго свой домъ, чтобы избавиться отъ клоповъ.

4) Сербскій отвѣтъ, какъ извѣстно, вызвалъ жестокое разочарованіе въ Вѣнѣ. Тамъ не ожидали, что вліяніе державъ согласія въ Бѣлградѣ настолько сильно, чтобы добиться отъ независимаго государства подобнаго capitis deminutio [1]). Всякая надежда на возникновеніе желанной войны, казалось, исчезла: государство, унижающееся до принесенія публичнаго извиненія въ опредѣленномъ мѣстѣ оффиціальнаго органа, въ указанный день и въ продиктованныхъ выраженіяхъ,—король, разрѣшающій сосѣднему государству продиктовать ему приказъ по арміи,—суверенное государство, ставящее дѣло народнаго просвѣщенія подъ контроль другого государства, увольняющее и даже арестующее по приказанію сосѣдняго государства офицеровъ и чиновниковъ, распускающее національные союзы и ограничивающее свободу печати, и т. д., и т. д., подобнаго государства и подобнаго правительства еще не знали во всемірной исторіи. Нужно было обладать дѣйствительно большимъ искусствомъ (чего не было у австрійскихъ политиковъ), или быть проникнутымъ исключительно злой волей (которая у нихъ, наоборотъ, несомнѣнно была), чтобы найти въ такомъ поведеніи маленькаго государства поводъ для объявленія войны.

Даже Сазоновъ, въ разговорѣ съ графомъ Сапари 27-го іюля, не зная еще сербскаго отвѣта, заявилъ, что пункты 4, 5 и 6 австрійской ноты непріемлемы для Сербіи: Сазоновъ былъ, навѣрное, крайне удивленъ, когда узналъ, что Сербія уступила по п. 4 (увольненіе офицеровъ и должностныхъ лицъ) и заявила о своей готовности передать п.п. 5 и 6 на рѣшеніе третейскаго суда [2]).

5. Я уже охарактеризовалъ надлежащимъ образомъ поведеніе Вѣнскаго кабинета, искусственно и коварно превратившаго, подлымъ искаженіемъ ея смысла, покорную ноту Сербіи въ ноту протеста. Въ отчетѣ, предназначенномъ для освѣдомленія Лондонскаго кабинета, Берхтольдъ не признавалъ за сербскимъ отвѣтомъ никакого значенія, утверждая, что онъ разсчитанъ на обманъ. «Сербія приняла нѣкоторую

[1]) Потеря правъ, равноправія съ другими государствами.

[2]) Красная книга, № 31.

часть нашихъ требованій со всякаго рода оговорками, будучи твердо увѣрена, что ей никогда не придется сдержать своихъ обѣщаній» [1]). Вотъ какимъ способомъ Австрія пытается оправдать свое поведеніе! Но я уже ставилъ вопросъ: что же Сербіи оставалось дѣлать въ теченіе предоставленныхъ ей 48 часовъ, какъ не давать обѣщанія? Развѣ она могла ихъ еще и исполнить въ эти 48 часовъ? Австрійское правительство потребовало отъ Бѣлграда лишь обязательства удовлетворить извѣстныя требованія. Относительно 8 пунктовъ это обязательство было Сербіей дано, и лишь по поводу 2-хъ пунктовъ она пожелала объясниться. Слѣдовало, прежде всего, выждать, какъ она исполнитъ обѣщанное.

Австрія потребовала немедленныхъ гарантій только относительно 5-го и 6-го пунктовъ. Если бы она пожелала по нимъ объясниться, почти несомнѣнно, что эти гарантіи были бы ей даны въ той или иной формѣ, напримѣръ, какъ указывалъ Камбонъ, въ видѣ учрежденія международной слѣдственной и контрольной коммиссіи [2]). Надо полагать, что при такихъ условіяхъ гарантіи были бы и надежнѣе, и легче осуществимы, нежели въ потребованной Вѣною формѣ. Впрочемъ, самая мысль о сотрудничествѣ австрійскихъ должностныхъ лицъ въ сербскихъ разслѣдованіяхъ (при натянутости отношеній между обоими правительствами), могла созрѣть лишь въ вертоградѣ Вѣнской дипломатіи. Развѣ можно было такимъ способомъ возстановить миръ между Австріей и Сербіей? Результатомъ такой мѣры явились бы безконечные конфликты между должностными лицами обоихъ государствъ, множество прискорбныхъ, а подчасъ и кровавыхъ столкновеній, короче говоря: создалось бы положеніе, которое, безъ всякаго сомнѣнія, привело бы къ войнѣ (таково также мнѣніе и Сазонова: Красная книга, № 14).

Ну и пусть такъ будетъ: необходимо было настаивать на недовѣріи, будто бы питаемомъ Австріей къ Сербіи, чтобы лишить всякаго значенія отвѣтъ, по большинству пунктовъ австрійскаго ультиматума вполнѣ удовлетворительный. Это недовѣріе оправдывалось, по мнѣнію Австріи, тѣмъ, что Сербія объявила общую мобилизацію еще 25-го іюля, въ 3 часа пополудни, т. е. за 3 часа до врученія австрійскому посланнику отвѣтной ноты [3]). Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ же пріемомъ, къ которому прибѣгала съ такимъ успѣхомъ Германія: съ игрой мобилизаціей. Австрія

---

[1]) Красная книга, № 39.
[2]) Желтая книга, № 92.
[3]) Красная книга, № 39.

составляетъ списокъ непріемлемыхъ требованій и, тѣмъ самымъ, обнаруживаетъ, несомнѣнно, воинственныя намѣренія. Сербія принимаетъ большую часть этихъ требованій, но не безъ основанія опасается, какъ бы немногія ея возраженія не послужили врагу поводомъ къ войнѣ. На этотъ именно случай она заблаговременно мобилизуетъ свою армію, что Австріею было сдѣлано уже въ моментъ врученія ультиматума. Мобилизація въ цѣляхъ обороны истолковывается Вѣною, какъ коварный агрессивный актъ, въ которомъ обнаруживаются «явно враждебное настроеніе» Сербіи и ея «нежеланіе покончить дѣло миромъ»,—и «сфабрикованный» предлогъ къ войнѣ имѣется налицо! [1]).

6. Австрія, однако, этимъ не ограничивается. Она идетъ дальше, обвиняя Сербію (по памятнымъ примѣрамъ), будто она первая повела наступленіе: въ своихъ депешахъ на имя австрійскихъ пословъ въ Петроградѣ и Лондонѣ отъ 28 іюля Берхтольдъ категорически утверждаетъ, что Сербія «открыла военныя дѣйствія на венгерской границѣ» 27-го іюля, т. е. до объявленія войны [2]). Это утвержденіе не было, конечно, обосновано никакими фактическими данными и доказательствами и является еще менѣе правдоподобнымъ, чѣмъ аналогичное утвержденіе Германіи относительно Россіи и Франціи. Развѣ мыслимо, чтобы маленькая и слабая Сербія умышленно вызвала войну съ Австріей? Посланникъ Гизль доноситъ, что наличность Сербскаго Національнаго банка отправлена въ безопасное мѣсто, что министерскіе архивы увезены и что войска выступили изъ Бѣлграда въ походномъ снаряженіи. Что же, однако, эти факты доказываютъ? Лишь то, что по здравому смыслу не нуждается въ доказательствахъ: что Сербія нисколько не помышляла о нападеніи на Австрію, а, наоборотъ, была бы счастлива, если бы могущественная сосѣдка оставила ее въ покоѣ [3]). Однако, въ теченіе этой войны вошло, повидимому, въ правило, что нападающій обвиняетъ въ совершеніи нападенія того, кто ему подвергся.

Всѣ эти предлоги были какъ нельзя на-руку австрійскому правительству, которое ссылалось на нихъ для оправданія своего отрицательнаго отношенія къ мирнымъ предложеніямъ державъ. Мотивы подобнаго отношенія сводятся приблизительно къ слѣдующему:

а) Нашъ конфликтъ съ Сербіей никого не касается и долженъ быть локализованъ.

---

[1]) Красная книга: Введеніе, стр. 3 и № 29.

[2]) Красная книга, №№ 39, 40.

[3]) Красная книга, № 22.

б) Своимъ неудовлетворительнымъ отвѣтомъ, мобилизаціей и открытіемъ военныхъ дѣйствій Сербія сама вызвала войну.

7. Въ предыдущемъ я уже останавливался на вопросѣ о локализаціи конфликта. Но въ Красной книгѣ онъ разбирается снова, притомъ съ такой опредѣленностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наивностью, что требуетъ еще краткаго обсужденія. Исходнымъ пунктомъ въ разсужденіяхъ Австріи является принципъ, изложенный 29-го іюля графомъ Менсдорфомъ сэру Э. Грею, а именно, что Сербія входитъ въ сферу австрійскихъ интересовъ (Синяя книга, № 91). Поэтому Австрія не хочетъ признавать, что Россія связана съ Сербіей узами этническаго и историческаго характера, болѣе тѣсными, чѣмъ у любыхъ союзниковъ, напримѣръ, чѣмъ у Германіи съ Австріей. Послѣдняя готова обсуждать съ Россіей австро-русскіе вопросы, но австро-сорбскія разногласія она намѣрена устранить по собственному усмотрѣнію. Подобное искусственное и лишенное всякаго смысла разграниченіе этихъ двухъ вопросовъ производитъ весьма странное впечатлѣніе. Оно напоминаетъ бесѣду двухъ состоящихъ между собою въ тяжбѣ лицъ, изъ коихъ одно говоритъ другому: «Я охотно пойду съ тобою на мировую и никакихъ дурныхъ замысловъ въ отношеніи тебя не имѣю, но намъ не слѣдуетъ обсуждать предмета нашей тяжбы. Будемъ говорить о другомъ: «что ты думаешь о Россіи? Не правда ли, сегодня прекрасная погода? Yery fine day to-day indeed» [1]). Именно сербскій вопросъ являлся уже много лѣтъ единственной причиной натянутости отношеній между Россіей и Австріей. Россія отожествляла свои интересы съ интересами Сербіи и заявила, что не потерпитъ. ради самой этой страны и въ цѣляхъ поддержанія собственнаго престижа, чтобы родственное Россіи государство, послѣ тяжкаго политическаго удара, подверглось еще и военному разгрому со стороны Австріи, и было низведено до положенія вассальнаго государства [2]). На сей разъ разногласія приняли крайне рѣзкій характеръ, угрожая не только вызвать столкновеніе между Вѣной и Петроградомъ, но и зажечь пожаромъ всю Европу. Значитъ, если имѣлось желаніе войти въ переговоры, они должны были происходить лишь на почвѣ сербскаго вопроса, единственнаго существовавшаго вопроса. При нежеланіи же ихъ вести, было совершенно безцѣльно и напрасно предлагать для обсужденія какіе либо другіе вопросы. На

---

[1]) «Дѣйствительно, сегодня отличная погода».

[2]) Красная книга, № 47. Синяя книга, №№ 48, 91.

самомъ дѣлѣ, предложеніе Австріи подвергнуть совмѣстному съ Россіей обсужденію русскіе интересы было лишь предлогомъ избѣжать всякаго обсужденія, полезнаго для дѣла.

Тщетно Грей и Сазоновъ старались открыть Вѣнскому кабинету глаза на его софизмы, которые могли повлечь за собою весьма серьезныя послѣдствія. Даже графъ Сапари, австрійскій посолъ въ Петроградѣ, не удержался отъ замѣчанія, что инструкціи Берхтольда представляютъ собою заколдованный кругъ (cercle vicieux) [1]). Всѣ представленія не возымѣли никакого успѣха. Поддерживаемая Германіей, Австрія упорствовала въ своемъ отказѣ вплоть до того момента, когда война оказалась неизбѣжной.

8. Исходя изъ той точки зрѣнія, что никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ австро-сербскій конфликтъ, Австрія, прежде всего, отвергаетъ всякое обсужденіе содержанія своего ультиматума, а также сербскаго отвѣта. 27-го іюля происходила въ дружественномъ тонѣ бесѣда между Сазоновымъ и Сапари. Первый выразилъ желаніе обсудить съ посломъ австрійскую ноту. На это Сапари заявилъ, что онъ готовъ выслушать замѣчанія Сазонова, но предупредилъ, что не уполномоченъ обсуждать или толковать текстъ этой ноты [2]). 28-го іюля русскій посолъ Шебеко просилъ Берхтольда препоручать Сапари надлежащія инструкціи, дабы послѣдній могъ продолжать обмѣнъ мнѣній съ Сазоновымъ и, если возможно, прийти къ непосредственному соглашенію съ русскимъ правительствомъ, которое изъявило полную къ тому готовность. Предложеніе русскаго посла было категорически отвергнуто графомъ Берхтольдомъ. Въ Австріи никто бы не понялъ,—сказалъ онъ,—почему обсуждается сербскій отвѣтъ, признанный неудовлетворительнымъ, да, кромѣ того, объявленіе войны уже состоялось въ тотъ же день. Для обоснованія объявленія войны, графъ Берхтольдъ не преминулъ сослаться ба сербскую мобилизацію и на пресловутое открытіе военныхъ дѣйствій со стороны сербовъ [3]).

Такимъ образомъ, сожжены были всѣ мосты между Австріей и Россіею, и примирительныя предложенія могли достичь Вѣны не иначе, какъ при посредничествѣ остальныхъ державъ согласія или же Германіи.

9. Въ тотъ же день, когда было отклонено предложеніе Сазонова вести непосредственные переговоры, графъ Берхтольдъ отвергъ

---

[1]) Красная книга, № 47.

[2]) Красная книга, № 31.

[3]) Красная книга, № 40. Оранжевая книга, № 45.

также и предложенную Греемъ конференцію изъ представителей 4-хъ державъ. Какъ извѣстно, послѣдняя уже была отвергнута Германіей безъ предварительнаго запроса въ Вѣнѣ, подъ предлогомъ, что нельзя заставлять союзницу предстать предъ «европейскимъ трибуналомъ». Австрія же, съ своей стороны, выставила другой мотивъ своего отказа отъ предложенія, сдѣланнаго одновременно (28-го іюля) Греемъ—графу Менсдорфу и Бунзеномъ—графу Берхтольду. Она заявила, что предложеніе запоздало, такъ какъ его опередило объявленіе войны [1]). Странная вещь, на самомъ дѣлѣ! Германія, въ качествѣ опекунши Австріи, считаетъ предложеніе, такъ сказать, обиднымъ. На Австрію же, наиболѣе заинтересованную сторону, оно такого впечатлѣнія не производитъ: она указываетъ лишь на запоздалость его. Другими словами, она, повидимому, была бы согласна обсудить предложеніе, если бы оно было сдѣлано раньше. Новое доказательство путаницы, господствующей въ головахъ германскихъ и австрійскихъ дипломатовъ и въ ихъ канцеляріяхъ! Конечно, соображенія, приведенныя Берлиномъ и Вѣной противъ созыва конференціи, въ одинаковой степени были лишены основанія. Но было бы, несомнѣнно, благоразумнѣе, если бы Германія и Австрія предварительно сговорились между собою относительно соображеній, ссылаясь на которыя можно было обречь на неудачу всякое выступленіе державъ согласія въ пользу мира. Игра была бы менѣе прозрачной, и не такъ легко было бы доказать виновность обѣихъ союзницъ.

10. Я уже сказалъ, что Германія, въ отвѣтъ на проектъ Грея о созывѣ конференціи, указала на желательность непосредственныхъ переговоровъ между Вѣною и Петроградомъ, и что Вѣна на это не согласилась. Бѣлая книга, конечно, старается скрыть этотъ отказъ, являющійся самъ по себѣ вѣской уликой противъ союзныхъ имперій, но при помощи прочихъ дипломатическихъ книгъ удалось установить этотъ фактъ съ абсолютною достовѣрностью. Впрочемъ, въ Красной книгѣ имѣется формальное признаніе Австріи, поразительное само по себѣ и къ тому же еще отягчающее ея вину: Вѣнскій кабинетъ не только отвергъ 28-го іюля германское предложеніе, но этотъ отказъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ былъ формулированъ имъ уже 23-го іюля (Красная книга, № 9). Германское правительство должно было знать объ этомъ; такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Значитъ, германское правительство сознательно отвергло попытку Лондонскаго кабинета, имѣвшую наи

---

[1]) Красная книга, №№ 38, 41.

большіе шансы на успѣхъ, и выдвинуло взамѣнъ ея предложеніе, въ абсолютной безуспѣшности котораго Германія, зная о декларацiи Австріи отъ 23-го іюля, не могла сомнѣваться. До сихъ поръ можно было лишь констатировать неудачу германскаго предложенія и вывести заключеніе о преступной двойной игрѣ обѣихъ союзницъ.... Нынѣ, благодаря Красной книгѣ, эта двойная игра доказана, и съ виновныхъ сорвана маска. Одной этой улики, помимо всѣхъ остальныхъ, было бы совершенно достаточно, чтобы возложить всю отвѣтственность за міровую войну на Германію и Австрію.

II. Въ виду угрожающаго развитія конфликта, Берхтольдъ рѣшился 30-го іюля войти съ Сазоновымъ въ обсужденіе ультиматума по существу. Того же числа онъ отправилъ двѣ соотвѣтствующія инструкціи австрійскому послу въ Петроградѣ (Красная книга, №№ 49 и 50); 31-го іюля открылись первые оффиціальные переговоры по поводу содержанія австрійской ноты [1]). Я уже указывалъ, что бесѣда Сазонова съ Сапари, происшедшая 27-го іюля, не имѣла офиціальнаго характера. Сапари лишь принялъ къ свѣдѣнію замѣчанія Сазонова.

Даже въ этотъ критическій моментъ Берхтольдъ не преминулъ указать, что война опередила ноту; онъ заявилъ, что бесѣды, на которыя онъ, наконецъ, согласился, могутъ имѣть лишь характеръ «дополнительныхъ разъясненій», и далъ понять, что Австрія не намѣрена «измѣнить какую бы то ни было статью ноты».

Фраза о томъ, что «война опередила ноту», постоянно повторяющаяся въ Красной книгѣ, заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія. Что она, собственно, означаетъ? А оскорбляетъ В; В почтительно извиняется; тѣмъ временемъ А хватаетъ кинжалъ, чтобы зарѣзать В. С, близкій родственникъ А, вмѣшивается, чтобы предотвратить смертельный ударъ и указываетъ на извиненія, принесенныя В. Но А протестуетъ противъ вмѣшательства, указывая, что событія опередили обсужденіе оскорбленія, и что состояніе войны, возникшее въ моментъ, когда онъ схватился за кинжалъ, не можетъ прекратиться.

Такова точка зрѣнія австрійскаго правительства. Это невѣроятно, но такова дѣйствительность! Если бы даже эта точка зрѣнія была столь логична и разумна, сколь она является нелогичной и неразумной, она не могла бы привести къ выводу, сдѣланному Вѣной, т. е.,

---

[1]) Красная книга, № 55.

что всѣ попытки примиренія, сдѣланныя третьей державой въ интересахъ сохраненія европейскаго мира, а не въ интересахъ одной Сербіи, должны быть отвергнуты. Состояніе войны было создано исключительно Австріей (вѣсть о враждебныхъ дѣйствіяхъ Сербіи является, конечно, выдумкой). Но это состояніе войны могло и даже должно было, подобно всѣмъ войнамъ, окончиться когда-нибудь. Державы согласія предпочитали, чтобы этотъ конецъ наступилъ возможно скорѣе, дабы избѣгнуть всеобщаго пожара. Развѣ можно было препятствовать ихъ стараніямъ въ пользу мира подъ предлогомъ, что война, дескать, уже вспыхнула? Именно потому, что война уже вспыхнула, державы заботились о сохраненіи мира: приходится краснѣть, пространно объясняя столь простыя вещи. Но когда во всѣхъ нотахъ Красной книги (начиная съ 28-го іюля) встрѣчаешь то же идіотское утвержденіе, что война, безпричинно и преступно вызванная Австріей, опередила всѣ старанія державъ, направленныя къ сохраненію мира,—конечно, германская Бѣлая книга не преминула повторить эту благоглупость,—приходится заклеймить этотъ недостатокъ разумѣнія надлежащими словами; мы имѣемъ дѣло съ преступной игрой высшими интересами несчастныхъ народовъ, охрана которыхъ довѣрена подобнымъ людямъ.

Но хуже всего то, что утвержденіе австрійскаго правительства даже не соотвѣтствуетъ истинѣ. Мирныя предложенія Россіи, стремившейся къ непосредственному соглашенію, и Грея, предлагавшаго конференцію четырехъ державъ, были сдѣланы и сообщены въ Вѣну до начала австро-сербской войны. Уже 24-го іюля Сазоновъ, ознакомившись съ австрійской нотой, выразилъ желаніе чтобы срокъ, установленный ультиматумомъ, былъ продленъ, и чтобы ему, Сазонову, были переданы полностью австрійскіе документы съ обвиненіемъ Сербіи, дабы онъ могъ изучить причины недовольства Австріи, произвести давленіе на Сербію и сдѣлать возможнымъ соглашеніе съ Вѣной. Русскій министръ нѣсколько разъ обращался къ графу Сапари съ подобною просьбою, въ послѣдній разъ 27-го іюля [1]. Такъ какъ Сербіи война была объявлена 28-го, то послѣдняя не могла опередить русское предложеніе, и австрійское утвержденіе является ничѣмъ инымъ, какъ ложью.

Точно такъ же обстоитъ дѣло съ предложеніемъ Грея. Уже 24 іюля англійскій министръ указалъ на желательность конференціи четырехъ

---

[1]) Красная книга, № 31.

державъ [1]). 26-го это предложеніе было передано въ Берлинъ и отвергнуто, такъ какъ тамъ сочли невозможнымъ поставить Австрію передъ европейскимъ трибуналомъ [2]). 27-го графъ Менсдорфъ отправилъ свое подробное донесеніе по поводу этого проекта, поддержаннаго самимъ Греемъ [3]). Какъ же могло случиться, что объявленіе войны, сдѣланное 28-го іюля, опередило это предложеніе отъ 24-го? Это утвержденіе является сознательною ложью, имѣвшей цѣлью замаскировать настойчивое стремленіе Австріи къ войнѣ.

Я резюмирую:

а) если бы утвержденіе Австріи, что упомянутыя предложенія были получены ею послѣ объявленія войны, даже соотвѣтствовало истинѣ, то и это, съ точки зрѣнія разума и здравой логики, не являлось бы достаточнымъ основаніемъ для отклоненія этихъ предложеній;

б) однако, доказано, что эти предложенія получены Австріей до объявленія войны; слѣдовательно, австрійское правительство основывается на вымышленномъ фактѣ и дѣлаетъ изъ него ошибочные выводы.

12. 29-го іюля Сазоновъ съ полнымъ основаніемъ высказалъ Сапари свое сожалѣніе, что Австрія отрицательно относится къ мысли о новомъ обмѣнѣ взглядами. Это не мѣшаетъ Берхтольду «разыгрывать дурака»: въ бесѣдѣ съ Шебеко, 30-го іюля, графъ говорилъ о какомъ-то «заблужденіи» Сазонова, такъ какъ онъ, Берхтольдъ, и Шебеко еще «за два дня до этого обсуждали злободневные вопросы», и Шебеко извѣстилъ объ этомъ Петроградъ. (Красная книга, № 50). Бесѣда, о которой говоритъ Берхтольдъ, состояла въ слѣдующемъ: Шебеко, отъ имени Сазонова, выразилъ желаніе продлить переговоры, а Берхтольдъ категорически отвергъ эту просьбу. Вотъ это-то Берхтольдъ и называетъ «обсужденіемъ злободневныхъ вопросовъ».

13. Вопросъ о мобилизаціи, конечно, также былъ затронутъ во время бесѣды 30-го іюля. Берхтольдъ жаловался на мобилизацію четырехъ военныхъ округовъ южной Россіи, состоявшуюся наканунѣ, и повторилъ ложное утвержденіе, что Австрія мобилизовала только восемь армейскихъ корпусовъ противъ Сербіи и «ни одного человѣка» (nicht einen Mann) противъ Россіи. На что Шебеко могъ бы отвѣтить: «Можетъ быть, keinen Mann, но одного Beth-Mann». Ибо Бетманъ, по простотѣ душевной, признался 4-го августа въ рейхстагѣ,

---

[1]) Синяя книга, №№ 10, 11, 24, 25, 36, 42 43 и т. д.

[2]) Бѣлая книга, № 9.

[3]) Красная книга, № 38 и Синяя книга, № 48.

что Австрія мобилизовала два армейскихъ корпуса противъ Россіи—раньше, чѣмъ возникъ вопросъ о русской мобилизаціи.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что Берхтольдъ въ той же самой бесѣдѣ указалъ, что Австріи необходимо «заняться дальнѣйшей мобилизаціей». Это признаніе подтверждаетъ донесенія пословъ согласія относительно всеобщей австрійской мобилизаціи: она состоялась въ ночь на 31-е іюля [1]).

Впрочемъ, какъ Россія, такъ и Австрія придерживались мнѣнія, что мобилизація вовсе не означаетъ войны. Хотя обѣ державы назначили мобилизацію на 31-е іюля, Берхтольдъ телеграфировалъ австрійскимъ посламъ дословно: «Между кабинетами Вѣны и Петрограда продолжаются переговоры, соотвѣтствующіе создавшемуся положенію, которые, мы надѣемся, приведутъ къ общему примиренію». На самомъ дѣлѣ, они продолжались, или вѣрнѣе, они начались послѣ обѣихъ мобилизацій; они продолжались въ Петроградѣ 31-го іюля и 1-го августа, даже послѣ берлинскаго ультиматума, и были окончательно прерваны лишь послѣ объявленія войны Германіей [2]). Въ другой телеграммѣ на имя графа Менсдорфа, помѣченной 24-мъ іюля, Берхтольдъ указываетъ, что Австрія уже дважды (въ 1908 и 1912 гг.) мобилизовалась изъ-за Сербіи [3]). Въ обоихъ случаяхъ мобилизовалась и Россія; благодаря переговорамъ, миръ, тѣмъ не менѣе, былъ сохраненъ. Признаніе союзницы, не говорящее въ пользу Германіи! Несмотря на мобилизацію, миръ могъ бы быть сохраненъ и на этотъ разъ, если бы этого хотѣлъ Берлинъ.

14. Въ связи съ вопросомъ о мобилизаціи, я не хотѣлъ бы скрыть отъ читателя милый эпизодъ, вносящій нѣкоторую веселую нотку въ эту мрачную трагедію: я имѣю въ виду исторію о нарушеніи Сазоновымъ даннаго имъ слова. До сихъ поръ германская дипломатія упоминала только о трехъ лицахъ, будто бы не сдержавшихъ даннаго слова: о русскомъ военномъ министрѣ, о начальникѣ русскаго главнаго штаба и о Царѣ (см. Бѣлую книгу). Этого не было достаточно «господамъ» въ Вѣнѣ; имъ необходимъ былъ четвертый, г. Сазоновъ. Графъ Шэгени, повидимому, плохо понимающій или забывающій во время сна всѣ важныя событія (объ

---

[1]) См. также телеграмму гр. Берхтольда отъ 31-го іюля, въ которой открыто говорится объ австрійской мобилизаціи противъ Россіи, произведенной въ предыдущую ночь (Красная книга, № 53).

[2]) Красная книга, №№ 55 и 56.

[3]) Красная книга, № 17.

томъ рѣчь впереди), доноситъ 27-го іюля изъ Берлина, что Сазоновъ завѣрилъ германскаго посла, что мобилизація еще не состоялась и что приняты лишь нѣкоторыя подготовительныя военныя мѣры срочнаго характера (Красная книга, № 33). Я уже указывалъ что, то заявленіе соотвѣтствуетъ истинѣ; но оно было сдѣлано не Сазоновымъ, а военнымъ министромъ Сухомлиновымъ (Бѣлая книга, стр. 8). Забавно наблюдать, какъ Берхтольдъ превращаетъ это заявленіе, ошибочно приписанное Сазонову, въ нарушеніе даннаго слова, и великодушно признаетъ въ своей нотѣ отъ 29-го, что Сазоновъ «больше не отрицаетъ факта мобилизаціи». — На самомъ дѣлѣ онъ никогда не отрицалъ (Красная книга, №№ 42 и 48). Богъ знаетъ, сколько лицъ, не сдержавшихъ своего слова, удалось бы еще найти въ Россіи, если бы вспыхнувшая война не положила конца этой опасной (!) дѣятельности.

15. Телеграмма Берхтольда отъ 31 іюля, адресованная австрійскимъ посламъ въ Лондонѣ и Петроградѣ (Красная книга, № 51), заслуживаетъ особаго разбора. Подобно двумъ телеграммамъ отъ 30-го іюля, отправленнымъ графу Сапари (№№ 49 и 50) и расчищающимъ почву для окончательнаго согласія на непосредственные переговоры съ Россіей, телеграмма отъ 31-го іюля указываетъ на склонность Австріи принять посредничество, предложенное Греемъ. Поверхностный наблюдатель, недостаточно отдающій себѣ отчетъ въ таинственныхъ нитяхъ, связующихъ Вѣну и Берлинъ,—а въ такомъ положеніи находились тогда державы согласія, прозрѣвшія лишь благодаря проискамъ Берлина—могъ бы предположить, что Австрія, боясь европейской войны, наконецъ, образумилась, идетъ на попятный и старается сохранить миръ, пользуясь обоими вышеупомянутыми предложеніями: о непосредственномъ соглашеніи съ Россіей и о посредничествѣ державъ. Въ дѣйствительности же, дѣло обстояло совершенно иначе. Австрія должна была знать и знала, что натянутыя отношенія между Берлиномъ и Петроградомъ, вызванныя Германіей, намышленно выдвинувшей на первый планъ вопросъ о мобилизаціи, получили тѣмъ временемъ большее значеніе, чѣмъ несогласіе между Вѣной и Петроградомъ; кажущееся принятіе мирныхъ предложеній державъ согласія не могло, слѣдовательно, предотвратить угрожающей войны. Такова одна изъ причинъ внезапной, происшедшей въ Австріи перемѣны. Она не была опасной: обо всемъ остальномъ заботился Берлинъ.

Другую причину—мы узнаемъ о ней въ настоящій моментъ лишь изъ Красной книги—слѣдуетъ искать въ томъ, что заявленія Вѣны не

могли бы привести къ мирному исходу, если бы даже Берлинъ не прибѣгъ къ ультиматумамъ: эти заявленія сопровождались слишкомъ многими ограниченіями и условіями. Въ этомъ отношеніи Вѣна сама обо всемъ позаботилась. Я уже указалъ на оговорки, сдѣланныя австрійскимъ кабинетомъ при возобновленіи совѣщаній въ Петроградѣ. Разъ одна изъ сторонъ заранѣе объявляетъ, что намѣрена дать лишь «дополнительныя разъясненія», и что она «не дастъ у себя урвать что либо», переговоры излишни и тщетны.

Вѣнскій кабинетъ представилъ аналогичныя оговорки по поводу англійскаго предложенія о посредничествѣ. Это предложеніе было возобновлено Греемъ, по просьбѣ Сазонова (29-го іюля) послѣ того, какъ Австрія наканунѣ категорически отказалась отъ обмѣна мнѣній [1]). Въ Вѣнской нотѣ отъ 31-го іюля имѣется слѣдующая поразительная фраза: «Сазоновъ извѣстилъ англійское правительство, что послѣ объявленія войны Сербіи Австро-Венгріей онъ не можетъ болѣе (il n'était plus à même) вести непосредственные переговоры съ Австро-Венгріей». Означаетъ ли это, что Сазоновъ съ своей стороны отклонилъ всѣ дальнѣйшіе переговоры? Это было бы грубой фальсификаціей истины, которая легко разоблачается при помощи той же Красной книги и всѣхъ остальныхъ дипломатическихъ изданій. Сазоновъ, дѣйствительно, не могъ больше вести переговоры съ Австріей, но не по своей винѣ, а вслѣдствіе отказа Вѣны, начиная съ 28-го іюля, обсуждать что-либо. Кого хотятъ ввести въ заблужденіе при помощи этой двусмысленной фразы?

Грей немедленно извѣстилъ князя Лихновскаго о просьбѣ Сазонова и вновь предложилъ четверную конференцію въ Лондонѣ. Онъ предоставлялъ германскому правительству рѣшеніе вопроса, въ какой формѣ она можетъ осуществиться. Для осуществленія какого бы то ни было посредничества, конечно, необходимо было временное прекращеніе враждебныхъ дѣйствій противъ сербовъ. Замѣтьте, что настаивали лишь на пріостановкѣ дальнѣйшаго продвиженія австрійскихъ войскъ, а не на отступленіи ихъ.

Какъ отнесся Берхтольдъ къ этому предложенію? 31-го іюля онъ впервые заявилъ, что «мы готовы оказать благосклонный пріемъ предложенію Э. Грея быть посредникомъ между Сербіею и нами». Но онъ присовокупилъ къ этому слѣдующія условія:

---

[1]) Оранжевая книга, № 50, Синяя книга, № 84.

а) Военныя дѣйствія противъ Сербіи будутъ тѣмъ временемъ продолжаться.

б) Англійскій кабинетъ побудитъ русское правительство прервать мобилизацію, направленную противъ насъ. Въ этомъ случаѣ нами будутъ отмѣнены военныя распоряженія, отданныя въ интересахъ защиты Галиціи.

Означало ли это отказъ, или принятіе предложенія? Это былъ отказъ подъ видомъ принятія. Можно ли было серьезно требовать отъ русскаго правительства, чтобы оно первымъ приступило къ демобилизаціи въ то время, какъ Австрія наканунѣ издала приказъ о всеобщей мобилизаціи и выразила согласіе лишь на частичную отмѣну этой мѣры въ Галиціи? Можно ли было бы требовать отъ Петроградскаго кабинета согласія на продвиженіе впередъ австрійскихъ войскъ въ Сербіи и на уничтоженіе маленькаго государства въ то время, когда въ Лондонѣ засѣдала бы конференція, начало и длительность которой не были установлены? Впрочемъ, Австрія въ принципѣ согласилась оказать предложенію Грея «благосклонный пріемъ», но не согласилась на опредѣленную конференцію, въ той или другой формѣ. Могло, слѣдовательно, получиться положеніе, подобное тому, которое за шесть дней до того возникло въ Берлинѣ и все еще продолжалось: Вѣнскій кабинетъ могъ представить формальное возраженіе и, подобно Берлину, отказаться отъ указанія желательной и пріемлемой для него формы. Словомъ, австрійскій отвѣтъ на предложеніе Грея,—«сообщенное, сообразно полученнымъ предписаніямъ», но не поддержанное посломъ Чиршки—былъ столь сумбуренъ и обставленъ столь многими условіями, что былъ тожествененъ съ отклоненіемъ предложенія.

Итакъ, союзныя правительства были увѣрены, что война, которой они желали, не ускользнетъ отъ нихъ. На счастливый исходъ переговоровъ съ Россіей можно было такъ же мало надѣяться, какъ на успѣхъ англійскаго посредничества, въ виду оговорокъ и условій, поставленныхъ Вѣной. Если же, противъ ожиданія, явилась бы возможность мирнаго исхода, Берлинъ обязался сдѣлать войну неизбѣжной при помощи политики ультиматумовъ. Карты были смѣшаны столь искусно, что обѣ имперіи не могли проиграть игру,—эту кровавую игру, къ которой онѣ такъ долго готовились во время мира и которую онѣ, наконецъ, хотѣли серьезно разыграть.

* * *

Мы ограничились обсужденіемъ того, что содержитъ Красная книга, и убѣдились, что обвиненія, предъявленныя Австріи, еще разъ доказаны.

Австрія преступнымъ образомъ вызвала австро-сербскую войну, а, слѣдовательно, и европейскую:

выставляя непріемлемыя для Сербіи требованія, отвергая ея почти идеально-удовлетворительный отвѣтъ, отзывая своего посланника и объявляя войну Сербіи, скрывая истинную цѣль предпринятыхъ ею военныхъ дѣйствій;

категорически отказываясь отъ всякаго обсужденія и посредничества, пока они еще не являлись запоздалыми;

обставляя свои «добрыя намѣренія» такими условіями, что это заранѣе исключало всякую возможность успѣха.

II.

Чего Красная книга не содержитъ.

Вышеприведенныя обвиненія основываются на содержаніи Красной книги.

Но еще болѣе серьезныя обвиненія могутъ быть предъявлены на основаніи фактовъ, въ Красной книгѣ не упомянутыхъ. Она не содержитъ ни слова, ни звука:

а) о мнимомъ давленіи, якобы произведенномъ Берлиномъ на Вѣну въ пользу мира,

б) обо всѣхъ посредническихъ предложеніяхъ, сдѣланныхъ державами четверного согласія, кромѣ предложенія о конференціи.

1. Красная и Бѣлая книга полны, какъ я уже указывалъ, высокопарныхъ завѣреній германскаго правительства, якобы старавшагося оказать умѣряющее вліяніе на Вѣну. «Вѣрные нашему принципу, что посредничество не должно распространяться на австро-сербскій конфликтъ, который — дѣло исключительно Австро-Венгріи, а должно только касаться отношеній между Австро-Венгріей и Россіей (это есть то пресловутое различіе, которое я охарактеризовалъ выше), мы продолжали наши усилія привести эти обѣ державы къ соглашенію. Послѣ крушенія идеи о конференціи, мы выразили готовность передать въ Вѣну новое предложеніе сэра Эдуарда Грея и т. д....». «Несмотря на это, мы напрягали всѣ наши усилія для осуществленія посредничества и совѣтовали Вѣнѣ идти на уступки, совмѣстимыя съ достоинствомъ монархіи...». «Плечомъ къ плечу, мы неустанно работали сообща съ Англіей въ пользу посред-

ничества и поддерживали въ Вѣнѣ всякое предложеніе и т. д.». «Въ то время, какъ наши усилія въ пользу посредничества, поддержанныя англійской дипломатіей, продолжались съ возрастающей настойчивостью и т. д.». Такого рода тирады безпрестанно повторяются въ Бѣлой книгѣ. Кромѣ того, въ рѣчи отъ 4-го августа канцлеръ увѣряетъ, что настаивалъ на посредничествѣ въ Вѣнѣ «въ такой степени, какую допускали наши союзныя обязательства».

Аналогичныя завѣренія постоянно даются англійскимъ дипломатамъ въ Лондонѣ и Берлинѣ. Канцлеръ утверждаетъ, что онъ нажалъ на кнопку, поскольку это было возможно, что онъ энергично проповѣдывалъ миръ и умѣренность и боится даже, что зашелъ при этомъ слишкомъ далеко [1]). Г. фонъ-Яговъ высказываетъ даже опасеніе, не вызвало ли сильное давленіе, оказанное имъ въ Вѣнѣ въ пользу обсужденія сербской ноты, результата, противоположнаго тому, на который разсчитывали, т. е. не вызвало ли оно объявленія войны Австріей [2]). Словомъ, г.г. фонъ-Бетманъ и фонъ-Яговъ преисполнены мирныхъ намѣреній и выступаютъ передъ нѣмецкимъ народомъ и англійскимъ правительствомъ ангелами мира, безпрестанно летающими между Вѣною и Берлиномъ съ вѣтками мира въ рукахъ.

Читая Бѣлую книгу, нельзя не удивиться полной безуспѣшности всѣхъ этихъ усилій, направленныхъ къ сохраненію мира. Повсюду читаешь: Вѣна отказала по такимъ-то и такимъ-то причинамъ. Или Австрія не хотѣла вступать въ переговоры, или они являются уже запоздалыми, или русская мобилизація уже состоялась и т. д. Результатъ повсюду оказывается равнымъ нулю.

Я уже указывалъ, что этотъ отрицательный результатъ является въ высшей степени подозрительнымъ. Если бы Берлинъ серьезно захотѣлъ, Вѣна безъ разговоровъ должна была бы уступить во всемъ, такъ какъ съ Вѣной въ Европѣ не считались. Во взаимоотношеніяхъ двухъ членовъ тройственнаго союза существовало темное мѣсто, которое необходимо было освѣтить. Если хотятъ, чтобы люди повѣрили, будто дѣлались усилія для сохраненія мира, необходимо это ясно доказать: неуспѣхъ мнимыхъ стараній Берлина—столь поразительное явленіе, что поневолѣ возникаютъ сомнѣнія относительно ихъ реальности.

Это дѣло становится еще болѣе сомнительнымъ, въ виду положенія, занятаго нашимъ германскимъ посломъ въ Вѣнѣ. Г. фонъ-Чиршки

---

[1]) Синяя книга, №№ 107, 108.

[2]) Синяя книга, № 76.

пользовался репутаціей крайняго врага сербовъ и русскихъ, который, вмѣсто того, чтобы рекомендовать Балльплацу умѣренность, старался вызвать войну. Англійскій посолъ сэръ М. Бунзенъ открыто заявляетъ, что г. фонъ-Чиршки съ самаго начала желалъ войны, что его личныя чувства вліяли на его поведеніе въ качествѣ посла, и что онъ совѣтовался съ австрійскимъ правительствомъ всегда отдѣльно, а не сообща съ послами державъ согласія. Сазоновъ также указываетъ на руссофобство Чиршки, который, какъ подозрѣвали, ознакомился съ австрійской нотой до ея передачи и заявлялъ всѣмъ, кому не лѣнь было слушать, что онъ одобряетъ каждое ея слово и считаетъ сербскій отвѣтъ ложью и обманомъ [1]). Если такого рода послу поручено было передавать въ Вѣнѣ англійскія предложенія, не поручивъ ему притомъ энергично поддержать ихъ, или даже рекомендовать—не говоря уже объ оказаніи сильнаго давленія на австрійскихъ дипломатовъ,—то легко можно себѣ представить, къ чему должны были повести рѣшительныя усилія (!), дѣлавшіяся германскимъ правительствомъ въ пользу мира, и какъ осуществлялось посредничество въ Вѣнѣ, «достигшее крайнихъ предѣловъ, допустимыхъ съ точки зрѣнія нашихъ союзныхъ обязательствъ».

Всѣ эти симптомы, а особенно абсолютная неудача мнимыхъ усилій Берлина, вызывали сомнѣніе въ истинности берлинскихъ завѣреній. Но лишь австрійская Красная книга снабдила насъ доказательствомъ лживости, сознательной лживости всѣхъ этихъ завѣреній. Она не содержитъ ни слова, ни звука о шагахъ, столь великодушно предпринятыхъ якобы г.г. фонъ Бетманомъ и фонъ-Яговымъ; въ ней имѣются лишь нѣкоторыя сообщенія г. Чиршки Берхтольду, состоявшіяся «согласно съ предписаніями»; лишь одинъ разъ въ нихъ упоминается объ англійскомъ предложеніи, «переданномъ Вѣнскому кабинету» [2]). Вопросъ шелъ о важномъ и срочномъ предложеніи Грея отъ 27-го іюля (Синяя книга, № 46), съ цѣлью побудить Австрію признать сербскій отвѣтъ, по крайней мѣрѣ, основой для обсужденія, такъ какъ онъ, благодаря умѣряющему вліянію Россіи въ Бѣлградѣ, шелъ навстрѣчу австрійскимъ требованіямъ больше, чѣмъ этого можно было ожидать. Только прочтите настоятельную и столь хорошо обоснованную просьбу сэра Грея, обращенную къ Лихновскому, этотъ горячій призывъ къ миролюбію Германіи; припомните искреннее желаніе Грея работать и дѣйствовать въ согласіи съ германскимъ правительствомъ

---

[1]) Синяя книга, №№ 32, 95, 139, 141, и стр. 83.

[2]) Красная книга, №№ 43, 44, 51.

и убѣдительность, съ которою онъ доказывалъ, что, послѣ настоятельныхъ совѣтовъ, данныхъ Россіею Сербіи, и проявленной послѣднею готовности пойти на уступки, насталъ чередъ Австріи показать больше уступчивости; одинъ только Берлинскій кабинетъ, по мнѣнію Грея, въ состояніи оказать такое воздѣйствіе на Австрію. Сравните все это съ тѣмъ ледянымъ равнодушіемъ, съ которымъ Чиршки представилъ на разсмотрѣніе австрійскаго правительства предложеніе Грея! Тогда вамъ не покажется удивительнымъ, что Вѣнскій кабинетъ отвергъ это предложеніе, какъ «запоздалое», сдѣланное уже послѣ открытія военныхъ дѣйствій Сербіею (sic!) и состоявшагося затѣмъ объявленія войны. [1])

Въ такомъ-то видѣ представляются усилія, сдѣланныя Вѣною и Берлиномъ въ пользу мира! До сихъ поръ еще не опубликовано ни одной инструкціи, ни одной ноты, ни одной телеграммы, которыя дали бы хотя бы малѣйшее доказательство усилій Германіи сохранить миръ. Надежды, возлагавшіяся въ этомъ отношеніи на Красную книгу, не оправдались, и мы считаемъ себя въ правѣ спросить г. Бетмана: гдѣ доказательства, что вы серьезно работали въ Вѣнѣ въ пользу мира? Дипломатическіе сборники, опубликованные Австріею и Германіею, либо ни слова не говорятъ объ этомъ, либо доказываютъ какъ разъ обратное тому, что вы утверждаете. Сообщить ноту, «передать ее на разсмотрѣніе»— еще не значитъ поддержать ее. Въ чемъ же сказалось ваше воздѣйствіе на Вѣнское правительство? Опубликуйте же въ печати о вашемъ воздѣйствіи, и мы повѣримъ вамъ. Но до этой минуты будемъ считать ваши заявленія тѣмъ, чѣмъ они являются на самомъ дѣлѣ, т. е. извращеніемъ истины, къ которому вы прибѣгли потому, что прекрасно сознавали свою вину и пожелали ее скрыть.

2. Теперь я перехожу еще къ одному обстоятельству, имѣвшему весьма важное значеніе. Гдѣ застряли предложенія Грея и Сазонова, которыя были отправлены изъ Лондона и передачу которыхъ въ Вѣну взялъ на себя Берлинскій кабинетъ? Австрійское правительство не дало на нихъ никакого отвѣта.

Напомнимъ вкратцѣ всѣ обстоятельства этого дѣла. 29-го іюля, послѣ объявленія войны Австріею и перерыва непосредственныхъ переговоровъ между Вѣною и Петроградомъ, Грей вручилъ германскому послу Лихновскому свою примирительную ноту съ прось-

---

[1]) Бѣлая книга, стр. 9 и прил. 16.

бой передать ее въ Берлинъ и Вѣну. Согласно этой формулѣ, Австрія должна была занять Бѣлградъ и прилегающую къ нему территорію, въ обезпеченіе исполненія своихъ требованій, и указать четыремъ незаинтересованнымъ державамъ условія, на которыхъ она признавала возможнымъ притти къ соглашенію [1]). Это предложеніе Грея было сообщено княземъ Лихновскимъ въ Берлинъ и было, будто бы, передано затѣмъ въ Вѣну [2]). Однако, ни Германія, ни Австрія не дали на него никакого отвѣта. Грей и Гошенъ неоднократно настаивали передъ Берлинскимъ кабинетомъ, требуя отвѣта, но всякій разъ оказывалось, что «отвѣтъ изъ Вѣны еще не полученъ» [3]). Приводились самыя разнообразныя причины, или, вѣрнѣе, примѣнялись различныя уловки, чтобы объяснить это неполученіе отвѣта, несмотря на то, что времени терять было нельзя, и рѣшеніе судьбы Европы предстояло съ часу на часъ. Это предложеніе Грея, которое, сверхъ всякихъ ожиданій, шло навстрѣчу желаніямъ Австріи и спасало какъ военный, такъ и дипломатическій престижъ ея, осталось безъ отвѣта; даже въ Красной книгѣ о немъ не упоминается ни слова. Въ этомъ сборникѣ изложеніе всѣхъ переговоровъ заканчивается изложеніемъ бесѣды Грея съ Лихновскимъ утромъ 29-го іюля (Синяя книга, № 84); въ связи съ каковой бесѣдой находится телеграмма Берхтольда отъ 31-го іюля (Красная книга, № 51). Кромѣ этой, Красная книга упоминаетъ лишь о двухъ бесѣдахъ графа Сапари и Сазонова въ Петроградѣ 31-го іюля и 1-го августа.

29-го іюля Грей дважды бесѣдовалъ съ Лихновскимъ: утромъ (къ этому свиданію и относится телеграмма Бертхольда отъ 31-го іюля) и затѣмъ днемъ (Синяя книга, № 88). Красная книга упоминаетъ лишь о первой изъ этихъ двухъ бесѣдъ, но обходитъ полнѣйшимъ молчаніемъ вторую, а также всѣ послѣдующія событія. Достаточно сопоставить двѣ цифры, чтобы охарактеризовать образъ дѣйствій Австріи. Въ англійской Синей книгѣ помѣщены документы въ количествѣ 161 нумера, между тѣмъ какъ австрійское правительство нашло возможнымъ напечатать всего лишь 84 документа, т. е. только половину. Всѣ событія имѣвшія впослѣдствіи рѣшающее значеніе и разыгравшіяся между Англіей, Россіей и Германіей съ 29-го іюля по 1 августа, т. е. въ теченіе 4 наиболѣе критическихъ дней европейскаго конфликта, казалось, не существовали для Вѣнскаго кабинета, за исключеніемъ двухъ

---

[1]) Синяя книга, № 88. Телеграмма короля Георга отъ 30 іюля.

[2]) Бѣлая книга, стр. 11.

[3]) Синяя книга, №№ 98, 103, 107, 108, 112.

ышеупомянутыхъ бесѣдъ Сапари съ Сазоновымъ 31-го іюля и 1-го вгуста. Обмѣнъ дипломатическими телеграммами между европейскими толицами въ теченіе этихъ знаменательныхъ дней, казалось, совершенно не интересовалъ джентльмэновъ съ Бальплаца. Они не знали, ли не хотѣли ничего знать о неутомимыхъ усиліяхъ Грея, Сазонова и Вивіани, которые изобрѣтали формулу за формулой, стараясь айти наиболѣе пріемлемую для Австріи, и до послѣдней минуты не теряя надежды уладить конфликтъ мирнымъ путемъ. Въ ѣнѣ спятъ, или, по крайней мѣрѣ, дѣлаютъ видъ, что спятъ, и тотъ сонъ передается и представителямъ австрійскаго правительства а границей. Только этимъ можно объяснить, что 2-го августа встрійскій посолъ въ Берлинѣ, графъ Шэгени, сообщилъ въ Вѣну лѣдующую новость: «Россія не дала никакого отвѣта на запросъ ерманіи. Русскія войска перешли германскую границу; слѣдовательно, Россія напала на Германію, вслѣдствіе чего послѣдняя читаетъ себя на положеніи войны съ Россіей [1])». Это сообщеніе, огика и стиль котораго достойны быть особенно отмѣченными, было тправлено австрійскимъ посломъ въ Вѣну, какъ самая послѣдняя енсаціонная новость, 2-го августа, тогда какъ объявленіе войны ерманіею Россіи состоялось за 24 часа до этого, причемъ причиной ойны выставлялось не нападеніе Россіи на Германію, а неполученіе усскаго отвѣта на германскій ультиматумъ. Вотъ все, чѣмъ проявили себя въ Берлинѣ со времени полученія извѣстія о бесѣдѣ Грея съ Іихновскимъ 29-го іюля. Это — какая-то трагикомедія, которая, ромая, плетется за трагедіей, съ 24-часовымъ опозданіемъ! Вотъ — динственное доказательство сверхчеловѣческихъ усилій имперскаго анцлера заставить Австрію обнаружить больше миролюбія, единственное доказательство того нажиманія кнопки, того воздѣйствія на Австрію, которое было доведено до крайнихъ предѣловъ, допускаемыхъ обязательствами союзницы. Увы! такого воздѣйствія было недостаточно даже для того, чтобы разбудить австрійскаго посла въ Берлинѣ, почивавшаго сномъ праведнымъ.

3. Итакъ, примирительная формула Грея исчезла прежде, чѣмъ она была подвергнута обсужденію. Но какая судьба постигла предложенія Сазонова? Были ли они также похоронены въ Берлинѣ, или же были переданы въ Вѣну? Какъ они были приняты въ Вѣнѣ? Были ли они оставлены безъ вниманія, отвергнуты или измѣнены? Это осталось неизвѣстнымъ. Ни Бѣлая, ни Красная книги

---

[1]) Красная книга, № 57.

ни слова не говорятъ по этому поводу. Что же касается исторіи этихъ предложеній, то намъ приходится въ этомъ отношеніи довольствоваться документами, опубликованными державами тройственнаго согласія, но и тутъ мы можемъ прослѣдить судьбу этихъ предложеній только до Берлина: дальнѣйшій путь ихъ, изъ Берлина въ Вѣну, намъ совершенно неизвѣстенъ.

По крайней мѣрѣ, изъ Бѣлой книги видно только, что предложеніе Грея «было передано въ Вѣну и, какъ говорятъ, принято Россіею» [1]), но мы не находимъ никакого указанія на то, какъ отнеслась къ нему Австрія. Изъ документовъ, опубликованныхъ державами согласія, усматривается, что Берлинъ до послѣдней минуты утверждалъ, будто Вѣна не дала на него никакого отвѣта.

Но Бѣлая и Красная книги ни слова не говорятъ о предложеніяхъ Сазонова, какъ будто ихъ и не существовало. Первое предложеніе Сазонова (Оранжевая книга, № 60), врученное 30-го іюля графу Пурталесу, было передано имъ, какъ и русскимъ посломъ, Берлинскому кабинету и поддержано Англіею и Франціею. Но Яговъ, даже не снесясь съ Вѣною, отвергъ его, какъ непріемлемое для Австріи. Зналъ ли Вѣнскій кабинетъ объ этой примирительной формулѣ Сазонова, которая удовлетворяла всѣ пожеланія Австріи? Если это предложеніе было извѣстно австрійскому правительству, то почему оно не было принято, разъ Сазоновъ, съ одной стороны, требовалъ лишь того, что уже было обѣщано Австріею, т. е. уваженія къ суверенитету Сербіи, а, съ другой стороны, соглашался на всѣ выставленныя Австріею условія, включая и прекращеніе военныхъ приготовленій. Если эта формула не была передана въ Вѣну, то что можетъ представить германское правительство въ оправданіе своей небрежности? По какому праву скрылъ Яговъ это способное сохранить миръ предложеніе, по какому праву отвергъ его, безъ объясненія причинъ, отъ имени Австріи? Какими тайными побужденіями руководствовался онъ при этомъ? Пора открыто объяснить эти причины. Теперь дѣло уже идетъ не о дипломатической кукольной комедіи, а о роковой игрѣ, съ желѣзными костями, которая должна рѣшить участь народовъ. Бѣлая и Красная книги хранятъ по этому поводу полное молчаніе, но общественная совѣсть громко говоритъ и требуетъ отчета отъ виновныхъ.

4) Второе предложеніе Сазонова постигла еще болѣе печальная участь. Мы видѣли, что, послѣ громадныхъ усилій и безконечнаго

---

[1]) Бѣлая книга, стр. 11.

обмѣна телеграммами, державы тройственнаго согласія сумѣли сблизить формулу Грея отъ 29-го іюля съ формулою Сазонова отъ 30-го іюля. Въ результатѣ, появилась вторая формула, выработанная 31-го іюля Сазоновымъ, которая, «согласно съ англійскимъ предложеніемъ», разрѣшала Австріи оставить войска на сербской территоріи, требуя отъ австрійцевъ лишь прекращенія дальнѣйшаго наступленія. Россія, съ другой стороны, обязывалась сохранить выжидательное положеніе, пока великія державы не обсудятъ уступокъ, на которыя могла бы пойти Сербія, не жертвуя своею независимостью и неприкосновенностью своего суверенитета [1]). Эта формула была тотчасъ же передана по телеграфу всѣмъ русскимъ посольствамъ при великихъ державахъ, въ томъ числѣ и въ Вѣну, и энергично поддержана Греемъ и Вивіани.

Выше было уже упомянуто, что предложеніе тройственнаго согласія всячески охраняло военный престижъ Австріи, такъ какъ двуединой монархіи дозволялось, на все время переговоровъ съ великими державами, оставить войска въ Сербіи, т. е. удержать всю занятую территорію въ обезпеченіе удовлетворенія австрійскихъ требованій. Такимъ образомъ, это предложеніе содержало все то, чего австрійское правительство, какъ видно изъ введенія къ Красной книгѣ, требовало отъ державъ тройственнаго согласія, т. е. сохраненія ихъ выжидательнаго положенія. Это выжидательное положеніе было спеціально предусмотрѣно всѣми многочисленными согласительными формулами; оно даже составляло ихъ главную основу.

Между вторымъ предложеніемъ Сазонова и австрійскимъ заявленіемъ отъ 31 іюля, въ которомъ выражались благія намѣренія австрійскаго правительства [2]), было всего лишь одно различіе: Австрія желала продолжать военныя дѣйствія въ Сербіи, Сазоновъ же требовалъ полнаго ихъ прекращенія. Но затѣмъ онъ пошелъ на уступки, объявивъ, что было бы «весьма важно» временное прекращеніе Австріею военныхъ дѣйствій въ Сербіи [3]). Благодаря искренней уступчивости Россіи, разница между этими двумя точками зрѣнія была настолько незначительна, что при малѣйшемъ желаніи можно было притти къ взаимному соглашенію. Но ни Австрія, ни Германія этого желанія не обнаружили. Мы не знаемъ, какая судьба постигла это предложеніе въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Бѣлая и Красная книги ни слова не говорятъ по этому поводу. Безъ сомнѣнія, оно дошло по своему

---

[1]) Оранжевая книга, № 67. Синяя книга, №№ 120, 138.

[2]) Красная книга, № 51.

[3]) Синяя книга, №№ 133, 139.

назначенію, но отвѣта на него не послѣдовало. Это молчаніе можно объяснить только однимъ: принятіе, или даже обсужденіе этого предложенія привело бы къ миру, чего Австрія и Германія рѣшительно образомъ не хотѣли. Но, съ другой стороны, невозможно было отклонить его, такъ какъ миролюбивый характеръ этой ноты не давалъ оправданія для подобнаго отказа. Поэтому было рѣшено оставить это предложеніе безъ вниманія, какъ тогда, такъ и теперь: тогда—потому что не желали мира, теперь—изъ желанія скрыть, какими преступными средствами онъ былъ нарушенъ.

* * *

Таковы данныя, устанавливаемыя австрійскимъ дипломатическимъ сборникомъ; таковы положительныя дѣйствія и преднамѣренныя упущенія, которыя составляютъ улику противъ центральныхъ имперій.

Красная и Бѣлая книги представляютъ собою самый рѣзкій обвинительный актъ, который когда-либо могъ быть написанъ противъ Германіи и Австріи. Эти книги вновь подтверждаютъ приговоръ, который былъ произнесенъ на основаніи другихъ документовъ, а именно: **Германія и Австрія—и только онѣ одни—виновны въ томъ, что сознательно и преднамѣренно вызвали европейскую войну.**

* * *

Въ виду изложеннаго выше, австрійскому правительству, казалось бы, не къ лицу обвинять, во имя поруганной общественной морали, Англію—въ эгоизмѣ, Францію—въ желаніи реванша, Россію—въ недобросовѣстности, и упрекать державы тройственнаго согласія въ томъ, что онѣ вызвали войну, принявъ сторону «виновнаго государства».

Утвержденіе, что тройственное согласіе приняло исключительно сторону Сербіи, является ложнымъ. Въ дѣйствительности, было какъ разъ наоборотъ, что и удостовѣряютъ документы, опубликованные державами тройственнаго согласія, и сама Красная книга. Правительства Англіи, Франціи и Россіи съ самаго начала проявили полнѣйшее сочувствіе справедливымъ требованіямъ Австріи и выразили свое глубокое возмущеніе сараевскимъ убійствомъ. Но, въ то же время, въ виду неслыханной уступчивости Сербіи, они должны были потребовать отъ Австріи большей умѣренности въ ея дальнѣйшихъ требованіяхъ и указать ей на всѣ тяжелыя послѣдствія, вызываемыя занятой Австріею непримиримой позиціей. Только благодаря настояніямъ державъ тройственнаго согласія, сербская нота

была редактирована въ такомъ примирительномъ тонѣ; кромѣ того, онѣ были готовы удовлетворить всѣ требованія Австріи. Бунзенъ и Грей, Сазоновъ и Шебеко неоднократно завѣряли Вѣнскій кабинетъ, что законныя требованія Австріи найдутъ полное удовлетвореніе на предлагавшейся конференціи [1]). Въ чемъ усматривается эгоизмъ государствъ тройственнаго согласія и ихъ предвзятое отношеніе въ пользу Сербіи? Въ чемъ проявляется ихъ желаніе унизить двойственную монархію?

Которая изъ державъ обнаружила политическій эгоизмъ и, охраняя собственные интересы, поставила на карту благополучіе всѣхъ культурныхъ народовъ? Исторія нынѣшняго европейскаго конфликта и событія послѣднихъ лѣтъ ясно показываютъ намъ это. Австрія, нарушая подписанныя ею торжественныя обязательства Берлинскаго трактата, аннектировала Боснію и Герцеговину и тѣмъ дала толчокъ пансербскому движенію. Австрія же, преслѣдуя свои эгоистическія цѣли, обострила вопросъ о Скутари, о сербскомъ портѣ на Адріатикѣ и объ Албаніи до такой степени, что въ теченіе послѣднихъ лѣтъ передъ Европой не разъ вставалъ грозный призракъ войны. Въ августѣ 1913 года Австрія, не взирая на неизбѣжныя тяжелыя послѣдствія этого для Европы, готова была объявить войну Сербіи, если бы Италія не отказала ей въ своей поддержкѣ. И поэтому не Австріи, орудію и соучастницѣ Германіи въ настоящей войнѣ, упрекать державы тройственнаго согласія въ посягательствѣ «на общественную мораль и гуманность». Австрійское правительство возлагаетъ на державы тройственнаго согласія всю отвѣтственность за разразившуюся надъ человѣчествомъ катастрофу, но, по справедливости, вся тяжесть этой вины падаетъ цѣликомъ на Германію и Австрію. Вызвать обще-европейскую войну лишь для того, чтобы избавиться отъ неудобнаго сосѣда, было преступнымъ безуміемъ. Война съ Сербіей, независимо отъ ея исхода, могла только ухудшить положеніе Австріи на Балканахъ. Но европейская война, которую вызвала, подстрекаемая и поддерживаемая Германіею, Австрія, обостривъ сербскій конфликтъ,—больше, чѣмъ преступленіе: это — ошибка. Это равносильно призыву Веельзевула, чтобы изгнать бѣса, или, если угодно, равносильно отсѣченію головы ради избавленія отъ больного зуба.

Австрійское правительство съ бѣшенствомъ устремилось на Сербію, какъ разъяренный быкъ на красную тряпку, не глядя ни

---

[1]) Синяя книга, № 5, 12. Оранжевая книга, № 4, 40, 42, 43. Желтая книга, № 26, 27, 30. Красная книга, № 41, 47, 50.

направо, ни налѣво, и не предвидя тѣхъ послѣдствій, которыя были ясны даже слѣпому.

Теперь эти послѣдствія уже наступили, хотя исходъ войны еще не извѣстенъ. Двуглавый австрійскій орелъ, прижатый къ землѣ, истекаетъ кровью. Сербія освобождена, Галиція и Буковина—въ рукахъ врага. На всѣхъ границахъ лоскутной имперіи зашевелились народы, стараясь, кто—силою оружія, кто—дружескимъ воздѣйствіемъ, вернуть себѣ своихъ единоплеменниковъ, томящихся подъ австрійскимъ игомъ. Сгнившій домъ Габсбурговъ даетъ трещины по всѣмъ направленіямъ, и начинается разложеніе, которое политика Вѣнскаго кабинета ускорила на нѣсколько поколѣній. Борьба, начатая подъ клики: «Vivat Austria, pereat mundus!» (Да здравствуетъ Австрія, да погибнетъ весь міръ!»), закончится возгласомъ: «Vivat mundus, pereat Austria!» («Да здравствуетъ міръ, да погибнетъ Австрія!»).

IV.

Послѣдствія преступленія.

Я подхожу къ концу моего изслѣдованія. То, что въ теченіе долгаго времени стояло передъ глазами европейскихъ народовъ и всетаки казалось имъ невозможнымъ,—совершилось. Цвѣтущіе города, центры европейской культуры, превращены въ развалины. Земля напоена кровью милліоновъ людей. Тысячи, десятки тысячъ солдатъ, вдали отъ своихъ матерей, женъ и дѣтей, свалены, безъ креста и безъ памятника, въ одну общую могилу, вмѣстѣ съ друзьями и врагами. Съ востока на западъ и съ запада на востокъ тянутся безконечныя вереницы поѣздовъ со стонущими и плачущими ранеными. Съ искалѣченными членами, простреленными головами, съ изуродованными до неузнаваемости лицами, безрукіе, безногіе, слѣпые,—они влачатъ еще свое жалкое существованіе, словно огромная, кровоточащая рана на тѣлѣ человѣчества!

Милліоны женщинъ и дѣтей слѣпнутъ отъ слезъ, денно и нощно оплакивая своихъ близкихъ, погибшихъ на поляхъ сраженій или возвращенныхъ имъ несчастными, изуродованными калѣками, лишенными навсегда средствъ къ существованію. Безчисленные очаги мирной дѣятельности, промышленные и торговые города, памятники искусствъ,—все сожжено и разрушено. Плоды трудовъ цѣлаго ряда поколѣній превращены въ пепелъ и прахъ. Поля вытоптаны, хлѣба уничтожены,

деревни и усадьбы сравнены съ землею. Несчастные жители этихъ мѣстностей, женщины, дѣти и старики, скитаются по дорогамъ, лишенные родины и крова, въ холодъ и вѣтеръ, подъ дождемъ и снѣгомъ, ища себѣ пристанища, гдѣ бы они могли утолить голодъ и найти пріютъ.

А жестокая борьба и взаимоистребленіе продолжаются. Словно отливъ и приливъ океана, движутся огромныя арміи, то подвигаясь впередъ, то отступая, и каждый шагъ ихъ впередъ или назадъ нагромождаетъ новыя горы человѣческихъ тѣлъ, вызываетъ новыя раны, новыя страданія, плодитъ новыхъ вдовъ и сиротъ.

А тѣ, кто еще остался въ живыхъ, какъ существуютъ они? Словно заживо погребенные, сидятъ они въ окопахъ въ такихъ условіяхъ, которымъ не позавидовалъ бы и пещерный житель. По колѣно въ водѣ, иногда по цѣлымъ днямъ не видя пищи, не смѣя высунуть головы изъ страха передъ непріятельской пулей, засыпаемые гранатами и шрапнелью, которыя въ одно мгновеніе могутъ разрушить это подземное жилище, съ такимъ неимовѣрнымъ трудомъ построенное, дни и ночи, недѣли и мѣсяцы сидятъ они въ этихъ ужасныхъ ямахъ и творятъ свое кровавое дѣло: ранятъ и убиваютъ. Но вотъ прозвучалъ сигналъ къ атакѣ. Они бросаются впередъ въ штыки Подъ убійственнымъ огнемъ пулеметовъ, который безпощадно коситъ ихъ ряды, въ рукопашной схваткѣ, работая направо и налѣво штыкомъ и прикладомъ, кидаются они другъ на друга, душатъ и рубятъ

. . . . . .

И они падаютъ, какъ подкошенные. Сотни, тысячи труповъ заполняютъ доверху окопы и устилаютъ путь для тѣхъ, кто за ними бросается въ атаку. Раненые истекаютъ кровью среди мертвыхъ. Надъ ними идетъ бой. Ихъ топчутъ копыта лошадей, рвутъ на куски колеса пушекъ, и неоткуда ждать помощи. И эти несчастные мученики, не будучи въ состояніи двинуться, часами тонутъ въ крови и грязи подъ убійственнымъ огнемъ гранатъ и шрапнели. Сколькихъ изъ нихъ ждетъ тамъ медленная смерть, а сколько легко раненыхъ погибаетъ тамъ только потому, что некому оказать имъ помощь.

* * *

Нѣтъ словъ человѣческихъ, чтобы описать всѣ ужасы современной войны. Доктора, т. е. люди, казалось бы, привыкшіе къ тяжелымъ картинамъ, говорятъ, что одинъ видъ поля сраженія и перевязочнаго пункта подъ открытымъ небомъ, на передовыхъ позиціяхъ, способенъ свести съ ума. Это можно сравнить лишь съ гигантской бойней, въ тысячу разъ превосходящей самыя большія бойни міра. Невозможно оказать каждому раненому ту помощь, какая требуется, потому что раненыхъ приносятъ безъ числа, а перевязочный пунктъ засыпается непріятельскими снарядами. Врачи полевыхъ госпиталей и даже лазаретовъ, расположенныхъ внутри страны, съ ужасомъ разсказываютъ о томъ, что тамъ творится! Сколько легкихъ ранъ даютъ смертельный исходъ, потому что во время не было нужнаго ухода и помощи!...

Въ донесеніи главнаго врача Кёрте говорится:

Во время боевъ на Изерѣ и около Ипра, большинство ранъ, даже огнестрѣльныхъ, оказались зараженными, такъ какъ солдаты находились въ окопахъ, наполненныхъ водою, и, въ виду страшнаго артиллерійскаго огня, раненыхъ нельзя было подбирать въ теченіе нѣсколькихъ дней. Нѣкоторые оставались по 5—6 дней на свекловичныхъ поляхъ или въ брошенныхъ окопахъ, прежде чѣмъ можно было подобрать и перенести раненыхъ въ полевые лазареты. Вслѣдствіе этого, нерѣдки случаи тяжелыхъ инфекціонныхъ заболѣваній, какъ-то: столбнякъ, флегмона и т. д. Мнѣ приходилось видѣть людей, оставшихся въ живыхъ послѣ того, какъ они провалялись ранеными 6—8 дней въ ужасающихъ условіяхъ, на соломѣ, въ конюшняхъ или сараяхъ. Одинъ изъ нихъ оставался 5 дней безъ всякой помощи на полѣ, засѣянномъ свекловицею, которою онъ и питался все это время... Дороги представляютъ собою сплошныя трясины, деревни почти всѣ разрушены бомбардировкою за время многодневныхъ боевъ, и мы съ трудомъ можемъ найти помѣщеніе для своихъ лазаретовъ. («Berliner Tageblatt», 13 декабря 1914 г.).

Другой врачъ пишетъ:

Пасмурное, дождливое утро... На днѣ грязныхъ канавъ и рвовъ, наполненныхъ водою, въ тинѣ и водѣ, повсюду лежатъ трупы нашихъ героевъ, павшихъ смертью храбрыхъ. Эта картина навѣки врѣзалась намъ въ память, и мы никогда ея не забудемъ. Я вѣчно буду видѣть ихъ, лежащихъ въ своихъ грязныхъ мундирахъ, блѣдныхъ, окоченѣвшихъ въ той позѣ, въ которой смерть ихъ застигла на днѣ канавы, въ мутной, глинистой водѣ. («Berliner Tageblatt», 24 сентября 1914 г.).

А вотъ картинка изъ жизни въ окопахъ:

Надо быть все время на чеку, пока не доберешься до своего сектора. Направо и налѣво, спереди и сзади, всюду рвутся снаряды. По счастью, ни одинъ изъ нихъ не попадаетъ въ окопы. Рядомъ со мною два моихъ товарища устроились на отдыхъ подъ прикрытіемъ досокъ. Въ одного изъ нихъ попадаетъ шрапнель и убиваетъ на мѣстѣ. Разрывъ былъ неудачный, и другому лишь опалило лицо и руки... Нѣсколько дней тому назадъ мы взяли приступомъ деревню. Все поле кругомъ усѣяно тѣлами павшихъ товарищей, но мы не можемъ ихъ похоронить, такъ какъ они находятся въ сферѣ огня и къ нимъ нельзя подойти ни днемъ, ни ночью... Между тѣлами нашихъ товарищей валяются раздувшіеся трупы павшихъ животныхъ. Вотъ лежатъ двое убитыхъ дѣтей, мальчикъ и дѣвочка. Вся земля изрыта снарядами, нѣкоторыя изъ воронокъ такъ велики, что въ нихъ могли бы укрыться 30—40 человѣкъ. («Berliner Tageblatt», 23 декабря 1914 г.).

Одинъ солдатъ ландвера пишетъ изъ русской Польши:

Нужда не знаетъ законовъ, и мы далеко не всегда получаемъ пищу во-время. Жители тѣхъ мѣстностей, по которымъ мы проходимъ, лишились не только съѣстныхъ припасовъ, но и своихъ жилищъ и всего скота. Какъ грозный потокъ, наводнили войска деревню, заняли дома и сараи, расположились въ комнатахъ. Жители этихъ домовъ, лишенные крова, бродятъ кругомъ подъ проливнымъ дождемъ... Я не знаю, гдѣ они провели эту ночь; на меня это произвело неизгладимое впечатлѣніе,—у меня самого есть семья и дѣти, и я съ ужасомъ думаю, что и они могли бы попасть въ подобное положеніе, если бы намъ не удалось защитить свои границы... Какою злою насмѣшкою звучатъ для меня слова: «величіе, красота войны!». Если бы мнѣ случайно попался авторъ этихъ словъ, я бы на немъ самомъ продемонстрировалъ ему эту теорію. («Vorwärts», 8 декабря 1914 г.).

Одинъ лейтенантъ запаса описываетъ, что произошло въ церкви въ Беселерѣ, въ Бельгіи;

Я былъ раненъ въ грудь; легкое было прострѣлено, нѣсколько реберъ перебито и раздроблена подвздошная кость. Я лежалъ между сотнями другихъ раненыхъ въ церкви. На полу были разложены матрасы, на которые положили раненыхъ солдатъ. Врачи перевязывали и осматривали раненыхъ, которыхъ все время приносили. Къ вечеру вся церковь была переполнена. Цѣлую ночь сдержанные стоны, вопли мольбы и молитвы неслись со всѣхъ сторонъ... Врачъ кончалъ перевязывать одного раненаго,—въ открытую дверь влетаетъ пуля, и раненый падаетъ мертвымъ: пуля попала ему прямо въ лобъ. Два тяжело раненыхъ солдата лежатъ рядомъ. У обоихъ тяжелыя раны

въ животъ, и имъ нѣтъ спасенья. На ихъ лицахъ уже лежитъ тѣнь смерти. Священникъ ихъ причащаетъ. Заходящее солнце, преломляясь въ цвѣтныхъ стеклахъ оконъ, бросаетъ мягкій свѣтъ на лица умирающихъ. Вдругъ оглушающій трескъ. Стѣны съ грохотомъ обрушиваются на людей. Свистъ и гулъ разрывающихся снарядовъ, крики, вопли... Матрасы, люди, обломки—все смѣшалось въ одну кучу. Тѣ, кто раненъ легко, стараются на четвереньках выбраться изъ этого хаоса; другихъ спасаютъ санитары и выносятъ наружу. Трупы кладутъ въ безопасное мѣсто. И церковь, опустѣвшая и покинутая, стоитъ какъ символъ разрушенія и запустѣнія. («Berliner Tageblatt», 14 декабря 1914 г.).

Вотъ выдержка изъ письма одного пѣхотнаго офицера:

Мы потеряли много солдатъ, офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. У меня сердце сжимается при мысли о всѣхъ моихъ дорогихъ товарищахъ, съ которыми я былъ такъ близокъ. Часто трупы оставались непогребенными въ теченіе нѣсколькихъ дней, разъ даже - въ теченіе 12 дней. Вы можете себѣ представить, въ какомъ они были видѣ, но противникъ не давалъ намъ ни времени, ни возможности похоронить нашихъ убитыхъ. Вы помните старшаго лейтенанта С. и лейтенанта В., съ которыми мы такъ весело кутили въ К.? Оба они убиты двѣ недѣли тому назадъ. Третьяго дня ихъ нашли въ лѣсу, уже совершенно обезображенными... Страшныя опустошенія, которыя смерть произвела въ нашихъ рядахъ и въ рядахъ нашего противника, напоминаютъ то ужасное время, когда, 500 лѣтъ тому назадъ, чума унесла девять десятыхъ 200.000-аго населенія Ипра. («Berliner Tageblatt», 14 декабря 1914 г.).

Солдатъ ландвера, уроженецъ Шарлоттенбурга, такъ описываетъ одно изъ ночныхъ сраженій на Ипрскомъ каналѣ:

Въ ночной тишинѣ со всѣхъ сторонъ неслись ужасные стоны раненыхъ.

Умирая отъ холода и голода, ждали мы разсвѣта. Одинъ отрядъ былъ въ траншеяхъ, мы же находились снаружи. На разсвѣтѣ бельгійскій майоръ вышелъ изъ дома съ велосипедомъ. Онъ беззаботно сталъ закуривать папиросу, но вражеская пула уложила его на мѣстѣ. Это было сигналомъ къ началу уличнаго боя. Мы были въ 4 километрахъ разстоянія отъ непріятеля, который старался оттѣснить насъ къ каналу. Нашъ взводный и офицеры были убиты. Командованіе переходило отъ отъ одного къ другому. Противникъ бросалъ бомбы, начиненныя сѣрою-которыя освѣщали каналъ и отравляли воздухъ. Наши солдаты падали цѣлыми рядами. Казалось, конца не будетъ этой ужасной рукопашной схваткѣ. Непріятель все сильнѣе и сильнѣе тѣснилъ насъ. Это было уже не сраженіе, а какая-то взаимная рѣзня... Мы прикладами выгоняли противника изъ окоповъ, куски человѣческаго мяса летали въ воздухѣ... Ярость была неописуемая. Каждый вершокъ земли былъ купленъ цѣною крови. Груды труповъ и раненыхъ все возрастали...

Тѣ, кто еще былъ въ состояніи двигаться, старались добраться до лазарета по ту сторону канала. Но мои несчастные товарищи, раненые въ ноги, должны были до конца оставаться подъ шрапнельнымъ огнемъ непріятеля. («Vorwärts», 24 декабря 1914 г.).

Вотъ маленькая бытовая картинка, взятая изъ «Wiener Arbeiterzeitung».

Одинъ запасной, родомъ изъ Варнсдорфа, отморозилъ себѣ на Карпатахъ обѣ ноги. Его эвакуировали съ передовыхъ позицій, и онъ просилъ свою жену встрѣтить его на станціи въ Рейхенбергѣ. Подымаясь по лѣстницѣ вокзала, женщина увидѣла дряхлаго, сѣдого старика, который, опираясь на двѣ палки, съ трудомъ шелъ съ мѣшкомъ въ рукѣ. Движимая состраданіемъ, женщина хотѣла помочь ему и взять отъ него мѣшокъ. Въ этотъ моментъ она узнаетъ въ немъ своего мужа, и безъ чувствъ падаетъ на полъ.

Описаніе одного сраженія, помѣщенное 18 декабря 1914 года въ «Jauer'sche Tageblatt», даетъ яркую иллюстрацію послѣдствій войны. Развиваетъ ли война лучшія стороны человѣческой души, какъ говорилъ фельдмаршалъ Мольтке, или же, наоборотъ, она создаетъ больше злыхъ, чѣмъ хорошихъ людей, какъ утверждаетъ Кантъ? Авторъ этого описанія—унтеръ-офицеръ Клемтъ, первой роты 154-го полка, и правдивость всего описаннаго подтверждена его ротнымъ командиромъ, лейтенантомъ фонъ-Нимомъ. Разсказъ озаглавленъ: «День славы нашего полка, 24 сентября 1914 года». Его слѣдовало бы привести цѣликомъ, въ качествѣ человѣческаго или, вѣрнѣе, «звѣринаго» документа, но, къ сожалѣнію, мнѣ, за недостаткомъ мѣста, приходится ограничиться выдержкою.

«Мѣстонахожденіе французовъ было открыто. Наши пули сбивали ихъ съ деревьевъ, какъ бѣлокъ. На землѣ мы ихъ встрѣчали ударами прикладовъ и штыковъ, Врачебная помощь имъ больше не потребуется. Мы сражаемся не съ благороднымъ противникомъ, а съ коварными разбойниками. Мы быстро перебѣгаемъ лужайку. Французы спрятались въ кустахъ. Мы рубимъ по нимъ. Никому нѣтъ пощады. Мы стрѣляемъ стоя или съ колѣна, никто не думаетъ о томъ, чтобы прикрыться. Мы подходимъ къ небольшой выемкѣ въ землѣ. Французы, убитые и раненые, массами лежатъ повсюду. Раненыхъ мы добиваемъ или душимъ, потому что эти негодяи стрѣляютъ намъ въ спину, когда мы проходимъ. Одинъ французъ лежитъ ничкомъ на землѣ и притворяется мертвымъ. Ударъ сапога одного изъ солдатъ напоминаетъ ему о нашемъ присутствіи. Онъ поворачивается и проситъ пощады, но ударомъ штыка его пригвождаютъ къ землѣ, со словами: «Попробуй, скотина, какъ это колется!» Рядомъ со мною я слышу непріятный трескъ: одинъ изъ моихъ

силачей-товарищей прикладомъ молотитъ по французу. Для этой работы онъ предусмотрительно взялъ французское ружье, чтобы не сломать своего собственнаго. Нѣкоторые солдаты, съ болѣе нѣжнымъ сердцемъ сразу приканчиваютъ раненыхъ, другіе же рубятъ и душатъ, сколько силъ хватаетъ. Непріятель храбро сражался,—передъ нами были лучшія войска противника. Они насъ подпускали на 30 или даже 10 метровъ, но тогда уже было слишкомъ поздно... Они лежали распростертые на землѣ, раненые и молили о пощадѣ. Наши доблестные солдаты избавили наше отечество отъ необходимости содержать многочисленныхъ и дорого стоящихъ враговъ».

Въ концѣ разсказа авторъ говоритъ, что войска, уставшія отъ «этой кровавой работы», ложатся спать, и «богъ сна посылаетъ всѣмъ пріятныя сновидѣнія; съ молитвою на устахъ мы засыпаемъ до утра».

Самое ужасное въ этомъ разсказѣ—не факты, но та наивность съ которою разсказчикъ описываетъ ихъ, какъ героическіе подвиги достойные похвалы, и то, что все это удостовѣрено начальствомъ и помѣщено на почетномъ мѣстѣ въ оффиціальной газетѣ. Возможно что и во вражескомъ лагерѣ совершаются такія же звѣрства—когда звѣрь проснулся въ человѣкѣ, нечего удивляться тѣмъ звѣрствамъ на которыя онъ способенъ—но нигдѣ въ заграничной печати я не находилъ описанія такихъ «героическихъ подвиговъ». Самое печальное то, что, послѣ такой бойни, можно со спокойной совѣстью улечься спать и съ гордостью разсказывать потомъ о своихъ подвигахъ своимъ друзьямъ, женѣ и дѣтямъ. Конечно, какъ и подобаетъ нѣмецкому описанію сраженія, въ немъ нѣтъ недостатка въ восхваленіяхъ. Его королевское высочество, принцъ Оскаръ прусскій, по словамъ Клемта, тоже является горячимъ поклонникомъ подобнаго рода подвиговъ. «Съ этими солдатами и гренадерами 154-го полка—восклицаетъ принцъ—можно взять приступомъ адъ» и прибавляетъ что оба эти полка показали себя достойными своего наименованія «королевской бригады».

Въ этомъ описаніи,—какъ на картинкѣ въ ветеринарной школѣ съ изображеніемъ лошади, пораженной всѣми болѣзнями,—соединены всѣ благородныя качества, которыя создаетъ и должна создавать война: звѣрство, хвастовство, ханжество и т. д. Пусть люди, умнѣе и развитѣе меня, скажутъ мнѣ: развѣ выродился бы міръ и погрязъ бы въ матеріализмѣ, останься всѣ эти качества въ зачаточномъ состояніи?

Русскій поэтъ Валерій Брюсовъ такъ описываетъ свои впечатлѣнія послѣ сраженія подъ Ловичемъ:

«Окопы опустѣли, но кругомъ повсюду трупы въ самыхъ разнообразныхъ позахъ,—ничкомъ, на спинѣ, на боку, съ распростертыми или скрещенными на груди руками, съ удивительно спокойнымъ выраженіемъ лица. Большинство изъ нихъ одѣты въ темно-сѣрые мундиры, нѣкоторые—въ шинеляхъ, которыя защищали ихъ отъ холода. Между убитыми много юношей, почти мальчиковъ, но есть и сорокалѣтніе, которые, очевидно, уже успѣли составить себѣ въ жизни извѣстное положеніе и, конечно, никогда не думали, что имъ придется окончить свою жизнь въ снѣгахъ далекой и чуждой имъ Россіи. Наши солдаты, которые сопровождали насъ по траншеямъ, съ серьезнымъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ смотрятъ въ лица убитыхъ. На войнѣ привыкаешь къ виду смерти; такъ часто видишь ее передъ собою, что она не вызываетъ уже чувства ужаса». «Vorwärts», 16 декабря 1914 г.).

Одинъ пѣхотинецъ такъ описываетъ кровавыя сраженія, въ которыхъ онъ участвовалъ во Фландріи:

Солдаты, находившіеся въ окопахъ, стояли по щиколотку въ водѣ. Полученъ былъ приказъ итти въ атаку. Непріятель засыпалъ насъ снарядами изъ 20 орудій. Многіе изъ нашихъ были буквально разорваны на куски. Наша ярость все возрастала... Черное облако дыма застилало все кругомъ, мы задыхались. Кругомъ ничего не было видно. Это англійская судовая артиллерія вступила въ дѣло... 8 лошадей, запряженныхъ въ передокъ орудія, носились по полю... Граната разорвалась посреди нихъ. Раздался душу раздирающій крикъ, и все превратилось въ одну трепещущую, кровавую массу... Раздался сигналъ къ атакѣ. Звукъ дрожалъ, какъ будто чувствуя все страданіе, разлитое кругомъ. Штыки примкнуты къ ружьямъ. Сталь блеститъ на концѣ ствола, изрыгающаго огонь. Снарядъ разорвался вблизи меня. Мой сосѣдъ справа былъ далеко отброшенъ и тяжело раненъ, рядомъ съ нимъ стоявшій солдатъ убитъ, мой сосѣдъ слѣва также тяжело раненъ. Забилъ барабанъ. Впередъ, впередъ, ура!... Наши клики, казалось, заглушали грохотъ орудій. Мы бросились въ штыки. Я не хочу описывать тебѣ этого сраженія,—это была бойня. Два раза мы были принуждены отступить, но въ третій разъ одержали верхъ. Когда вы въ Германіи узнали, что Диксмюде взятъ, кричали-ли вы «ура»? Мы же думаемъ о всѣхъ безчисленныхъ жертвахъ, оставшихся тамъ, на полѣ сраженія... («Vorwärts», 11 декабря 1914 г.).

Какъ славно умереть за отечество.

Таково изображеніе войны, и вотъ впечатлѣніе отъ нея сражающихся. Я тщетно ищу во всѣхъ письмахъ и въ переполняющихъ журналы описаніяхъ сраженій выраженія идеи: какъ славно умереть за отечество! Я нахожу повсюду описаніе невыразимыхъ ужасовъ и варварства въ борьбѣ между людьми, которые не питаютъ

другъ къ другу никакой ненависти, которые всѣ оставили у себя на родинѣ матерей, женъ, дѣтей и всѣ проникнуты одной мыслью: «О! если бы заключенъ былъ миръ! Только бы вернуться домой къ своимъ близкимъ, которые тебя любятъ, въ объятья жены и матери! Только бы избавиться отъ этой ужасной кровавой работы!».

«Знатные», конечно, тѣ, которые находятся въ тылу, думаютъ иначе. Ихъ кости не поломаны. Ихъ дома не горятъ. Ихъ жены и дѣти не изгнаны изъ жилищъ и отечества. Ихъ замки и помѣстья не разорены. Они не голодны и не жаждутъ. Они спятъ въ своихъ кроватяхъ, а не въ подземельяхъ подобно дикимъ животнымъ. При недомоганіяхъ въ сердцѣ или въ печени [1]) они могутъ вернуться къ себѣ и лечиться на водахъ. Ихъ жены, родители, дѣти могутъ быть съ ними, нѣжно ихъ обнимать, ухаживать за ними до тѣхъ поръ, пока, черезъ недѣли или мѣсяцы, они смогутъ возвратиться безъ опасенія на свои мѣста въ тылу боя. Въ то время, какъ передъ непріятелемъ смерть и опустошеніе уничтожаютъ цвѣтъ молодежи и благосостояніе многихъ поколѣній, знатные далеко позади... Кричатъ: впередъ, впередъ! Ударьте крѣпче! А съ передовыхъ позицій отвѣчаютъ стонами и воплями, скорбью и криками боли и свѣтящимися еще во взорахъ умирающихъ мыслями о мирѣ и родинѣ. Эй, эй!—покрикиваетъ возница и нахлестываетъ бѣдныхъ лошадей, силящихся тащить тяжелый возъ по глинистой дорогѣ. Они вязнутъ въ грязи, но возница безжалостенъ. Впередъ, впередъ! Остановиться? Не жалѣй! И онъ заморилъ-бы несчастныхъ животныхъ, если бы не существовало общества покровительства животнымъ. Гдѣ-же общество покровительства людямъ? Пора его основать.

Престижъ.

Что такое война для знати? Новое сильное ощущеніе, дополняющее столько другихъ. Удаль кавалериста, когда дѣло серьезное, вопросъ надменности или тщеславія подъ именемъ престижа. «Крупное событіе въ ихъ жизни [2]), равнозначущее побѣдѣ ихъ

---

[1]) Прим. перев. Намекъ на болѣзни, которыми страдали сыновья Вильгельма II-го, получавшіе отпускъ съ передовыхъ позицій для леченія.

[2]) Сравни текстъ телеграммы кронпринцессы Цециліи къ бургомистру города Данцига, послѣ сраженія у Лонгви: «прошу сообщить всѣмъ нашимъ дорогимъ жителямъ Данцига и населенію Западной Пруссіи о побѣдѣ моего мужа на сѣверѣ отъ Меца, въ виду того, что намъ извѣстно, какое горячее участіе они принимаютъ въ настоящемъ крупномъ событіи въ его жизни. Да хранитъ васъ Богъ».

жокеевъ на скачкахъ въ Hoppegarten'ѣ, или ихъ парусныхъ яхтъ на гонкахъ въ Килѣ. Кантъ («О вѣчномъ мирѣ», стр. 18-я) говоритъ: «Слава императора состоитъ въ томъ, что, лично не подвергая себя опасности, онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи многія тысячи людей, которыми онъ можетъ пожертвовать для дѣла, ихъ не касающагося; и разница между европейскими дикарями и дикарями Америки та, что послѣдніе пожрали не одну непріятельскую орду, тогда какъ первые не ѣдятъ живыхъ, но умѣютъ ихъ практичнѣе использовать для увеличенія числа своихъ подданныхъ, а, слѣдовательно, и множества орудія для войнъ еще болѣе значительныхъ».

Пожертвовать тысячи существъ для дѣла, нисколько ихъ не касающагося! Вотъ настоящій смыслъ какъ этой войны, такъ и многихъ другихъ. Что смыслятъ въ престижѣ милліоны несчастныхъ, вынужденныхъ теперь разставаться съ жизнью на поляхъ битвъ Европы? Они даже не понимаютъ этого слова и еще менѣе смыслъ его. Престижъ предметъ роскоши для тѣхъ, кто обладаетъ избыткомъ всѣхъ другихъ благъ жизни. Это упрямое нежеланіе уступить, даже при сознаніи своей неправоты, потому, что есть достаточно силы, чтобы не имѣть надобности уступить. Для гражданина, для крестьянина и мастерового престижъ—это насущный хлѣбъ, который они должны добывать въ потѣ лица, это здоровье, облегчающее имъ трудъ, это ихъ семья, дающая имъ отраду въ часы досуга. Вотъ ихъ престижъ. За эти блага, какъ только имъ что либо угрожало, они сражались бы съ энтузіазмомъ.

Вотъ почему ихъ стараются убѣдить, что эти блага въ опасности. Кантъ въ цитированномъ выше трудѣ (44, 55, 56 стран. его сочиненія) говоритъ: «Вѣроломство политики, боящейся свѣта», прибѣгаетъ къ методу «ученія о вѣроятныхъ мнѣніяхъ»: оно «придумываетъ дурныя намѣренія у другихъ, или набрасываетъ подозрѣніе, указывая на возможныя послѣдствія отъ захвата ими преобладающаго вліянія». «Чтобы положить конецъ такой софистикѣ и понудить вѣроломныхъ представителей земной власти признаться, что они тягаются не за право, а за могущество, будетъ хорошо выставить на свѣтъ способъ дѣйствій, которымъ унижаешься самъ и обманываешь другихъ».

Не кажется-ли, что это было написано теперь? Не приложимо-ли каждое изъ этихъ словъ къ современному положенію и къ нашимъ начальникамъ? Если дѣйствительно «наслѣдство Канта» столь-же дорого подписавшимъ «манифестъ къ цивилизованнымъ націямъ», какъ

«ихъ очагъ и родина», то они должны прочесть его превосходное небольшое сочиненіе, озаглавленное: «Изслѣдованіе о вѣчномъ мирѣ». Кантъ, написавшій его въ разгаръ французской революціи, когда его отечество управлялось военной автократіей, осмѣлился высказать истины, которыя въ наши дни военный губернаторъ Бранденбургскаго округа объявилъ бы опасными для государства, а каждаго, провозгласившаго ихъ, подлежащимъ кровавой казни».

Ради миража истекаютъ нынѣ кровью милліоны людей, милліоны страдаютъ отъ голода; имущества разрушаются на суммы, исчисляемыя милліардами.

Все это изъ-за миража мірового имущества, который замаскированъ названіемъ «освобожденіе родины». Стремятся къ тому, чтобы «Gesta Dei per Francos» замѣнить «Gesta Dei per Teutones» [1]). Германская нація, «достойная преклоненія», какъ пишетъ нѣкій приватъ-доцентъ (что то онъ напишетъ, когда станетъ профессоромъ?), должна быть предметомъ обожанія остальныхъ народовъ, въ качествѣ «сверхъ-народа». «Германцы призваны стать во главѣ всего человѣчества»... Всѣ бредовыя проявленія маніи величія, подобныя приведеннымъ, у насъ именуютъ «защитою противъ подлаго нападенія», чтобы внушить эти маніакальныя идеи также и здравомыслящему народу.

Пролетаріи всего свѣта, уничтожайте самихъ себя.

Нужно сознаться, что наши правящіе круги обладаютъ удивительной смѣлостью и большой ловкостью: тщательно подготовивши почву, эти круги изловчились продемонстрировать такой фокусъ, какъ подмѣну лозунга мирнаго объединенія трудящихся классовъ—«пролетаріи всѣхъ странъ, объединяйтесь!»—кровавымъ боевымъ кличемъ: «пролетаріи всѣхъ странъ, истребляйте другъ друга!» Въ этомъ отношеніи они ухитрились совершить нѣчто блестящее, неподражаемое, несравнимое ни съ чѣмъ по своему совершенству.

За границею отнеслись съ крайнимъ осужденіемъ къ поведенію германской соціалъ-демократіи на засѣданіи рейхстага 4-го августа, когда ея депутаты голосовали за первые военные кредиты въ размѣрѣ 5 милліардовъ; въ частности, этотъ шагъ порицался соціалъ-

[1]) Т. е. «произволеніе Божіе, проявляемое въ дѣяніяхъ франковъ,» нѣмцы желаютъ замѣнить «произволеніемъ Божіимъ, проявляемымъ въ дѣяніяхъ тевтоновъ».

демократическими партіями всѣхъ народовъ. Не мѣшаетъ, однако отмѣтить, что меньшинство названной партіи рейхстага протестовало противъ подобнаго рѣшенія,—и это меньшинство выдѣлялось по качеству своего личнаго состава. Что же касается большинства, то его поведеніе объясняется тѣми же мотивами, которые довели до войны и всю германскую націю: именно лживымъ завѣреніемъ, даннымъ правительствомъ, будто дѣло идетъ не о наступательной, а о войнѣ оборонительной. Вѣдь, съ рокового 31-го іюля 1914 года Германію такъ плотно закупорили, что въ нее не могла проникнуть никакая вѣсть изъ-за границы. Никому не было вѣдомо, что̀, собственно говоря, произошло на міровой аренѣ и въ самой Германіи въ періодъ времени съ 31-го іюля по 4-ое августа. Въ «Бѣлой книгѣ», розданной депутатамъ, говорилось вполнѣ опредѣленно, что русскіе и французы на насъ напали и что они уже вступили въ предѣлы Германіи съ запада и съ востока. Самъ кайзеръ и его канцлеръ въ своихъ рѣчахъ повторили снова это заявленіе. И никто не имѣлъ возможности въ то время удостовѣриться, насколько это заявленіе соотвѣтствуетъ истинѣ. Находясь подъ тѣмъ впечатлѣніемъ, что Германія вынуждена бороться за свою безопасность и независимость, большинство соціалъ-демократической партіи вотировало военные кредиты и, на основаніи статутовъ партіи, заставило меньшинство присоединиться къ этому вотуму.

То, что произошло на засѣданіи 2-го декабря, было лишь простымъ слѣдствіемъ упомянутаго перваго шага: вѣдь всякій дурной поступокъ и въ дальнѣйшемъ порождаетъ зло. И на этотъ разъ та группа соціалъ-демократовъ, которая на первомъ засѣданіи рейхстага голосовала за военные кредиты, увлекла за собою большинство единомышленниковъ. Однако, на сей разъ борьба велась болѣе ожесточенно, и численный составъ меньшинства увеличился. Извѣстно, что только у Либкнехта хватило гражданскаго мужества и характера, чтобы не подчиниться требованіямъ партійной дисциплины, и, на засѣданіи рейхстага, онъ подалъ голосъ противъ подобнаго рѣшенія большинства.

Его поступокъ былъ встрѣченъ восторженно соціалистами всего міра, исключая, увы! соціалъ-демократической партіи германскаго парламента, которая 2-го февраля вынесла солидарное рѣшеніе съ порицаніемъ Либкнехту. Я настаиваю на томъ, что это особенно прискорбно; за границею въ этомъ увидѣли не чисто дисциплинарную мѣру, вслѣдствіе нарушенія Либкнехтомъ партійныхъ уставовъ, а принципіальное

неодобреніе всякому, противодѣйствующему принятію военныхъ кредитовъ. А это еще болѣе подчеркиваетъ благожелательность позиціи, занятой германскими соціалистами по отношенію къ воинствующему правительству Германіи. Въ данномъ случаѣ, ради будущаго переустройства интернаціонала, было бы лучше пренебречь соображеніями дисциплины. Этимъ было бы избѣгнуто распространеніе за границею мнѣнія, будто германская соціалъ-демократія считаетъ отщепенцемъ того, кто голосуетъ противъ военныхъ кредитовъ.

Повидимому, въ Берлинѣ не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, какое впечатлѣніе на иностранныхъ соціалистовъ произвела такая резолюція. Въ Берлинѣ даже не подозрѣваютъ, что всѣ симпатіи иностранныхъ соціалистовъ на сторонѣ Либкнехта, а отнюдь не большинства германской соціалъ-демократической партіи. Благодаря своему выступленію 2-го декабря, Либкнехтъ сталъ за границею самымъ популярнымъ изъ всѣхъ германскихъ соціалистовъ, и, притомъ, отнюдь не въ однѣхъ лишь вражескихъ странахъ, но также и въ нейтральныхъ. Когда настанетъ часъ возрожденія интернаціонала, исходнымъ пунктомъ его переустройства будетъ точка зрѣнія Либкнехта, а отнюдь не образъ дѣйствій соціалистскихъ депутатовъ рейхстага. Будучи разъ обмануты, они не проявили ни достаточной прозорливости, ни гражданскаго мужества для того, чтобы сознать свою ошибку и раскаяться въ ней; они, напротивъ, покатились внизъ по наклонной плоскости оппортунизма, пока не скатились въ лагерь націоналистовъ и имперьялистовъ. Они настолько глубоко забрели въ дебри «Націонала», что имъ не выбраться изъ него на просторъ «Интернаціонала». Да и самъ «батюшка-интернаціоналъ» впослѣдствіи, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, и не подумаетъ раскрыть свои объятія навстрѣчу блудному сыну и не воскликнетъ: «Вернись на мое лоно, любезный Готлибъ, позабудемъ о прошломъ». Блудныя дѣти пусть остаются блудными дѣтьми,—такъ имъ и надо!

Необходимо признать, что германское правительство съ удивительною ловкостью примѣняло принципъ «раздѣляй и властвуй»,— по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, потому что послѣдствія такого образа дѣйствій скажутся лишь въ будущемъ. Кантъ говоритъ: «Если среди твоихъ подданныхъ имѣются какіе либо вліятельные народные вожди, то посѣй между ними рознь и попытайся ихъ пересорить съ народомъ». Германскому правительству удалось посѣять между народными вождями рознь; но, когда пробьетъ часъ великаго

сведенія счетовъ, когда настанетъ день «страшнаго суда», и всѣ грѣхи будутъ раскрыты, а всякое преступленіе—наказано, тогда, будемте надѣяться, народъ окажется единодушнымъ.

Политическая мораль и—мораль въ политикѣ.

Повидимому, германское правительство для цѣлей внѣшней политики усвоило себѣ принципы генерала Бернгарди, а для внутренней—приняло за образецъ то, что Кантъ опредѣлялъ словами «политика, какою она не должна быть», Кенигсбергскій мудрецъ говоритъ: «Тамъ, гдѣ кончается нравственная политика,—начинается политическая нравственность. Эта политическая нравственность весьма похожа на безнравственность и руководствуется нижеслѣдующими софистическими началами:

1. «Fac et excusa» (Извиняйся, содѣявши, но не раньше). Не упускай удобнаго случая присвоить себѣ права надъ собственнымъ народомъ, или же надъ сосѣднимъ народомъ. Послѣ содѣяннаго тебѣ будетъ значительно легче оправдать, даже не безъ элегантной развязности, свои дѣйствія; да и загладить насиліе тогда всегда легче, если не пришлось напередъ выискивать убѣдительныхъ доводовъ для оправданія предполагавшагося хода: при такомъ образѣ дѣйствій только напрасно теряется время на выслушиваніе возраженій и противорѣчій. Вслѣдствіе твоей дерзкой рѣшимости, всякій будетъ, пожалуй, скорѣе склоненъ признать, въ душѣ, правоту твоего дѣла. Да, наконецъ, нѣтъ лучшаго адвоката на всемъ свѣтѣ, чѣмъ тотъ ангелъ, котораго зовутъ «Успѣхъ».

2. «Si fecisti,—nega» (Смѣло отрицай свою виновность въ содѣянномъ тобою!). Если ты совершилъ преступленіе,—напримѣръ, если ты довелъ свой народъ до отчаянія и до открытаго возмущенія,—то смѣло отрицай свою виновность во всемъ томъ, что произошло. Заявляй, что разъ въ борьбѣ съ сосѣдней націею дѣло идетъ о господствѣ или подчиненіи, то необходимо считаться со свойствомъ человѣческой природы, всегда склонной къ насилію надъ ближнимъ, поскольку тотъ самъ не предупредитъ событій и не подомнетъ противника подъ себя первымъ» [1]).

Ну, развѣ это не точное, фотографическое и почти пророческое описаніе политики г. фонъ-Бетмана? Ея характеристика, впрочемъ, дана не только въ упомянутыхъ выше словахъ профессіональнаго философа,

---

[1]) Кантъ, «О вѣчномъ мирѣ», стр. 42.

но и въ словахъ философа на тронѣ, Фридриха II, который высказался слѣдующимъ образомъ:

«Когда властителямъ хочется воевать, то они ввязываются въ войну, а затѣмъ призываютъ какого либо ученаго юриста для того, чтобы онъ ихъ обѣлилъ». Итакъ, уже послѣ того, какъ война началась, вина за нее взваливается на «другого», который, дескать, виноватъ, такъ какъ именно онъ началъ войну, или же, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ ее начать, а потому—пришлось его предупредить. Такимъ путемъ наша репутація,—если только вамъ удастся снискать вѣру своимъ словамъ — нисколько не пострадаетъ: или вы были принуждены выступить въ защиту отечества, или — вы являетесь прозорливымъ поборникомъ интересовъ мира, предотвративъ покушеніе на него со стороны его коварныхъ нарушителей. Тутъ нѣтъ мѣста для той истинной нравственности, которая должна бы являться мѣриломъ всѣхъ дѣйствій не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ государствъ. Кёнигсбергскій мудрецъ въ самыхъ суровыхъ выраженіяхъ осуждаетъ роковое вліяніе этихъ лже-политиковъ: «Фактъ существованія на землѣ столь извращенныхъ людей не можетъ быть оправданъ даже надеждой на неизбѣжное проявленіе, въ будущемъ, относительно ихъ Божескаго правосудія... Истинная политика должна остерегаться всякаго шага, не согласнаго съ указаніями нравственности. Сама по себѣ политика—своего рода трудное искусство, однако-же, въ соединеніи съ моралью, она перестаетъ вообще быть искусствомъ». Кто подчиняетъ нравственную политику требованіямъ, такъ называемой, политической морали, т. е. руководящія начала подчиняетъ цѣли, тотъ дѣйствуетъ вопреки категорическому императиву, тотъ ставитъ телѣгу впереди быковъ».

Вотъ, что намъ завѣщалъ Кантъ; и всякій, кто цѣнитъ это наслѣдство, тѣмъ самымъ долженъ осудить политику, которая привела къ самой ужасной изъ войнъ; несомнѣнно, что эта политика руководствовалась началами «политической морали», но отнюдь не слѣдовала указаніямъ моральной политики.

Но кровавое, ужасное дѣло идетъ своимъ чередомъ: будто гигантскія піявки постепенно высасываютъ изъ народнаго организма Германіи всю его силу... еще немного—и вся она будетъ поглощена ненасытною утробою Молоха войны. Императоръ Фридрихъ III какъ то написалъ: «Какая ужасная вещь—посѣщеніе поля битвы; невозможно описать, какія ужасныя раны приходится видѣть. Что бы ни говорили, а война—нѣчто ужасное; и тѣ люди, которые рѣшаютъ о ней однимъ

росчеркомъ пера, сами не знаютъ, что творятъ». Нѣкій германскій врачъ пишетъ съ театра войны: «Хотѣлъ бы я, чтобы люди, виновные въ возбужденіи войны, воочію присмотрѣлись ко всѣмъ ея ужасамъ. Господа дипломаты, съ легкимъ сердцемъ включающіе войну въ свои расчеты, подобно купцу, прикидывающему на счетахъ лишнюю долю риска, должны бы сами предварительно взять штурмомъ какой либо мостъ черезъ каналъ, подъ градомъ непріятельскихъ пуль [1]).

Что испытываете вы, г. фонъ-Бетманъ, читая подобныя строки? Что скажете вы о своемъ циркулярѣ отъ 24 декабря [2]), въ которомъ заявляется, что «идея» международной конференціи вамъ не показалась симпатичною, что «форма» конференціи васъ «шокировала». Ну, а всѣ ужасныя послѣдствія вашего отказа показались вамъ болѣе симпатичными? Они васъ менѣе шокировали, чѣмъ несимпатичная вамъ форма конференціи? Теперь, когда вся Европа залита моремъ крови, и вы выставили всю нашу пресловутую европейскую культуру на посмѣшище даже дикарей, теперь вы еще осмѣлились говорить о какой то симпатіи и антипатіи, о сомнѣніяхъ, внушаемыхъ вамъ тою или иною формою? Любой краснокожій индѣецъ совершенно резонно можетъ намъ заявить, что онъ стоитъ выше насъ, а пристыженная Европа, со слѣдами кровопролитій, ужасныхъ опустошеній и варварскаго разрушенія огнемъ и мечомъ, должна будетъ склонить свое чело передъ тѣми желтыми, черными и краснокожими дикарями, которыхъ она—какъ это недавно было изображено на одной извѣстной аллегорической картинѣ, — собиралась объединить вокругъ себя, подъ крыломъ цивилизаціи. Всѣ тѣ, которыхъ европеецъ считалъ дикарями, могутъ презрительно указать намъ на позоръ Европы и сказать: «Вотъ ваша пресловутая цивилизація». Послѣ всего этого имѣемъ ли мы, европейцы, право заниматься колоніальными завоеваніями: вѣдь, намъ уже немыслимо будетъ ссылаться впредь на превосходство нашей культуры, ради распространенія которой мы совершали свои хищные захваты.

Вамъ, г. фонъ-Бетманъ, мы обязаны всѣмъ этимъ! «Стонутъ въ предродовыхъ мукахъ горы, а рождается жалкая мышь»,—гласитъ латинская пословица (parturiunt montes,—nascitur ridiculus mus).

На этотъ разъ, однако, дѣло обстоитъ наоборотъ: изъ маленькой мыши вашихъ антипатій и вашихъ возраженій противъ «формы»

---

[1]) Berliner Tageblatt отъ 24 сентября 1914 г.

[2]) Приложеніе III.

родились цѣлыя горы людского горя. Подите на поля битвъ, посѣтите лазареты, посмотрите на раненыхъ, на мертвыхъ, на умирающихъ; съѣздите въ разрушенные города, преклоните свои колѣна передъ подвергшимся обстрѣлу храмами и молите Господа Бога о прощеніи за то, что Его слова: «На землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе» вы замѣнили другими: «да будетъ убійство на землѣ, пожары и разореніе среди людей!» А потомъ, ударьте себя въ грудь и сознайтесь всенародно, дабы всѣмъ было слышно: «Я, одинъ я виновенъ!». Это было бы первымъ шагомъ на пути къ вашему раскаянію, а раскаявшемуся прощается полъ-грѣха.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Если бы кайзеру не удалось найти такого канцлера, который . . инсценировалъ эту «войну за независимость», то Германія, повидимому, осталась бы «подъ игомъ»: иными словами, она продолжала бы мирно развивать свой народный трудъ, свою культуру и свое благосостояніе, не подвергаясь рѣшительно ни съ какой стороны никакой опасности. Ну, а теперь, до какого положенія мы дошли? . . . Мы еще можемъ быть довольны хотя бы тѣмъ, что враги, которыхъ мы сами себѣ создали, не проникли пока въ наши предѣлы. Какъ счастливы были бы мы, если бы и теперь, какъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ, владѣли нашими колоніями, нашими милліардами, схранили бы нашу молодежь, отправленную на убой и горько оплакиваемую нами.

Quidquid delirant reges,
plectuntur Achivi [1]).

. . . . . .

. . . . . Но именно въ такое время нужны не льстецы, а люди съ достоинствомъ, способные возражать монаршей волѣ и отстоять интересы Ахеянъ передъ повелителемъ «Безотвѣтственность является привилегіей королевскаго достоинства, но она нисколько не исключаетъ возможности заслужить наказаніе». Приближенные въ ка-

---

[1]) Ахеяне (народъ) оплачиваютъ безумства повелителей. Изреченіе Горація (Epist. I, 2, 14), примѣненное авторомъ къ современнымъ нѣмцамъ, императору Вильгельму и германскому правительству съ Бетманъ-Рольвегомъ во главѣ. Прим. переводч.

чествѣ совѣтниковъ къ королю обязаны ограждать его отъ этого. Наихудшая услуга повелителю—предоставить ему управлять произвольно, отдавать подъ вліяніемъ гнѣва или расположенія духа приказанія подчиненнымъ, которые, если и не одобряютъ ихъ, все-же являются орудіями ихъ исполненія [1]). То, что у повелителя еще понятно, становится для отвѣтственнаго государственнаго человѣка незагладимымъ преступленіемъ. Властитель, воспитанный съ нѣжной юности въ мистической вѣрѣ въ законную наслѣдственность на престолъ, окруженный поддакивающими во всемъ льстецами, придворными и тунеядцами, считающимися его слугами, а въ дѣйствительности являющимися его господами, рѣдко слышащій правду и никогда не стремящійся ее услышать, вопреки тому, что говоритъ персидскій поэтъ Мирза Шаффи: «мудрецъ можетъ обойтись безъ благоволенія властителя, но не властитель безъ совѣтовъ мудреца», властитель, принимающій вынужденное молчаніе народа за полное единодушіе съ нимъ потому, что никто не говоритъ ему, что волнуетъ народную душу, гораздо легче извиняемъ, чѣмъ канцлеръ, когда онъ . . . смѣшиваетъ свое честолюбіе, свою страсть къ завоеваніямъ, къ славѣ и блеску съ благополучіемъ и счастьемъ населенія. Но вѣдь совѣтники властителя для того и находятся при немъ, чтобы предостерегать его отъ послѣдствій его собственныхъ страстей и повторять слова Юніуса: «Прежде, чѣмъ покорить сердца вашихъ подданныхъ, вашему величеству слѣдуетъ одержать благородную побѣду надъ вашимъ собственнымъ».

Они должны быть не лакеями своего господина, а первыми слугами государства. Дѣятельность министра не можетъ быть оправдываема или опредѣляема его личной привязанностью къ его государю, такъ какъ привязанность основана на чувствѣ, тогда какъ дѣятельность опредѣляется обязанностями, категорическимъ императивомъ. Чувство всегда должно уступить первое мѣсто долгу. Лучше «отстраниться», чѣмъ «подчиниться».

Но хуже всего, когда министръ не только прикрываетъ своимъ щитомъ дѣйствія своего господина, а старается еще оправдать ихъ маккіавеллистическими пріемами. Мы стали болѣе маккіавеллистами, чѣмъ самъ Маккіавелли, а совершенно позабыли о томъ, что великій нашъ предокъ, Фридрихъ II, является авторомъ сочиненія «Анти-маккіавелли». Въ книгѣ осторожнаго флорентійца, между про-

---

[1]) Бругэмъ. О государственныхъ людяхъ.

чимъ, говорится: «Когда ты раньше давалъ слово, тебя принуждали къ этому условія прошлаго. Не сдержать же этого слова—есть необходимость настоящаго». Развѣ это изреченіе не опредѣляетъ самымъ точнымъ образомъ наше отношеніе къ нейтралитету Бельгіи? Далѣе: «На умѣ у монарха не должно быть ничего другого, кромѣ войны, подготовки къ ней и способовъ веденія ея?» Развѣ этотъ принципъ не являлся руководящимъ началомъ всей королевско-прусской политики всѣхъ временъ? Еще далѣе: «Монарху нечего заботиться о томъ, насколько его средства достичь побѣды и удержать за собой ея результаты благовидны или честны; разъ онъ достигнетъ побѣды, всякій признаетъ эти средства достойными похвалы и всякаго уваженія». Развѣ не эти слова являются для насъ нитью Аріадны, при помощи которой мы надѣемся выпутаться изъ лабиринта нашего настоящаго положенія и спастись отъ минотавра всеобщаго осужденія? Маккіавелли замѣнилъ у насъ Канта. Мы дошли до того, что и у насъ тоже цѣль оправдываетъ средства.

Мечты о всемірномъ господствѣ.

Какова цѣль настоящей войны? Я уже многократно повторялъ, что наши правители имѣли въ виду достиженіе новаго dominium mundi, т. е. установленіе міровой имперіи . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Прусскій орелъ долженъ былъ расправить свои крылья и охватить ими всѣ океаны; новая эпоха должна открыться во всемірной исторіи; послѣ міровой гегемоніи римлянъ, испанцевъ и британцевъ, должна наступитъ гегемонія германцевъ [1]).

---

1) Въ настоящее время, когда замыслы наши не удались, всѣ, конечно, отрицаютъ наличность подобныхъ плановъ. Но въ тотъ самый день, когда въ высокихъ сферахъ было заявлено, будто намѣреніе достигнуть всемірнаго господства—сущій вздоръ, вотъ что было опубликовано правительственнымъ бюро прессы въ городѣ Лодзи, въ «Императорскомъ Вѣстникѣ» по случаю дня рожденія кайзера:

«Слава Богу, никто во всемъ нашемъ отечествѣ, начиная съ престарѣлаго фельдмаршала и кончая послѣднимъ новобранцемъ, болѣе ужъ не сомнѣвается въ томъ, что окончательная побѣда за нами обезпечена. Побѣдоносная война создастъ для насъ колоніальную имперію, состоящую изъ французскаго

Ради германцевъ передѣлали даже слова Виргилія: «Tu regere imperio populos Germane memento»! (Тебѣ, германецъ, дано править жезломъ своимъ народами вселенной). Какъ нѣкогда Аристотель надѣялся, что въ результатѣ походовъ Александра Македонскаго произойдетъ перерожденіе всего Востока, и греческая цивилизація достигнетъ торжества, такъ и мы питаемъ надежду на то, что, благодаря настоящей войнѣ, весь Западъ переродится, и германская культура восторжествуетъ. Какое это дѣтское непониманіе всего духа исторіи! Нѣкогда войны цивилизованныхъ народовъ противъ варваровъ могли способствовать распространенію культуры, да и то довольно рѣдко. Но въ наши дни, когда война ведется между націями, стоящими на одной ступени культуры, войною достигается противоположный результатъ: война разрушаетъ цивилизацію и воскрешаетъ варварскіе инстинкты. Будущее человѣчества въ наше время покоится исключительно на мирномъ сожительствѣ всѣхъ народовъ свѣта. Планы всемірнаго господства, которые во всѣ времена заключали въ самихъ себѣ зародышъ собственнаго крушенія, въ наши дни должны быть разстраиваемы прежде, чѣмъ ихъ носители приступятъ къ ихъ выполненію. Этому должно способствовать сознаніе среди народовъ ихъ взаимнаго равноправія, всеобщее убѣжденіе всѣхъ ихъ въ томъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ одинаковое право на достиженіе своихъ идеаловъ благосостоянія и куль-

---

и бельгійскаго Конго, а если Португалія ввяжется въ войну съ нами,—то и изъ португальскихъ владѣній въ Западной и въ Восточной Африкѣ. Эта имперія превзойдетъ мечты нашихъ отцовъ, которые смѣялись надъ нами, когда мы сдѣлали въ этомъ направленіи маленькій починъ. Послѣ раздѣла Африки, мы нанесемъ смертельный ударъ англійскимъ мечтамъ о гегемоніи надъ чернымъ материкомъ отъ Капштадта до Каира; между Египтомъ и западно-африканскими владѣніями Англіи—съ одной стороны, и бурско-англійскими землями Южной Африки—съ другой, будетъ пролегать безконечная полоса нашихъ огромныхъ владѣній отъ береговъ Индійскаго океана до большихъ озеръ Центральной Африки, черезъ Конго, до береговъ Атлантическаго океана. Да и относительно той части Африки, которая еще остается пока въ рукахъ англичанъ на сѣверо-востокѣ и на югѣ чернаго материка, мы смѣло можемъ предположить, что оправдается вѣщее слово поэта: человѣчество будетъ спасено духомъ германизма».

Газета, со столбцовъ которой мы заимствуемъ вышеизложенную цитату, издается оффиціально военною администраціею края, а тотъ номеръ, въ которомъ эти строки помѣщены,—раздавался даромъ въ качествѣ подарка кайзера по случаю дня его рожденія Этимъ все сказано (sapienti sat).

турности, а, прежде всего, непосредственное общеніе, объединяющее воедино однородные слои населенія всѣхъ націй міра. Какъ земля состоитъ изъ горизонтальныхъ напластованій, тянущихся на огромное пространство изъ одного частнаго владѣнія въ другое, такъ и современное намъ человѣческое общество естественнымъ образомъ состоитъ изъ ряда наслоеній, сословныхъ классовъ,—совершенно однородныхъ по своему составу и по преслѣдуемымъ ими цѣлямъ и идеаламъ: никакія государственныя границы въ нашъ вѣкъ уже не въ силахъ прервать органически-неразрывную связь, существующую въ каждомъ изъ этихъ наслоеній человѣчества. Наоборотъ, эти наслоенія все болѣе расширяются въ горизонтальномъ направленіи, захватывая своими отвѣтвленіями, какъ геологическими жилами, все новыя области современнаго общества. Нарастаніе подобныхъ горизонтальныхъ связей постепенно рушитъ ветхія вертикальныя грани между территоріями отдѣльныхъ народностей. Хотя считается, что у насъ существуетъ лишь одинъ организованный «Интернаціоналъ», но, въ дѣйствительности, налицо имѣются ихъ цѣлыя сотни, хотя внѣшнимъ образомъ и не организованныхъ, но связанныхъ отнюдь не менѣе тѣсными узами: я говорю о международно-солидарныхъ интересахъ коммерціи, промышленности, техники, различныхъ наукъ, искусства и литературы. Эти области жизни связаны совершенно неразрывными духовными узами международнаго характера; даже преступность, и та приняла за послѣднее время международный характеръ. Эти узы не могутъ быть разорваны войною, а развѣ только временно ослаблены ею. Кантъ справедливо говоритъ, что сама природа «побуждаетъ» человѣчество стремиться къ установленію вѣчнаго мира и, хотя пока еще невозможно предсказать успѣшный исходъ этихъ стремленій, однако же, долгъ каждаго человѣка ему содѣйствовать». Природа стремится къ установленію вѣчнаго мира не путемъ подчиненія одной народности другой, а путемъ упроченія мирнаго сожительства ихъ на основѣ равноправія.

Вотъ почему наши германскія мечты о гегемоніи останутся въ области фантазіи даже въ томъ случаѣ, если бы у насъ хватило силъ подчинить прочіе народы своей волѣ. Тѣ цѣли, которыя себѣ поставилъ въ свое время Бисмаркъ, были разумны и достижимы, такъ какъ онѣ не выходили за предѣлы историческаго развитія, достигнутаго нашимъ вѣкомъ. Дѣло шло о созданіи союза національныхъ государствъ въ Германіи, такъ какъ люди еще не дозрѣли до пониманія

цѣлесообразности болѣе всеобъемлющихъ формъ общежитія. И такъ какъ права германскаго народа на свое объединеніе являлись исторически обоснованными, то ихъ осуществленія и удалось достигнуть. Но стремленіе новой Германіи добиться какой-то гегемоніи надъ другими народами является фактомъ отрицательнымъ: это—явное отклоненіе отъ естественной цѣли всякой цивилизованной націи, а потому напередъ обречено на крушеніе.

Наша цѣль не достижима, а тѣ средства, которыя мы примѣняемъ для ея достиженія,—преступны. Чисто-стратегическій успѣхъ, котораго мы, впрочемъ, отнюдь не достигли, ни на волосъ не приблизилъ бы насъ къ нашей цѣли. Въ XX вѣкѣ не можетъ быть и рѣчи о какой бы то ни было міровой гегемоніи; и, если бы даже такая гегемонія и была мыслима, то человѣчество признало бы ея носителями кого угодно, но только не насъ, германцевъ. Если бы намъ даже удалось добиться такого мира, который бы призналъ за нами въ большей или меньшей степени подобную гегемонію, то это означало бы не болѣе, какъ перемиріе на извѣстный срокъ. Въ исторіи,—въ эпоху борьбы эллиновъ съ персами—уже бывали подобные примѣры. Въ такихъ случаяхъ, одна война неизбѣжно влечетъ за собою другую, а это можетъ привести Европу лишь къ гибели. Еще есть время избѣжать наихудшаго. Но уже не воскресить намъ убитыхъ, а тяжкія раны, причиненныя экономической жизни всѣхъ народовъ, могутъ быть излечены лишь постепенно въ теченіе долгихъ десятилѣтій.

Кому придется платить за убытки?

Свѣдущіе люди исчисляютъ всѣ расходы и убытки, вызванные войною въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ, въ 80 милліардовъ марокъ, не считая частныхъ расходовъ и потерь, не считая экономической цѣнности убитыхъ и искалѣченныхъ людей, не считая потерь, проистекающихъ отъ того, что многіе милліоны мирныхъ тружениковъ, находясь подъ знаменами, прекращаютъ свой трудъ. Совершенно немыслимо, чтобы побѣжденная страна была въ состояніи уплатить своимъ побѣдителямъ,—если допустить, вообще, крайне невѣроятную возможность побѣды той или иной изъ воюющихъ сторонъ,—соотвѣтствующее вознагражденіе. Въ Германіи не только центральное правительство, но и отдѣльныя союзныя государства, а также всѣ общины

надѣлали долговъ на много милліардовъ. Спрашивается, у кого хватитъ силъ отработать и выплатить эти громадныя суммы долговъ, или, хотя бы однихъ только процентовъ, которые придется по нимъ вносить? Положительно всѣ воюющія государства, а также и нейтральныя находятся наканунѣ банкротства. Юмъ сказалъ: «Когда я вижу, что въ нашъ вѣкъ какія-либо двѣ націи воюютъ другъ съ другомъ, то мнѣ всегда кажется, что два пьяныхъ субъекта затѣяли драку въ магазинѣ фарфоровой посуды». Пьяные субъекты—это воюющія державы, а посудный магазинъ—это международная торговля. Того и гляди—все окажется разбитымъ вдребезги.

Quousque tandem? [1]).

Что же будетъ дальше? Чѣмъ это все кончится? . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . Каждая наша побѣда—Пиррова побѣда. Неужели среди 67.000.000 германцевъ не найдется никого, кто осмѣлился бы крикнуть въ лицо громовержцу Зевесу, какъ нѣкогда Ѳемистоклъ крикнулъ Эврипіаду: «Бей, но выслушай меня». Неужели лакействующіе журналисты не прекратятъ печатанія своихъ позорныхъ корреспонденцій съ театровъ войны? . . . . . .
. . . . . .
. . . . . , .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . а въ это самое время на поляхъ, покрытыхъ снѣгомъ, въ промозглыхъ отъ сырости землянкахъ, германскіе подданные гибнутъ, а слезы вдовъ и сиротъ продолжаютъ литься ручьемъ...

До какихъ-же поръ это будетъ длиться? Чѣмъ это кончится? Что для народовъ въ томъ, что послѣ войны «искренно преданные друзья», растрогавшись, бросятся другъ другу въ объятія, обнимутся и снова надѣнутъ снятые во время войны мундиры шефскихъ полковъ? Что для народовъ въ томъ, что торжественныя шествія пройдутъ черезъ Бранденбургскія ворота... увѣнчанныя лавровыми вѣнками, подъ звуки трубъ?

Народъ хочетъ мира, мира, мира! Довольно убитыхъ, довольно изувѣченныхъ, довольно несчастій и разоренія! Міровая

---

[1]) Доколѣ?

совѣсть волнуется. Раздающійся голосъ обвиненія найдетъ способъ привести въ исполненіе свой приговоръ, если не захотятъ внять призыву гласа народнаго. Vivos voco, mortuos plango, fulgura frango: призываю живыхъ, оплакиваю мертвыхъ, грожу молніею. Вотъ что набатъ народной совѣсти возвѣщаетъ власть имущимъ:

«На вашу главу
Падутъ слезы вдовъ и сиротъ,
Кровь убитыхъ, скорбь женщинъ,
Потерявшихъ мужей, отцовъ и жениховъ,
Поглощенныхъ этой дикой борьбой».

(Шекспиръ. «Генрихъ V.»).

Ахеяне достаточно натерпѣлись.

Никогда народы не были врагами другъ друга.

Всѣ письма сражающихся показываютъ, что чувства ненависти и мести не знакомы въ траншеяхъ. Это лишь журналисты расписываютъ въ хорошо протопленныхъ редакціяхъ. Между траншеями завязывается дружба, братанье! Навѣщаютъ другъ друга, обмѣниваются подарками, дружески пожимаютъ другъ другу руки. Потомъ, по приказу свыше, расходятся по траншеямъ и перестрѣливаются. Не правда ли, какъ это неизъяснимо, невѣроятно?

Если бы мы не знали съ давнихъ поръ, что ни одна изъ борющихся націй не желала войны, а лишь нѣсколько сотенъ, самое большее нѣсколько тысячъ преступныхъ людей хотѣли и подготовили это совокупное убійство, то господствующее между находящимися въ траншеяхъ сотоварищество показало-бы, что между народами не существуетъ никакой вражды. Но именно потому-то, что оно доказываетъ это и уменьшаетъ энергію боя, а также могло бы выяснить сражающимся, что они воюютъ не ради своего интереса, а возбуждены другъ противъ друга болѣе сильными, преслѣдующими свои интересы, верховные германскіе вожди строжайше запретили такое братанье: ради Бога, чтобы не было больше рукопожатій, чтобы не было остановокъ въ стрѣльбѣ. Надо стрѣлять безпрерывно, не теряя времени. Nulla dies sine linea, ни одного дня безъ убійствъ и пожаровъ!

Но всѣ такіе приказы ни къ чему не послужатъ. Истина грядетъ. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ свѣтъ приближается. И если эти, находящіеся въ тылу, господа не хотятъ этого понять, то въ концѣ концовъ будутъ вынуждены это сдѣлать.

Миръ настанетъ скоро, очень скоро, такъ какъ онъ долженъ настать. Горе генераламъ, которые еще разъ поднимутъ мечъ, горе руководителямъ, которые не хотятъ прислушаться къ народному голосу, заглушаемому насильно. Въ тихихъ водахъ Burgfrieden'а [1]) чувствуется глухое волненіе, угрожающій шумъ. Горе тѣмъ, кто не хочетъ прислушаться къ подземному гулу и продолжаетъ довѣряться обманчивымъ водамъ. Они будутъ поглощены волнами. Discete moniti! Берегитесь, васъ предупредили!

V.

Будущее.

Что долженъ дать намъ миръ?

Одного заключенія мира еще недостаточно. Нужно раньше рѣшить вопросъ: что долженъ дать намъ миръ?

Миръ долженъ дать намъ то, къ чему самые просвѣщенные умы стремятся уже нѣсколько столѣтій: не перемиріе, а прочный миръ, покоящійся на законныхъ основахъ, вполнѣ обезпеченныхъ. Нынѣшняя система, при которой миръ поддерживается штыками, потерпѣла крушеніе на вѣчныя времена. Безумныя вооруженія, стоившія европейскимъ государствамъ—не считая косвенныхъ расходовъ, не включенныхъ въ бюджеты, — болѣе 10 милліардовъ марокъ, каковая сумма ежегодно увеличивается почти на 20%,—не достигли цѣли, которою пытались оправдать вооруженія. Своимъ роковымъ стремленіемъ быть сильнѣе другихъ—на землѣ и въ воз-

---

[1]) Burgfrieden—окружающая замокъ область, какъ защита отъ нападеній и обезпеченный такимъ образомъ въ предѣлахъ этой области миръ. Въ переносномъ смыслѣ—осадное и военное положеніе, вооруженный миръ.

Примѣч. переводч.

духѣ, на водѣ и подъ водой—европейскія государства не упрочили, а подорвали миръ. Усиливавшееся взаимное недовѣріе вырастило желѣзный посѣвъ. Дипломатическіе переговоры, которые велись при доносившемся издали бряцаніи оружіемъ, внушали народамъ безпокойство и страхъ: всѣхъ угнетало сознаніе, что подобное положеніе продолжаться не можетъ,—необходимо или повернуть обратно, или же итти навстрѣчу катастрофѣ.

Катастрофа, давно уже предсказанная и внушавшая ужасъ, наконецъ, обрушилась на насъ, увлекая въ бездну не только жизнь и благосостояніе народовъ, но и самую систему, при помощи которой надѣялись обезпечить народамъ обманчивую безопасность.

Система вооруженнаго мира.

Система вооруженнаго мира осуждена. Она, въ мирное время, высасывала соки народовъ и не могла предотвратить войны. Система европейскаго равновѣсія оказалась еще болѣе роковой, чѣмъ прежняя, когда грозили другъ другу только два государства, вооруженныя съ головы до ногъ. Франко прусская война 1870 г. была лишь дѣтской игрой по сравненію съ войной 1914 г. Ошибочной системы нельзя исправить расширеніемъ области ея примѣненія. Наоборотъ, тогда еще въ большей степени проявятся ея ошибки и недостатки. Съ увеличеніемъ числа государствъ, тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ, на каждой изъ чашекъ вѣсовъ той и другой стороны «страховка мира» военными приготовленіями получала все болѣе роковой характеръ. Бывшее неразумнымъ и вреднымъ, при отношеніи 1 : 1, становилось втрое болѣе неразумнымъ и вреднымъ, когда отношеніе превратилось въ 3 : 3. Если система была роковой въ мирное время, то вредъ ея значительно усугублялся во время войны. Игра въ союзы и согласія лишь до невѣроятности сгустила краски ужасныхъ картинъ, начертанныхъ проницательными соціологами.

Полностью осуществились всѣ предсказанія И. Бліоха о характерѣ, размѣрахъ и жестокости будущей европейской войны, далеко, притомъ, превзойдя предположенія геніальнаго русскаго экономиста. Онъ не могъ предвидѣть развитія воздухоплаванія и подводныхъ лодокъ, громадныхъ осадныхъ пушекъ и всѣхъ новыхъ завоеваній «культуры». Тѣмъ не менѣе, въ своемъ блестящемъ трудѣ

(въ 1899 г.) онъ заявилъ, что успѣхи военной техники послѣ 1870 г. окажутся, въ моментъ возникновенія европейской войны, болѣе значительными, чѣмъ развитіе той же техники со времени самопаловъ до франко-прусской войны. По его мнѣнію, дѣйствіе новыхъ пушекъ будетъ столь смертоносно, что нельзя будетъ говорить ни о боѣ въ прежнемъ значеніи этого слова, ни о личной храбрости, а война превратится въ затяжную борьбу въ траншеяхъ. Онъ подробно описалъ весь ужасъ современной борьбы при помощи машинъ и высказалъ сомнѣніе—вполнѣ обоснованное, — смогутъ ли культурные люди, не сходя съ ума, выдержать весь этотъ ужасъ. Не будетъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ—писалъ Бліохъ, немыслимъ должный уходъ за громаднымъ количествомъ раненыхъ, если число санитарнаго персонала не будетъ равняться числу сражающихся. Нельзя будетъ снабдить войска всѣмъ необходимымъ въ мѣстностяхъ, опустошенныхъ сраженіями. Воюющимъ державамъ не хватитъ, въ концѣ концовъ, средствъ для питанія такой массы людей. Всё это было предсказано пацифистомъ Бліохомъ не въ силу дара предвидѣнія, а просто путемъ долголѣтняго изученія вопроса, столь жизненнаго для цивилизованнаго населенія Европы.

Мы переживаемъ то, что онъ предвидѣлъ. Гигантскія арміи мечутся безъ всякаго результата, безъ возможности достичь какого-либо окончательнаго рѣшенія, невзирая на пламенные призывы своихъ государей и начальниковъ. Впередъ! Назадъ! Назадъ и впередъ! Подобные приказы все время чередуются. Только мертвымъ отрѣзанъ путь отступленія. Деревня, ферма, траншея требуютъ многихъ тысячъ жертвъ. Одна мѣткая шрапнель можетъ—при удачѣ—убить или ранить сотню человѣкъ. Что еще хуже, эта великая бойня—самоубійство для всѣхъ народовъ, которые, мало-по-малу, истощаются, приближаясь къ гибели; хорошо лишь то, что одновременно происходитъ самоубійство политической системы, какъ международной, такъ и внутренней, вызвавшей войну.

Самый ярый милитаристъ признаетъ, что усиленіе вооруженій послѣ войны немыслимо. Издержки на вооруженія стали непосильными для государствъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, Эмиль Жирарденъ вполнѣ основательно замѣтилъ: «Расходуя половину того, что нынѣ тратится Европой на военныя цѣли, можно было бы вполнѣ покончить съ нищетой». Нижеслѣдующій примѣръ докажетъ сумасбродство системы. На зарѣ общественной жизни, когда всякій былъ вынужденъ

лично отстаивать свою безопасность, два сосѣднихъ землевладѣльца стали относиться другъ къ другу съ подозрѣніемъ. Хотя оба и не думали о нападеніи, но всякій этого боялся. Въ силу этого, отказавшись отъ обработки полей и разведенія скота, они, въ теченіе многихъ лѣтъ, приказывали своимъ женамъ, дѣтямъ, крестьянамъ и слугамъ строить баррикады и укрѣпленія, ковать оружіе, изготовлять самострѣлы и пращи. Припасы мало-по-малу истощились, и не было возможности пріобрѣсти ихъ. Словомъ, возникла опасность умереть съ голоду. Когда нищета достигла крайняго предѣла, сосѣди рѣшили объясниться. Въ результатѣ они узнали, что никто не думалъ о нападеніи, но всякій боялся сосѣда. Взаимное недовѣріе исчезло. Однако, безумная трата средствъ еще долгое время давала себя чувствовать, мѣшая возстановить прежнее благосостояніе.

Европейскіе народы не сумѣли во-время вступить на путь благоразумія и, чтобы покончить съ невыносимымъ напряженіемъ, пошли дальше въ своемъ безуміи, замѣнивъ скрытую войну—явной. Въ настоящемъ очеркѣ выяснено, кто является отвѣтственнымъ за неудачу всѣхъ попытокъ создать прочный миръ. Однако, виновный, въ концѣ концовъ, пойметъ, что всѣ его вооруженія, все противодѣйствіе соглашенію не принесли ему никакой выгоды, и что положеніе, несмотря на всеобщее разореніе, отнюдь не измѣнилось: взаимоотношеніе силъ все то же.

Итакъ, система осуждена. Ея возрожденіе или усиленіе немыслимо, и Европѣ остается, послѣ окончательнаго крушенія анархіи, основанной на силѣ, вернуться къ идеѣ, которую, уже въ теченіе вѣковъ, проповѣдуютъ наиболѣе выдающіеся умы, къ единственному средству, могущему предотвратить развалъ нашего стараго цивилизованнаго міра. Средство это—

мирный союзъ свободныхъ народовъ, основанный на сознаніи своихъ правъ и на взаимномъ довѣріи, однимъ словомъ, по опредѣленію Канта, федерація свободныхъ государствъ.

Союзъ народовъ,—а не государство, составленное изъ народовъ,—оставляющій народамъ всѣ ихъ державныя права, съ единственной оговоркой, что не должно злоупотреблять таковыми для объявленія войны одному изъ членовъ союза. Союзъ этотъ долженъ опираться не на силу, но на взаимное довѣріе, на чувство долга, на категорическій императивъ. Еіце Кантъ полагалъ, что даже въ его эпоху, когда европейскіе народы лишены были внутренней политической организаціи и законодательной власти, возможна была всеобщая лига мира, такъ какъ она соотвѣтствовала общимъ инте-

ресамъ и подсказывалась сознаніемъ долга. Идеаломъ, къ которому слѣдуетъ стремиться, Канту, несомнѣнно, казалась міровая республика. Однако, будучи человѣкомъ «практическаго ума», онъ удовлетворяется «отрицательнымъ суррогатомъ союза, отвергающаго войну и все болѣе расширяющаго свои рамки». Кантъ не сомнѣвался въ возможности осуществленія такого «foedus pacificum» и надѣялся, что «могущественный и просвѣщенный народъ» положитъ ему начало, а постепенное присоединеніе другихъ народовъ распространитъ союзъ на всѣ цивилизованные народы [1]).

Эта, столь простая по виду, мысль Канта—глубже всѣхъ, высказанныхъ по поводу правовой организаціи семьи европейскихъ народовъ. Это—не мечты идеолога, парящаго въ облакахъ, а мысль философа, знавшаго людей, умѣвшаго наблюдать и дѣлавшаго выводы, вытекавшіе изъ опыта прошлаго и изъ сложившихся въ данный моментъ обстоятельствъ. Онъ избѣгалъ теоретическихъ построеній, но желалъ, чтобы голосъ философа доходилъ до короля, такъ какъ «власть неизбѣжно извращаетъ свободу сужденія ума». Правда, онъ довольствовался ролью, которую всѣ «умные» государственные дѣятели отводятъ философіи, служебной ея ролью, но считалъ, что таковая обязываетъ нести свѣточъ передъ повелительницей, а не плестись за ней, неся шлейфъ. Поэтому онъ на время отказывался отъ своего идеала, довольствуясь практически осуществимыми цѣлями [2]).

Въ настоящее время гораздо болѣе, чѣмъ тогда, желательно и легко осуществленіе этихъ цѣлей. Гораздо болѣе желательно потому, что анархія, о которой скорбѣлъ уже Кантъ, должна повлечь за собой въ наши дни значительно болѣе тяжкія послѣдствія, въ виду обширности и могущества европейскихъ державъ. Послѣдствія войны уже тогда были грозны для существованія государствъ того времени, имѣвшихъ только нѣсколько милліоновъ населенія, экономическая жизнь которыхъ ограничивалась предѣлами ихъ территоріи, а производство соотвѣтствовало потребленію. Что же сказать про катастрофу, обрушившуюся на нынѣ воюющія державы, общая численность населенія которыхъ—въ Европѣ и за предѣлами Европы—достигаетъ 890 милл. (53% населенія всего земного шара) и которыя связаны другъ съ другомъ, подобно членамъ крупнаго организма, тысячью нервныхъ нитей и тысячью нравственныхъ и матеріальныхъ узъ? То, что Кантъ тогда считалъ необходимымъ лля спасенія

---

[1]) Кантъ, стр. 20.
[2]) Кантъ, стр. 36.

народовъ отъ прогрессивнаго разоренія, гораздо нужнѣе теперь; въ его время воюющія страны могли — подобно отрѣзкамъ ящерицы — жить собственными ресурсами, между тѣмъ, нынѣ міровая война поражаетъ въ самое сердце и наноситъ смертельный ударъ гигантскому организму, каковымъ является культурное человѣчество.

Усиливъ до безконечности зло, причиняемое войною, эволюція современнаго міра даетъ, съ другой стороны, безконечно бо́льшее, чѣмъ прежде, число способовъ борьбы съ этимъ зломъ. Во всѣхъ областяхъ международныхъ отношеній почва тщательно подготовлена для предлагаемой Кантомъ федераціи свободныхъ государствъ. Кромѣ многочисленныхъ договоровъ, заключенныхъ государствами между собою, существуетъ несчетное число международныхъ организацій во всѣхъ областяхъ промышленности, торговли, земледѣлія, науки — начиная международной почтовой конвенціей и кончая международнымъ соглашеніемъ объ охранѣ котиковъ въ Беринговомъ морѣ — и несчетное число международныхъ учрежденій, которымъ поручено слѣдить за осуществленіемъ договоровъ. Многими конвенціями предусмотрѣно существованіе третейскихъ судовъ, съ обязательствомъ, или безъ такового, обнащаться къ ихъ содѣйствію; по нѣкоторымъ конвенціямъ даже вопросы жизни и чести подчинены третейскимъ судамъ. Въ Гаагѣ существуетъ международный третейскій судъ, учрежденіе и юрисдикція котораго признаны всѣми цивилизованными народами міра. Однимъ словомъ, во всѣхъ областяхъ жизни узы международнаго общенія становятся болѣе тѣсными. Однако, въ наиболѣе важной области, такъ какъ она въ равной мѣрѣ затрагиваетъ жизненные интересы всѣхъ народовъ, въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ, до сихъ поръ царитъ анархія: нѣтъ законовъ, но есть дипломатія, съ ея отжившими пріемами, устарѣвшими формальностями и кознями, дряхлыми представителями, которые, не заботясь объ общихъ интересахъ, стараются принести пользу своимъ вѣрителямъ всевозможными пріемами политической морали, т. е. безнравственности. Дипломатія — окаменѣлость давнопрошедшихъ временъ, анахронизмъ, производящій въ наше время такое же впечатлѣніе, какое вызвало бы присутствіе краснокожаго знахаря въ одной изъ современныхъ лечебницъ. Этотъ знахарь, несмотря на всѣ свои фокусы, не можетъ помочь больному (хотя и притворяется, будто можетъ); точно также и дипломаты — они это теперь снова доказали — не могутъ предотвратить наиболѣе опасной, смертоносной для народовъ болѣзни. И это происходитъ, несмотря на личныя достоинства нѣкоторыхъ дипломатовъ, — понятно, нахо-

дящихся за германской границей! — вслѣдствіе методовъ, которыми пользуется современная дипломатія.

Аббатъ С.-Пьеръ въ своемъ «Проектѣ вѣчнаго мира» (Essai sur la paix perpétuelle, 1713), Руссо, Кантъ и многіе соціологи давно уже изыскивали такую организацію современныхъ государствъ, при которой была бы излишней дѣятельность дипломатіи, въ ея застывшемъ видѣ. Когда владѣнія договаривающихся государствъ будутъ обезпечены, а ихъ сферы вліянія разграничены дружественными соглашеніями, когда торговыя сношенія будутъ урегулированы договорами, когда международная торговля и всякіе споры будутъ подчинены международной юрисдикціи, когда взаимное довѣріе замѣнитъ нынѣшнюю подозрительность и когда, на этой почвѣ, вооруженія будутъ пріостановлены и, мало-по-малу, сокращены — чего всѣ должны желать и могутъ достигнуть,—тогда можно будетъ сдать въ архивъ прежнюю дипломатію и создать новую. Она будетъ соотвѣтствовать современнымъ стремленіямъ, не нуждаясь для своей полезной дѣятельности ни въ тайныхъ фокусахъ, ни въ одѣтыхъ въ мундиры шпіонахъ, ни во всякихъ дворцовыхъ и будуарныхъ интригахъ. Тогда дипломаты станутъ исполнять примѣрно ту же роль, которую нынѣ играютъ въ Берлинѣ уполномоченные имперскаго совѣта, — хотя я вовсе не предлагаю, чтобы мирная лига свободныхъ народовъ походила на политическую организацію Германской имперіи. Мирная лига должна быть своего рода союзомъ въ цѣляхъ сохраненія мира и плодотворнаго использованія общихъ интересовъ, отнюдь не задѣвающимъ суверенныхъ правъ отдѣльныхъ государствъ [1]).

Уже теперь имѣются общіе интересы, регулируемые международными договорами и охраняемые международными комиссіями. Кругъ этихъ интересовъ естественно расширится, вслѣдствіе требованій культуры и техники, побѣды надъ временемъ и пространствомъ. Это случится вопреки нынѣйшней войнѣ и болтовнѣ ограниченныхъ крикуновъ, желающихъ предоставить Германіи первое мѣсто въ умственной и научной областяхъ, либо возвысивъ ее до роли владычицы міра, либо вернувъ ее къ положенію допотопнаго, «націоналистическаго государства». Сношенія между народами могутъ быть временно прерваны изъ-за преступной близорукости ихъ главъ и

---

[1]) Fried, Kurze Aufklärungen über Wesen und Ziel des Pazifismus (Краткія разъясненія о сущности и цѣляхъ пацифизма). Берлинъ, 1914 г.

повелителей, но возродятся, подобно землѣ, весною, когда стаетъ снѣгъ, и прекращаются зимнія бури.

Существующая между народами общность, которая станетъ, въ силу естественнаго хода событій, еще болѣе близкой послѣ войны, должна быть расширена только въ одномъ отношеніи: необходимо, чтобы заключившіе соглашеніе народы обязались поддерживать миръ и взаимно уважать независимость и владѣнія каждаго изъ нихъ.

Развѣ это не осуществимо? Развѣ это утопія?

Берта ф.-Сутнеръ гдѣ-то сказала: «Всякое умственное движеніе должно пройти три стадіи: первую—когда его высмѣиваютъ, вторую—когда его оспариваютъ, третью—когда его упрекаютъ въ томъ, что оно ломится въ открытыя двери».

Если бы кто либо сказалъ итальянцамъ 400 лѣтъ тому назадъ: «настанетъ день, когда будетъ обще-итальянское отечество, которое не будетъ ни флорентійскимъ, ни пизанскимъ, ни генуэзскимъ, ни венеціанскимъ», то онъ подвергся бы насмѣшкамъ, его бы считали утопистомъ, или, что еще болѣе вѣроятно, запрятали бы его въ тюрьму. Если бы въ средніе вѣка сказали бургграфу или бургомистру нѣмецкаго города, что настанетъ время, когда они не будутъ имѣть права отстаивать свои интересы вооруженной силой, то они пожали бы плечами и отвернулись бы отъ безумнаго мечтателя. Но, если бы, послѣдній вздумалъ сказать, что не только владѣльцы замковъ или начальники городовъ, но даже повелители цѣлыхъ странъ или королевствъ утратятъ право объявлять войну, и что только Германія, въ совокупности составляющихъ ее государствъ, будетъ имѣть право начать войну, то они усумнились бы въ умственныхъ способностяхъ говорящаго или—вѣроятнѣе всего—казнили бы его за государственную измѣну. Неужели они потеряютъ одну изъ главныхъ привилегій суверенитета—право объявлять войну? Неужели имъ придется отказаться отъ излюбленной забавы, распустить своихъ солдатъ или подчинить послѣднихъ верховному вождю? Немыслимо! Этого не можетъ быть: не существуетъ суверенитета безъ права объявленія войны.

Тѣмъ не менѣе, это случилось, а міръ не погибъ. И мелкіе, и крупные владыки еще существуютъ въ Италіи, Германіи и въ другихъ странахъ, если не исчезли по другимъ причинамъ. Они живутъ въ большемъ довольствѣ, они счастливѣе, чѣмъ въ то время, когда имъ приходилось тратить значительную часть доходовъ на самозащиту и когда имъ постоянно угрожала дерзость злыхъ сосѣдей. Пріютившая

ихъ мирная община предоставила имъ бо́льшую безопасность и довольство, а утрата части суверенитета съ лихвой возмѣщена пріобрѣтенными благами. Утопія стала общимъ мѣстомъ, и если прежде дальновидный пророкъ былъ бы осмѣянъ или казненъ, то теперь сочли бы невмѣняемымъ человѣка, который рѣшился бы прославлять былыя времена (laudator temporis acti).

Въ исторіи можно найти безчисленные примѣры подобныхъ эволюцій. Можно даже сказать, что вся исторія—непрерывный рядъ подобныхъ примѣровъ: невозможное вчера превращается въ возможное и существующее сегодня.

Почему же союзъ въ цѣляхъ мира, одинаково отвѣчающій интересамъ всѣхъ народовъ, былъ бы невозможенъ? Если государства Германіи, которыя въ 1866 г. вели жестокую братоубійственную войну, могли четыре года спустя заключить прочный союзъ для защиты союзной территоріи и существующихъ законовъ, а также для развитія германскаго благосостоянія, то почему же невозможенъ союзъ народовъ, безъ внутренняго подчиненія, но съ единственной, гораздо болѣе скромной цѣлью: сохранить миръ? Развѣ подобный союзъ неразуменъ? Онъ въ равной мѣрѣ обезпечиваетъ интересы всѣхъ договорившихся народовъ. Онъ имѣетъ гораздо больше шансовъ на продолжительное существованіе, чѣмъ союзы, основанные на силѣ, такъ какъ будетъ опираться на всеобщее желаніе мира, неизбѣжное послѣ столь ужасной войны. Чего лишатся подписавшіе союзъ? Только права воевать другъ съ другомъ, но ничего больше. Это право ими достаточно использовано во время нынѣшняго конфликта, и они смогли узнать его тягостныя послѣдствія. Принесло-ли оно имъ всѣмъ, или хоть одному изъ нихъ какую либо выгоду? Не довело-ли оно какъ побѣдителей, такъ и побѣжденныхъ почти до разоренія? Не нанесло-ли оно имъ ранъ, для исцѣленія коихъ не хватитъ жизни нѣсколькихъ поколѣній? Отъ чего-же они откажутся, отказавшись отъ этого права? Только отъ возможности разорить самихъ себя или же разорить другихъ.

А что получатъ они взамѣнъ? Во-первыхъ, потеря этого права искупается соотвѣтственной потерей того же права остальными народами. Одинаковы долгъ и обязанность, а потому равновѣсіе сохранено. Затѣмъ, послѣ дебета—кредитъ. Никому не будетъ уже грозить нападеніе. Каждый народъ будетъ имѣть возможность, на неограниченное время, развивать свою торговлю, промышленность, знанія и всѣ способности, данныя ему природой; онъ смо-

жетъ, въ концѣ концовъ, одновременно съ другими государствами, уменьшить военныя издержки, ненужныя болѣе ни для нападенія, ни для обороны, употребивъ сбереженныя деньги на дѣло просвѣщенія, на поднятіе общаго благосостоянія и на общественныя нужды. Новый міръ возродился бы на лонѣ стараго. Освободившіеся милліарды можно будетъ ежегодно тратить на борьбу съ нищетой, на улучшеніе быта рабочихъ, на созданіе довольства и счастья. Общее довольство, возникшее на этой почвѣ, предохранило бы европейскіе народы отъ внутреннихъ неурядицъ.

* * *

Трудно даже перечислить всѣ блага, которыя подобный союзъ принесетъ всѣмъ народамъ. Богатство, сознаніе безопасности, увѣренность, что подобные ужасы не повторятся, свободное распоряженіе громадными суммами, которыя были бы употреблены на развитіе культуры и общаго преуспѣянія, особенно же исчезновеніе кошмара, угнетающаго умы всей цивилизованной Европы. Во всѣхъ странахъ открылась бы новая эра. Ненависть и месть исчезли бы изъ души человѣка. Всѣ народы могли бы, примирившись, стать членами объединенной духомъ европейской общины и, поднявъ гордо чело, смѣло стремиться къ свѣтлому будущему.

Скажутъ, что я утопистъ и мечтатель! Пожалуй: утопистъ сегодняшняго дня, но реалистъ—завтрашняго. Нѣтъ ничего неосуществимаго въ моемъ предложеніи. Я лишь развилъ идеи Канта. Онѣ были осуществимы уже въ его время, а потому тѣмъ болѣе осуществимы нынѣ!

Мирный договоръ, отвергающій всякую мысль объ аннексіи и возбраняющій искать безопасности при помощи силы. Условіе это легко исполнимо, такъ какъ никто не одержитъ рѣшительной побѣды, и война, въ лучшемъ случаѣ, окончится обмѣномъ завоеванными землями: всѣ будутъ счастливы, получивъ то, чѣмъ владѣли прежде. За это слѣдуетъ благодарить Бога; если бы побѣдилъ который либо изъ противниковъ—въ особенности же одинъ!—то побѣдитель присоединилъ бы къ своимъ владѣніямъ возможно большее количество земель въ Европѣ и въ другихъ частяхъ свѣта, постарался бы раздавить противника въ политическомъ, военномъ и экономическомъ отношеніяхъ и воздвигнуть на развалинахъ другихъ государствъ гегемонію, основанную на силѣ. Въ этой гегемоніи таились бы зародыши новыхъ войнъ, и тогда—прощай союзъ народовъ, прощай гарантіи мира!

Однако, къ счастью человѣчества, это невозможно. Борьба кончится въ ничью. Чему благоразуміе не могло научить власть имущихъ, тому ихъ научатъ факты. Ни одному изъ нихъ не удастся продиктовать другому свои условія, и въ мирномъ договорѣ не будетъ пункта, являющагося немедленной угрозой миру.

Къ сожалѣнію, этотъ результатъ—лишь отрицательный. Если будетъ достигнуто не болѣе указаннаго нами, то наши бѣдствія далеки отъ конца. Вооруженія и подозрѣнія, подозрѣнія и вооруженія—точно въ заколдованномъ кругѣ. Все большее истощеніе великихъ народовъ, уже истекшихъ кровью. Новыя дипломатическія козни, такъ какъ всякій желаетъ захватить лучшій кусокъ пирога. Новыя столкновенія интересовъ, новыя тренія и, наконецъ, новый взрывъ, еще болѣе ужасный, чѣмъ въ первый разъ.

Въ случаѣ побѣды одной изъ воюющихъ странъ, политика гнета и насилій вызоветъ новый взрывъ; если борьба окончится въ ничью, возобновленіе соперничества, соревнованіе въ вооруженіяхъ создастъ новыя тренія и тоже взрывъ.

Результаты будутъ прежніе, если не ввести новаго фактора: недостаточно отказаться отъ переустройства Европы силой, необходимъ «foedus pacificium», мирный союзъ свободныхъ народовъ, искренній и честный, и, въ качествѣ главнаго результата этого союза, общее и прогрессивное уменьшеніе армій и флотовъ до размѣровъ, необходимыхъ для защиты союза отъ нападенія странъ, въ союзѣ не участвующихъ. Съ увеличеніемъ числа участниковъ союза и усиленіемъ его внутренней сплоченности, разоруженіе должно принять еще болѣе радикальный характеръ, пока не настанетъ моментъ замѣны постоянныхъ армій милиціями.

Эволюція въ этомъ направленіи неизбѣжна. Союзъ отвѣчаетъ интересамъ всѣхъ его участниковъ, нисколько не затрагивая сущности ихъ суверенитета, основы котораго остаются въ полной силѣ и неприкосновенности въ отношеніи всего наиболѣе существеннаго и истинно необходимаго; такимъ образомъ, всѣ даромъ пользуются всѣми выгодами союза, а потому послѣдній неизбѣжно долженъ повести къ сближенію, все болѣе тѣсному, довѣріе къ его прочности должно расти, а хорошій примѣръ долженъ найти въ мірѣ массу подражателей.

Единственное право, отъ котораго всѣ отказываются—право воевать другъ съ другомъ—явилось бы при новомъ порядкѣ вещей правомъ дѣйствовать противъ права; поэтому такое право нельзя

признать дѣйствительнымъ, а его потерю—дѣйствительной потерей. Итакъ, съ каждымъ годомъ союзъ будетъ крѣпнуть внутри и расширяться вовнѣ. Изъ союза 3—4, онъ превратится въ союзъ 6—7 и станетъ, въ концѣ концовъ, многоголовымъ союзомъ, который охватитъ весь цивилизованный міръ. То, о чемъ думали мудрецы, къ чему всегда стремились народы, станетъ наконецъ дѣйствительностью—не сразу, но постепенно, путемъ сознательной исторической эволюціи, и золотой вѣкъ, о которомъ мы мечтали, какъ о давно минувшемъ прошломъ, расцвѣтетъ и станетъ дѣйствительностью въ весьма недалекомъ, будемъ надѣяться, будущемъ.

* * *

Путь къ этой цѣли не новъ и не труденъ. Коль скоро уже теперь оказалось возможнымъ заключить подобный союзъ между двумя или тремя государствами, то одинаково возможенъ союзъ между пятью, шестью или болѣе государствами. Если заключенные до сихъ поръ союзы создавали лишь общій грандіозный аппаратъ войны, то это объясняется тѣмъ, что число союзниковъ было слишкомъ ограничено, а соперничающія группы относились къ нимъ либо враждебно, либо подозрительно. Съ момента прекращенія оппозиціи, и когда эти группы примкнутъ къ общему цѣлому, не будетъ никакого повода усиливать вооруженія, какъ то уже произошло внутри указанныхъ отдѣльныхъ группъ.

Предположимъ, что союзныя Германія и Австрія не имѣли бы противъ себя ни тройственнаго согласія, ни иной группы державъ; тогда усиленіе вооруженій нѣмецкихъ державъ было бы, даже съ военной точки зрѣнія, безсмыслицей, такъ какъ ни одной изъ союзницъ не приходилось бы опасаться нападенія другой. То же разсужденіе можно примѣнить и къ тройственному согласію, если бы не существовало ни Германіи, ни Австріи. Стало быть, если бы эти пять государствъ были связаны мирнымъ союзомъ, подобнымъ существующему внутри обѣихъ группъ, соревнованіе въ дѣлѣ вооруженій стало бы безцѣльнымъ и прекратилось бы само собой. Пока нѣмецкія государства и области не были объединены «вѣчнымъ союзомъ», создавшимъ Германію, они должны были вооружаться другъ противъ друга; созданіе имперіи сразу покончило съ вооруженіями, которыя нынѣ служатъ лишь для охраны имперіи и всѣхъ ея членовъ. Такая же эволюція произошла и въ Италіи, гдѣ суверенитетъ отдѣльныхъ городовъ сначала уступилъ мѣсто главенству болѣе обширныхъ территоріальныхъ единицъ, а затѣмъ и суверенитету государства, занимающаго нынѣ

весь полуостровъ. То же самое случилось и въ Швейцаріи и въ Соединенныхъ Штатахъ.

Не играетъ никакой роли, будетъ-ли новая организація единымъ государствомъ, союзнымъ государствомъ или союзомъ государствъ. Можно допустить даже, что союзъ создастъ лишь группу территорій, объединенную въ цѣляхъ самозащиты, но не связанную никакими иными узами. Главное—должна быть исключена возможность войны между подписавшими союзный договоръ. Если, кромѣ этой прямой цѣли, союзъ задастся другими, или же вздумаетъ создать объединенное и централизованное государство, то результаты будутъ зависѣть отъ цѣлой массы факторовъ, столь же разнообразныхъ, какъ и условія, въ которыхъ имъ придется дѣйствовать и приводящихъ, въ силу сего, къ различнымъ результатамъ. Эти факторы (общность языка, расы, историческаго развитія, культуры и т. д.) не будутъ подвергнуты нами анализу. Наша мысль о союзѣ въ цѣляхъ мира—минимумъ, достойный нашихъ усилій, котораго можно достигнуть даже при отсутствіи факторовъ, ведущихъ къ болѣе близкому объединенію. Этотъ минимумъ достижимъ, если даже государства, которымъ надлежитъ заключить соглашеніе, отличаются другъ отъ друга расой, языкомъ, культурою и своею исторіею. До этого минимума всѣ народы дозрѣли, если они только достигли уровня современной цивилизаціи, независимо отъ всѣхъ различій ихъ культуры.

Чѣмъ ограниченнѣе будутъ программы и цѣли этихъ мирныхъ ассоціацій, тѣмъ легче создать таковыя. Если суверенныя государства удалось слить, создавъ изъ нихъ единыя государства, федеративныя государства или союзы государствъ — для чего имъ приходилось, въ большей или меньшей степени, отказываться отъ своихъ суверенныхъ правъ,—то должно быть значительно легче объеденить суверенныя государства въ ассоціацію, которая, за исключеніемъ права воевать другъ съ другомъ, вовсе не требуетъ отказа отъ суверенныхъ правъ. Это и требовалось доказать.

* * *

Все это соображенія чисто практическія, цѣнность коихъ, по моему мнѣнію, нисколько не уменьшается отъ того, что они вполнѣ логичны. Не слѣдуетъ возражать, что вѣчный миръ и подобные ему вопросы—утопіи! Рѣчь идетъ не о вѣчномъ мирѣ, такъ какъ понятіе вѣчности непримѣнимо къ земнымъ дѣламъ, а вѣчность—въ рукахъ Божьихъ. Даже конституція германской имперіи, именуемая «вѣч-

ной», столь же мало прочна, какъ и всѣ творенія человѣка. Вопросъ сводится къ тому, чтобы создать учрежденія, которыя предупреждали бы бѣдствія, отъ которыхъ мы страдаемъ, понятно, въ предѣлахъ возможнаго: учрежденія представляютъ собою идеальныя требованія, въ которыя жизнь вноситъ свои коррективы. Не можетъ служить доводомъ противъ необходимости или полезности конституціи возраженіе, что король можетъ произвести государственный переворотъ, или же народъ—революцію. Наличность преступленій не уничтожаетъ необходимости въ уголовномъ законодательствѣ. Существованіе безнравственности не доказываетъ ложности принциповъ морали. Гигіена не уничтожила смерти, а воспитаніе создаетъ не однихъ только ангеловъ и святыхъ.

Такимъ образомъ, мирный союзъ народовъ міра не долженъ и не можетъ дать имъ гарантію вѣчнаго мира, но онъ долженъ и можетъ предотвратить всякую войну постольку, поскольку это вообще является возможнымъ для него; эту миссію союзу удастся выполнить тѣмъ легче, что всякое воздержаніе отъ войны соотвѣтствуетъ столько же жизненнымъ интересамъ всякаго народа, сколько и требованіямъ нравственности.

Спайка государствъ союза.

Этимъ разрѣшается также вопросъ, какая сила поддержитъ единеніе союзныхъ государствъ? Прежде всего—долгъ, а затѣмъ—выгода. Какая сила поддерживаетъ единеніе Германіи? Кто можетъ помѣшать Пруссіи объявить войну Баваріи и спрятать ее въ свой карманъ? Остальныя государства, союзныя съ Баваріей? Въ 1866 г. они уже доказали свое безсиліе, хотя Пруссіи пришлось тогда бороться не только со своими нынѣшними союзницами, но еще и съ Австріей. Прусскій король не нарушаетъ союзнаго договора не потому, что его можетъ принудить къ этому какая-либо сила, а потому что этого требуетъ его долгъ и его выгода. По тѣмъ же основаніямъ всѣ международныя соглашенія соблюдаются до тѣхъ поръ, пока этого требуютъ долгъ и выгода. Конечно, слово «выгода» слѣдуетъ понимать въ его высокомъ значеніи, въ смыслѣ прочной выгоды, которая можетъ опираться лишь на уваженіе къ закону и къ принципамъ нравственности. Кто могъ бы помѣшать сильнымъ и цвѣтущимъ нѣмецкимъ кантонамъ Швейцаріи напасть на болѣе слабые итальянскіе, присоединивъ послѣдніе по «націоналистическимъ» соображеніямъ, такъ какъ они населены иной расой, говорящей на другомъ языкѣ, они слабѣе и обречены на подчиненіе? Никакой физической силы нельзя было бы противопоставить

этому; тѣмъ не менѣе, подобная мысль могла бы возникнуть только у сумасшедшаго, такъ какъ разумъ, долгъ и выгода велятъ швейцарцамъ соблюдать союзный договоръ. Почему соблюдаются торговые и мореходные договоры, даже если они противорѣчатъ интересамъ одной изъ сторонъ? Почему болѣе сильный не отказывается отъ своихъ обязательствъ, а предупреждаетъ о своемъ намѣреніи, или же выжидаетъ окончанія срока договора? Потому, что долгъ требуетъ уваженія къ договору, и лучше терпѣть временный убытокъ, чѣмъ рисковать болѣе значительнымъ, нарушивъ свое обѣщаніе. Дѣйствительно, кто согласится подписать договоръ съ лицомъ, не исполняющимъ принятыхъ обязательствъ? Можно было бы привести несчетное число примѣровъ, черпая, таковые какъ изъ внутренней, такъ и международной жизни государствъ. Если частное лицо выигрываетъ искъ, предъявленный къ администраціи, то какая сила заставляетъ послѣднюю подчиниться неблагопріятному для нея рѣшенію? Вѣдь физическая сила на сторонѣ власти, но нравственная сила приговора и высшіе интересы государства, интересы публичнаго права требуютъ исполненія рѣшенія.

То же самое можно сказать и объ обязательствахъ, налагаемыхъ мирнымъ союзнымъ договоромъ на его участниковъ. Долгъ и выгода заставятъ ихъ уважать обязательства; однако, въ случаѣ нарушенія послѣднихъ кѣмъ либо изъ участниковъ, не трудно было бы принудить нарушителя исполнить его долгъ, такъ какъ близкія сношенія государствъ между собою предоставляютъ массу мирныхъ средствъ для этой цѣли: разрывъ торговыхъ сношеній, бойкотъ товаровъ, отмѣна существующихъ международныхъ организацій, прекращеніе почтоваго и жалѣзнодорожнаго сообщеній, отказъ въ кредитѣ и т. д. Не придется, однако, прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ, такъ какъ выгоды, вытекающія для каждаго народа изъ участія въ союзѣ, и, съ другой стороны, страхъ передъ всеобщимъ осужденіемъ, которое лишитъ нарушившаго свое слово возможности заключить новые договоры, помѣшаютъ даже самому сильному государству дѣйствовать вопреки принятымъ имъ, по союзному договору, обязательствамъ.

Исторія дѣятельности третейскихъ судовъ доказываетъ правильность моихъ умозаключеній. Въ теченіе XIX вѣка они постановили рѣшенія въ 212 случаяхъ, причемъ всѣ постановленія были исполнены. Между тѣмъ, налицо не имѣлось никакихъ принудительныхъ средствъ къ ихъ исполненію, зачастую приговоръ третейскаго суда шелъ вразрѣзъ съ чувствами одной изъ тяжущихся сторонъ, и общественное мнѣніе той или иной страны обрушивалось прот

даннаго постановленія. Тутъ, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, сказалось вліяніе болѣе сильныхъ факторовъ: нельзя же было протестовать противъ приговора, о которомъ, по собственной доброй волѣ, просили; къ тому же, выгоднѣе подчиниться даже неблагопріятному рѣшенію, чѣмъ итти на рискъ и воевать съ клеймомъ клятвопреступника на челѣ.

Мирное согласіе свободныхъ народовъ, долженствующее послѣ всѣхъ ужасовъ настоящей войны обезпечить всѣмъ намъ не только перемиріе, но и прочный миръ, безусловно будетъ опираться, какъ на каменную скалу, на взаимное довѣріе народовъ-участниковъ союза, на уваженіе къ данному слову и на общіе интересы, служащіе надежною спайкою этого согласія.

Что дастъ намъ миръ?

Можно ли надѣяться на то, что Германія примкнетъ къ столь благородной миротворческой политикѣ? Допустимо ли это при наличности тѣхъ условій, въ которыхъ нынѣ находятся Пруссія и Германія? По моему убѣжденію, этого допустить нельзя, такъ какъ конституція Пруссіи—самая реакціонная во всемъ цивилизованномъ мірѣ. До тѣхъ поръ, пока это будетъ продолжаться, и пока трудолюбивый, выносливый и просвѣщенный прусскій народъ будетъ находиться подъ управленіемъ юнкеровъ, фельдфебелей и пасторовъ, прямой интересъ которыхъ заключается не въ мирномъ развитіи народа, а въ воинственныхъ авантюрахъ,—до тѣхъ поръ не приходится разсчитывать на искренне-миротворческую политику со стороны Пруссіи и Германіи. Такая чисто-солдатская семейка, какъ Гогенцоллерны . . . . . ., которые обязаны своимъ возвышеніемъ исключительно мечу, должна наткнуться на очень ужъ серьезное противодѣйствіе со стороны народа, чтобы убѣдиться, что эпоха военныхъ завоеваній безвозвратно миновала и что въ наши дни народы пожинаютъ лавры на поприщѣ исключительно мирнаго соревнованія. Мы знаемъ, однако, что такого противодѣйствія пока не существуетъ. Абсолютизмъ Пруссіи, въ свое время навязанный народу нелегальнымъ путемъ, отражается, скрываясь подъ маскою недоношенной конституціи, на всей Германской имперіи, несмотря на существованіе въ ней всеобщаго избирательнаго права и включеніе въ нее отдѣльныхъ государствъ, управляемыхъ на демократическихъ началахъ. Такъ какъ Пруссія имѣетъ господствующее вліяніе въ имперскомъ правительствѣ и въ имперскомъ совѣтѣ, такъ какъ

предсѣдатель прусскаго совѣта министровъ совмѣщаетъ со своею должностью постъ имперскаго канцлера, такъ какъ король прусскій, въ качествѣ германскаго императора, держитъ въ своихъ рукахъ полноту военной власти и, въ частности, единолично распоряжается, отъ имени имперіи, правомъ объявленія войны и заключенія мира— причемъ совершенно не нуждается въ одобреніи союзнаго совѣта,— то всѣ эти причины, въ общей сложности, ставятъ Германію въ положеніе полной подчиненности по отношенію къ Пруссіи[1]).

Отрицательныя стороны и недостатки прусской конституціи, подобно заразѣ, отражаются на организмѣ всей имперіи.

Привилегіи правящихъ классовъ, которые во всѣ времена въ Пруссіи снимали для себя сливки, оставляя другимъ сыворотку, распространились на германскую имперію. Въ военномъ и гражданскомъ управленіи господствуетъ знать, или, при отсутствіи титулованныхъ людей, консерваторы. Аграріи восточно-прусскихъ областей наложили свой отпечатокъ на всю налоговую систему имперіи, являющуюся регуляторомъ экономической жизни націи: они безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти установили такія налоговыя нормы, которыя приносятъ имъ выгоду за счетъ прочихъ сословій. Ландраты, которые до 1870 года задавали тонъ въ однѣхъ лишь прусскихъ земляхъ, размножились съ того времени и по сю сторону Эльбы, Везера и Рейна и появились уже на склонахъ Вогезовъ, гдѣ господа, въ родѣ фонъ-Кёллера и фонъ-Далльвица, призваны прививать эльзасцамъ и лотарингцамъ дисциплину въ истинно-прусскомъ духѣ. Какъ раньше, по установившейся традиціи, предсѣдатели прусскаго совѣта министровъ, несмотря на удивительную скромность парламентскихъ пожеланій, относились съ пренебреженіемъ къ нимъ, такъ и теперь господинъ канцлеръ

---

[1]) Статья 11-я имперской конституціи Германіи должна быть измѣнена. Необходимо устранить возможность того, чтобы одно лицо рѣшало судьбу германской націи. Для предупрежденія такой возможности недостаточно установить обязательность предварительнаго одобренія союзнымъ совѣтомъ акта объявленія войны. Этого недостаточно для того, чтобы обезпечить народъ противъ повторенія такихъ катастрофъ, какъ настоящая. Мы не знаемъ, было ли запрошено согласіе союзнаго совѣта въ моментъ объявленія нами войны Франціи и Россіи. Разъ мы стали на ту точку зрѣнія, что эти государства сдѣлали покушеніе на торриторію Имперіи, то такое согласіе союзнаго совѣта даже вовсе не требовалось. Ну что же: зато въ будущемъ нельзя будетъ объявить ни одной войны иначе, какъ на основаніи особаго имперскаго закона, который долженъ быть принятъ единогласнымъ постановленіемъ союзнаго совѣта и рейхстага.

изволитъ относиться съ надлежащею долею высокомѣрія къ пожеланіямъ имперскаго парламента. Это и понятно,—вѣдь, онъ дѣйствуетъ въ духѣ своего монарха.

Повсюду—абсолютизмъ. Во всей Германіи, вообще, абсолютизмъ пока еще стѣсняется дѣйствовать въ открытую, но въ Пруссіи царитъ прямо наглый абсолютизмъ. Разница между тѣмъ и другимъ заключается лишь въ томъ, что прусскій абсолютизмъ, благодаря раболѣпію большинства, можетъ причинять зло, гдѣ ему угодно и какъ ему угодно, тогда какъ въ прочихъ частяхъ Германіи онъ вынужденъ пока считаться съ пожеланіями парламентскаго большинства.

Равноправіе въ области религіи (свобода совѣсти) лишь мертвая буква закона не только въ Пруссіи, но и во всей Германіи. Оно попирается на каждомъ шагу.

Уже 64 года прошло съ тѣхъ поръ, какъ населенію Пруссіи было обѣщано проведеніе закона объ отвѣтственности министровъ, но это обѣщаніе осталось обѣщаніемъ и до сего дня. Всей же Германіи оно даже не было и обѣщано.

Не разъ съ высоты трона народу давались завѣренія, что прусская избирательная система будетъ измѣнена; достаточно ясно, что и эти торжественныя завѣренія останутся пустымъ звукомъ, если вникнуть въ смыслъ министерскихъ декларацій и въ рѣчи вожаковъ консервативныхъ партій. Мало того: на всемъ пространствѣ имперіи выборные округа разграничены столь неестественнымъ и вопіющимъ образомъ, что во всей Германіи избирательное право окончательно потеряло свой прежній демократическій характеръ. Судя по всему, надлежитъ вскорѣ ожидать окончательнаго уравненія въ правахъ, по прусскому образцу, всѣхъ германскихъ избирателей: тогда, наконецъ, вся Германія пойдетъ рука объ руку съ Прусскимъ королевствомъ!

Рѣшительно не стоитъ здѣсь перечислять порознь всѣ реакціонные правовые институты Пруссіи: съ ними достаточно знакомъ весь свѣтъ. Мы ограничимся лишь вопросомъ:—можно ли серьезно предполагать, что такое государство, которое въ политическомъ смыслѣ способно удовлетворять развѣ только какихъ нибудь дровосѣковъ, будетъ въ состояніи проникнуться духомъ тѣхъ великихъ реформъ будущаго, которыя, далеко-далеко за предѣлами прусскихъ шлагбаумовъ, призваны облагодѣтельствовать все цивилизованное человѣчество? Въ силахъ ли правители такого государства провести эти ре-

формы, вопреки желанію и вопреки волѣ заинтересованныхъ сословій и правящихъ кликъ?

Эти реформы вполнѣ возможно было провести въ жизнь уже давно, не примѣняйся у насъ политика бронированнаго кулака, не будь чудовищныхъ вооруженій, приведшихъ къ настоящей катастрофѣ. Реформы можно было бы осуществить путемъ коренного измѣненія того политическаго мышленія, которымъ руководилась до сихъ поръ прусско-германская политика. Со временъ первой мирной конференціи въ Гаагѣ и до послѣднихъ дней іюля мѣсяца 1914 г. Англія часто и настойчиво протягивала руку германскому правительству; и если бы послѣднее пошло ей навстрѣчу, то всѣ наши страстныя желанія, наши надежды давно осуществились бы безъ пролитія единой капли крови, безъ ужасовъ разрушенія, пожаровъ и гекатомбъ труповъ. Объединенная Европа процвѣла бы, блистая богатствомъ и счастьемъ, радуясь не только своему блестящему настоящему, но обезпеченная еще большимъ счастьемъ въ будущемъ. Все это произошло бы, если бы канцлеру германской имперіи угодно было выслушать увѣщанія англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ и удостоить подробнаго разсмотрѣнія, по крайней мѣрѣ, проектъ мирнаго соглашенія, предложенный послѣднимъ.

Это послѣднее предложеніе Грея являлось тѣмъ зародышемъ, изъ котораго естественно развилась бы и расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ первоначальная идея Канта о всесвѣтномъ мирѣ.

Этому не суждено было случиться. Зудъ гегемоніи обуялъ нашихъ господъ положенія. Они иначе, какъ насиліемъ, не могли достигнуть своихъ честолюбивыхъ цѣлей, которыя въ то-же время были и цѣлями нашихъ правящихъ классовъ, желавшихъ сохранить свои привилегіи, очутившіяся подъ угрозой выступленія новыхъ народныхъ силъ. И всѣ усилія друзей мира разбились о «rocher de bronze» [1]).

Но тѣ, кто по тупоумію, или же по злой волѣ, вслѣдствіе невмѣняемости, или въ силу преступныхъ соображеній, не допустили, до возникновенія настоящей войны, свершиться дѣлу установленія всеобщаго мира, должны бы остеречься идти и теперь еще, послѣ вспыхнувшей войны, наперекоръ надеждамъ на

---

[1]) Фридрихъ Вильгельмъ I Прусскій въ одной изъ своихъ резолюцій въ 1716 году воспользовался выраженіемъ «rocher de bronze» для обозначенія воплощенной въ лицѣ прусскаго короля государственной власти.

Примѣч. переводч.

прочный миръ, лелѣемымъ народами, истосковавшимися по отдыху и счастью. Пусть люди, на которыхъ въ Германіи лежитъ страшная отвѣтственность за возникновеніе этой войны, совершившіе такой грѣхъ, котораго не искупитъ никакая ни земная, ни небесная кара,— поостерегутся, отказавъ въ благодѣяніяхъ продолжительнаго мира, еще разъ навлечь на свою голову проклятія несчастныхъ народовъ. Кто бы ни оказался теперь побѣдителемъ, — онъ обязанъ дать человѣчеству такой миръ, который будетъ основываться не на грубой силѣ, а единственно на свободной волѣ свободныхъ народовъ.

Конечно, случившагося уже не измѣнить. Но тотъ, кто вступитъ на указываемый нами путь, возроститъ на пропитанныхъ кровью поляхъ неувядаемую пальму мира, конечно, онъ не искупитъ тѣмъ совершеннаго имъ грѣха; однако, многіе признаютъ за нимъ наличность смягчающихъ его вину обстоятельствъ; онъ окажется лишь частью той роковой силы, которая, всегда направленная ко злу, творитъ всегда добро.

Если же нѣтъ,—то . . . . . .

Спрашивается: а если все произойдетъ наоборотъ? Если совѣтники кайзера опять воспротивятся общимъ мирнымъ стремленіямъ, какъ дѣлали это до сихъ поръ; если сокровенныя надежды народныя будутъ вновь обмануты; если дѣло мира будетъ опять по старому поставлено «подъ охрану» штыковъ и пушекъ,—тогда что? Тогда, повѣрьте мнѣ, господа, исполнится предсказаніе Бебеля: умолкнутъ звуки военныхъ маршей, начнется великій кавардакъ, и пробьетъ послѣдній часъ и для монархіи, и для правительства.

Народы давно предвидѣли грядущій «ужасъ», давно предупреждали власть имущихъ, что европейская война автоматически сопровождалась-бы паденіемъ вызвавшихъ ее виновниковъ. Никогда эти предупрежденія не были выражены съ большой силой, чѣмъ въ «великомъ манифестѣ интернаціонала», изданномъ въ Базелѣ 25-го ноября 1912 г., въ которомъ читаемъ:

«Великіе народы Европы постоянно находятся подъ угрозою столкновенія между собою, хотя такое нарушеніе интересовъ человѣчности и здраваго смысла не оправдывается никакимъ дѣйствительнымъ народнымъ интересомъ.

«Балканская война, породившая донынѣ столько ужасовъ, если-бы она распространилась, явилась-бы самой страшной опасностью для цивилизаціи и пролетаріата. Она была-бы въ то-же время самымъ большимъ позоромъ для міровой исторіи въ отношеніи кричащаго несоотвѣтствія громадности катастрофы ничтожеству замѣшанныхъ интересовъ.

«Вотъ почему конгрессъ съ удовлетвореніемъ отмѣчаетъ полное единодушіе соціалистическихъ партій и рабочихъ всѣхъ странъ въ войнѣ противъ войны. Война между тремя великими цивилизованными націями изъ-за австро-сербскаго спора о гавани была-бы преступнымъ безуміемъ. Правительства не должны забывать, что при существующемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ и настроеніи пролетаріата, они не могутъ допустить до войны безъ опасности для себя. Со стороны правительствъ было-бы безразсуднымъ не сознавать, что уже одна мысль о чудовищности міровой войны вызвала-бы негодованіе и возмущеніе рабочаго класса. Пролетаріи погрѣшили-бы, стрѣляя другъ въ друга въ интересахъ капиталистовъ, династическаго честолюбія и во славу секретныхъ дипломатическихъ договоровъ.

«Когда правящія сферы исключаютъ возможность нормальнаго развитія и такимъ образомъ наталкиваютъ пролетаріатъ на отчаянныя дѣйствія, то этимъ самымъ принимаютъ на себя всю отвѣтственность за вызванный ими кризисъ».

Этотъ манифестъ вполнѣ согласовался съ рѣчами соціалистовъ всѣхъ странъ, съ Жоресомъ во главѣ, произнесенными передъ толпой, собравшейся въ благолѣпномъ Базельскомъ соборѣ. Не только представители рабочаго класса, но духовенство и чиновники швейцарскаго правительства пылко возстали противъ безразсудства европейской войны, противъ этого неискупимаго преступленія въ отношеніи человѣчества. Никакой союзный договоръ не могъ заставить Германію пожертвовать жизнью хотя-бы одного германца ради безумной и честолюбимой политики извѣстной австрійской клики. Всѣ послѣдствія обрушились-бы на тѣхъ, которые довели-бы до такой бойни, какую міръ еще никогда не видѣлъ. Жоресъ откровенно заявилъ, что чѣмъ ужаснѣе была-бы европейская война, тѣмъ грандіознѣе и страшнѣе была-бы возникшая за ней революція.

Сумерки боговъ.

Катастрофа, относительно которой представители всѣхъ народовъ такъ настоятельно предостерегали, совершилась. Раньше ихъ предо-

стереженія еще были слышны; теперь они должны оставаться тщетными, потому что зажатъ ротъ, связаны руки, спутаны ноги. Это не изъ-за австро-сербскаго спора о какой-то гавани рвутъ другъ друга двадцать милліоновъ цвѣтущихъ существъ, это изъ-за гораздо меньшаго ничтожества. Это изъ-за недоразумѣнія, изъ-за юридическаго толкованія вопроса, который свѣдущіе выяснили-бы шутя въ четверть часа. Если-бы мы не были свидѣтелями этой драмы, то ее можно было-бы счесть за порожденіе безумнаго мозга въ послѣдней стадіи прогрессивнаго паралича. Съ точки зрѣнія самихъ ея виновниковъ, скрывающихъ свои тайныя воинственныя намѣренія, вопросы—знать, было-ли бы произведено судебное слѣдствіе, или полицейское дознаніе въ Сербіи, если-бы австрійцы были допущены къ разслѣдованію и дознанію, — вотъ «жизненные вопросы», изъ-за которыхъ теперь смерть коситъ и нагромождаетъ горы труповъ. При такомъ положеніи дѣла самый спокойный «товарищъ» долженъ дѣйствительно стать революціонеромъ. И мелкій мѣщанинъ, и тотъ вынужденъ сказать себѣ, что политическая и общественная организація, приводящая къ такимъ результатамъ, созрѣла для паденія. Его любовь къ правительствующимъ должна превратиться въ ненависть и чувства, выраженныя Гервегомъ [1]), должны запасть въ его душу:

Любовь не можетъ намъ помочь,
Любовь не можетъ насъ спасти;
Произнеси, о ненависть, твой послѣдній приговоръ,
Разорви, о ненависть, цѣпи.
И тамъ, гдѣ есть еще тираны,
Смѣло схватимъ ихъ;
Мы достаточно долго любили.
Будемъ, наконецъ, ненавидѣть.

Изъ интернаціонала труда долженъ былъ, и впредь долженъ, образоваться интернаціоналъ ненависти, ненависти противъ кроваваго имперіализма, противъ политики завоеваній и крови. Голосъ народа пока еще парализованъ и стѣсненъ, искра еще тлѣетъ подъ пепломъ, но языки развяжутся, пламя вырвется и прогнившее зданіе

---

[1]) Георгъ Гервегъ, германскій поэтъ (родился въ Штутгартѣ въ 1817 г.), извѣстенъ, какъ врагъ прусской реакціи. Его революціонная поэзія вполнѣ отражала настроеніе германцевъ, озлобленныхъ угнетающимъ прусскимъ режимомъ.

Примѣч. переводч.

нашего нынѣшняго государства рухнетъ въ огонь, какъ многія великолѣпныя творенія человѣка, менѣе заслужившія этого, чѣмъ оно. Благо придетъ не свыше, а снизу и осуществится предсмертное пророчество Бебеля, его лебединая пѣснь- «Вы пожнете, что посѣяли; наступаютъ сумерки буржуазнаго міра». Уже однажды спасеніе пришло изъ глубинъ народныхъ. Іисусъ изъ Назарета, сынъ плотника, проповѣдникъ любви и жалости во время гнета и кровавыхъ завоеваній, защитникъ слабыхъ и угнетенныхъ, великій революціонеръ міра, былъ бы въ наши дни въ рядахъ пацифистовъ и съ ужасомъ и отвращеніемъ отвернулся бы отъ тѣхъ, которые называютъ себя христіанами, а сами безстыдно попираютъ ногами всѣ Его заповѣди.

* * *

Если пророчество Бебеля еще не осуществилось сегодня, то не осуществится-ли оно завтра? Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что послѣ войны наши господа положенія распространятъ еще дальше свое преступное заблужденіе, которое ихъ привело къ этой войнѣ. Полное внутреннее преобразованіе, установленіе мирной внѣшней политики, вотъ способы, которые, можетъ быть, смогутъ отдалить день отмщенія и возмездія. Однако, при господствующемъ у насъ положеніи дѣлъ нечего ожидать такого поворота. Система, которая довела насъ до войны и послѣдствія которой были предсказаны не только представителями рабочаго класса, но и просвѣщенными людьми другихъ классовъ, будетъ примѣняться еще болѣе твердо, чѣмъ когда либо, и не измѣнится до тѣхъ поръ, пока народъ не возвыситъ свой голосъ...

Тогда, и только тогда среди народовъ водворится прочный миръ, первымъ условіемъ котораго кенигсбергскій философъ сто двадцать лѣтъ тому назадъ поставилъ то, что устройство каждаго государства должно быть республиканскимъ. По его толкованію, монархическій строй неотмѣнно, неизбѣжно навлекалъ опасность войнъ. Приводимые имъ доводы сохранили все ихъ значеніе:

«Республиканскій строй, кромѣ того, что исходитъ изъ чистаго источника идеи права, является единственнымъ основаніемъ для установленія вѣчнаго мира. Если для рѣшенія вопроса—должна-ли быть объявлена война, или нѣтъ, необходимо будетъ соглашеніе гражданъ,

то вполнѣ естественно, что они долго подумаютъ, прежде чѣмъ рѣшиться на смѣлую авантюру, которая навлечетъ на нихъ всѣ бѣдствія: рискъ своего собственнаго существованія, уплату убытковъ, тяжкій трудъ возстановленія причиненныхъ разрушеній, тягость національнаго долга, который никогда не удастся погасить въ мирное время (такъ какъ предполагается, что всегда будутъ новыя войны). Наоборотъ, при такомъ строѣ, когда подданный не гражданинъ, т. е. при нереспубликанскомъ, объявленіе войны представляется дѣломъ легко разрѣшимымъ, потому что оно не стоитъ главѣ, владѣтелю государства, а не члену его, ни малѣйшей жертвы его удовольствіями, ни въ питаніи, ни въ охотѣ, ни въ дачныхъ развлеченіяхъ, ни въ придворныхъ и т. д. Онъ даже можетъ ее рѣшить для развлеченія подъ самыми ничтожными предлогами и равнодушно пренебречь опредѣленіемъ ея мотивовъ, которое требуется условіями дипломатіи, обязанной быть всегда готовой представить эти мотивы».

Такъ говоритъ Кантъ...

Правъ-ли онъ? Это рѣшитъ германскій народъ...

Но если онъ правъ, то что изъ этого слѣдуетъ?..

Послѣсловіе.

Тотъ, кому недоступно ощущеніе тьмы,— никогда не добивается свѣта.

Бокль

Эту книгу написалъ нѣмецъ.

Ее писалъ ни французъ, ни русскій, ни англичанинъ.

Ее написалъ честный и неподкупный германецъ, человѣкъ неспособный продать себя.

Этотъ трудъ составленъ германцемъ, любящимъ свое отечество такъ, какъ никто, и именно потому-то онъ и составилъ эту книгу.

Родившись въ Германіи, будучи воспитанъ въ германскомъ духѣ, являясь германцемъ по своему происхожденію, по языку и по своимъ симпатіямъ, авторъ знакомъ съ національными добродѣтелями германцевъ, но, не менѣе того, онъ знакомъ со всѣми ихъ недостатками и слабостями. У германскаго народа, какъ и у другихъ, добродѣтели часто вырождаются въ пороки: вѣрность рождаетъ слѣпую преданность, привязанность вырождается въ тупую покорность.

Вожди германскаго народа позорнымъ образомъ злоупотребили его довѣріемъ: они наложили на глаза этого народа, которые нѣкогда были зоркими, повязку невѣжества. Они преобразовали миролюбивыхъ нѣмецкихъ бюргеровъ въ воиновъ, полныхъ ненависти и обуреваемыхъ жаждою мести; представители цивилизаціи и просвѣщенія, благодаря имъ, превратились въ фанатическихъ поклонниковъ успѣха; люди съ широкимъ умственнымъ кругозоромъ превратились, благодаря имъ, въ узкихъ націоналистовъ; ихъ заботами свѣтильники искусства и науки превращены нынѣ въ казармы.

Они развратили и ослѣпили нѣмецкій народъ для того, чтобы зажечь войну, о которой этотъ народъ и не догадывался, о которой онъ никогда не думалъ, которой онъ отнюдь не желалъ. Подъ предлогомъ освобожденія, этотъ народъ закабалили.

Я написалъ эту книгу для того, чтобы разсѣять навѣянныя на германскій народъ чары, чтобы освободить его отъ его «освободителей», чтобы сразить ложь.

Я взываю къ той части германской націи, которая освѣдомлена объ истинѣ, и я обращаюсь, одновременно, къ народнымъ массамъ, пребывающимъ въ невѣдѣніи.

Я, вѣрный сынъ Германіи, вижу, какъ мою мать истязуютъ и ослѣпляютъ, какъ ее толкаютъ на край пропасти,—и я бросаюсь стремглавъ, чтобы спасти ее отъ смертельнаго паденія.

Разрѣшается-ли еще говорить правду въ нынѣшней Германіи? Или тамъ дошли уже до того, что ложь считаютъ нравственнымъ дѣломъ, а правду безнравственнымъ? Забыта-ли прекрасная пѣсня, которую мы нѣкогда пѣли, скрещивая наши рапиры?

Кто знаетъ правду и не высказываетъ ее,
Тотъ истинно жалкій негодяй.

Или теперь ее извратили такъ:

Кто знаетъ ложь и не высказываетъ ее,
Тотъ истинно жалкій негодяй.

Вы полагаете, что то, что я говорю, неправда? Позвольте-же мнѣ сказать и опровергайте меня. Если вамъ это удастся, тѣмъ лучше для васъ. Но убѣдитесь въ слѣдующемъ: то, что говорятъ, иногда опасно, но всегда еще гораздо опаснѣе то, что мѣшаютъ говорить.

Будетъ-ли длиться вашъ вооруженный миръ до тѣхъ поръ, пока не станетъ миромъ кладбища? «Не теперь, потомъ!»—кричите вы мнѣ. Нѣтъ теперь, а не потомъ, говорю я вамъ. То, что позже будетъ только звукомъ, пустымъ звукомъ, теперь является дѣломъ, спасительнымъ дѣломъ.

Если въ Германіи начнутъ, наконецъ, говорить правду, то сотни тысячъ человѣческихъ жизней еще могутъ быть спасены отъ смерти; германская нація еще можетъ быть спасена отъ разоренія. Это необходимо сдѣлать именно теперь, пока есть еще время пролить нужный свѣтъ на событія, такъ какъ только путемъ провозглашенія правды можно заставить германскую націю остановиться на ея роковомъ пути.

Знать правду о насъ выгодно нашимъ противникамъ? Но, большія дѣти, закрывающія глаза въ надеждѣ этимъ избѣжать опасности, ваши противники знаютъ ее, эту правду. Нѣтъ никого въ мірѣ, кто бы ее не зналъ. Это секретъ полишинеля.

Ты одна, Германія, неисправимая и самонадѣянная мечтательница, ты одна спишь еще сномъ праведника, несмотря на все твое несправедливое дѣло. Солнце уже давно взошло, но ты не видишь его въ спокойствіи ночи за закрытыми ставнями твоего Burgfrieden'a. Сколько-же времени должна будетъ стоять у дверей ходящая по міру робкая Правда, тщетно просящая, чтобы ее впустили; тогда какъ внутри ложь сидитъ за пышнымъ столомъ? Откройте двери! Правда долго ждала. Пора, чтобы вы ее впустили и приготовили-ли бы ей почетное мѣсто. Почитая вашего гостя, вы сами достигнете почета.

Заключите внѣшній миръ и вамъ не придется заботиться о внутреннемъ. Откройте двери свободнымъ словамъ, свѣту, который освѣтитъ вашъ мракъ, воздуху, который разгонитъ отравленные міазмы! Вы тамъ, внутри, задыхаетесь! Откройте двери!

Думаете-ли вы, что солнце не взойдетъ, если вы замуруете ваши окна? Думаете-ли вы, что утренняя звѣзда не будетъ сіять потому, что ваши глаза летучихъ мышей не могутъ выносить ея блеска? Правда проникнетъ, несмотря ни на что, въ ваши запертые дома черезъ щели и скважины, черезъ камины и трубы; она подведетъ подъ васъ подкопъ, она сорветъ кровлю надъ вашими головами. Откройте и впустите ее: вы спасете по крайней мѣрѣ вашъ домъ.

Не слышите вы это, не хотите слышать даже теперь? Въ такомъ случаѣ вашъ домъ будетъ разрушенъ и похоронитъ васъ подъ развалинами. Поэтому я говорю вамъ: если Германія будетъ

продолжать одерживать такія же побѣды, какъ до сихъ поръ, эти побѣды ее погубятъ.

Я написалъ свою книгу, чтобы не допустить этого, чтобы просвѣтить германскую націю свѣтомъ истины.

И я убѣжденъ въ томъ, что приговоръ, который я, будучи самъ германцемъ, съ болью въ сердцѣ и съ краскою стыда на челѣ былъ принужденъ вынести германцамъ, ради ихъ собственнаго блага и во имя интересовъ правды,—будетъ подтвержденъ исторіей, которая нелицепріятно судитъ и праваго, и виноватаго. Сама исторія огненными буквами начертаетъ свой приговоръ: это было взвѣшено на вѣсахъ справедливости, и чашка вѣсовъ съ дѣяніями Германіи оказалась слишкомъ легкой.

Со спокойною совѣстью началъ я писать свою книгу, и со спокойною совѣстью кончаю свою работу: я убѣжденъ, что сдѣлалъ доброе дѣло и, если справедливость восторжествуетъ, я въ концѣ концовъ заслужу признательность своихъ соотечественниковъ.

150
2894864

„МОГИЗ"
ц. 15 р.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Т-ва „Н. П. КАРБАСНИКОВЪ"

ПЕТРОГРАДЪ, Гостинный дворъ, 19. | МОСКВА, Моховая, 24.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Obviniaiu!-- / sostavleno germ
940.343 O14
D90420750R